ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ



В.В. Пономарева

ЗАКРЫТЫЕ ЖЕНСКИЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1764–1855

Начало формирования отечественной системы женского образования

Издательство «Пятый Рим»
2019

Труды исторического факультета МГУ.
Серия II. Исторические исследования. Вып. 158 (98)

Редакционный совет серии
«Труды исторического факультета»:

академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (председатель),
д.и.н., проф. Л.С. Белоусов, д.и.н., проф. Н.С. Борисов,
д.и.н., проф. Л.И. Бородкин, д.и.н., проф. А.Г. Голиков,
д.и.н., проф. С.В. Девятов, д.и.н., гл.н.с. Л.В. Кошман,
академик РАН, д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин, к.фил.н., доц. Л.П. Лобанова,
д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев, д.и.н., проф. С.В. Мироненко,
д.и.н., проф. Е.И. Пивовар, д.и.н. А.В. Подосинов, д.и.н. С.Ю. Сапрыкин,
д.и.н., проф. В.В. Симонов, к.и.н. Г.М. Степаненко, д.иск.,
проф. В.С. Турчин, д.иск., проф. И.И. Тучков, д.и.н., проф. Д.А. Функ,
д.и.н., академик РАН, проф. В.Л. Янин

Рецензенты
доктор исторических наук Ф.А. Петров
кандидат исторических наук Е.К. Сысоева

Пономарева В.В.
Закрытые женские институты Российской империи. 1764–1855. Начало формирования отечественной системы женского образования. — М.: Издательство «Пятый Рим», 2019. — 480 с. — (Труды исторического факультета МГУ. Сер. II, Исторические исследования. Вып. 158(98).

Книга посвящена феномену русских закрытых женских институтов с момента их основания до предреформенной эпохи. В центре исследования постановка учебного дела в институтах, а также другие аспекты институтской истории — административный аппарат институтов, их финансовое обеспечение, государственная политика в деле женского образования, отношение общества к женской школе.

ISBN 978—5—6043327—2—6

© Пономарева В.В., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7
Историографический обзор 13
Обзор источников 51

Глава I. Время Екатерины II: учреждение Смольного института

1. Женская школа в просветительской программе Екатерины II 61
2. 1764 г. План учения по «Уставу» Воспитательного общества и Мещанского училища: замысел и воплощение 68
3. 1783 г. Комиссия об учреждении народных училищ и «Расположение учения» Смольного института 94

Глава II. Императрица Мария Федоровна и ее женские институты. 1797–1828 гг.

1. 1797 г. «План о новом образовании приема и учения» Смольного института 123
2. Открытие новых институтов в 1797–1828 гг. 143

Мариинский институт в Петербурге и Александровское училище в Москве: обучение девочек-недворянок 157

Училища ордена св. Екатерины: институты для дворянского сословия 162

Павловский и Патриотический: институты для дочерей «военных чинов» 172

Дома Трудолюбия, впоследствии Елизаветинские институты 176

Первые женские институты в провинции 180

3. 1815–1817 гг. План учения инспектора классов проф. П.Д. Лодия 185

4. 1820-е гг. Комитет по учебной части.
Инспекторство проф. К.Ф. Германа 212
5. Педагогическая подготовка в институтах 240

Глава III. Женские институты в николаевскую эпоху. 1828–1855 гг.

1. 1828 г. Учреждение Мариинского ведомства 275
2. Вторая половина 1830 — начало 1840-х гг.
Инспектора, учителя, методики преподавания 292
3. 1840-е гг. Учебный комитет
Ведомства учреждений императрицы Марии 338
4. 1852 г. «Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений» 373
5. 1855 г. Устав женских учебных заведений и перемены в учебной части 397

Заключение 436

Именной указатель 452

Библиография 464

Памяти моей бабушки,
Марии Петровны Агибаловой,
воспитанницы
Кубанского Мариинского института

ВВЕДЕНИЕ

Под общим названием «закрытые женские институты» в дореволюционной официальной документации понимались учебно-воспитательные интернаты со средним общеобразовательным курсом, предназначенные для девочек неподатных сословий Российской империи и находившиеся под непосредственным патронатом императорской фамилии. При этом вплоть до середины XIX в. они имели между собой отличия по официально закрепленному статусу, сословному составу учащихся, материальному снабжению, а также учебным программам. За некоторыми исключениями, все они к концу XIX в. вошли в Ведомство учреждений императрицы Марии.

Начало истории институтского образования относится ко времени правления Екатерины II. В екатерининскую эпоху народное просвещение стало важным направлением государственной политики. Императрица и ее сподвижники стремились переустроить общество с помощью образования. Спустя год после воцарения Екатерины II И.И. Бецким было разработано «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (1763), провозглашавшее намерение «преодолеть суеверие веков». Для этого следовало «произвести… новую породу, или новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами». Вдохновленные утопической верой во всесилие Разума, просветители считали, что продуманный план и правильно организованная школа помогут справиться с этой задачей.

В 1764 г. указом императрицы Екатерины II был основан первый женский институт, получивший законодательное оформление в своем уставе, который впервые утверждал учебно-воспитательную программу и организационные нормы государственной женской школы. Тем самым в России была заложена основа системы женского образования. Опыта организации женской школы в рамках новой светской культуры еще не существовало, и ей предстояло пройти непростой путь.

После смерти Екатерины II организацией женского образования занялась императрица Мария Федоровна, для которой это дело стало одним из важнейших. Среди главных достижений

этого периода стало разрастание сети женских институтов, имевших выраженный сословный характер, отвечавший социальной структуре общества.

Учебно-воспитательный интернат требовал четкой организации повседневной жизни. Многое приходилось обдумывать и применять впервые. Все, от учебных программ и подбора преподавателей до правил гигиены, врачебного ухода и норм приготовления пищи, требовало проработки, формализации и строгого наблюдения, без которых правильная жизнь обширного многофункционального хозяйства была невозможна. Императрица разрабатывала инструкции для начальниц, классных дам и прочего персонала, диктовала правила институтской повседневности, за соблюдением которых устанавливался строгий контроль. Постепенно, в том числе и благодаря авторитету власти, институты завоевывали доверие, преодолевая распространенное предубеждение против широкого образования женщины. Дворянские семьи, традиционно охотно посылавшие своих сыновей на учение в кадетские корпуса, отныне все чаще доверяли государственной школе воспитание своих дочерей. Для многих небогатых дворянок казенные вакансии являлись единственной возможностью получить хорошее образование, а впоследствии и работу. Институты регулярно выпускали образованных русских женщин — будущих воспитательниц, гувернанток, учительниц, классных дам.

После смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 г. опекаемые ею учреждения оказались на попечении сына, императора Николая I. Был создан особый орган управления — IV отделение Собственной Его имп. Величества канцелярии (с 1853 г. — Ведомство учреждений имп. Марии). Во второй четверти XIX в. было открыто наибольшее число женских институтов, увеличилось число обучающихся в них девочек, возросли требования к уровню образования. Это повлекло за собой унификацию учебных программ и организации учебного процесса, требований к преподавательскому составу, бытовому обустройству и т.п. Итогом работы специальных комиссий стала выработка первого общего Устава женских учебных заведений, утвержденного в 1855 г., в канун эпохи Великих реформ.

Принятием Устава 1855 г. завершился первый этап формирования национальной системы женского образования в России, включавшей, помимо институтов, учебные заведения различных обществ, училища-интернаты и школы для приходящих разного уровня, Дома трудолюбия, значительная часть которых входила в Ведомство учреждений имп. Марии. Кроме того, с 1843 г. открываются училища для девиц духовного звания.

Женские институты действовали в России более полутораста лет, дольше, чем другие типы женской школы. Их число, как и спрос на институтское образование, росло — непросто найти дворянскую семью, чьи дочери или родственницы не учились бы в институте или не стремились бы в нем учится. К 1855 г. действовало уже 28 институтов, открытых на всей территории Российской империи, от Варшавы до Иркутска и от Тифлиса до Оренбурга. Это доказывает устойчивость и укорененность этой формы учебного заведения — женского учебно-воспитательного интерната — в лоне русской культуры.

Причины этого заслуживают специального исследования. В основе изучения истории закрытого учебного заведения находятся следующие базовые проблемы: воспитание и образование, организация быта. Тема повседневности, безусловно, чрезвычайно важна, но в данном контексте она носит вспомогательный характер, тогда как на нынешнем этапе исследования институтской истории преимущественного внимания требует постановка воспитания и образования. При этом, если основные принципы женского воспитания в доиндустриальный период сохраняют свою устойчивость, то постановка образования в институтах претерпевала многократные изменения. Поэтому ближайшей целью данной работы является изучение хода учебного дела в закрытых женских институтах, а именно: задачи институтского образования и способы их решения — разработка уставных документов, деятельность центральных и местных административных органов, составление учебных планов и программ, содержание учебных дисциплин, методы преподавания, организация учебного процесса, подготовка и отбор преподавательских кадров, а также результаты этой работы.

Понятно однако, что попытка дать ответ на одни вопросы неизбежно ставит перед историком все новые. Казалось бы, для традиционного общества, в лоне которого возникли институты, характерно домашнее воспитание девочек. В то же время российская власть создает целую сеть востребованных обществом государственных женских учебных заведений, на содержание которых затрачивались значительные средства. Воспитательная система в женских институтах выстраивалась в соответствии с патриархальными ценностями XVIII — первой половины XIX в., первой и важнейшей среди которых была семья как главное предназначение женщины. Но при этом традиционное женское воспитание в институтах сочеталось с системным образованием, программа которого регулярно пересматривалась и обновлялась. Таким образом, русские женские институты представляют собой социокультурный феномен, изучение которого имеет выход на многие, тесно переплетенные между собой, проблемы русской истории: власть и общество, власть и образование, женщина в модернизационном процессе, традиции и новации, западноевропейское и коренное, столичная и провинциальная культура, русская школа в ее становлении и развитии. При изучении истории русских женских институтов невозможно обойти стороной ни одну из этих тем.

Необходимым условием исследовательской работы является уточнение понятийного аппарата. Женские институты стали не только частью русской образовательной системы, но и культурно-историческим феноменом, а выражение «институт благородных девиц» — устойчивым фразеологизмом, столь же привычным, сколь и неточным. В дореволюционной историографии отмечалось, что впервые слово «институт» в качестве названия русского женского закрытого учебного заведения появляется в 1800 г. применительно к Мариинскому институту[1]. Однако мы встречаем его и раньше, в указе Павла I

[1] См.: *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 гг. СПб., 1913. С. 7; *Карцов Н.С.* Мариинский институт. 1797–1897. Исторический очерк. СПб., 1897. С. 11. *Бардовский* Александр Федорович, выпускник Петербургского уни-

«О выдаче пенсионов имеющим знаки отличия и известным под именем пенсионеров ордена св. Анны, о сумме на содержание института ордена св. великомученицы Екатерины» от 23 октября 1798 г.

Наименование «институт» прижилось и стало собирательным для этого типа учебных заведений не сразу: так, Мариинский институт именовался первоначально Сиротским училищем, как и Патриотический институт — Сиротским училищем 1812 г., Домом воспитания сирот 1812 г. и т.д. И напротив, училище ордена св. Екатерины императрица Мария Федоровна в своих письмах не раз называла «институтом». Оба наименования, и «училище», и «институт» одновременно фигурируют в камер-фурьерских журналах[2]. Но именно термин «институт» оказался удобным, и постепенно его начали использовать по

верситета. Преподаватель русской словесности и инспектор классов Александровской женской гимназии. С 1885 г. поступил на службу в Ведомство учреждений императрицы Марии, преподавал русский язык в Елизаветинском, Еленинском и Патриотическом институтах. Инспектор классов Патриотического института с 1898 г. до (по крайней мере) 1916 г. Автор работ о творчестве В.Г. Белинского, Г.И. Успенского, И.С. Тургенева и др. *Карцов* Николай Сергеевич, выпускник Петербургского университета. Преподаватель педагогики и психологии, русского языка и словесности в Мариинском, Екатерининском, Смольном, Сиротском институтах, на Бестужевских курсах. Инспектор классов Мариинского института с 1896 г., переведен инспектором классов Екатерининского института с 1898 г. до (по крайней мере) 1916 г. Автор сочинений по педагогике (Память. Из курса педагогики. СПб., 1893; Капризы и раздражительность детей. СПб., 1893, 1899; Записки по педагогической психологии. СПб., 1907, др.). Жена Карцова Е.Л. Ломан, окончившая Воспитательное общество благородных девиц в 1862 г., классная дама в петербургском Училище глухонемых, затем в училище св. Елены. Дочь Карцова Екатерина по окончании Еленинского института преподавала там педагогику (ЦГИА. Ф. 3. Оп. 134. Д. 1589. Л. 14).

[2] См., напр.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1807 г. Июль–декабрь. СПб., 1906. С. 169, 743 (Екатерининское училище); 886 (Екатерининский институт).

отношению ко всем учебным заведениям одного типа. Официальные названия институтов формулировались по-разному: Закавказский девичий институт, Александровское училище, Керченский институт для воспитания девиц, Елисаветинское училище, Тамбовский Александринский институт благородных девиц, Орловский Александринский институт, Девичий институт Восточной Сибири и пр. Общепринятое не только в беллетристике, но и в научной литературе словосочетание «институт благородных девиц» использовалось менее чем в трети из названий институтов, и то лишь до 1870–1880-х гг., когда оно стало выходить из употребления в официальной документации и законодательных актах. Надо полагать, не случайно все учебные заведения, именовавшиеся официально «институтами благородных девиц» (Белостокский, Донской, Казанский, Киевский, Нижегородский, Одесский, Полтавский, Тамбовский, Харьковский), кроме старшего и самого привилегированного — Воспитательного общества благородных девиц, — находились в провинции, для жителей которой, по всей видимости, это звучное, вызывающее почтение название должно было вызывать в памяти всем известный образец.

Смольный институт в первое 50-летие чаще именовали в соответствии с месторасположением — Новодевичьим монастырем, Воскресенским Девичим монастырем, Смольным дворцом и Смольным монастырем[3], даже Воскресенским Воспитательным домом, а его воспитанниц — «монастырками». В литературе, в том числе исторической, Смольным институтом нередко называют Воспитательное общество благородных девиц, хотя оно являлось лишь его частью[4]. Другая часть Смольного — это Мещанское (с 1842 г. Александровское) учи-

[3] Даже в конце первой четверти XIX в. заголовок статьи журнала гласил: «XVII выпуск из Воспитательного общества благородных девиц (обыкновенно Смольным монастырем называемого) и некоторые сведения о сем знаменательном заведении» (Отечественные записки. 1821. № 5. С. 556).

[4] В Большой советской энциклопедии (Т. 10. М., 1972) используется неверное наименование — «Смольный институт благородных девиц», которое нередко и теперь повторяется в исторических исследованиях.

лище, открытое год спустя после «благородной» половины. Обе части Смольного института позже именовались также Николаевской (Воспитательное общество) и Александровской (Мещанское училище) половинами. Составляя одно целое под управлением единого начальства[5], обе половины, тем не менее, различались и по социальному составу воспитанниц, и по финансированию, и по учебной программе и, наконец, по отношению к ним высочайших покровителей.

Историографический обзор

Внимание исследователей женские институты стали привлекать с 60-х гг. XIX в., когда вышли в свет несколько работ, посвященных Смольному институту, отмечавшему столетие своей истории. Инспектор классов Александровского училища В.И. Лядов составил «Исторический очерк столетней жизни императорского Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища» (СПб., 1864). В книге Лядова впервые, хотя и в сжатом виде, представлен систематизированный материал по истории Смольного института. Примерно равное количество страниц Лядов уделяет каждому из четырех периодов жизни института, находившегося попеременно под покровительством Екатерины II, императрицы Марии Федоровны, затем Николая I и Александры Федоровны и, наконец, Марии Александровны. При этом Лядов кратко обрисовывает преобразования учебной части института в 1783, 1797, 1804, 1844–1845, 1855 гг. и более подробно останавливается на реформе К.Д. Ушинского в 1860 г., очевидцем и участником которой он сам являлся[6]. К очерку

---

[5] Свод постановлений о общественном воспитании детей мужескаго и женскаго пола в учебных заведениях Российской империи. СПб., 1840. С. 114.

[6] *Лядов* Василий Иванович (1834–1892), выпускник петербургского университета, был приглашен К.Д. Ушинским преподавать географию в Воспитательном обществе. Впоследствии инспектор классов Александровского училища, член Совета по учебной части в 1887–1889 гг., председатель Учебного комитета по Собственной

Лядова приложены инструкции императрицы Марии Федоровны институтскому Совету и списки воспитанниц, окончивших курс учения с шифром. Работа Лядова являлась шагом вперед по сравнению с вышедшей ранее книгой А. Смирнова, посвященной юбилею Елизаветинского института[7], которая по большей части состояла из пересказа уставных документов, хотя и содержала ряд таблиц с указанием численности учащихся, персонала, размеров материального обеспечения учебного заведения и краткий список воспитанниц, получивших награды.

Одновременно с выходом книги Лядова начинается и критическое осмысление того, какой должна быть институтская история. Педагог Д.Д. Семенов, разбирая «Исторический очерк» Лядова, заметил, что заглавие книги должно быть более скромным, «вроде “отчета об учебной части”», поскольку в коротком 80-страничном повествовании не хватает многого: истории и статистики учебной, воспитательной и хозяйственной части, таблиц о числе учениц, учителей и служащих, «очерка внутренней жизни», «как смотрело общество на выпущенных институток», биографий начальниц, инспекторов, «замечательнейших» воспитательниц и учителей. Действительно, статистический и табличный материал был бы не только нагляден, но и, безусловно, ценен (особенно потому, что в распоряжении автора находились не дошедшие до нашего времени данные).

Сам Д.Д. Семенов, отдавая должное столетней деятельности Смольного института, заявлял о его «громадном значении в развитии образования русской женщины»[8].

Е.И.В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии в 1887–1891 гг., в 1891–1892 гг. чиновник особых поручений при Главноуправляющем Мариинского ведомства. Преподавал географию в Николаевском Сиротском институте, географию, педагогику и психологию — в Александровском и Мариинском институтах. Жена Лядова Л.А. Богданова в 1860 г. окончила курс Воспитательного общества благородных девиц.

[7] *Смирнов А.* Пятидесятилетие С.-Петербургского Елисаветинского училища, бывшего Дома Трудолюбия. СПб., 1858.

[8] *Семенов Д.Д.* Столетие Смольного монастыря. По поводу книг г. Лядова «Исторический очерк столетней жизни Смольного» (СПб., 1864)

Однако уже начиная с 1860-х гг. голоса в защиту институтов тонули в громком хоре их противников. В эти годы в русском обществе вопрос о женских закрытых институтах был поставлен с небывалой полемической остротой, причем общественное мнение оказало существенное влияние на формирование взглядов педагогов и историков.

Демократическая пресса эпохи Великих реформ вела активное обсуждение «женского вопроса», рассуждая в том числе и о необходимости развития женского образования, строительства женской школы на новых началах. Почти столетний опыт существования женских институтов при этом не только не принимался в расчет, но даже отторгался. В многочисленных статьях «передовых» общественных деятелей, публицистов и даже педагогов эпохи Великих реформ женские институты критиковались самым нелицеприятным образом, причем сразу в нескольких ипостасях. Во-первых, они были частью русской женской школы, которая, по общему мнению, не соответствовала требованиям времени (впрочем, знакомство с текстами, публиковавшимися в журналах того времени, убеждает

и Нины Р-ой [Распоповой] «Хроника монастыря в царствование императрицы Екатерины II» (СПб., 1864) // Отечественные записки. 1864. № 5. С. 389–391 и др. *Семенов* Дмитрий Дмитриевич (1834–1902), педагог, писатель. Окончил учительские курсы при Петербургском университете, получив звание учителя географии. В 1860 г. по приглашению К.Д. Ушинского, оставив преподавание в 1-й петербургской гимназии, начал преподавать географию в обеих половинах Смольного института (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7502. Л. 5), а также русский язык в начальных классах. Служил в Смольном до 1866 г., получив денежное вознаграждение за хорошую службу, в особенности за занятия русским языком в классе пепиньер («педагогичек»). По поручению военно-учебных заведений ездил в Германию и Швейцарию для обозрения местных школ. В 1888–1891 гг. редактор журнала «Детское чтение». Автор хрестоматии «Отечествоведение» в 6 т. (1864–1887 гг.), пособий «Уроки географии» (в 3 вып., СПб., 1864; переизд. вплоть до 1904 г.), «Дар слова» (СПб., 1868; переизд. до 1899 г.) и др., дидактических разработок, методических руководств, педагогических статей.

в том, что их авторы очень плохо знали институтские реалии)[9]. Во-вторых, женские институты представали в глазах общества частью государственной машины, воплощением гнета «старого режима», неотъемлемой частью дворянской культуры, которая в среде «новых людей» вызывала отторжение. Кроме того, сама ограниченность информации о повседневном укладе и учебном курсе институтов не могли способствовать общественному доверию к ним.

Масла в огонь подливали публикации в журналах записок бывших институток, увлекшихся идеями 60-х гг. (среди этих статей встречаются явные фальшивки[10]) и старательно сгущавших краски при описании «ужасов» институтского быта. Идеолог народничества П.Л. Лавров выражал общее мнение людей своего круга, когда писал о «бессодержательном и развращающем преподавании русских женских закрытых институтов»[11].

В эти годы в общественном мнении сложились стереотипы и мифы о женских институтах, которые вскоре получили ученую санкцию в историографии и, более того, во многом дошли до наших дней. В частности, именно тогда общепринятым стало именование всех этих учебных заведений «институтами благородных девиц», которое обладало отчетливой отрицательной коннотацией.

Важнейший шаг в изучении институтской истории в России был сделан в 1883 г., когда бывшая смолянка Е.И. Лихачева была допущена в архив, «святая святых» Ведомства учреждений императрицы Марии, «для извлечения из онаго некоторых сведений для составляемой ею истории женского образования

---

[9] См.: *Пономарева В.В.* «Институты благородных девиц» под прицелом периодической печати // Медиальманах. 2015. № 6.

[10] Каким, к примеру, является «Письмо из провинции (Воспоминания старой институтки» (Русское слово. 1862. № 1), содержащее ошибки и написанное, по всей видимости, мужчиной (см.: *Пономарева В.В.* Воспоминания институток XIX — начала XX в. как исторический источник // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2015. № 2. С. 57).

[11] *Лавров П.Л.* Русским цюрихским студенткам (июнь 1873 г.) // Лавров П.Л. Избранные сочинения: В 8 т. Т. 2. М., 1934. С. 10.

в России»[12]. Кропотливый труд завершился выходом нескольких томов фундаментальных «Материалов» по истории русской женской школы[13]. Значительная часть труда, который отнюдь не является просто сырым собранием последовательно изложенных «материалов», посвящена женским институтам. Впервые с такой полнотой рассмотрены история создания институтов, нормативные документы, в соответствии с которыми они действовали, содержание учебно-воспитательного процесса, финансовое обеспечение и кадровый состав. Кроме того, в труде Лихачевой характеризуется общекультурное поле, в котором существовали институты, отношение общества к институткам и институтскому образованию.

Е.И. Лихачева была убежденной участницей демократического движения 1860–1870-х гг.[14], и это наложило отпечаток на

---

[12] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12036; Ф. 759. Оп. 23. Д. 253. 1883 г.

[13] *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России. Т. 1–3. СПб., 1890–1895; 1899 (Инициалы автора в библиографии приводятся в соответствии с каталогом РГБ). *Лихачева* Елена Иосифовна (Осиповна,1836–1904), дочь генерал-майора, принадлежавшего к польскому роду баронов Косинских. Писательница, переводчица. В 1851 г. вместе с сестрой Александрой окончила Воспитательное общество благородных девиц. Третья сестра, Мария, в замуж. Буяльская, училась в Обществе в те же годы, но полного курса учения не завершила (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4639. О приеме девицы Марии Иосифовны Косинской, 1844–1851 г.). Младший брат Лихачевой, Михаил *Косинский*, отчисленный в 1861 г. из Инженерной академии до окончания курса, поступил на службу в Смольный институт по приглашению инспектора классов К.Д Ушинского и преподавал там в 1861–1869 гг. арифметику и геометрию. Организатор учительской семинарии в Новгородской губ., затем директор тюремного комитета, он занимался воспитанием малолетних преступников в петербургском тюремном замке.

[14] Изданная Лихачевой «Библиотека для чтения: сборник рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов» (1866) была запрещена к использованию в заведениях Ведомства учреждений имп. Марии из-за своего «направления» — «враждебного сопоставления высших и низших сословий, богатых и бедных классов» (РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 1508. Л. 1–2 об. 1866 г.). Подр.

ее отношение к женским институтам. Однако если воспитательные принципы и уклад повседневной жизни в институтах подвергались ею жестокой критике, то их учебную часть до середины XIX в. Лихачева характеризовала с меньшей предвзятостью, хотя и не всегда последовательно. В некоторых своих оценках она стремилась рассматривать уровень институтского образования в историческом контексте, в связи с конкретными условиями русской действительности. Так, о екатерининской эпохе она писала: «при всех недостатках собственно образования в Смольном, воспитанницы и по знаниям стояли выше большинства девушек, получавших образование дома или в пансионах»; а в 1830-е гг., в условиях невысокого среднего уровня образования русского общества, «женские институты считались… рассадниками не среднего, а высшего образования»[15]. Более того, по мнению Лихачевой, «до восьмидесятых годов настоящего столетия мы, в отношении женского образования, среднего и высшего, стояли впереди всех европейских государств»[16]. Она не раз повторяет эту высокую оценку: в конце 1870-х гг. русское среднее женское образование было лучшим, «чем в самых просвещенных государствах Западной Европы», и по своему учебному курсу русские жен-

---

см.: *Пономарева В.В.* Библиотеки и чтение в женских институтах Мариинского ведомства (XVIII — начало XX в.) // Библиотековедение. 2014. № 5. С. 106.

[15] *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1899. Ч. 1. С. 278. Понятно, что характеристику институтского образования в качестве «высшего» следует рассматривать в сравнительно-историческом контексте, и четкие понятия о «среднем» и «высшем» образовании в привычном для нас понимании сформировались в позднейшее время.

[16] *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. С. III. Ср.: «К тому времени, как в Америке и Европе история женского образования насчитывала уже не одно столетие, в России оно только зарождалось и основывалось на опыте этих стран» (*Зорина Т.М.* Женское образование в России XIX в. — «за» и «против» // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 18).

ские учебные заведения стояли «выше всех подобных заведений Европы; то же можно сказать и о педагогическом образовании наших женщин; оно было поставлено шире, чем за границей»[17]. В этой сравнительной оценке западноевропейского и русского женского образования Лихачева не одинока. Как отмечает К.А. Скальковский, в первом общем положении о «высших женских школах» Пруссии 1872–1873 гг. прямо указывалось, что при его составлении основное внимание обращалось на организацию учебной части русских женских институтов и гимназий (во Франции первое законоположение о «женских лицеях» и вовсе относится к 1880-м гг.[18]).

Несмотря на тенденциозность, монументальный труд Лихачевой, содержащий немало глубоких наблюдений, заложил прочную основу для изучения истории женского образования в России. Кроме того, в своей работе Лихачева широко использовала документы архива Мариинского ведомства, многие из которых не сохранились, поэтому при изучении истории русских женских институтов (особенно начального периода) без её «Материалов» не обойтись.

Ценнейшим вкладом в историографию женских институтов являются исторические очерки, издававшиеся к их юбилеям, подобно книге В.И. Лядова. Такие публикации традиционно подготавливались к круглым датам многих учебных заведений разного типа, и большинство женских институтов также получили юбилейный подарок. Всего юбилейных очерков насчитывается около 40, причем старейшим из институтов посвящено по два. Эти юбилейные издания очень различны: если «Краткий исторический очерк 50-летия Одесского института благородных девиц» (Одесса, 1879) малоинформативен, то к 150-летнему юбилею Воспитательного общества в 1914 г. увидел свет монументальный трехтомник Н.П. Черепнина, оснащенный солидным справочным аппаратом.

---

[17] *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб., 1901. С. 288, 657.

[18] *Скальковский К.А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 247.

Несмотря на праздничный повод для написания юбилейных очерков, авторы (обычно институтские инспектора классов, педагоги-практики), как правило, не сбивались на комплиментарный тон и стремились выстраивать свое повествование, основываясь на фактическом материале. Практически во всех юбилейных очерках содержится раздел, посвященный организации учебного дела. Некоторые из юбилейных очерков содержат в качестве приложения списки воспитанниц (иногда — лишь тех, кто удостоился награждения шифром), преподавателей и инспекторов, классных дам, начальниц и членов Советов и пр. С особой тщательностью был подготовлен юбилейный очерк Саратовского института, составитель которого собрал сведения о дальнейших судьбах большого числа выпускниц[19]. Проследить, как складывалась после окончания учебного заведения жизнь институток, по выходе замуж менявших фамилию, бывает крайне сложно, и потому такие данные представляют особый интерес. Авторы институтских юбилейных очерков пользовались архивами своих учебных заведений, зачастую до нас не дошедших, и потому такие издания ценны также и в качестве исторического источника. Посвященные отдельным институтам очерки все вместе помогают составить цельную картину институтской жизни с их общими закономерностями и местными особенностями.

Наиболее содержательными для изучения истории институтского образования являются издания, посвященные про-

[19] *Теодорович Н.И.* История Саратовского Мариинского института благородных девиц. 1854–1916. Саратов, 1916. *Теодорович* Николай Иванович (1856–1920-е гг.), кандидат имп. петербургский Духовной академии. Преподаватель Волынской духовной семинарии, инспектор Седлецкой учебной дирекции. Сотрудник Ведомства учреждений императрицы Марии с 1910 г., инспектор классов Варшавского института с 1913 г., в связи с войной переведен в Саратовский институт с августа 1914 г., назначен инспектором классов в 1916 г. Преподаватель истории и географии, литератор, автор трудов по статистике, истории, этнографии.

шлому Воспитательного общества благородных девиц[20] и особенно — московского Екатерининского института[21]. Последнее, включающее очерки истории преподавания учебных дисциплин в институте, написанные учителями-предметниками начала XX в., отличается исследовательским характером. Редактор издания профессор В.А. Вагнер, обращаясь к читателям, писал во введении: «если книга эта убедит читателя в том, что наш институт в каждый данный момент его вековой истории, неизменно соответствуя педагогическим воззрениям большинства той части русского общества, интересам которого призван был служить, и отвечая предъявлявшимся к нему запросам, неуклонно развивался параллельно с развитием воззрений самого общества на задачи и важность женского образования, — то одна из важнейших задач очерка может считаться достигнутой» (с. VIII). Этот важный вывод профессора, на наш взгляд, можно распространить и на всю систему русских женских институтов. Убедительным представляется утверждение Вагнера, что «уровень даваемого питомицам Институтов образования не только оказывался вполне удовлетворительным, но для большинства и выходящим за пределы желаемого» (с. 82). Нельзя не отметить, что мысли, высказанные

---

[20] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914 гг.: В 3 т. Пг., 1915. *Черепнин* Николай Петрович (1877 — не ранее 1927), историк, литературовед. Выпускник петербургской Духовной академии. Служил в Мариинском ведомстве с 1901 г., с 1909 г. преподавал русский язык в петербургском Сиротском институте, с 1914 г. заведывал его учебной частью. Автор учебных книг и пособий по русской истории, биографических очерков русских писателей.

[21] Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк / Под ред. проф. В.А. Вагнера. М., 1903. *Вагнер* Владимир Александрович (1849–1934), зоолог, зоопсихолог, основатель школы отечественной сравнительной психологии. Выпускник Московского университета, инспектор классов Екатерининского института в 1896–1906 гг., учитель естествоведения. С 1907 г. декан естественно-исторического отделения педагогического факультета Петербургского психоневрологического института.

профессором, вступали в противоречие с утвердившимся к тому времени в обществе предубеждением относительно качества институтского образования.

Отечественная историография рубежа XIX–XX вв., по справедливому замечанию современной исследовательницы А.В. Беловой, «поразительно единодушна в своем критическом отношении» к Воспитательному обществу благородных девиц[22] и, добавим, к женским институтам в целом. Действительно, за исключением юбилейных очерков и некоторых других трудов, дореволюционные исследователи, работы которых в основном отличаются обзорным характером, критически оценивали ход учения в дореформенных женских институтах и его плоды, перечисляли недостатки институтского образования, не замечая его достижений.

Приведем некоторые из характеристик: Смольный институт середины XIX в. являлся «вопиющим анахронизмом»[23], «ин-

---

[22] *Белова А.В.* Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 76.

[23] *Модзалевский Л.Н.* К биографии К.Д. Ушинского // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 11. М.:Л., 1952. С. 433. *Модзалевский* Лев Николаевич (1837–1896), педагог, литератор. Выпускник петербургского университета, преподаватель русского языка и словесности 3-й петербургской гимназии, инспектор первых в России курсов для народных учителей, инспектор приюта принца Ольденбургского, наставник-наблюдатель детей великого князя Михаила Николаевича, директор Тифлисской гимназии, окружной инспектор Кавказского учебного округа. Автор трудов по педагогике. Сразу по окончании университета был приглашен К.Д. Ушинским в Смольный институт, где в 1861–1862 гг. преподавал русский язык. После отставки Ушинского ушел из Смольного, однако спустя короткий срок вернулся на службу в Мариинское ведомство. В 1862–1865 гг. преподавал педагогику в педагогических классах Александровского института, в 1864–1866 гг. русский язык в Мариинском институте, с 1889 по 1895 г. инспектор классов этого института, преподаватель педагогики и психологии. В написанной им в зрелом возрасте книге «Императрица Мария Федоровна и ее первый женский институт (из истории петербургского Мариинского

ститутская рутина вошла в пословицу вследствие своей дикости»[24]; «научная часть… была отодвинута на задний план, научное образование девиц представлялось ненужным и даже вредным», и учебная программа сокращалась[25]; характер образования «был совершенно в духе аристократических нравов общества того времени»[26], институтки пребывали «в самом невинном состоянии анекдотического невежества»[27], «институты давали, собственно, не образование, а видимость его, краткие начатки наук»[28] и т.п.

Иного мнения придерживался замечательный русский педагог, инспектор классов одного из женских институтов В.Я. Стоюнин, который, подчеркивая важную роль этих учебных заведений, утверждал: «только благодаря женским институтам у нас долгое время поддерживалось и распространялось женское образование», «удовлетворялась… потребность в гувернантках, большинство которых являлось из воспитанниц женских институтов». Кроме того, именно благодаря институткам, по его мнению, «в дворянские семьи вносился некоторый свет и смягчение нравов, грубевших в условиях крепостной жизни»[29]. Стоюнин обращал внимание на перемены, которые

института)» (СПб., 1894) Модзалевский самым высоким образом оценивал деятельность Марии Федоровны и ее сотрудников, в том числе организацию институтской учебной части.

[24] *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 227.

[25] *Гольцев В.А.* Институт и новая женская школа // Русская мысль. 1903. № 3. С. 171.

[26] *Демков М.И.* Очерки по истории русской педагогики. М., 1917. С. 62.

[27] *Золотарев С.А.* Очерки по истории педагогики на Западе и в России. СПб., 1910. С. 157.

[28] *Сватиков С.* Русская студентка // Путь студенчества. Сб. ст. М., 1916. С. 90.

[29] Мысль Стоюнина о том, что благодаря смолянкам в дворянские семьи вносился «некоторый свет и смягчение нравов» поддерживает П.Н. Милюков, ссылавшийся на свидетельства современников, утверждавших, что «многие из смолянок приносили в эту незнакомую им и часто совершенно дикую жизнь высокий нравственный склад и живые умственные интересы. Благодаря Екатерине в

происходили в учебной части институтов: если первоначально «научное образование… для девочек не считалось важным и отодвигалось на второй план», то в 1840–1850-х гг. в институтах произошли значительные преобразования[30].

Суждение Стоюнина о преобразованиях институтской учебной части в 1840-х гг. оспаривается профессором А.И. Кирпичниковым, который противопоставлял динамично развивавшееся мужское образование первой половины XIX в. статичному женскому: «в то время, как уваровские гимназии поставили у нас учебное дело, казалось, так же прочно, как оно поставлено в Германии и Англии, в то время, как соответственно развивавшимся нуждам общества возникали новые типы учебных заведений для мальчиков, причем каждый из этих типов сообразовался, конечно, с последними требованиями педагогики.., на женское образование никто не обращал внимания, и принципы, положенные в устройство институтов, старились, старились и выродились во что-то до крайности уродливое»[31]. (Заметим, что изучение материалов, связанных с деятельностью министра народного просвещения С.С. Уварова в Мариинском ведомстве, приводит к совершенно иному выводу.) Знаток истории русского образования С.В. Рождественский также приходит к выводу, что «почти на целое столетие жен-

---

русской семье впервые появилась образованная женщина и внесла в это последнее убежище дедовских предрассудков струю свежего воздуха и света» (*Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 267).

[30] См.: *Стоюнин В.Я.* Образование русской женщины (по поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. СПб., 1892. С. 513, 519–520. *Стоюнин* Владимир Яковлевич (1826–1888), выдающийся теоретик и практик педагогики. Преподавал российскую словесность в Мариинском институте, с 1871 г. инспектор классов московского Сиротского института. Член Учебного комитета Министерства народного просвещения, автор учебных пособий. С 1881 г. заведовал учебной частью в частной гимназии, открытой в Петербурге его женой (знаменитая гимназия М.Н. Стоюниной).

[31] *Кирпичников А.И.* Педагогические очерки. М., 1890. С. 160.

ское образование застыло в узких формах замкнутых сословных училищ»[32]. Таким образом, подавляющая часть исследователей XIX — начала XX в. оценивала институтское образование как несоответствующее требованиям времени и стагнирующее.

В советской историографии женские институты находились на периферии внимания историков, и долгое время работ, им посвященных, не появлялось. В сферу интереса В.И. Чернышева, биографа К.Д. Ушинского, Смольный институт попал в связи с проводившейся там в 1859–1862 гг. реформой, которая стала одним из важнейших эпизодов жизни великого русского педагога. По всей видимости, чтобы подчеркнуть важность труда Ушинского, Чернышев писал о второстепенности научного знания в образовательной практике дореформенного института: по его словам, здесь «учили главным образом искусствам: рисованию, архитектуре, скульптуре, танцованию, музыке, рукоделию, домашней экономии». Исследователь, очевидно, был не слишком хорошо знаком с фактическим материалом, поскольку утверждал, что в институте литература «очевидно, не преподавалась», а реформирования учебной части практически не происходило: так, учебные программы 1845 г. «мало отличаются от прежних, сильно устарелых программ института»[33].

---

[32] *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России XVIII–XIX вв. Т. 1. СПб., 1912. С. 384 (курсив мой. — *В.П.*). *Рождественский* Сергей Васильевич (1868–1934), академик, историк. Несколько лет на рубеже XIX–XX вв. служил преподавателем истории в петербургских Екатерининском и Сиротском институтах (ЦГИА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3323; Ф. 10. Оп. 5. Д. 19).

[33] *Чернышев В.И.* К.Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 33. М.:Л., 1951. С. 77. *Чернышев* Василий Ильич (1867–1949), филолог, член-корреспондент АН СССР, биограф К.Д. Ушинского. В декабре 1907 г. обращался в архив Ведомства учреждений имп. Марии, пытаясь получить формулярный список Ушинского и др. сведения о его службе в Смольном институте, однако получил отказ со ссылкой на «переустройство» архива (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7349. Л. 76–78), очевидно, в связи с его политическими

В очерке, посвященном истории русского образования XVIII в., профессор Московского университет М.Т. Белявский характеризует учебную часть Воспитательного общества, следуя традициям демократической публицистики второй половины XIX в.: «На первый план выдвигалось обучение девушек танцам, музыке, “хорошим манерам”, французскому языку, умению “блистать в обществе”. Знания их были, как правило, весьма поверхностными… очень многие смолянки лишь с трудом могли говорить и писать по-русски, имели весьма слабое представление о русской культуре, высокомерно относились к русскому народу и его традициям». Вряд ли можно поставить в упрек воспитателям интерната стремление привить хорошие манеры своим подопечным, а образ институток, обучаемых «умению “блистать в обществе”» восходит к разоблачениям дворянской культуры «нигилистами» 1860-х гг. Хотя достоверных свидетельств о высокомерном отношении к русскому народу, русскому языку и традициям в институтах не удавалось привести ни одному из критиков, это обвинение продолжает звучать. Обучение в Мещанском училище, по мнению этого автора, ограничивалось «грамотой, письмом, арифметикой, катехизисом и предметами, связанными с “домоводством”», а выпускницы его «широко использовались для обслуживания Смольного и смолянок, дворцов и усадеб аристократии и верхушки чиновничьей бюрократии»[34] (возможно, автор имел в

взглядами и участием в демократическом движении. Спустя три месяца в архив с тем же запросом в архив обратилась дочь Ушинского (видимо, по просьбе Чернышева, состоявшего с семьей Ушинского в переписке). Вера Константиновна также поначалу получила по сути отказ, хотя и в завуалированной форме (ей пообещали выдать справки, если она укажет номера нужных ей дел. Л. 78–81 об.). По всей видимости, позднее все же семье Ушинского было выдано «именное» разрешение посетить архив, но удалось ли им воспользоваться, неясно (РГАЛИ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–1 об.).

[34] *Белявский М.Т.* Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987. С. 265. В современной историографии можно встретить и такие утверждения: «Воспитание в Смольном готовило девушек дворянского происхождения к семейной жизни; большое

виду «несчастнорожденных» питомиц Воспитательного дома[35], а не выпускниц Мещанского отделения?).

В переломные 1990-е гг. реформирование современной системы образования активизировало интерес к прошлому русской школы. Возросло число исследований по истории женского образования, причем для некоторых из авторов характерно стремление преодолеть прежние стереотипы и подойти к изучению институтского прошлого непредвзято. В статье Н.В. Кеворковой в «Педагогической энциклопедии», посвященной женским институтам, отмечалось, что за долгий путь существования институтов они «претерпели множество изменений в соответствии с эволюцией взглядов на женское образование, оставаясь в числе лучших и наиболее престижных учебных заведений России»[36]. Помимо того, что в этой краткой, но важной статье (пусть и не лишенной отдельных неточностей), дана сжатая характеристика институтского образования на протяжении полутораста лет, здесь впервые в современной историографии обращено внимание на постоянно проводившееся реформирование институтской системы.

Оценку достаточно высокого уровня институтского образования разделяет и С.Р. Нашхоева, в центре внимания которой находилось нравственно-эстетическое воспитание институток. Исследователь приходит к выводу о «зависимости содержания программ различных женских учебно-воспитательных заведений закрытого типа от сословной принадлежности воспитанниц, от установки о соразмерности состояния девиц с их

количество его выпускниц определялось ко двору императрицы фрейлинами, *придворными актрисами, танцовщицами*, другие оставались в монастыре в качестве учительниц или возвращались в родительский дом» (*Яринская А.М.* Социокультурные основания и законодательное оформление сети закрытых сословных училищ в правление Екатерины II по проекту И.И. Бецкого. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 31). Курсив мой. — *В.П.*

[35] История Воспитательных домов плодотворно разрабатывается петербургской исследовательницей Т.Г. Фруменковой.

[36] *Кеворкова Н.В.* Женские институты // Педагогическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 307.

будущим назначением»[37]. Действительно, подобный принцип подхода к формированию учебных программ неоднократно провозглашался как в циркулярных документах, так и в служебной переписке конца XVIII — первой половины XIX в. (что отмечалось в отечественной историографии), однако как он был воплощен на практике на протяжении долгих десятилетий, и был ли он в действительности реализован во всей полноте, требует проверки. В очерке Л.Б. Хорошиловой, посвященном воспитанию и образованию женщин в России в XIX в., институтам уделено серьезное внимание. Исследователь впервые анализирует столь обширный круг мемуарной литературы, и это позволяет ей сделать вывод о солидном уровне образования, которое получали институтки[38]. Давая столь же высокую оценку институтскому образованию, зарубежная исследовательница Р. Маккензи подчеркивает, что его получал лишь узкий круг избранных[39]; «обширность» учебной программы Смольного института времен Екатерины II отмечает Дж. Блек[40] (впрочем, специально не разрабатывавшая эту тематику).

В исследовании Е.Н. Груздевой, посвященном Женскому педагогическому институту Мариинского ведомства, утверждается, что в системе Ведомства традиционно «широко и успешно решались вопросы женского воспитания и образования, общего и профессионального»[41]. В своем комментарии к академическому изданию воспоминаний учившейся в институте

---

[37] *Нашхоева С.Р.* Нравственно-эстетическое развитие воспитанниц женских учебно-воспитательных заведений закрытого типа в России (до начала XX в.). Автореф. дисс. …канд. пед. наук. М., 1997. С. 9.

[38] *Хорошилова Л.Б.* Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 308–364.

[39] *McKenzie R.* Sapho, Corinna and Niobe: genres and personae in Russian women's writing, 1760–1820 // A History of Women's Writing in Russia / A.M. Barker, J.M. Gheth. N.Y., 2004. P. 41.

[40] *Black J.L.* Educating women in Eighteen-century Russia: Myths and Realities // Canadian Slavonic Papers. Vol. 20. 1977. № 1. С. 31.

[41] *Груздева Е.Н.* Санкт-Петербургский педагогический институт. 1903–1918: основание, структура, личный состав, деятельность. Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2005.

А.О. Смирновой-Россет С.В. Житомирская приходит к заключению о существовании «объективных свидетельств о довольно высоком уровне образования»[42]. Историк Д.И. Латышина, скрупулезно прослеживая путь становления педагогического знания в России, делает важный вывод, что выпускницы Воспитательного общества «во многом способствовали просвещению русского общества», воспитывая своих и чужих детей, и оно «стало тем зерном, из которого выросли впоследствии не только женские институты и гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии, но и женские заведения других ведомств России»[43]. Подводя итог своей длительной работе с архивными данными, А.В. Белова делает вывод: «Примерно до 20-х гг. XIX в. дворянки, получавшие домашнее образование по-французски, заметно отличались по своим познаниям в области отечественной словесности от институток, образовательная программа которых включала обязательное изучение родного языка. Сохранившиеся в частных дворянских архивах письма воспитанниц и бывших выпускниц институтов написаны в целом с точки зрения современной русской орфографии и пунктуации более грамотно, нежели письма женщин, не имевших институтского образования»[44].

В последнее время разворачивается серьезная работа по изучению конкретных путей развития женского образования в различных регионах Российской империи, базирующаяся на анализе документов центральных и местных архивных фондов. Тем не менее, интерес авторов, плодотворно разрабатывающих эту тематику, направлен преимущественно на историю женских гимназий пореформенной эпохи. Однако появляются

---

[42] *Житомирская С.В.* А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // А.О. Смирнова-Россет. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 583. Авторская оценка относится к петербургскому Екатерининскому институту, в котором училась героиня ее исследования.

[43] *Латышина Д.И.* История педагогики. История образования и педагогической мысли. М., 2005. С. 272.

[44] *Белова А.В.* Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 78.

и публикации, основанные на конкретном историческом подходе, в которых рассматриваются отдельные стороны институтской жизни, — путь, который, по всей видимости, является наиболее плодотворным на данном этапе изучения этой темы.

Наибольшее внимание исследователей привлекает начальный период истории институтского образования, рассматриваемый в контексте просветительский идей И.И. Бецкого и Екатерины II[45]. Плодотворно работают специалисты по истории музыкального образования: помимо отдельных работ[46], увидело свет фундаментальное исследование В.И. Адищева[47],

---

[45] *Артамонова Л.М.* Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5–3 (55); *Бирюкова О.А.* Педагогические «тайны» института благородных девиц // Актуальные вопросы психологии, педагогики и образования. Сб. Самара, 2015; *Плетнева И.Ф., Каленцова Т.В.* Историко-культурные условия становления женского образования в России второй половины XVIII в. // Психология образования в поликультурном пространстве. 2012. № 19; *Фруменкова Т.Г.* Екатерина и И.И. Бецкой // Universum: Вестник Герценовского ун-та. 2009. № 4, 5, 9.

[46] *Демченко Е.Н.* Музыкальное образование в элитарных учебно-воспитательных заведениях России первой половины XIX века как социально-педагогическая проблема // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 70(2); *Дьяченко Т.И.* Преподавание музыки в Нижегородском Мариинском институте благородных девиц // V Всероссийский фестиваль науки. Сб. 2015; *Зима Т.Ю.* Музыкально-образовательная среда в предконсерваторский период истории русской музыки // European social science journal. 2014. № 7–3 (46); *Порфирьева Е.В.* Музыкальное образование в Казани в XVIII — начале XX в.: становление и развитие. Дисс. .. канд. искусствоведения. Казань, 2004; *Рудякова А.Э.* Вокальное обучение в Саратовском Мариинском институте благородных девиц как один из фактров формирования саратовской вокальной школы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.

[47] *Адищев В.И.* Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины XIX — начала XX века: теория, концепции, практика. М., 2007; *Он же.* Теория и практика музыкального образования в российских школах закрытого типа.

основанное на изучении широкого круга источников, в том числе большого объема архивных данных, впервые вводимых в научный оборот. Ведется изучение отдельных аспектов институтского образования первой половины XIX в.: появились работы, посвященные преподаванию иностранных языков, рукоделий, подготовке Мариинским ведомством профессиональных учительниц и т.д.[48], а также истории административных органов, управлявших учебно-воспитательными и благотворительными учреждениями Ведомства императрицы Марии[49].

Вторая половина XIX — начало XX в. Дисс. …докт. пед. наук. Пермь, 2007.

[48] *Каленцова Т.В.* Иностранные языки в образовательном процессе институтов благородных девиц второй половины XVIII в. // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 11; *Она же*. Развитие профессиональной педагогической подготовки в институтах благородных девиц в первой половине XIX в. // Педагогика: традиции и инновации. Материалы IV Международной научной конференции. Челябинск, 2013; *Мельникова Н.П.* Содержание воспитания и художественного образования в Смольном и Екатерининском институтах благородных девиц конца XVIII — первой половины XIX в. Автореф. …канд. пед. наук. М., 2011; *Поздняков А.Н.* Институты благородных девиц в системе образования России второй половины XVIII — начала XIX века // Известия Саратовского ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 107; см. также: *Он же.* Благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны: по письмам и воспоминаниям // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия «история. Международные отношения». 2014. Т. 14. Вып. 3; *Фруменкова Т.Г.* Домашние учительницы — выпускницы французского класса Петербургского Воспитательного дома // Universum. Вестник Герценовского ун-та. 2008. № 11; *Она же.* Императрица Мария Федоровна и французский класс Петербургского Воспитательного дома (первая половина XIX в.) // Universum. Вестник Герценовского ун-та. 2009. № 10.

[49] *Гаврюшин С.И.* Императрица Мария Федоровна и ее деятельность по созданию системы благотворительных учреждений в России // Женщины в российском обществе. 2002. № 1. *Он же.* Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений имп. Марии. 1797–1917. Дисс. …канд. ист. наук. М., 2002; *Гончаров М.А.*

Тем не менее, по-прежнему значительное место занимают публикации, в которых сохраняются былые стереотипы в описании и оценке как институтской повседневности, так и институтского образования. Характеризуя общую картину развития русского женского образования, специалист в области гендерной истории делает вывод, что до 60-х гг. XIX в. обучение девочек «практически отсутствовало»[50]. Верно ли это утверждение, если речь идет не о таких показателях, как грамотность женщин всех сословий или развитие низшей школы в России, а об опыте построения женских учебных заведений разного типа, постановке в них учебно-воспитательного процесса, выработке программ и методик преподавания, норм аттестации, квалификационных требований к педагогической подготовке? Очевидно, без учета исторического контекста попытки воссоздания прошлого приводят к односторонней его интерпретации.

Большая часть авторов, опирающихся в своих оценках на прочно устоявшуюся историографическую традицию, утверждает, что «воспитание, которое давалось в Смольном институте, имело придворный и аристократический характер»[51]; «система образования, выработанная в 1797 г., была крайне консервативной и сохранялась в женских институтах вплоть до 1850-х годов»[52]; образованию в институтах «не уделялось

Специфика организации и управления благотворительными педагогическими учреждениями Ведомства императрицы Марии // Наука и школа. 2012. № 1.

[50] *Хасбулатова О.А.* Женщины и образование в России: исторический обзор (1860–2000 г.) // Женщина в российском обществе. 2003. № 1–2. С. 31 (там же автор утверждает, что среднее образование, все же, видимо, существовавшее, до 1860-х гг. «было доступно лишь девушкам дворянского происхождения»); то же: *Чумаков В.И.* Развитие гуманистической направленности женского образования в России во второй половине XIX — начале XX в. Волгоград, 2007. С. 136.

[51] *Перова Н.* Смолянки, мариинки, павлушки, бестужевки… СПб., 2007. С. 106.

[52] *Пенская Е.Н.* Становление универсального образования в России: гендерный аспект // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 257; то же: *Помелов В.Б.* Смольный институт благородных девиц // Начальная

особенного внимания»[53]; оно было «крайне ограниченным и практическим»[54], и велось в духе «Kinder, Küche, Kirche»[55], а уровень преподавания — «крайне низким»[56]; «большая часть педагогов была людьми невежественными»[57]; институтская программа отличалась «пренебрежением отечественными знаниями и предпочтением всего иностранного»[58]; институток «готовили к блеску светской жизни»[59], преподавание родного языка было «вменено в обязанность» в русских институтах и пансионах «лишь с 1812 г. (и по вполне понятным причинам!)»[60]. Когда диссертант заявляет, что с открытием женских гимназий, «кроме собственно благотворительной деятельности,

---

школа. 2015. № 2. С. 86 («система образования, выработанная в 1797 г., просуществовала в женских институтах почти полвека»).

[53] *Вахромеева О.Б.* Новая женщина в старой России. Очерки по истории женского образования. Конец XVIII — начало XX вв. СПб., 2011. С. 86.

[54] *Кузьмин К.В.* Основные тенденции в развитии женского образования в России в XIX — начале XX в. Женщина в русской начальной школе // Гендерная педагогика и гендерное образование в странах постсоветского пространства. Сб. материалов. Иваново, 2002.

[55] *Островский О.Б.* Императрица Мария Федоровна и русская художественная культура 1801–1825 гг. // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 62.

[56] *Днепров Э.Д.* От редактора // Федосова Э.П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М., 1980. С. 14.

[57] *Сафонова А.С.* Чтение в системе воспитания институток // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Филология, Журналистика». 2011. № 1. С. 66.

[58] *Пенская Е.Н.* Становление универсального образования… С. 257; то же: *Козьменко О.П.* Роль искусства в Смольном институте в XVIII–XIX вв. // «Слова принадлежат веку, а мысли векам». Сб. ст. М., 2016. С. 18.

[59] *Васильева С.П.* Епархиальные училища в России конца XIX — начала XX в. Особенности образовательного процесса // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2008. Вып. 9(65) С. 87.

[60] *Пушкарева Н.Л.* Домашнее образование российских дворянок (по мемуарной литературе конца XVIII — начала XIX в.) // Вестник ун-та российской Академии образования. 1999. № 2 (8). С. 61.

Ведомство императрицы Марии развернуло и широкую учебно-воспитательную работу»[61], — имеет ли он в виду, что до этого такая работа в Ведомстве не проводилась?

Во многих работах, характеризующих институтское образование в целом, речь в действительности сводится исключительно к Смольному институту, более того, часто упускается из виду, что и сам Смольный состоял из двух очень разных по многим показателям половин, и говорится лишь о привилегированной его части — Воспитательном обществе благородных девиц. Все другие институты, как правило, остаются за рамками интереса исследователей. При этом сам Смольный институт предстает статичной, застывшей навеки школой монастырского типа, куда не проникало никакое живое слово, а обучение было донельзя ограниченным. В пределах небольшого текста речь может идти сразу о долгом периоде существования институтов — автор свободно переходит от XVIII ко второй половине XIX века, затем на полстолетия обратно, подкрепляя свой рассказ о екатерининских временах мемуарным свидетельством рубежа 1850–1860-х гг.[62], и при этом объект повествования предстает в одном и том же неизменном виде[63]. Нельзя не согласиться с замечанием В.И. Адищева о подобных работах: «большинство публикаций построено на ограниченном

---

[61] *Тимченко* В.А. Деятельность южнороссийских благотворительных обществ, заведений, братств и попечительство во второй половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. Новочеркасск, 2004. С. 147.

[62] Напр.: *Юкина И.И., Гусева Ю.Е.* Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) // Юкина И.И., Гусева Ю.Е. Женский Петербург. СПб., 2004. С. 33.

[63] Представление о неизменности институтов, прочно укоренилось (например, см. комментарий редакторов академического собрания сочинений И.А. Гончарова: «Мемуаристки *единодушно* отмечают, что учебная и бытовая обстановка в Екатерининском институте сохранялась вплоть до мелочей на протяжении десятилетий; поэтому при комментировании институтских реалий используются мемуарные свидетельства разного времени без соответствующих оговорок» (*Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем в 29 т. Т. 1. СПб., 1997. Прим. Сноска 1 к стр. 805). Курсив мой. — *В.П.*

круге нередко одних и тех же источников», им свойственны «повторяемость сюжетов, приводимых сведений и фактов»[64].

В «Беседах о русской культуре» Ю.М. Лотмана[65] одна глава посвящена женскому образованию XVIII — начала XIX в. (к этому периоду автор относит и николаевскую эпоху), и из них восемь страниц — Смольному институту. Объем небольшой, но имя автора заслуживает того, чтобы его работа была внимательно изучена. По мнению Лотмана, «подлинный переворот в педагогические представления русского общества XVIII века внесла мысль о необходимости специфики женского образования» (с. 77. Курсив автора. — В.П.). Однако в традиционном обществе девочек готовили совсем к иному будущему, чем мальчиков и, соответственно этому, их подготовка была различной. Напротив, как раз эпоха Просвещения порождает представление о том, что всякий воспитанный человек, будь то мужчина или женщина, должен обладать широким гуманитарным образованием. Так, по замечанию дореволюционного исследователя Н.П. Малиновского, «просветительская педагогика не делала никакого различия между природой мужчины и женщины и требовала проведения этого взгляда в разных сферах общественной жизни, в том числе и в области воспитания и образования»[66].

---

[64] *Адищев В.И.* Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах… С. 52. Историк Л.М. Артамонова справедливо отмечает «негативную тенденцию последних лет» — «появление работ, авторы которых практически обходят стороной дела центральных архивов» (*Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII — начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 12), о том же пишет исследователь Е.А. Тарабановская (*Тарабановская Е.А.* «Воспитывать будущих добрых супруг, хороших матерей и хороших хозяек…» (к истории Астраханской Мариинской женской гимназии) // Гуманитарные исследования. 2013. № 4(48). С. 152).

[65] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

[66] *Малиновский Н.П.* Очерки по истории женского среднего образования в России // Русская школа. 1914. № 9–10. С. 132; см. также:

Хотя хронологические рамки повествования Ю.М. Лотмана охватывают почти сотню лет, он не видит различий между Смольным институтом 1760-х гг. и первыми десятилетиями XIX вв. Отобранные факты однозначно рисуют мрачную картину институтской повседневности: «благородная» и «мещанская» половины Смольного враждовали между собой; девочки «среднего возраста» всегда безобразничали, дразнили учительниц, не делали уроков (с. 79); здесь царил «произвол надзирательниц» (с. 81); в институте «кипели страсти, интриги неизбежно затягивали учениц», действовал «казарменный режим», а питание было скверным (с. 82), — иными словами, обстановка в институте была «весьма тяжелой». Воспитательницы «как правило, не имели педагогического образования» (а у многих ли мужчин оно было в те годы?). Картина институтского образования, предстающая вне исторического контекста, выглядит мрачно: учение было «поверхностным», за исключением иностранных языков; «физика сводилась к забавным фокусам», математика — «к самым элементарным знаниям». Помимо иностранных языков, «значение фактически придавалось только танцам и рукоделию» (с. 79). Закономерно возникает вопрос: для чего нужен был такой женский институт? Зачем дети проводили долгие, очевидно мучительные для них годы, под игом «подлинных ведьм» (с. 82)? Было ли хоть что-то положительное в существовании столь устрашающего учреждения, кроме возможности для единиц из смолянок «сделаться фрейлинами» (с. 80)? Почему государство поддерживало существование института, затрачивая на него большие средства, а с конца XVIII в. инициировало открытие все новых институтов? Читателю становится известно лишь то, что из смолянок стремились сделать «придворные игрушки»[67].

Nash C.S. Educating New Mothers: Women and the Enlightenment in Russia // History of Education Quarterly, Vol. 21, No. 3, 1981. P. 305.

[67] Подобную же мысль высказывают и другие авторы, напр.: институтская программа была «построена таким образом, чтобы благодаря продуманной системе обучения подготовить для императрицы будущих фрейлин» (*Смольянинова Т.Е.* Придворная культура в

В тексте Ю.М. Лотмана о Смольном институте встречаются неточности и даже ошибки. «Основную массу» в начальный период существования Смольного института вовсе не «составляли девушки дворянского происхождения[68]; несправедливо утверждение, что «после окончания института любимые игрушки мало кого интересовали»[69]; шифр, получаемый в награду

век Екатерины II и западная модель светского образа жизни и светского образования // Studia culturae. Вып. 2. Альманах кафедры философии культуры и Центра изучения культуры философского факультета С.-Петербургского гос. ун-та. СПб., 2002. С. 122).

[68] См. то же: *Engel B.A.* Women, the Family and Public Life // The Cambridge History of Russia. V. II. / D. Lieven. Cambridge University Press, 2006. P. 307. Для Воспитательного общества первоначально было назначено 200 вакансий, для Мещанского училища — 240, но спустя менее двух десятков лет в первом училось 274, во втором — 255 (см.: Русская старина. 1878. Т. XXIII. С. 316). В 1842 г. Мещанское отделение было переименовано в Александровское, и одновременно возросли требования к социальному положению его воспитанниц.

[69] По окончании института воспитанницы, в зависимости от своего материального положения и успехов в учении получали различные денежные выплаты, в т.ч. на экипировку. В др. институтах были установлены подобные же правила, примеров чему очень много (напр., см.: Список девицам, кои по недостаточному их состоянию и по успехам, прилежанию и доброму поведению наиболее назначаются к денежному награждению. 1807 // РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 496. Московский Екатерининский институт). Общего порядка выплат не придерживались, поскольку бюджет был ограничен. Бывшие институтки имели право обращаться за защитой и помощью в Мариинское ведомство, а при жизни императрицы Марии Федоровны пользовались ее личным покровительством. Это касалось и окончивших курс учениц Мещанского отделения: «в каковых-либо обидах и притеснениях бывшие воспитанницы Мещанского училища всегда под опекою Совета попечителей благородных девиц состоять имеют» (См.: *Черепнин Н.П.* Императорское воспитательное общество… Т. 1. С. 86). Вопреки утверждению Лотмана, девочек младшего возраста, носивших «кофейного» цвета платья, называли не «кофейницами» (это слово означало гадалку на кофейной гуще), но «кофейными», «кофушками» и «кофульками»; а П.А. Плетнев

лучшим выпускницам, изготовлялся из золота, но, в отличие от фрейлинского, вовсе не украшался бриллиантами; приём в Смольный институт дочерей «героически погибших генералов» никак не мог быть всего лишь «жестом особой царской милости» — он был правилом[70].

В перечне преподаваемых в Смольном институте предметов в очерке Ю.М. Лотмана названы физика и астрономия, в Уставе 1764 г. не упомянутые, но при этом упущены Закон Божий, история, география, законоведение, геральдика, рисование, музыка, домашняя экономия. Ю.М. Лотман пишет, что «обучение в Смольном институте длилось девять лет. Сюда привозили маленьких девочек пяти-шести лет…» (с. 78), таким образом, объединяя два различных периода жизни института: по екатерининскому плану действительно в него набирали пяти-шестилетних детей, но учились они 12 лет, тогда как по новому порядку, введенному императрицей Марией Федоровной срок обучения был сокращен на три года, возраст поступающих при этом был поднят до восьми-девяти лет[71]. Далее, по утверждению Ю.М. Лотмана, «нередко окончившие Смольный институт бедные девушки становились чиновницами, воспитательницами или учительницами…». Ситуация, чтобы выпускницы Смольного института XVIII — первой половины XIX в. становились чиновницами (с. 79) была совершенно невозможной.

Автором очерка, посвященного образам институток в литературных произведениях русских писателей с XVIII по начало

преподавал не в Смольном институте (с. 79), а в Екатерининском и Патриотическом.

[70] Более того, по предложению императрицы Марии Федоровны в 1803 г. «право к принятию» в Воспитательное общество было распространено и на дочерей дослужившихся до звания полковника (по статской службе — статского советника), «хотя их родители и не из природных дворян» (РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 257).

[71] Воспитанницы Мещанского отделения по новому порядку, заведенному императрицей Марией Федоровной, поступали в институт с 11–12 лет, срок обучения был шестилетним (РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 125 об.). 1797 г.

XX в., является А.Ф. Белоусов[72]. Его перу принадлежит также вступительная статья, открывающая лучшую из существующих публикацию мемуаров институток[73]. Написанный ярко и живо текст содержит тонкие наблюдения о языковой стихии институтской жизни, ее «смеховой культуре», укорененном в общественном сознании стереотипном восприятии образа институтки, который «заслуживает внимания и объяснения»[74]. В то же время институты предстают здесь в статике, без учета перемен, которые происходили как в учебно-воспитательной, так и в бытовой повседневности институтов. Пристрастен выбор автором воспоминаний, на основе которых выстраивается повествование, и которые сам автор называет «обвинительными показаниями» (с. 31). В результате мы вновь видим устрашающую картину институтского «режима, основанного на казарменных идеалах николаевской эпохи», «однообразную массу воспитанниц» без «всякой индивидуальности», «отсутствие подлинно нравственного воспитания», жестокость в обращении с институтками, «бессмысленную и малопродуктивную зубрежку» (с. 9), словом, те самые «стереотипы общественного восприятия», осмыслить которые призывает сам автор.

Женским институтам посвящена немалая часть работы Э.Д. Днепрова и Р.Ф. Усачевой «Среднее женское образование»[75]. В книге дореформенное состояние женской школы

---

[72] *Белоусов А.Ф.* Институтки в русской литературе // Тыняновский сб. 4--е Тыняновские чтения. Рига, 1990. Полагаем все же, что образы институток в литературных произведениях, о которых рассказывает А.Ф. Белоусов, в бóльшей степени характеризуют время, в которое они создавались, нежели самих институток.

[73] Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подготовка текста и комментарии В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой. М., 2001, 2005, 2008.

[74] *Белоусов А.Ф.* Институтки // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. С. 7; см. также: *Белоусов А.* «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге…» // Отечественные записки. 2004. № 3.

[75] *Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.* Среднее женское образование. М., 2009. В цитируемом учебном пособии нашли яркое выражение

характеризуется как «эмбриональное» (с. 8), что вызвало необходимость в 1860-х гг. «фактически заново» создавать женскую школу (с. 12). Основной интерес Э.Д. Днепрова и Р.Ф. Усачевой привлекает прежде всего не содержание образовательного процесса в историческом развитии (в этом они по большей части ссылаются на наиболее жесткие оценки Е.И. Лихачевой и П.Ф. Каптерева), а общественно-политические силы, определяющие, по мнению авторов, его характер.

Книга построена на традиционном противопоставлении государства и общества, причем, в соответствии с авторской концепцией, «две линии развития образования» — государственная и общественная — находились в «постоянном противостоянии», «противоборстве». Вся временная протяженность, в которой существовала и развивалась русская школа, подразделяется в книге на «реформы» и «контрреформы», попеременно сменяющие друг друга. Подобная идеологическая конструкция сводит всю сложность жизненной палитры к примитивной монохромной схеме. Неслучайно текст пестрит такими выражениями, как «махрово-реакционные политические взгляды», «официальная педагогика», «чисто армейская централизация и единоначалие», «дух казармы», «меры охранительно-педагогические», «казенное образовательное сознание», «охранительные откровения» и т.п. Не нужно проводить углубленного контент-анализа, чтобы понять, что государство выступает на страницах книги в роли вполне однозначной — силы довлеющей и подавляющей. Характерны рассуждения авторов об особенностях менталитета народа: «кодекс раба в век Просвещения — таковы парадоксы российского “просвещенного абсолютизма”. Последствия этого внедренного в плоть и сознание кодекса народ выдавливает из себя то “по капле”, то реками крови уже третье столетие» (с. 33–34); «охранительной идеологией» была проникнута не только «верховная власть… у ее низовых служителей на поприще женского образования *сослов-*

идеологические установки, воплощавшиеся Э.Д. Днепровым, министром образования Российской Федерации в 1990–1992 гг., в ходе начавшейся перестройки советской школы (см. с. 237 и далее).

ные инстинкты рождались на клеточном уровне, существовали глубоко в крови» (с. 61. Курсив мой. — *В.П.*).

В книге не использован богатый материал юбилейных очерков, практически не привлекаются данные архивов, а круг цитируемой мемуарной литературы ограничен. Обоснованность выводов Э.Д. Днепрова и Р.Ф. Усачевой можно проиллюстрировать составленной ими таблицей № 5 (с. 212), в которой сопоставляются программы различных учебных заведений. Авторы приводят данные из программ мужских гимназий 1871 г., женских министерских гимназий 1874 г., реальных училищ 1888 г., военных гимназий 1882 г., епархиальных училищ 1868 г., сравнивая их с институтской программой 1855 г., появившейся намного (от 13 до 33 лет) раньше прочих. Составленная в конце николаевского царствования, в пресловутое «мрачное семилетие», программа институтов не может, разумеется, идти ни в какое сравнение с учебной программой любой из этих школ, переживших, как и сами институты, глубокое реформирование в эпоху Великих реформ. Что помешало авторам взять для сравнения учебную программу институтов за 1874 г., разработанную одновременно с программой женских гимназий Министерства народного просвещения[76]? Очевидно, что институтскому образованию в книге приговор вынесен заранее, и во внимательном изучении фактического материала нет необходимости.

Зарубежные историки зачастую следуют в том же критическом русле, повторяя уже перечисленные мифы и стереотипы. Обратимся к монографии американского ученого Р. Стайтса, в редакторском предисловии к которой отмечается, что «сегодня ни один исследователь, занимающийся историей женского движения России, не может пройти мимо этой работы»[77].

---

[76] Подобная же таблица, сравнивающая программы министерских гимназий 1874 г. с институтской 1855 г., приводится в изданной ранее работе: *Косетченкова Е.А.* Становление системы женского образования в России // Вестник Поморского ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3. С. 23–24.

[77] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. Стайтс рисует

Соглашаясь с этим, считаем тем более важным остановится на том, что пишет зарубежный специалист по истории русской культуры о женских институтах.

В тексте Р. Стайтса, как и немалого числа других авторов, институты предстают в неизменном виде на всем протяжении их истории, да и речь на страницах книги идет только об одном Смольном (а фактически, лишь о его привилегированной части — Воспитательном обществе благородных девиц). Ученый называет институты «приютами аристократок», доступ к которым имели дочери высших военных и гражданских чинов (с. 24). При поступлении в институт предпочтение, по его утверждению, отдавалось девушке, чей отец погиб на поле боя, «конечно же, при условии, что погибший герой был знатного происхождения и занимал положение в обществе». В институте девица «изучала азы арифметики, Закон Божий, приобретала некоторые навыки ведения домашнего хозяйства, совершенствовала свой французский, а также знакомилась с представлениями высшего света о моде, танцах и правилах поведения в обществе». (С подобными суждениями мы уже встречались в тексте Ю.М. Лотмана.)

По Р. Стайтсу, институтское образование «служило только для “профессиональной” подготовки матерей, жен и домохо-

---

чрезвычайно идиллическую картину детства дворянки, ставя знак равенства между дворянским достоинством и владением поместьем, что было далеко от реальной жизни: «Детство девочки-дворянки было беззаботным. Она играла в куклы, каталась на коньках и санях зимой, ходила по грибы летом… Ее миром было отцовское поместье, столицей этого мира — дворянская усадьба» (С. 14). В то же время, согласно исследованию П.А. Зайончковского, к 1850 г. из 253 тыс. потомственных дворян 148 тыс. не имели крепостных, а более 100 тыс. из них «сами занимались хлебопашеством» (*Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 43), причем процесс «оскудения» дворянства неумолимо ускорялся. Но и детство дворянок, проведенное в поместье, зачастую отнюдь не было безмятежным (о чем Р. Стайтс, безусловно, знает, поскольку в своей работе он обращается к воспоминаниям Е.Н. Водовозовой).

зяек привилегированного класса» (с. 24), что звучит наивным переложением деклараций XVIII века о необходимости подготовки в институтах «добрых жен и полезных матерей семейств». Хотя институты не давали никакой «значимой подготовки к будущей жизни, даже в простейших ее проявлениях», по мнению американского историка, некоторую пользу они все же приносили — воспитанницы приобретали знание языков, «что позволяло им, если они того желали, знакомиться с плодами западной культуры, в том числе и с учением о правах женщин» (с. 26–27).

В одном месте Р. Стайтс пишет, что институтов было шесть (с. 85), в другом — что их было около 20, и открыты они были «во всех губернских городах Российской империи»[78] (20 губерний в России было к 1766 г., а в середине XIX в. их насчитывалось уже около 60). Путаница также возникает в рассказе о праве на обучение в институтах: согласно тексту, получается, что дворянки учились бесплатно, а дочери купцов и «непотомственных дворян» — за плату, что не соответствует действительности[79]. Чересчур приблизительно утверждение, что «Смольный ежегодно выпускал около 70 девушек»[80]. Елена

---

[78] Подобное суждение практически дословно повторяется в других работах: «Около двадцати таких институтов», «“приютов” для русских аристократок» было основано «во всех губернских городах Российской империи» (*Громова Д.А.* Социальный статус женщин-учителей народных училищ в России в конце XIX — начале XX веков (по материалам Таврической губернии). Дисс. …канд. ист. наук. М., 2016. С. 28; *Engel B.A.* Women, the Family and Public life // The Cambridge Historyof Russia. Vol. 2. Imperial Russia. 1689–1917. P. 307.

[79] То же: *Зотова Л.М.* Педагогика женского образования середины XIX — начала XX века. Запад–Россия: исторические параллели. Киров, 2006. С. 210.

[80] Выпуск до реформы К.Д. Ушинского производился раз в три года, причем оканчивало Смольный институт разное число девушек — от 60 в 1794 г. до 142 в 1821 г. только в одной его части, Воспитательном обществе. После преобразований Ушинского выпуски стали ежегодными. Число выпускниц Воспитательного общества коле-

Кольцова-Масальская (урожденная княжна Гика, писавшая под псевдонимом Дора д'Истриа), на тексты которой опирается Р. Стайтс, никогда в Смольном институте не училась[81], и т.д.

Неразработанность историографии женского образования дореформенного периода является причиной противоречивого заключения, содержащегося в глубоком исследовании Ц.Х. Виттекер, утверждающей, что «хотя образование, предлагавшееся женщинам, было скудно и нацелено на подготовку их к роли матери и жены, рост числа учащихся девочек наверняка послужил одной из причин стремления множества *хорошо подготовленных женщин* в университеты в следующем царствовании»[82].

В русле гендерных исследований написана книга Б. Пиетров-Энннкер[83]. Автор рассматривает возникновение и ход русского женского движения на основе изучения 12 биографий наиболее известных в исторической литературе деятельниц, разделенных на группы по особому критерию — «степени их увлеченности идеей эмансипации» (с. 26). Опираясь на работы зарубежных исследователей, автор пишет о «казарменном духе эпохи "жандарма Европы" Николая I» (с. 120) и о «казарменном духе» в семье (с. 99), а в главе «Воспитание в институтах, пансионах и родительских домах» утверждает, что институты «предстают в автобиографической литературе как символы угнетения представительниц женского пола… Во всех воспоминаниях[84] звучало недовольство строгой регламентацией пове-

---

балось — от 31 в 1864 г. до 75 в 1892 г. В ходе проведения реформ Ушинского в 1860 г. из обеих половин Смольного института было выпущено 132 девицы (РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 566. Л. 3–3 об. 1860 г.)

[81] Дора д'Истриа росла в знатной и богатой семье и, по некоторым сведениям, получила прекрасное домашнее образование. Некая Елена Гика окончила в 1842 г. курс учения в Одесском институте благородных девиц.

[82] *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 157. Курсив мой. — *В.П.*

[83] *Пиетров-Энннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.

[84] Исследователь называет *семь* воспоминаний институток из нескольких десятков, причем цитаты, на основе которых она делает

дения в быту, плохими условиями жизни и отчужденностью воспитательниц от учениц», «воспитательницы и учителя не располагали ни педагогической, ни предметной квалификацией для соответствующей работы» (с. 123), «воспитание в институтах и пансионах...служило тому, чтобы закрепить господствовавшие представления о женских обязанностях», «девочек готовили к роли законных жен и к выполнению связанных с этим представительских функций в высшем обществе» (с. 135).

Последняя мысль разделяется и некоторыми отечественными гендерными историками. Таким образом, упускается из виду, что русские женские институты были не только образовательными, но и благотворительными заведениями, и выполнявшаяся в них программа социализации воспитанниц имела иную цель, чем подготовка к выполнению «представительских функций», да еще и в «высшем» обществе.

Ошибочно утверждение Б. Пиетров-Эннкер, что императрица Мария Федоровна «организовала еще 12 институтов за пределами столиц», тогда как при ней их было открыто девять, причем лишь два «за пределами столиц»; в институтах к деятельности акушерок девушек из недворянских семей (с. 117) не готовили; разделение женских учебных заведений на разряды произошло не в 1855 г. (с. 122), а десятилетием раньше, в 1845 г.[85]; «для занятий в свободное время» институткам никогда не «предлагалось чтение немногочисленных бессодержательных романов» (с. 124), и т.д.

Понятно, что немного работ, посвященных малоразработанной тематике, вполне свободны от тех или иных неточностей. Нашей задачей было показать, насколько иллюзорно наше представление о том, что мы действительно знаем, что такое были русские женские закрытые институты. Они у нас «на слуху» — институты и институтки вошли в фольклор, устный и песенный, тем самым стали частью национального менталитета (что

свои выводы, принадлежат всего трём ее героиням, активным шестидесятницам — Е.Н. Водовозовой, В.Н. Фигнер, А.А. Комаровой.

[85] *Селезнев И.Я.* Пятидесятилетие IV Отделения С.Е.И.В. канцелярии. 1818–1878. СПб., 1878. С. 66.

мастерски показано А.Ф. Белоусовым), они фигурируют в кино, романах и детективах, им посвящено множество статей, и создается впечатление, что этот предмет нам хорошо знаком. Это совсем не так.

Не только полярность оценок, которые выставляют институтам профессиональные историки, но и то количество мелких и крупных ошибок, которыми грешит большое количество наших работ, демонстрирует неизученность этого феномена. Выступали ли институты, как утверждает Б. Пиетров-Энннкер, в качестве «символов угнетения представительниц женского пола»? Без всякого сомнения. Но для каких категорий населения России, в какой временной отрезок, по каким причинам? Мнение о «крайне низком» уровне преподавания в институтах и «крайне ограниченном» институтском образовании нуждается в уточнении: по сравнению с какими типами учебных заведений институты находились в столь удручающем состоянии? В Западной Европе вплоть до последней трети XIX в. не существовало системы женского среднего образования, сравнимой с русской, а сопоставление женской школы с русской мужской в условиях традиционного общества хотя и ставит ее в заведомо невыгодное положение, может привести к не столь уж очевидному выводу. В любом случае, без опоры на принцип историзма, привлечения сравнительных данных о других типах учебных заведений, к решению этой задачи приблизиться мы не сможем.

Обращает на себя внимание лексика авторов, пишущих о женских институтах: «дикость», «вопиющий анахронизм», «анекдотическое невежество», «до крайности уродливое», «крайне низкое», «крайне ограниченное» и т.д. Один из авторов в перестроечном увлечении сравнивал институтскую повседневность с «зоновским беспределом» и даже находил в ней подобие «механизма сталинской модели власти»[86].

Женские институты — интернатная форма среднего учебного заведения, какие существовали раньше и существуют

[86] *Борисов С.Б.* Благородные девицы, «беспредел» и некоторые вопросы политической истории СССР // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 130.

доныне в разных странах. Во многих чертах сходными с институтами были кадетские корпуса, которые, как и женские гимназии, являются объектом изучения и осмысления, им посвящено немалое число серьезных исследований — монографий, докторских и кандидатских диссертаций. Этого не происходит с женскими институтами. Отношение к последним колеблется от любования (прежде всего в научно-популярной литературе и беллетристике[87]) до поношения, «золотая середина» встречается нечасто.

Отчего же именно женские институты получают столь эмоциональные оценки не только в публицистике, но и в научной литературе? Никакой другой тип школы не вызывал как в общественном сознании, так и в научном мире подобного отношения. Получается, что в феномене русских женских институтов заключается нечто раздражающее, задевающее за живое, что-то такое, что мешает непредвзятому к ним отношению. Рискнем предположить, что ответ подсказывают не «хулители», а «ревнители», мотивы которых выглядят более очевидными: они зачарованы женственностью, юной неопытностью, воплощенным образом которой являются эти девочки в белых фартуках, сидящие на школьных скамьях. Но этот же образ порождает у критиков противоположные чувства.

Как уже говорилось, для демократических кругов второй половины XIX в., подвергавших критике разные типы учебных заведений того времени, именно женские институты явились символом всего худшего, что только было в школе «старого режима»: авторитарность, закрытость, «удушающее влияние» государственного диктата, воспитание поколений в монархической идеологии, суровая дисциплина[88]. При этом институтское

---

[87] См., напр.: *Аляева Н.* Дорогие мои смолянки. СПб., 2013; *Данилова А.В.* Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. М., 2005, 2007.

[88] В то же время британские школы-интернаты, которые можно охарактеризовать даже более жестким образом, имеют наилучшую репутацию, и никому в голову не приходит говорить о «репрессиях» и «казармах».

образование с его будто бы неопределенным «декоративным» целеполаганием не имело того оправдания, какое было у кадетских корпусов, готовивших профессиональных военных. Модели, взращивавшей «законопослушного верноподданного сообразно его сословию» противопоставлялась другая, призванная «воспитывать и образовывать человека» (П.Ф. Каптерев). Спор «государственников» и «демократов» продолжается и поныне, внося в, казалось бы, академическую тему неувядаемую идеологическую актуальность.

Но наибольшей долговременностью и постоянностью отличается сугубо мужской взгляд на женские институты, как и на другие женские попытки заступить за пределы очерченного им некогда судьбой круга; взгляд иногда снисходительный, а порой высокомерный и даже ожесточенный. Именно так смотрело на Смольный институт второй половины XVIII в. немалое число мужчин-современников, подобные же чувства порой прочитываются у некоторых авторов спустя два столетия[89].

Примечательно, что женские институты оказались под прицелом критики с иного полюса — со стороны исследовательниц, разрабатывающих гендерную проблематику. Они фиксируют в женских институтах «авторитарное воспитание», формирующее «нормативную женскую идентичность» «в еще большей степени, чем семья»[90]. Эти утверждения, впрочем, не

---

[89] См., напр., комментарий Ю.М. Лотмана к воспоминаниям Е.А. Лабзиной в тех же «Беседах о культуре». Автор противопоставляет доброму, «европейски образованному человеку, крупному ученому» А.М. Карамышеву (С. 310) мемуаристку, «сильную и властолюбивую» жену Карамышева, «добродетель и искренняя филантропия» которой «чуть-чуть» окрашены ханжеством (С. 304). Предубежденность автора особенно очевидна в том, как он «не видит» в анализируемом им тексте факты, которые говорят против Карамышева, и находит убедительные формулы, чтобы если не оправдать, то смягчить его жестокость по отношению к жене-подростку.

[90] Напр.: «Власть и общество признавали за данными учебными заведениями некие важные для социума функции, а именно — удерживание в подчинении молодых представительниц дворянского сообщества путем направленного формирования “норма-

подкрепляются сколько-нибудь основательными доказательствами.

История женского образования, к сожалению, оказалась на периферии исследовательского интереса отечественных историков-гендерологов, хотя эта тема имеет самое непосредственное отношение к разрабатываемой ими проблематике: полученное образование позволяло женщинам, даже оставаясь в рамках традиционного общества, реализовать иной сценарий жизненной судьбы, не ограничиваясь одной лишь ролью «дочери, жены, матери».

Таким образом, сейчас, как и прежде, в историографии женских институтов сохраняются два противоположных направления. И действительно, оценивая уровень русского женского образования в первой половине XIX в., исследователи зачастую придерживаются совершенно различных, даже полярных взглядов. Примечательно, что даже используя одни и те же термины в своих характеристиках институтского воспитания и образования, историки приводят их с противоположным знаком (например, по мнению одного автора, институтское образование было «систематическим»[91], по мнению другого —

тивной женской идентичности"» (*Лисицына О.И.* Специфика воспитания дворянских девочек в закрытых женских учебных заведениях в конце XVIII–XIX вв. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Сб. Нальчик-Москва, 2013. С. 201); «институт в еще большей степени, чем семья, выступал "полем" легитимации власти и гендера» (*Белова А.В.* «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб., 2014. С. 247); «авторитарное воспитание» в закрытых женских институтах имело целью «более направленного формирования "женской" гендерной роли», чем в семье (*Самофалова Е.А.* Жанровые признаки семейной хроники в женской мемуарной автобиографической прозе второй половины XIX в. Дисс. …уч. степ. канд. фил. наук. Курск, 2015. С. 130).

[91] *Дунаева А.П.* Женские учебные заведения в Европейской России и Восточной Сибири: аспекты развития // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4. С. 40.

«систематическим» оно не было[92]; одна исследовательница утверждает, что «развитию индивидуальности» в институтах придавали «большое значение»[93], другая пишет о «стирании индивидуальности» воспитанниц институтов[94], и т.д.).

Изучение истории институтского образования невозможно без опоры на поясняющие сопредельные темы работы по «женской истории» и «истории детства», проведенные отечественными историками[95], а также без привлечения как обобщающих трудов, посвященных прошлому русской школы, так и работ по истории бытования отдельных учебных дисциплин[96].

---

[92] *Белкина Е.Е.* Среднее женское образование в 1850–1860-е гг. и открытие первой женской гимназии в Калуге // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2013. № 3. С. 70.

[93] *Короткова М.В.* Исторический опыт организации обучения в закрытых учебных заведениях России XVIII–XIX вв. в контексте гендерной педагогики // Педагогическое образование и наука. 2013. № 3. С. 57.

[94] *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины». С. 209.

[95] *Валькова О.А.* Женщины-естествоиспытатели Российской империи (конец XVIII — начало XX в.). Автореф. дисс. …уч. степ. доктора ист. наук. М., 2014; *Дунаева А.П.* Женские учебные заведения в Европейской России и Восточной Сибири: аспекты развития // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4; *Кошелева О.Е.* «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения. Пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000; *Мицюк Н.А.* Женщины российской провинции XIX — начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (по материалам Смоленской губернии). Смоленск, 2013; *Пушкарева Н.Л.* Домашнее образование русских дворянок (по мемуарной литературе XVIII — начала XIX в.) // Вестник ун-та Российской академии образования. 1999. № 2; *Солодянкина О.Ю.* Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник Российского ун-та Дружбы народов. Серия «История России».2003. № 2; др.

[96] *Беньковская Т.Е.* «Классическое» и «реальное» направления в методике преподавания литературы XVIII–XIX веков // Известия российского гос. ун-та им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5. № 12; *Зуева М.А.* Создание и деятельность Комиссии народных училищ при Екатерине II // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева.

Обзор источников

Важнейшими источниками по истории институтов являются законодательные акты — устав Воспитательного общества (1764 г.), указы об учреждении Мещанского училища (1765 г.), Девичьего училища Военно-Сиротского дома (Павловский институт, 1807), уставы Харьковского (1812 г.), Одесского (1829 г.), Тамбовского (1843 г.) институтов, «Положения» о Патриотическом институте (1814 г.), московском Доме Трудолюбия (Елизаветинском, 1825 г.) и др. Эти документы регламентировали внутреннюю организацию и распорядки, в том числе определяли цель воспитания и образования в институте, учебные предметы, должностные полномочия лиц, отвечавших за воспитательную и образовательную части, их материальное обеспечение и пр. Действие всех уставов и других уставных документов было прекращено с принятием общего устава женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии 1855 г. Устав, разрабатывавшийся в течение почти десяти лет и подробно регламентировавший все стороны деятельности институтов, от организационной до учебной, послужил впоследствии образцом для уставных документов женских учебных заведений других подчинений (Мариинского института, епархиальных женских училищ и др.).

Необходимым источником служат нормативные документы центральных органов: инструкции воспитательному и учебному персоналу институтов, циркуляры, предписания и др. Инструкции

2013. № 1–2(77); *Павлидис В.Д.* Реформы математического образования в России в первой половине XIX в. // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 12; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования: В 5 кн. М., 1998; *Стародубцев М.П.* Педагогические размышления и проекты организации образования во времена правления Екатерины II // Вестник С.-Петербургского ун-та МВД России. 2013. № 1 (57) и др.; *Сысоева Е.К.* Школа в России. XVIII — начало XX в. Власть и общество. М., 2015; др.

начальницам учебных заведений неоднократно составлялись императрицей Марией Федоровной собственноручно, и в них, помимо прочего, содержится информация об организации учебного процесса, контроле за преподаванием, успехами воспитанниц, мерах их поощрения и наказания.

Основные решения, определявшие судьбу институтов, принимались лично их высочайшими покровителями — императрицами Екатериной II, Марией Федоровной, Александрой Федоровной, императором Николаем I, великой княгиней Еленой Павловной. Поэтому ценную информацию содержит их разного рода указания и предписания, переписка с начальницами институтов и др. ответственными лицами[97], камер-фурьерские церемониальные журналы императриц Екатерины II и Марии Федоровны, и пр.

Постановку учебного дела в отдельных институтах характеризует местное делопроизводство, которое содержит учебные планы, программы, табели, расписания занятий и переписку, связанную с разработкой этих документов, ведомости о пройденных предметах, рапорты инспекторов, регламент проведения экзаменов, данные о преподавателях. К этому виду источников примыкают отчеты и данные ревизий институтов, деловая переписка, отражающая конкретные подробности проведения в жизнь предписаний Ведомства учреждений имп. Марии, протоколы заседаний институтских Советов. Эти материалы историками практически не исследованы.

Наиболее полно сохранилась собственная документация петербургских институтов (ЦГИА г. Петербурга). Архивы мест-

---

[97] Часть данных опубликована в институтских юбилейных очерках, а также: Сб. РИО. Т. XIII. СПб., 1874; Бумаги Отечественной войны 1812 г. / Сост. П.И. Щукин. Кн. 8. Ч. 8. М., 1904; Письма государыни императрицы Марии Феодоровны к почетному опекуну князю Сергею Михайловичу Голицыну. 1811–1828. М., 1885; *Бюлер Ф.А., Тимощук В.В.* Императрица Мария Федоровна в ее заботах о Смольном монастыре. 1797–1802 // Русская старина. 1890. Т. 65. № 4; Письма в Бозе почивающей имп. Александры Феодоровны к начальницам Воспитательного общества благородных девиц // Вестник благотворительности. 1898. № 8; др.

ных институтов, в том числе и московских, дошли до наших дней в фрагментарном состоянии и в основном содержат, за немногочисленными исключениями, материалы второй половины XIX — начала XX вв. Почти полностью утрачены архивы институтов Юга России. Утраты отчасти компенсируют документы, отложившиеся в фондах Ведомства учреждений императрицы Марии (РГИА. Ф. 759, 760, 761, 762), куда поступали с мест подробные отчеты, рапорты, а также переписка между Главным Советом Ведомства и местными Советами институтов. Кроме того, важнейшим дополнением служат издания, основанные на архивных данных — институтские юбилейные очерки, «Материалы» Е.И. Лихачевой, монография И.Я. Селезнева, приуроченная к юбилею Мариинского ведомства[98]. Без привлечения этих данных реконструкция прошлого женских институтов конца XVIII — второй половины XIX в. была бы невозможна, поскольку немалая часть документов, на основе которых готовились эти труды, ныне утеряна.

Уже во второй половине XIX в. составители институтских исторических очерков сетовали на неполноту архивных фондов, имевшихся в их распоряжении. Так, автор истории Саратовского института писал, что его труд «составлен почти исключительно на основании данных необширного архива канцелярии института»[99], а в историческом очерке московского Екатерининского института отмечалось: «о том, как шло преподавание не в отчетах по начальству, а на самом деле, какие оно давало результаты и как к нему относились воспитанницы, мы знаем очень мало — на основании случайных и разрозненных данных»[100].

---

[98] *Селезнев И.Я.* Пятидесятилетие IV Отделения С.Е.И.В. канцелярии. 1818–1878. СПб., 1878.

[99] *Теодорович Н.И.* История Саратовского Мариинского института... Предисловие. Краткие сведения о бывших воспитанницах в «Истории» составлены на основе устных сообщений корреспондентов автора.

[100] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 187. Курсив мой. — *В.П.*

Это наблюдение подчеркивает значимость документов личного происхождения — дневников, воспоминаний и переписки — для понимания того, как шло преподавание на самом деле, и не только благодаря их фактической информативности: сама субъективность личных документов обогащает понимание прошлого. Питомицы женских институтов оставили довольно много воспоминаний, которые выходили на протяжении второй половины XIX — в начале XX в. в виде журнальных публикаций («Исторический вестник», «Русская старина», «Русская школа», «Русский вестник» и др.), а также отдельных изданий, крупнейшим из которых является двухтомник «Записок» В.П. Быковой[101]. Кроме того, отрывки из воспоминаний приводятся в некоторых юбилейных институтских очерках. Вкладом в институтскую мемуаристику явились записки А.О. Смирновой-Россет[102], интерес к личности которой был связан не с ее школьным опытом, а, прежде всего, с близким знакомством с замечательными современниками.

Публикация институтских воспоминаний в качестве самоценных памятников продолжилась в постсоветское время. Наиболее значительной является издание «Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц» (М., 2001, 2005, 2008), снабженное справочным аппаратом, выполненном В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой в лучших академических традициях. Публикации мемуаров институток продолжаются[103]. Это богатое наследие за некоторыми исключениями изучено недостаточно[104]. Кроме того, в архивохранилищах содержатся еще

---

[101] *Быкова В.П.* Записки старой смолянки (императорского В.О.Б.Д.). 1833–1878 гг. / Изд. и прим. свящ. К. Зн-ского. СПб., 1898.

[102] *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания / Подг. изд., комм. С.В. Житомирской. М., 1989.

[103] Напр.: *Стрелкова А.И.* История моей жизни. 1790–1852 гг. // Прохорова Н.Ф. Россия конца XVIII — середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой. Т. 1. Самара, 2014.

[104] *Станчевская Т.С.* Жанровая специфика «Очерков институтской жизни былого времени» Анны Энгельгардт // Вісник Запорізького національного ун-ту. Філологічні науки. 2013. № 2.

неопубликованные воспоминания, часть из которых удалось выявить и впервые ввести в научный оборот в данном издании.

В ранних воспоминаниях сведений об учении почти нет. Главное место в них занимают рассказы об институтской повседневности, о людях, окружавших воспитанниц в новой обстановке, — новой не только для них: женская государственная школа была явлением необыкновенным для всех современников. Раньше других подробный рассказ о своем учении и преподавателях оставила А.О. Смирнова-Россет, поступившая в петербургский Екатерининский институт в 1820 г. В записках учившихся в более позднее время институток рассказу об учении и учителях уделяется все больше внимания. Особенно информативны в этом отношении замечательные воспоминания Н.П. Грот, М.С. Угличаниновой, М.В. Залоги, А.Н. Энгельгардт, А.В. Стерлиговой[105]. Очевидно, что отдельно взятые мемуары рассказывают лишь о личном опыте их автора, о кратком эпизоде из долгой истории женских институтов, которые существовали в самой разной культурной среде, и для создания достоверной картины необходимо привлечение возможно большего числа разных свидетельств. Более того, очевидная субъективность такого источника, как мемуары, требуют, насколько это возможно, учитывать не только личность их автора, но и общий социальный контекст. Примечательно, что зачастую институтский быт характеризовался воспитанницами довольно критично, но когда речь заходила об их учении, тон

[105] Современная исследовательница, ссылаясь на воспоминания А.Н. Энгельгардт и А.В. Стерлиговой, в которых немало ярких страниц посвящено ходу учения в институтах, рассказам об учителях, тем не менее утверждает, будто бы эти мемуаристки «тему образования и интеллектуального развития в своих текстах даже не затрагивают», а затем делает серьезный вывод из этой неверной посылки: «вероятно, столь плохо поставленное образование вытекает из обозначенного выше общего представления о том, что женщина в нем не нуждается» (*Лисицына О.И.* Нормы и практики сексуального поведения российской дворянки конца XVIII — середины XIX вв. Дисс. …канд. ист. наук. М., 2015. С. 81).

мемуаристок менялся — своих учителей они вспоминали, как правило, с благодарностью[106].

Особый интерес вызывают немногочисленные воспоминания и переписка институтских преподавателей (среди них — Н.В. Гоголь, А.Д. Галахов, И.И. Мартынов, А.В. Никитенко) и классных дам, которые некогда сами были институтками (В.П. Быкова, С.А. Аникиева, Л.Ф. Гиргас). Кроме того, о разных сторонах жизни институтов упоминают и многие современники, чьи судьбы оказывались с ними так или иначе связаны (И.М. Долгорукий, А.Г. Бобринский, Ф.А. Оом, А.Е. Измайлов). Их свидетельства, дополняющие и корректирующие друг друга, позволяют рассматривать институтскую повседневность с разных сторон.

Важный материал по теме исследования содержат педагогические сочинения институтских деятелей (того же Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, А.Г. Ободовского, И.И. Давыдова, В.П. Шереметевского, др.), учебники и учебные пособия, подготовленные преподавателями институтов, данные о комплектовании учебных библиотек.

Материалы о женских институтах публиковались в периодической печати: «Журнале министерства народного просвещения» (учреждение институтов, их торжественные акты, выпуски, сотрудники), «Журнале министерства внутренних дел» (статистические данные, открытие и содержание вакансий учащихся, финансовые вопросы). Каждый институт в обязательном порядке регулярно извещал в местных губернских ведомостях и «Вестниках» о приеме и выпуске воспитанниц, условиях поступления, там же помещались отчеты об экзаменах, выпускных праздниках. Литературные журналы также откликались на институтские новости: публиковались сообщения о новых институтах, различных торжествах, начали появляться экскурсы в их историю («Северная почта», «Северная пчела», «Украинский журнал», «Современник», «Отечественные

[106] Речь не идет об анонимных мемуарах, или тех воспоминаниях, в которых институтские порядки описываются самым общим образом, без упоминания конкретных названий, имен и дат, что вызывает сомнение в их подлинности или же искренности.

записки»). Немало рассказов об институтской жизни регулярно появлялось в «Звездочке»[107], детском журнале, посвященном «благородным воспитанницам всея институтов Ея императорского Величества», издававшемся А.О. Ишимовой.

Для более полного представления о прошлом женских институтов совершенно необходимо обращение к личностям людей, которые в них учились, преподавали, воспитывали, лечили, выполняли черновую работу. Биографические сведения о воспитанницах, преподавателях и классных дамах содержатся в институтских архивах, однако они (особенно относящиеся к раннему времени) как правило, чрезвычайно кратки. Эту неполноту отчасти восполняют списки сотрудников, помещенные в некоторых юбилейных институтских очерках.

Краткие данные о службе содержатся в «Списках чинов», «Списках имеющим знаки отличия беспорочной службы», «Месяцесловах с росписью чиновных особ», позднее — в «Адрес-календарях» и городских адресных книгах, причем сведения со временем становятся более подробными: в перечень, кроме Воспитательного общества и Екатерининского института, включают все более широкий список институтов; помимо инспекторов, начинают помещать имена преподавателей, а затем появляются и сведения о классных дамах.

Личные дела институток в архивах учебных заведений относятся по большей части ко второй половине XIX в. Информация об учившихся ранее отрывочна, и то по большей части сохранились имена воспитанниц, окончивших полный курс учения. Сопоставление списков институток с именами классных и лазаретных дам дает возможность попытаться проследить, как складывалась жизнь выпускниц и было востребовано полученное ими образование, насколько корпус служащих институтов формировался с помощью собственных сил, и т.д.

---

[107] Журнал «Звездочка» (1842–1863) и имел два отделения: для детей младшего возраста до 10 лет и старших, 10–14 лет. Кроме того, издательница иногда помещала во втором разделе повести и рассказы для «молодых девиц», чтобы «и старшие воспитанницы института могли пользоваться чтением журнала».

Красноречивым свидетельством отношения общества к институтскому образованию является уточнение, какое встречается рядом с женским именем в родословных книгах и надгробных надписях некрополей — помимо традиционного «дочь такого-то» или «жена такого-то», непременно добавляется: «воспитанница», «классная дама» или «начальница» N-ского института, «кандидатка Николаевского Сиротского института». Институтское образовательное пространство в глазах общества превращало женщину в нечто большее, чем особу, традиционно описываемую всего лишь по ее месту в семейной иерархии.

Информация о преподавателях, разумеется, неизмеримо обширнее: данные о некоторых из них можно найти в «Биографических словарях» профессоров и преподавателей Московского, Петербургского, Киевского и Казанского университетов, монографических исследованиях, специальных энциклопедиях и справочниках, воспоминаниях современников, а также в публиковавшихся в периодической печати некрологах.

При изучении биографических данных и именных списков обнаруживается, что педагоги работали в институтах порой целыми династиями, некоторые из них женились на институтках и охотно помещали на учение в институты своих дочерей, что может являться одним из показателей статуса институтского воспитания и образования. К деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии оказываются прикосновенными множество людей, чьи биографии являются неотъемлемой частью институтской истории и многое в ней проясняют. Поэтому данные, которые в ходе работы удалось обнаружить, приводятся в подстрочнике.

Изучение истории институтского образования требует привлечения материалов, позволяющих представить общую картину развития образования в Российской империи в конце XVIII — начале XIX вв., особенности преподавания в различных учебных заведениях, поскольку судить об уровне женского институтского образования невозможно без использования сравнительных данных, таких, как уставы других средних учебных заведений, их нормативные документы и учебные программы, свидетельства современников, статистические

данные, — информацию, хорошо изученную и обобщенную в отечественной историографии[108].

*****

Важной частью образовательной системы России была женская школа, начало которой было положено учреждением закрытых институтов. Институты оставили глубокий след в исторической памяти, оказав серьезное влияние на формирование системы женского образования. Однако в истории русского женского образования остается еще много белых пятен: исследователи по-разному оценивают все стороны институтской повседневности — от сословного состава институток, квалификации институтских преподавателей и уровня институтского образования до бытовых условий.

Эта книга — попытка восполнить одну из лакун — рассмотреть, кого, чему и как учили в женских институтах, кто преподавал в них, каковы были их учебные средства во второй половине XVIII — первой половине XIX века.

Написание этой книги было бы невозможно без помощи коллег и друзей. Моя глубокая признательность рецензентам д.и.н. Ф.А. Петрову и к.и.н. Е.К. Сысоевой, критические замечания и ценные советы которых были чрезвычайно полезны. Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Лаборатории истории русской культуры во главе с д.и.н. Л.В. Кошман и кафедры истории России XIX — начала XX в. во главе с д.и.н. проф. С.В. Мироненко. Постоянную поддержку мне оказывали В.В. Гардаш, д.и.н. Д.А. Гутнов, д.и.н. О.Д. Минаева, Л.И. Смирнова, к.и.н. А.В. Сухова, к.и.н. Л.Б. Хорошилова и к.и.н. А.Д. Яновский, за что я им сердечно благодарна.

---

[108] *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912; *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912; *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878, др.

ГЛАВА I

Время Екатерины II: учреждение Смольного института

1. Женская школа в просветительской программе Екатерины II

Неотъемлемой частью широкой просветительской программы, задуманной Екатериной II, было женское образование. Во «всенародное известие» объявлялось, что «для пользы общества не меньше требуется, чтоб всякого чина и женский пол воспитан был в добронравии и в приличных состоянию его знаниях и рукоделиях». В 1764 г. в соответствии с разработанным сподвижником императрицы И.И. Бецким планом было учреждено Воспитательное общество благородных девиц, а через год — отделение для мещанок. Жизнь нового учебного заведения основывалась на «Уставе воспитания двух сот благородных девиц учрежденного Ея Величеством государынею имп. Екатериною Второю, самодержицею Всероссийскою, Материю Отечества, и протчая, и протчая, и протчая» (СПб., 1764) — одном из первых уставов средних учебных заведений в России.

Русская государственная школа для мальчиков к этому времени выработала свои образцы (Сухопутный Шляхетный, Морской, Пажеский корпусы, и др.), однако обустройство женской школы предпринималось на государственном уровне впервые. Поэтому предварительно изучался иностранный опыт. По распоряжению императрицы Коллегия иностранных дел в 1763 г. запросила у своих послов в европейских государствах сведения о местных женских учебных заведениях. Посол князь Д.А. Голицын сообщал, что в Австрии «знатных фамилий девиц» обычно воспитывали дома, дворяне же победнее отдавали дочерей в женские монастыри, где им давали воспитание, которое, впрочем, «можно назвать незавидным». Подробнее посол описывал порядок обучения в одном из лучших женских учебных заведений: здесь девочки обучались немецкому, французскому и латинскому языкам, истории и географии, разговаривая между собой по-французски. За

дополнительную плату по желанию родителей можно было заниматься танцами и музыкой. В Баварии, как и в «соседственных землях», государственных женских учебных заведений не нашлось, и посол советовал обратиться к опыту знаменитого французского Сен-Сира[1], женского учебного заведения, учрежденного г-жой Ментенон в 1686 г., к которому некогда проявлял интерес сам Петр I[2].

Исследователи по-разному оценивали степень влияния французского образца на учрежденный в 1764 г. первый русский институт — Воспитательное общество благородных девиц. Основные доводы при обсуждении этой проблемы были приведены еще в XIX — самом начале XX вв. Е.И. Лихачева считает, что ошибочно было бы считать созданный императрицей первый русский женский институт «копией Сен-Сира», поскольку, кроме различия в целях, для которых были основаны оба женских учебные заведения, и можно говорить лишь о «некотором сходстве в идеях, почерпнутых из одних и тех же источников»[3]. Это мнение, которого придерживался и Д.А. Толстой, оспаривает П.М. Майков, сравнивающий уставы обоих учебных заведений[4].

---

[1] Цит. по: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество благородных девиц. 1764–1914. Исторический очерк. Т. 3. Пг., 1915. С. 3–5, 21–25.

[2] См.: [*Распопова* Н.] Хроника Смольного монастыря в царствование имп. Екатерины II. СПб., 1864. С. 5. *Распопова* Неонила Николаевна, ум. в 1865 г. Окончила в 1851 г. курс в Воспитательном обществе с шифром, а в 1853 г. — специальный педагогический класс Александровского училища. Когда Распопова училась в старшем классе Общества, ее сочинение «о русском национальном воспитании» было особо отмечено начальницей М.П. Леонтьевой (*Гиргас Л.Ф.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева. Киев, 1895. С. 32). Детская писательница, воспитательница внучек Николая I Ольги и Веры.

[3] *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. Ч. 1. С. 133.

[4] *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 265–268; см. также: [*Распопова* Н.] Хроника Смольного

Действительно, многие внешние черты в устройстве пансиона св. Людовика в Сен-Сире и русского Смольного института схожи: размещение девиц в монастыре под опекой воспитательниц-монахинь, преподаватели женского пола, учебные предметы, деление воспитанниц на четыре класса «по возрастам», особый цвет платья для каждого возраста, близость двора и самого монарха, их пристальное, даже декларативное внимание к учебному заведению, привычные визиты знатных гостей, «домашний» театр (по просьбе г-жи Ментенон для Сен-Сира пьесы писал Ж.-Б. Расин, а советы по постановке давал Н. Буало; для русского института свои предложения о театральных представлениях давал Ф.-М. Вольтер[5]).

Ментенон, которая «жила воспоминанием о прекрасных салонах»[6], стремилась, основывая это заведение, воспитывать девочек «блестящими для света»[7]: они читали модные сочинения и обучались «изысканному слогу», особое внимание уделялось манерам и развитию грации. В Смольном также, «чтобы придать девицам надлежащую и приличную смелость в поведениях», по воскресным и праздничным дням устраивались собрания дам, кавалеров «и других почтительных людей», и «монастырки» должны были привыкать к «непринужденному и

монастыря в царствование имп. Екатерины II. СПб., 1864. Прил. С. 73–75. Современная исследовательница, проф. Страсбургского университета Э. Эндерлайн высказывает мнение, что «в Смольном Екатерина воплотила и развила французскую модель» (*Эндерлайн Э.* Женское образование в России XVIII в. // Философский век. Екатерина и ее время. Современный взгляд. СПб., 1999. С. 171).

[5] См.: *Дризен Н.В.* Материалы к истории русского театра. М., 1905. С. 56. Среди пьес, которые рекомендовал Вольтер, были «Мизантроп» и «Скупой» Ж.-Б. Мольера.

[6] *Чернова А.* Сен-Сирский институт как прототип наших женских закрытых заведений // Женское образование. 1878. № 6/7. С. 375.

[7] См.: *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой…. С. 250; То же: Живописная Русская библиотека. 1858. № 38. С. 302–303.

учтивому поведению», уметь «пристойно и благородно изъясняться»[8].

Задачи, поставленные перед новым учебным заведением, Екатерина II формулировала в письме к Вольтеру: «Мы воспитываем их [смолянок] так, чтобы они могли доставить радость той семье, в которую они войдут; мы не желаем делать из них ни скромниц, ни кокеток, но хотим, чтобы они были благовоспитанны, способны воспитать своих детей и вести свое хозяйство»[9]. Лихачева, безусловно, права, указывая на одни и те же философские и педагогические идеи, служившие отправной точкой и для г-жи Ментенон, и для автора устава русского женского института И.И. Бецкого. Тем же руководствовались составители устава мужского учебного заведения — Сухопутного Шляхетного корпуса, что отвечало мысли о необходимости воспитания прежде всего «человека и гражданина», независимо от пола. На этот аспект указывает современный исследователь М.П. Стародубцев, утверждающий, что «устав Смольного института предполагал отсутствие серьезных различий в области общего образования с мужскими учебными заведениями»[10]. Для мальчиков при этом был определен несколько больший объем преподаваемых предметов в соответствии с их будущими служебными обязанностями.

Смольный институт по замыслу основательницы и ее единомышленников должен был быть закрыт от света — для воспитания «новой породы людей»[11] воспитанниц было необхо-

---

[8] Устав воспитания двух сот благородных девиц, учрежденного Ея Величеством государынею императрицею Екатериною Второю, самодержицею Всероссийскою, Материю Отечества, и протчая, и протчая, и протчая. СПб., 1764. С. 15.

[9] См.: Записки Екатерины II. СПб., 1996. С. 176–179.

[10] *Стародубцев М.П.* Реализация проектов по реформированию российской системы образования в период правления Екатерины II // Известия российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2014. № 170. С. 11.

[11] *Петригина В.А.* Воспитание «новой породы людей» в просветительской политике Екатерины II // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 4; *Савченко Т.А.* Изоляционистская концепция вос-

димо изолировать от породы «старой». Для этого женский институт уподоблялся монастырю (долгое время по привычке учебное заведение так и называли «Смольным монастырем», а его воспитанниц — «монастырками»).

Возникает вопрос: что вызвало к жизни этот тип государственного женского учебного заведения, а затем обеспечило его существование именно на французской и русской почве (несколько позже две подобные государственные школы возникли в Австрии). Можно предположить, что в условиях просветительской идеологии именно в государстве с сильной централизованной властью была осознана невозможность дальнейшей модернизации страны без участия образованной женщины, и именно имперская политика, преодолевавшая неизбежные препятствия со стороны духовенства и наиболее консервативных кругов, была способна создать совершенно новую традицию — женскую светскую школу и привлечь к ней симпатии русского общества (тогда как для патриархального быта нормой признавалось *домашнее* воспитание и образование девочек).

Однако в дальнейшем развитие Сен-Сира и Смольного института шло совершенно разными путями, и их ожидали различные судьбы. Основанный в монастыре пансион св. Людовика из светской школы приобретал религиозный характер с узкой учебной программой, а в 1793 г., в ходе Великой Французской революции, и вовсе прекратил свое существование. Открытый в монастыре Смольный институт с преобладающей над учением воспитательной частью постепенно превращался в полноценное среднее учебное заведение, со всё расширявшейся учебной программой, выпускавшее поколение за поколением «образованных матерей и наставниц». Уже спустя год после основания Воспитательного общества было учреждено Мещанское отделение — «особливое училище при Воскресенском Новодевичьем монастыре», куда допускались дочери лиц «низших» сословий. Смольный институт положил начало

питания И.И. Бецкого // Вестник Северо-Восточного гос. ун-та. 2011. Т. 15. № 15; *Стародубцев М.П.* Реализация проектов...

системе русского женского образования, явившись образцом не только для других институтов, но и других типов женских учебных заведений, и существовал полтора века, вплоть до 1918 г., когда начался новый этап в развитии отечественной школы.

В европейской традиции в то время за редчайшими исключениями отсутствовала практика государственного женского образования. Более того, отсутствовало само представление о необходимости систематического обучения женщины. Предпринятый Екатериной II опыт во многом был новым не только для России, но и для Европы. Государственная инициатива в строительстве женской средней школы, как и во многом другом, опережала общественный интерес.

Екатерина II рассматривала распространение просвещения, строительство образовательной системы как важнейшее государственное дело. Спустя лишь год после её воцарения было разработано «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (1763), провозглашавшее намерение «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение». Для этого следовало «произвести… *новую породу,* или *новых отцов и матерей*, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами»[12]. В соответствии с грандиозным замыслом, образование в казенных учебных заведениях того времени было бесплатным[13].

Замечательно, что Мещанское училище — учебное заведение, с широкой просвещенческой программой для женщин «низших» сословий, существовало в крепостническом обществе. Этот феномен являлся выражением противоречивого модернизационного пути России, что вызвало, к примеру, необходимость принятия закона «об освобождении из крепост-

---

12 *Бецкой И.И.* Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. СПб., 1764. С. 1. Курсив документа. — *В.П.*

13 *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. Ч. 2. С. 32.

ной зависимости дворовых людей, вступивших в брак с воспитанницами Мещанского училища» (20 марта 1791 г.)[14], то есть, крепостной мужчина обретал свободу благодаря женитьбе на женщине «низшего» сословия, обладающей особым социальным статусом через полученное в государственной школе образование.

Справедливо замечание А.Л. Андреева о появлении «новой для России идеологии образования, развитие которого стало пониматься как задача, требующая планомерных решений», причем правительство «впервые выдвинуло в качестве цели не подготовку известного количества известным образом обученных людей, а достижение определенного *качественного состояния* народной массы»[15]. Необходимо было включать в рамки «новой» светской культуры[16] как можно больше людей: в условиях ускоренной модернизации следовало освоить огромный объем накопленных европейской цивилизацией пластов культуры, причем сделать это в самые кратчайшие сроки.

Неотъемлемой частью разрабатываемой программы просвещения стало женское образование: необходимость современной подготовки женщины была рано осознана на государственном уровне. На воспитании юношества «основывается надежда государственного благосостояния», — напишет

---

[14] РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 221. В частности, см. указ Сенату от 24 января 1806 г., исправлявший неверное решение суда и предоставлявший дворовому человеку Ермолаю Петрову право «избрать род жизни, в какой он вступить пожелает на основании закона», поскольку он женился на «воспитаннице учрежденного при Обществе благородных девиц Мещанского училища» (ПСЗ–1. Т. XXIX. СПб., 1830. С. 27. № 22004).

[15] *Андреев А.Л.* Российское образование: социально-исторические контексты. М., 2008. С. 55.

[16] Характеристику «новой» светской русской культуры XVIII в. см.: *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983. С. 60–62.

впоследствии преемница Екатерины Великой, её невестка императрица Мария Федоровна[17].

В первые наборы воспитанниц вошли дочери столичных жителей, лиц, служащих при Дворе и гвардии. Провинциальные дворяне неохотно отдавали своих дочерей в Воспитательное общество[18]. В переписке И.И. Бецкого с главнокомандующим в Москве фельдмаршалом П.С. Салтыковым читаем о том, что желающих отдавать своих дочерей на учение немного, ибо «в нравах нашего дворянства осталась прежних времен суровость, которая не допускает и воспользоваться беспримерной Ее имп. величества щедротою», те же, кто готов к этому, — по преимуществу «бедные люди», которые, «по неимуществу своему ехать чем не имеют»[19]. Для беднейших слоев дворянства, которые не имели средств, чтобы нанять учителей своим детям и оттого заинтересованных в общественной школе, препятствием становилась дальняя дорога, превращавшая поездку в столицу в дорогостоящее предприятие. Фактор огромной протяженности империи и впредь будет играть немаловажную роль в жизни учебных заведений.

2. 1764 г. План учения Воспитательного общества и Мещанского училища: замысел и воплощение

Устав, разработанный И.И. Бецким в 1764 г. для первого русского женского института, состоит из двух глав. Все шесть разделов первой из них содержат правила приема девиц, расписание и порядок их учения, должностные инструкции начальнице, правительнице, надзирательницам, учительницам и «мастерам» (учителям). Вторая глава, названная «О воспитании вообще», в 42 параграфах раскрывает свойственное эпо-

---

17 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. III. С. 201.

18 *Лихачева Е.О.* Материалы… (1086–1856). Ч. 1. С. 160.

19 См.: *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. С. 271–272.

хе самое широкое понимание термина «воспитание»: текст содержит предписания не только по воспитанию, но и по обучению и бытовым условиям содержания девиц, а также дополнительные указания служащим.

«Разделение второе» первой главы устава озаглавлено «О разделении принимаемых девиц на четыре возраста, о штате их и учении» и содержит программу учения смолянок четырех «возрастов», или классов. Возраста Смольного получили наименования по цвету платья, им присвоенного: младшие — «кофейные» (коричневый), второй возраст «голубой», третий «серый», старший «белый».

I возраст (6–9 лет): «1. Исполнение закона и катехизм (изложение вероучения, представленное в вопросах и ответах). 2. Все части воспитания и благонравия. 3. Российский и 4. Иностранный языки. 5. Арифметика. 6. Рисование. 7. Танцование. 8. Музыка вокальная и инструментальная. 9. Шитье и вязание всякого рода».

II возраст (9–12 лет): «Продолжение всего прежнего; а сверх того 1. География. 2. История. 3. Некоторые части экономии, или домостроительства».

III возраст (12–15 лет): «Продолжение всего прежнего. Притом 1. Словесные науки, к коим принадлежит чтение исторических и нравоучительных книг. 2. Часть архитектуры и геральдики. 3. Зачинают действительно вступать в экономию по очереди».

IV возраст (15–18 лет): «1. Знание совершенное закона. 2. Все правила доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости. 3. Повторение всего прежнего, в чем совершенного знания еще не имеют. 4. Во все части экономии действительно вступают по очереди»[20].

«Мещанки», как и «благородные девицы», были разделены на четыре возраста. В I возрасте преподавались Закон Божий, «все правила воспитания, благонравия, обхождения и чистоты», российский и иностранный языки «читать и писать», рисование, арифметика, «танцование», «надлежащие особливо женскому полу упражнения и рукоделия», а также, при

[20] Устав воспитания двух сот благородных девиц… С. 4–5.

«рассмотрении природного дарования и склонности каждой, приучать их к голосной и инструментальной музыке». Во II и III возрастах продолжалось изучение тех же предметов, что преподавались прежде, но расширялась программа по «домостроительству»: воспитанницы учились «шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять». Все время учения следовало внимательно присматриваться к каждой из девиц, изучая их «природные склонности», и в IV возрасте, продолжая «все прежнее», «упражнять каждую в том искусстве, художестве или знании, к которому оказала она наибольшую способность». Неспособных же надлежало «употреблять в действительные работы для совершенной выучки»[21].

Во время курса учения, как предписывал Устав, следовало «наблюдать неотменно чистоту, учтивость и благопристойность в поведении». Не раз повторялись знаменательные слова, что «корень добра и зла есть воспитание». Из разных пунктов Устава можно заключить, что обязанности учительниц и надзирательниц четко не разграничивались, и основное внимание уделялось прежде всего воспитанию. В историографии неоднократно обращалось внимание на то, что «относительно женского образования как Екатерина, так и Бецкой вполне сходились с мнением Ф. Фенелона, М. Монтеня, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, придававших обучению второстепенное значение»[22]. Соответственно, «собственно обучению» Бецкой придавал «слишком мало значения», так, что «наука теряла у него всякое образовательное значение»[23].

---

[21] Учреждение особливого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для воспитания малолетных девушек. 31 января 1765 г. // ПСЗ–1. Т. XVII. СПб., 1830. С. 18–19.

[22] *Водовозова Е.Н.* Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста. СПб., 1891. С. 55.

[23] См.: *Чудинов А.Н.* О преподавании отечественного языка. Очерк истории языкознания в связи с историей обучения родному языку. Воронеж, 1872. С. 221.

Взгляды человека, от которого зависел в то время весь внутренний строй Смольного, обуславливали организацию его учебной части. На первом месте стояло «*просвещение*», а не «*образование*», о чем прямо заявлял учредительный документ Мещанского училища: «для пользы общества не меньше требуется, чтоб всякого чина и женский пол *воспитан был в добронравии и в приличных состоянию его знаниях и рукоделиях*»[24] (такую же расстановку приоритетов мы видим в приведенном выше отрывке письма Екатерины II к Вольтеру). Это отвечало и уровню развития науки в то время, и ее роли в общественной жизни, и степени разработки школьной педагогики.

Учение и в Воспитательном обществе, и в Мещанском училище продолжалось 12 лет. Каждый класс (возраст) был трехлетним, и поэтому выпуски, как и приемы новых учениц, также происходили раз в три года[25]. Несмотря на утверждение о небольшом значении «науки» в курсе воспитания Смольного, спустя год после приема четыре девочки были отправлены домой, как «к наукам совсем неспособные»[26].

К учебному плану Устава прилагалось пояснение, как и во всех подобных позднейших документах. Однако в этом раннем уставе оно излагалось самым кратким образом, наставления о методике преподавания были рассеяны на разных страницах текста и перемежались указаниями нравоучительного содержания.

В соответствии с Уставом «первое попечение» следовало иметь о вере. Девочкам на уроках, принимая во внимание их возраст, толковали «все части закона, то есть катехизм, догматы православной веры и все, что касается до прямого содержания оной». В этом первом учебном плане преподавание Закона Божия подразумевало лишь православное исповедание, что свидетельствовало о недостаточной продуманности учебной

---

[24] Учреждение особливого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре... С. 18. Курсив мой. — *В.П.*

[25] *Лядов В.Н.* Исторический очерк 100-летней жизни имп. Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. СПб., 1864. С. 9.

[26] См.: *Лихачева Е.О.* Материалы… (1086–1856). Ч. 1. С. 150.

программы, ведь немалую часть воспитанниц непременно должны были составить лютеранки и католички.

Учительницы и надзирательницы были обязаны заниматься воспитанием своих подопечных — «паче всего наставлять …в основаниях благоразумия, добронравия, благопристойности благородной, а не принужденной, учтивости и всех добродетелей», каковые «изящные качества» должны сочетаться с «пристойной и благородной скромностию в поведении, в осанках приятных, в разговорах вежливых и разумных и в ласковых поступках».

Следом за этим шла речь собственно об учении — необходимости учить говорить и писать на «чужестранных» языках. Как только воспитанницы смогут говорить на иностранных языках, им надлежало практиковаться в разговорной речи и по окончании уроков, беседуя и с учительницами, и между собой. К концу обучения смолянки должны были «исправно» читать, писать и говорить на иностранных языках.

В списках преподавателей Смольного в этот период упоминаются преподаватели французского, немецкого и итальянского языков (до 1794 г.). Однако, по всей видимости, непрерывное преподавание итальянского обеспечить не удавалось (или не было найдено необходимым) — с 1772 по 1794 г. сменилось шесть преподавателей, а с 1782 по 1788 г. итальянский, по всей видимости, не преподавался, поскольку эта должность оставалась незамещенной[27].

Учительницам предписывалось стараться вырабатывать в своих подопечных привычку к чтению, а в Обществе следовало завести библиотеку «с рассудительным выбором книг». С самого начала учения рекомендовалось заучивать наизусть и пересказывать «краткие истории», «нравоучительные речи искусных мужей», имеющие воспитательное значение. Преподавание девицам арифметики обосновывалась необходимо-

[27] См.: Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. // Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество… Т. 3. Приложения. С. 430.

стью уметь поддерживать «в добром порядке домашнюю экономию», для чего необходимы также занятия домашними рукоделиями (шитье и вязание, «плетение шелковое, нитяное, шерстяное и бумажное»), причем чулки и «прочий убор», а также повседневное платье «иметь собственной своей работы». (Это требование в Обществе, по всей видимости, так и осталось на бумаге.) Обучение рукоделиям было обязательным: воспитанная девица не должна была сидеть, сложа руки.

Все учебные предметы в женских институтах делились на «науки» и «искусства». К последним относились музыкальные занятия, «танцование», рисование, рукоделие и домоводство. Для изучения «всех частей экономии» каждый день по две девицы поочередно должны были посещать, кухню, чтобы следить за тем, как производятся всевозможные работы по хозяйству. Старшим воспитанницам надлежало учиться вести записки расходов, договариваться с поставщиками о припасах, еженедельно делать расчет платежей, учитывая «цену всякому товару по качеству онаго».

На уроках «художеств» институток учили «рисованию и миниатюре», причем девицам следовало изображать «подобие одна другой», обмениваясь своими работами. Судя по всему, время от времени преподавались и предметы, не значившиеся в Уставе — «опытная физика», токарное искусство, скульптура[28]. В штате Смольного, действительно, есть упоминание об одном учителе «токарного художества» (1780–1794), — занятия, которым, как известно, увлекалась невестка Екатерины II, будущая императрица Мария Федоровна.

Устав лишь намечал общие контуры учебной программы Смольного, в отличие от «воспитательной части», которая растолковывалась более подробно. Детали учебного процесса, методы и уровень преподавания, по всей видимости,

---

[28] *Мордвинова З.Е.* Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764–1796) // Исторический вестник. 1914. Кн. 6. Т. CXXXVI. С. 998, 988. *Мордвинова* Зинаида Евграфовна, ур. Золотилова, окончила курс Воспитательного общества в 1862 г.

предполагалось выяснить в ходе практической работы. Учителям рекомендовалось «излишними понятиями незрелой еще разум» не отягощать, принимая во внимание и различия в способностях девиц, и в скорости восприятия ими нового материала («скоропонятных и медлительных в понятии»), действуя «старанием, искусством и трудами», а отнюдь не «суровым и неприятным образом». При этом учительницам и надзирательницам предписывалось знать характер каждой воспитанницы, ее «природные склонности»[29].

Обратим внимание на имя нового учебного заведения — Воспитательное *общество* благородных девиц. В актуальном словаре эпохи важное место занимали термины «гражданское общество», «гражданин» и т.п., и юным воспитанницам Смольного надлежало составить свое сообщество, которое стало бы частичкой «гражданского общества» всей страны**.** Название института, порожденное одной из утопий эпохи Просвещения, осталось единственным среди других женских учебных заведений. Императрица не стремилась делать акцент на особенностях сугубо *женского* воспитания в новом институте: прежде всего по замыслу просветителей, следовало воспитывать *человека и гражданина.* В качестве обязательной для чтения в учебных заведениях страны, включая Смольный, Екатерина II избрала книгу И.И. Фельбигера «О должностях человека и гражданина». Среди «должностей человека» в книге Фельбигера названа лишь одна специфически женская — «должность» жены (обрисованная максимально лаконично), а «должность» матери не упоминалась вовсе, она была растворена в «должности» родителей.

В составленном И.И. Бецким штате значились четыре надзирательницы и 12 учительниц, а сверх того, еще 12 монахинь, которые должны обучать девиц грамоте[30]. Преподавание в Смольном поручалась учительницам-иностранкам, в основном француженкам[31]. Первые русские фамилии в списке

---

[29] Устав воспитания двух сот благородных девиц… С. 10–14.

[30] Там же. С. 19.

[31] *Мордвинова З.Е.* Смольный институт… С. 989.

учительниц появляются в 1779 г. Нет русских фамилий и среди первых надзирательниц[32]. По представлениям эпохи, девочек должны были учить женщины, и лишь если «в каких науках учительниц не сыщется», то разрешалось приглашать учителей (при этом в классе неизменно присутствовали надзирательницы). Учительницам, «находящимся при благородных девицах», был положен оклад в 250 руб. в год[33].

Как отмечает первая исследовательница истории русского женского образования, эти учительницы «неизвестно откуда были набраны»[34]. В первые три десятилетия существования Смольного рядом с именами учительниц (за некоторыми исключениями) нет никаких пояснений о предмете их преподавания. Как показало будущее, квалификация первых учительниц Смольного не превышала уровня обычных гувернанток, и вскоре уже не могла отвечать возраставшим требованиям.

Упоминающиеся в штате Смольного монахини, в обязанности которых входили занятия с девицами русским языком, вряд ли обладали необходимыми навыками. С 1772 г. для занятий с институтками российской грамматикой в монастырь, где располагался институт, была переведена монахиня Анатолия[35]. Если обучение детей в монастырях Западной Европы имело длительную традицию, то в России монастыри существовали «при полном отчуждении от мирской суеты»[36], и выполнение несоответствующих православной обители навязанных им трудов тяготило монахинь.

---

[32] См.: Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. С. 406–408. Надзирательницы впоследствии стали именоваться классными дамами.

[33] РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 2. 1764 г.

[34] *Лихачева Е.О.* Материалы… (1086–1856). Ч. 1. С. 147, 244.

[35] См.: Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. С. 407. Анатолия («дочь купца Петрова») впоследствии была игуменьей Новодевичьего Смольного монастыря.

[36] *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой… С. 264.

Упоминания о нехватке преподавателей встречаются в документах постоянно. Долгое время, по крайней мере вплоть до 1820-х гг., учителя вели сразу несколько предметов, причем не только из-за нехватки образованных людей, но и из-за неразработанности самих учебных дисциплин. «Энциклопедический» характер образования отвечал неразветвленности науки того времени: школьная наука могла лишь следовать за наукой академической.

Судя по самым ранним сохранившимся штатам Смольного, российскую грамматику и математику преподавали Иван Березовский (1767–1772 гг.) и М.С. Пахомов (1772–1792 гг.), который вел также историю, географию, занимался переводами. Уроки по французской грамматике и геометрии в 1768–1770 гг. вел де Сендом, в 1776 г. французское письмо и арифметику Ф. Мишле, а в 1779–1783 гг. французский язык преподавали учителя с русскими именами — Фаддей Яковлев и Иван Зеленский (последний также вел уроки рисования). Таким образом, учителя зачастую совмещали преподавание нескольких предметов и часто сменялись, срок службы их был недолгим.

Объявленные в «Уставе» учебные предметы не были обеспечены преподавательским составом. Из-за нехватки подготовленных учителей преподавание некоторых дисциплин налаживалось не сразу или же велось с перерывами. Так, лишь с 1781 г. в штате встречаются имена преподавателей архитектуры. Среди них — П.С. Филиппов (1762–1834), впоследствии помощник архитектора при строительстве Казанского собора и старший городской архитектор Петербурга.

Среди «рисовальных мастеров» встречаются имена академика Г. фон дер Минте, возглавлявшего в Академии художеств класс «плодов и цветов», художника И.Ф. Урванова, автора «Краткого руководства к познанию рисования и живописи исторического рода…» (1793), члена Академии художеств по классу «плодов и цветов» Софии Николаевны Жилле[37].

Зримым доказательством успехов девиц в «искусствах» были выставлявшиеся для обозрения приглашенной на экза-

[37] Дочь скульптора, профессора живописи Н.-Ф. Жилле.

мен публики собрания «разных рукоделий и упражнений, состоящих в рисунках, разного рода живописи, в том числе финифтной и миниатюрной работ, в архитектурных чертежах и прочих знаниях, художествах и мастерских; не минуя такожде из токарного и резного искусства, с рукоделиями подлежащими до их пола». Один из образцов токарного искусства смолянок, «изящная вещица из слоновой кости», сохранялся в семье посетившего Смольный в 1781 г. Дж. Говарда, на которого наибольшее впечатление из всех общественных заведений Петербурга произвело именно Воспитательное общество[38].

Больше всего в штате Смольного насчитывалось учителей инструментальной и вокальной музыки и пения. В списке преподавателей рядом с их именами значились пояснения — «музыка на клавикордах», на флейте, арфе. Эта тщательность в обозначении профессиональной подготовки учителей музыки составляет впечатляющий контраст по сравнению со списком учительниц общих предметов, чья специализация, видимо, не имела столь же важного значения. Как замечает Д.Д. Семенов, Бецкой полагал, что «науки не имеют образовательного характера, а нужны только для практических целей», и вообще «мало ценил научное образование», полагая, что «самые образованные люди его времени были вместе с тем и самые порочные»[39].

Квалификация преподавателей «искусств», надо полагать, в целом превышала уровень подготовки учителей «наук», не случайно среди первых встречаются известные имена. Среди преподавателей музыки Смольного — Антон Диль[40], арфисты Семен Гартман и Генриетта Дрейер, музыкант и композитор профессор Карл Поцци[41]. Вскоре список имен учителей музыки

---

[38] [*Распопова* Н.] Хроника Смольного монастыря… С. 52–53.

[39] *Семенов Д.Д.* Указ. соч. С. 402.

[40] См.: *Гуляева Т.В.* Зарождение альтового исполнительства в России // Музыка в современном мире: наука, педагогика, исполнительство. Сб. ст. Астрахань, 2013.

[41] В начале XIX в. Карл Поцци также давал уроки пения в московском университетском Благородном пансионе.

пополняют имена выпускниц Мещанского училища: «преподавательницы на клавикордах» Анастасии Симишиной (1779–1787), а затем и Акулины Зеленской (1783–1815). Таким образом, среди подготовленных собственными силами в Смольном преподавательниц первыми появляются учительницы «искусств», которые смогли получить профессиональную подготовку.

Важное место в воспитательной системе эпохи Просвещения отводилось театру. В списке преподавателей Воспитательного общества за 1778–1785 гг. значатся поочередно «преподавательницы для обучения театральных пьес» — некие Брошар и Мария Саж. По замечанию исследовательницы, «не успевали девицы выпускать один спектакль, как тотчас принимались за другой. Репетиции шли круглый год и отнимали очень много времени»[42].

Демонстрации достижений в «искусствах» требовались гораздо чаще, чем в «науках»: бывшая институтка Н.Н. Распопова в своей «Хронике Смольного монастыря» рисует впечатляющую картину череды визитов императрицы и знатных гостей, в том числе иностранных, постановок пьес и балетов, маскарадов, праздничных вечеров с пением и танцами, концертов, увеселительных прогулок[43].

Камер-фурьерские журналы свидетельствуют, что первые годы, приезжая в Смольный монастырь, Екатерина II осматривала рисунки и рукоделия воспитанниц, наблюдала за их иг-

---

[42] *Антонова О.А.* Театральные постановки в учебных заведения Санкт-Петербурга XVIII века // Мир человека. 2007. № 4. С. 8.

[43] *Р-ва Н.* [*Распопова*] Хроника Смольного монастыря... С. 23–31, 100 и др. Ср.: «Насколько сильны были тогдашние требования воспитательной моды, видно из того, что даже Болотов, один из образованнейших людей того времени, возил своих дочерей из деревни в Москву исключительно для обучения танцам» (*Курбанов В.С.* Значение институтов в истории женского образования в России // Захарченко М.М. История Киевского института благородных девиц. Киев, 1889. С. 156. Впрочем, энциклопедист А.Т. Болотов и сам мог преподавать дочерям любую школьную науку).

рами и танцами, прогулками в саду, но с 1770-х гг., когда смолянки первого набора подросли, императрица и ее свита охотно становились зрителями театральных постановок.

Итак, в 1772 г. знатные посетители во главе с Екатериной II лицезрели: 2 января «игранную… на французском диалекте благородного воспитания обоего возраста детьми комедию с балетом», 14 января «французскую комедию», 5 февраля «комедию при двух балетах», 22 февраля «комедию с балетом», поставленную мещанскими малолетними девицами на французском диалекте, 25 февраля «французскую комедию при двух балетах», 15 сентября «французскую комедию с пиесою при двух балетах», 3 октября «комедию с балетом», 24 октября «французскую комедию при двух балетах»[44]; в 1774 г.: 13 и 20 января «французскую комедию с балетом», 26 февраля «французскую комедию», 23 апреля «концерт с пением девиц», 25 октября концерт, 6 декабря «французскую оперу-комик», а 27 декабря «французскую оперу-комик с балетом»[45].

Ежегодно устраивался пышный праздник в день именин И.И. Бецкого, когда ставились комические оперы, балет, «сцены, в которых игрались пословицы» и др.[46]. Один из самых пышных маскарадов был устроен в честь брата короля Фридриха II, программа которого была составлена самой императрицей. Публика пришла в восхищение от представленного зрелища: «избранные ученики кадетского корпуса и ученицы Смольного института изображали Аполлона, четыре времени года и двенадцать месяцев: они произносили приветствия и представляли подарки некоторым из приглашенных лиц»[47].

---

[44] Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 г. СПб., 1857. С. 6, 21, 48, 63, 66, 394, 422, 444.

[45] Камер-фурьерский церемониальный журнал 1774 г. СПб., 1864. С. 31, 42, 95, 183, 585, 649, 686.

[46] См.: Труды Я.К. Грота из русской истории. Ч. IV. 1845–1890. СПб., 1901. С. 443.

[47] См.: *Кобеко Дм.* Цесаревич Павел Петрович. 1754–1796. СПб., 1883. С. 58.

Церемонии встреч и проводов важных гостей также обставлялись самым торжественным образом. Как-то Екатерину II провожали к карете выстроившиеся в две шеренги «воспитывающиеся малолетние девицы», которые пели «при музыке увеселительные песни с танцованием, и по обеим сторонам стен поставлены были для украшения березки» (1772 г., 15 сентября).

Таким образом, актрисам-смолянкам довелось выступать перед самой взыскательной публикой — самой императрицей, Двором, сенаторами и прочими важными лицами, в том числе и чужеземными владетельными особами. Постановки в Смольном требовали, безусловно, основательной подготовки, и потому времени на учебные занятия оставалось не так много — их повседневное расписание соответствовало не общеобразовательной школе, а, скорее, театральной.

Преподавательский состав полностью подчинялся начальнице института, которой была назначена княжна А.С. Долгорукая, сестра российского посланника при Дворе Фридриха Великого. Однако выбор оказался неудачным, и уже спустя два года княжну сменила Софья де Лафон, по преданию, сама бывшая воспитанницей Сен-Сирского института[48]. Писать по-русски новая начальница русского учебного заведения не умела[49], но, судя по отзывам некоторых современников, обладала и административным талантом, и замечательными душевными качествами[50]. Согласно сохранившимся свидетель-

---

[48] *Бюлер Ф.А.* Императрица Мария Феодоровна в ее заботах о Смольном монастыре // Русская старина. 1890. Т. 65. № 4. С. 817; [*Распопова* Н.] Хроника Смольного монастыря... С. 16.

[49] См.: *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. С. 262.

[50] См., напр.: Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской, первой воспитанницы Смольного монастыря // Русский архив. 1871. № 1. С. 9–12; *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. М., б/г. 2-е изд. С. 176. Обе жены выпускника Московского университета писателя Долгорукова учились в Смольном: Е.С. Смирнова, дочь капитана (по др. источникам — поручика), казненного Е.И. Пугачевым, фрейлина великой княгини Марии Федоровны, и А.А. Безо-

ствам, Смольный институт в течение более чем трех десятилетий управлялся ею в семейственном духе.

Проверка знаний воспитанниц Смольного проходила в присутствии многочисленной публики. Раннее описание экзамена смолянок содержится в архивном документе, живописующем, как в присутствии начальства и преподавателей воспитанницы Общества бывали на «неоднократных собраниях… свидетельствованы… в чтении и писании российском и французском, некоторые же и в письменном на обоих сих языках сочинении, в первых частях арифметики, в истории, в географии и в изъяснении на глобусе, принадлежащих к практическому знанию задач, в рисовании.., в черчении архитектурных рисунков, в музыке вокальной и инструментальной, в скульптурном и токарном художествах, в разных женскому полу свойственных рукоделиях, во всех частях домоводства, а сверх того наипаче Троицо-Сергиевской пустыни отцом архимандритом Иосифом самим катихизованы в догматах православия греко-российской веры»[51].

В 1776 г. состоялся первый выпуск Воспитательного общества. Курс учения завершился публичным экзаменом, причем смолянки, помимо обозначенных в уставе предметов, демонстрировали также знания по геометрии и мифологии, Уставом не предусмотренных[52].

Экзамен в присутствии большого числа приглашенных — родственников, свойственников и посторонних «любителей наук» — был непременной частью учения привилегированных

бразова. *Смирнова* Евгения Сергеевна (1771–1804), получившая в награду шифр, выступила перед императрицей с благодарственной речью от имени своего выпускного класса в 1785 г. (См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1785 г. СПб., 1885. С. 26).

[51] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 227. Л. 95 об.–96. 1771 г. Мнение, что вплоть до преобразований 1780-х гг. в Смольном институте не проводились публичные экзамены (см.: *Семенов Д.Д.* Указ. соч. С. 401) является ошибочным.

[52] *Мордвинова З.Е.* Смольный институт... С. 998, 988. Мифология, по всей видимости, преподавалась как часть предмета «история».

школ эпохи Просвещения. Таким образом экзамен становился не обычной проверкой подготовки учащихся, а праздником знаний, демонстрацией успеха государственной образовательной политики. Демонстративность церемониала институтского экзамена являлась пропагандой женского образования, которое расценивалось отныне как общественно значимое явление.

Курс окончили 53 воспитанницы, получившие о том особые свидетельства, гласившие: «Пребывавшая по силе учреждения на двенадцатилетнем в сем обществе воспитания благородная девица N сколь приличными благородно воспитанными своими поступками с украшаемым отменность душевных дарований благонравием и поведением, столь приобретенными талантами в различных знаниях, художествах и искусствах, женскому полу свойственных рукоделий с домоводством, чрез свое внимание и прилежание имела отлично предъуспеть и промышляемым попечением небесплодно воспользоваться». Признаные достойными наград удостаивались шифра или медали «в память приобретенного через воспитание ею достоинство»[53]. Текст документа наглядно демонстрирует безусловный приоритет воспитания над обучением.

Выпускницам Мещанского училища также вручались аттестаты, которые свидетельствовали «о честных их поведениях и знаниях» и подтверждали право пользоваться «всеми преимуществами и вольностьми, пожалованными в Привилегии и Уставе Академии художеств выпускаемым оттуда таковым же воспитанникам»[54]. Уставным документом 1765 г. предусмат-

---

[53] *Черепнин Н.П.* Имп. Воспитательное общество благородных девиц… Т. 3. С. 120.

[54] Учреждение особливого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для воспитания малолетных девушек. С. 20. Согласно Уставу имп. Академии художеств, ее воспитанники были жалованы «с детьми и потомками в вечные роды быть совершенно свободными и вольными, иникакому Правительству ни в военную, ни в штатскую Нашу службу их не принуждать.., а в случаях оказывать им всевозможное защищение и вспомоществование во

ривалось и материальное обеспечение окончивших курс воспитанниц: при выпуске из «мещанского» отделения девушки получали «приданое», сумма которого складывалась из отложенных при их поступлении в банк 50 руб. с процентами, а также денег, вырученных за продажу предметов «рукоделия или художества», сработанных их руками. Не вышедшие замуж и не желавшие поступить на службу «с договором и зарплатою при училище благородных девиц», могли в течение трех лет оставаться в своем Мещанском училище, получая «покой, дрова и свечи», а также зарплату «из продажи собственных их трудов». Те же из воспитанниц, кто «на воле» будет испытывать «обиды и притеснения», получат защиту, поскольку «всегда под опекою Совета попечителей благородных девиц состоять имеют»[55].

Лучшие выпускницы Общества благородных девиц были награждены шифрами. В их число вошли Г.И. Алымова, Е.И. Молчанова, А.П. Левшина и Е.И. Нелидова, Е.В. Рубановская, Н.С. Борщова, А.А. Еропкина, графиня М.А. фон Вальштейн. Из них ко Двору в качестве фрейлин были взяты любимицы Екатерины II Алымова, Молчанова, Левшина, Борщова и Нелидова. Позднее вводились правила, которые регулировали количество и статус наград, была выработана система поощрений (устная похвала классной дамы или начальницы в присутствии всех воспитанниц, цветные кокарды отличницам и пр. в течение года, книги по результатам ежегодных

всей Нашей Империи»; вступившая с ними в брак крепостная и рожденные дети «имеют быть вольными же», «свободно и беспрепятственно ко всем казенным и публичным работам… допускать и принимать», чтобы они не испытывали «никаких обид и притеснений, а особливо препятствия в производимых ими работах», и пр. По маловажным преступлениям их следовало судить в Академии, а по «важнейшим» их запрещалось судить «без ведома и сношения с Академиею» (ПСЗ–1. СПб., 1865. № 12275, от 4 ноября 1864 г. С. 950).

[55] Учреждение особливого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для воспитания малолетных девушек. С. 19.

переводных экзаменов[56]). Единицы избранных из «шиферниц» (не из каждого выпуска) удостаивались должности фрейлин[57].

По утверждению Е.И. Лихачевой, программа Устава Воспитательного общества «не выполнялась и наполовину»[58]. Данных, которые позволяли бы подкрепить или опровергнуть это суждение, до нашего времени не дошло, но, по всей видимости, этот вывод исследовательницы правомерен. Насколько успешным по оценкам современников было учение в мужском аналоге Воспитательного общества — Сухопутном Шляхетном корпусе? Его учебная программа частично совпадала с институтской[59]. Разделение по возрастам в обоих учебных заведениях совпадало, однако в корпусе учились на один класс дольше — здесь было не четыре, а пять «возрастов». В первом классе и кадетам, и смолянкам преподавались «познание

---

[56] Ср.: «Что же касается поощрений, то в Смольном их вообще не было. Поощрением было само отсутствие наказания… Вся система воспитания в то время строилась на подавлении и уничтожении личности» (*Попова О.Д.* О быте и нравах женских епархиальных училищ // «Социальная история». Электронный научный журнал. 2013. Вып. 1(1). С. 143–144).

[57] Распространенный миф о том, что выпускницам Смольного института было «гарантировано хорошее место при дворе» повторяет, в частности, Э. Эндерлайн (*Эндерлайн Э.* Женское образование в России XVIII века. С. 172). Фрейлинами Марии Федоровны избирались одна шиферница из шести в 1779 (всего 62 выпускницы), 1785 (89 выпускниц), 1791 (52 выпускницы) и в 1797 гг. (68 выпускниц), и т.д. С 1848 г. ни одной фрейлины императрицы из шиферниц Смольного не назначалось.

[58] *Лихачева Е.О.* Материалы… (1086–1856). Ч. 1. С. 145.

[59] См.: Устав Шляхетного Сухопутного кадетского корпуса учрежденного в С.-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества. СПб., 1766. Еще С.В. Рождественский совершенно верно заключил, что тип женского институтского образования создавался «в параллель давно уже сложившемуся типу сословного шляхетского образования для дворянской молодежи мужского пола» (*Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения… С. 379).

веры», «российский и иностранные языки», арифметика, рисование, танцы. Девочки дополнительно занимались «шитьем и вязанием всякого рода». Во втором возрасте и в корпусе, и в институте в число преподаваемых дисциплин добавлялись география и история, сверх того кадеты изучали хронологию, мифологию, геометрию и начало славянского языка, а смолянки — «некоторые части экономии, или домостроительства». В третьем возрасте для всех добавлялось изучение архитектуры (в Уставе корпуса уточнялось — архитектуры «воинской и гражданской»), смолянки изучали также «словесные науки» и геральдику, а кадеты — бухгалтерию, славянский язык и латынь «для склонных». В четвертом возрасте девицы, помимо «продолжения прежнего», должны были приобретать «знание совершенное закона», а у юношей прибавлялись философия, красноречие, «гражданские и полезные науки», содержание которых не конкретизировалось, а также сугубо мужские искусства — фехтование, вольтижировка и пр. Подготовка мальчиков, безусловно, должна была быть более специализированной — их готовили для конкретной деятельности, военной или гражданской, требовавшей особых навыков.

Оказалось, что и в корпусе предписанную программу занятий не удавалось воплощать в жизнь, несмотря на то, что история этого учебного заведения началась более чем тремя десятками лет раньше, чем Смольного института: в практическом осуществлении учебного плана обнаруживались «зияющие пробелы». Из документа 1782 г. следует, что в младшем возрасте преподавался из иностранных языков только французский «за слабым понятием воспитанников.., уважая [их] малолетство»; во 2-м возрасте география, хронология и история, мифология, геометрия, славянский язык не изучались — «потому что понятие воспитанников сего возраста к обучению сих наук еще весьма слабое»; в 3-м возрасте не преподавали историю «за недовольным знанием географии», а геометрию — «за неокончанием арифметики»; латынь не изучали, поскольку ученики «не оказались к тому склонны»; основания архитектуры — «за незнанием арифметики и геометрии» и т.д. В 5-м возрасте уроков астрономии, «наутики» («морское

искусство»), натуральной истории, химии, философии, живописи и т.д. также не было — и вовсе «неизвестно почему». Таким образом, «через девять лет пребывания в корпусе кадеты не успевали окончить арифметики, через 12 не приобретали стольких познаний в геометрии, чтобы начать архитектуру» и, в конце концов, обремененные большим количеством наук, «отчаяваясь успеть во всех, ни к одной, по-видимому, затем не применялись и ни в одной не успевали»[60].

Неудивительно поэтому, что, как свидетельствовал современник, «очень немногие из кадет проходили основательно поприще классного учения. Иные будто выходили с одним букварем»[61]. Столь же нелицеприятно характеризовался уровень подготовки воспитанников Благородного пансиона Московского университета 80-х гг. XVIII в.: «ученики Вольного пансиона почти не один не только писать, но и перо в руках держать не умеют»[62]. Из мемуаров второй половины XVIII в. видим, что мужскому образованию в упрек ставились те же недостатки, что и женскому: «как тогда учили? Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствия, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, рисовать и музыке»[63].

По мнению В.О. Ключевского, образовательный план Бецкого не удался, но «эта неудача имела свое историческое оправдание»[64]. Но можно ли утверждать, что план Бецкого не

---

[60] Цит. по: *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 621–622.

[61] *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004. С. 122.

[62] *Фонвизин П.И.* Письмо к И.И. Мелиссино от 27 июля 1784 г. // Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С 380. Фонвизин Павел Иванович (1746–1803), директор Московского университета в 1784–1796 гг. Брат писателя Д.И. Фонвизина.

[63] *Давыдов Д.В.* Некоторые черты жизни и деяний генерал-майора Давыдова // Русский зритель. 1828. Ч. 1. С. 44.

[64] *Ключевский В.О.* Два воспитания // Ключевский В.О. Сочинения. Т. IX. М., 1990. С. 26.

удался, если он, любивший просвещение, при том, как мы знаем «мало ценил научное образование» и считал вполне достаточной существовавшую постановку учебного дела? Кроме того, существовали и объективные причины (по Ключевскому, «историческое оправдание») невыполнения составленных учебных планов. Дело было совершенно новым. Некогда при составлении Устава Шляхетного Сухопутного корпуса указывалось, что «невозможно… вскоре довольно учителей найти, кои бы науки на российском языке преподавать могли, ибо ученые иностранцы не разумеют оного», и планировалось, что лет через пять-шесть эта трудность будет уже преодолена[65]. Однако отсутствие квалифицированных педагогических кадров, проработанных методик, доступно написанных учебников, — все это оставалось проблемой еще долгие годы. Учебные программы кадетских корпусов и женских институтов, как это было характерно для многих документов эпохи Просвещения, были составлены умозрительно, без опоры на опыт, накопить который еще не успели, без понимания того, какие именно дисциплины должны быть в учебном плане женской школы, отдельные предметы не состояли в связи друг с другом, и все это оборачивалось весьма слабыми успехами воспитанников в «науках».

В то же время в «искусствах» успехи были несомненны, и неудивительно: опыт обучения музыке и танцам, театральной игре, рукоделиям разного рода был намного более «наук» укоренен в традиционалистской культуре, являясь неотъемлемым элементом дворянского воспитания. Таким образом, подготовке, которую юношество получало в привилегированных учебных заведениях того времени, в большей степени соответствовало понятие *просвещение*, а не *образование*.

В.О. Ключевский задавался вопросом: где было взять Д.И. Фонвизину для его «Недоросля» «живую благовоспитанную племянницу Софью?.. такие племянницы только проектировались дядюшкой Бецким, а учрежденные с этой целью воспитательные общества для благородных и мещанских девиц

[65] Устав имп. Шляхетного Сухопутного кадетского корпуса... § 63–64.

по его заказу лепили еще свои первые пробные образчики новой благовоспитанности, а сами эти девицы, столь заботливо задуманные педагогически, подобно нашей Софье, только еще садились за чтение Фенелоновых и других трактатов о своем собственном воспитании»[66].

Порожденные Просвещением проекты, нацеленные на возможно быстрые преобразования, имели во многом утопический характер. Далеко не все они могли были быть реализованы, поскольку для осуществления их недоставало объективных предпосылок. Во многом они опережали свое время. Так, основанный в 1755 г. по проекту М.В. Ломоносова Московский университет долгое еще время напоминал просвещенным посетителям школу, а рекрутированным из семинарий университетским студентам приходилось слушать труднопонятные лекции иноязычных профессоров, изъяснявшихся по-немецки или на латыни. Если учрежденный в Петербурге четвертью века ранее Академический университет прекратил свое существование, то Московскому университету помогли выстоять и созреть уникальные условия, сложившиеся в третьей четверти XVIII века — особая культурная среда и кружок московских энтузиастов, хорошо продуманный организационный план М.В. Ломоносова и постоянная поддержка фаворита императрицы И.И. Шувалова[67]. Педагогика как наука только зарождалась, причем сам этот термин — «педагогика» — появился именно тогда в университетской среде, когда в 1783 г. «Прибавлениях» к «Московским ведомостям» был опубликован новаторский цикл статей «О воспитании»[68] университетского издателя просветителя Н.И. Новикова.

Обращаясь к истории основания первого женского института, историки нередко припоминают нелицеприятные от-

---

[66] *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1990. С. 346–347.

[67] См.: Университет для России. Т. 1. Взгляд на историю культуры XVIII века. М., 1997.

[68] Московские ведомости. Прибавление. 1783. № 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34, 82–94.

зывы современников, в частности, приведенные в мемуарах Н.И. Греча вирши:

«Иван Иванович Бецкий,
Человек немецкий,
Носит мундир шведский,
Воспитатель детский,
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур,
Набитых дур»[69].

Результаты подготовки юношей в Сухопутном Шляхетном корпусе также были далеко неудовлетворительными, однако подобной обостренной реакции общества не вызывали. На вопрос о том, почему женскому институтскому воспитанию порой выносился «суровый приговор», Е.И. Лихачева отвечала, что качества, которыми отличались смолянки, мало ценились обществом. Они выходили из своего учебного заведения «более человечными, более развитыми и менее зараженными предрассудками, нежели другие девушки», тогда как в обществе придавалось преимущественное значение прежде всего «внешнему лоску». По словам Н.И. Греча, смолянок считали «набитыми ученостью», а это «никому не нравилось, особенно в женщине». И неудивительно, поскольку многие мужчины сами похвастаться образованностью или даже грамотностью не могли: в те времена, когда начиналось учение девочек в Смольном, из числа отставных дворян 7% были неграмотны, а около *половины* (47,2%) получили лишь начальное образование, т.е. «читать и писать умели и арифметику знали»[70].

---

[69] См.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 106–107.

[70] См.: *Феофанов А.М.* Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII — первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия История. История русской православной церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 19. 1760-е гг.

Лихачева пишет далее, что «при учреждении Общества, кроме императрицы и Бецкого, едва ли нашелся бы еще десяток лиц во всей России, которые понимали бы цель, с какою оно основывалось, и еще менее таких, которые сочувствовали бы этой цели»[71]. Она приводит значительную подборку материалов, подтверждающих это утверждение[72]. Перемены в положении женщины для многих современников отзывались тревожными сигналами, свидетельствующими о переменах, происходящих в самых недрах патриархального социума, и общественное сознание реагировало на них, как правило, болезненно.

Тем не менее, был ли негативный отклик на инициативу императрицы действительно столь единодушным?

Характеризуя воспитание в Смольном институте, исследовательница А.В. Белова пишет: «насколько подобная педагогическая практика оказалась успешной, свидетельствует, например, широко известное замечание В.В. Капниста в комедии “Ябеда”:

> “Возможно ль дурочку в монастыре
> с шести годов воспитанну почти до двадцати
> Которая приход с расходом свесть не знает.
> Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает.
> Да по-французски врет, как сущий попугай.
> А по природному лишь только: ай! да ай!
> Возможно ли в жену такую взять мне дуру!”»[73].

---

[71] *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. I. С. 148; см. также: *Мицюк Н.А.* Женщины российской провинции XIX — начала XX века: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь. С. 23.

[72] *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. I. С. 243.

[73] *Белова А.В.* Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. С. 81; то же: *Приказчикова Е.Е.* Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половине XVIII века // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 27 (165). Вып. 34. С. 109; др.

Но, обратившись к полному тексту пьесы, мы убедимся, что это язвительное замечание в адрес институтки принадлежит не самому автору. Воспитание в Смольном осмеивают у Капниста лишь отрицательные персонажи, которых в финале ожидает заслуженная кара — это корыстная невежественная мать смолянки и главный отрицательный персонаж, виновный «в поносных ябедах, злодейственных беспутствах, в разбоях, грабежах и даже душегубствах». Именно ему и принадлежат приведенные выше поэтические строки.

А вот главный герой комедии Прямиков, восхищенный девушкой, счастлив взять ее в жены, то есть, поступить так же, как и сам автор, женившийся на смолянке 2-го выпуска (1779 г.) Александре Дьяковой. Академик Я.К. Грот, публиковавший переписку Г.Р. Державина и Капниста, женатых на родных сестрах, замечает о жене Капниста: «Получив воспитание в Смольном монастыре, жена его пишет гораздо складнее и правильнее сестер своих»[74].

В.В. Капнист исключением не был: в литературе давно уже было замечено, что многие русские писатели второй половины XVIII века были женаты на смолянках[75]. В 1818 г. Капнист стал членом первого Совета, управлявшего Полтавским институтом благородных девиц, а спустя несколько десятилетий должность инспектора классов в этом же институте займет его сын[76]. В.В. Капнист, как и его друг Державин[77], сочинял стихи

---

[74] Третья из сестер Дьяковых была замужем за архитектором и поэтом Н.А. Львовым. См.: Прим. Я.К. Грота к письму Александры Капнист от 18 августа 1813 г. // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. Т. 6. СПб., 1871. С. 270. Институткой была и жена самого академика Грота (Н.П. Грот, ур. Семенова, окончила петербургский Екатерининский институт в 1844 г.).

[75] См., напр.: *Приказчикова Е.Е.* Антропологическая утопия Смольного института… С. 108.

[76] *Капнист* Семен Васильевич (1791–1843), сын смолянки А.А. Дьяковой и В.В. Капниста, член «Союза Благоденствия», директор училищ Полтавской губ., инспектор классов Полтавского института (1839–1843).

для хорового пения в институтах («Хоры, петые при открытии в Полтаве института для благородных девиц 12 декабря 1818 г.» и др.).

А.В. Белова пишет далее, что Капнисту «вторит С.Н. Глинка в своих “Записках”», который отзывается о выпускницах Смольного как о «невинных и несмысленных младенцах…»[78]. Однако продолжим цитату — Глинка далее задается вопросом: «Но кто был несмысленнее — они или те молодые Чванкины, Жеманихи и устарелые прелестницы, которых секретарь Бецкого поэт Я.Б. Княжнин осмеивал на театре и в посланиях к Екатерине?»[79]. (Впоследствии, оказавшись в тяжелых материальных обстоятельствах, редактор «Русского вестника», разделявший предубеждение на счет государственного женского образования, сам был вынужден поместить в институт своих дочерей Александру и Софью[80].)

Для нашей литературы, как специальной, так и беллетристики, этот образ по-детски наивной, неприспособленной к житейским бурям институтки стал притчей во языцех. Однако воспитанники всякого закрытого интерната, как в далеком прошлом, так и ныне, в XXI веке, выходя во взрослую жизнь, должны учиться жить в неизвестном им мире. Неопытность институток вполне объяснима, и приговором их учебному заведению не является. Важно другое — как институткам удавалось впоследствии применить полученные ими воспитание и образование. Обратимся снова к примеру смолянки Александры Дьяковой: по свидетельству ее дочери, мать не только сама занималась воспитанием своих детей, домашним хозяйством и «управлением экономией в деревне», но и находила

---

[77] Сенатор Г.Р. Державин в 1800 г., уже при следующем царствовании, был назначен членом Совета Воспитательного общества благородных девиц и Екатерининского института в Петербурге.

[78] *Белова А.В.* Женское институтское образование в России. С. 81.

[79] *Глинка С.Н.* Записки. С. 46–47. Дочь Княжнина Анна в 1785 г. окончила курс Воспитательного общества.

[80] Там же. С. 427.

время практиковаться в немецком языке, читать, делая выписки из книг, а также лечить крестьянских детей[81].

Две дочери историографа М.М. Щербатова, жестокого критика екатерининского времени в целом и женского института в частности, также учились в Воспитательном обществе. Прасковья (1-й выпуск) и Анна[82] (2-й выпуск) Щербатовы учились хорошо (первую называли в числе тех, кто «заслуженные уже похвалы… еще новыми приумножили»)[83], как и дочери критиковавшего идеи Бецкого о закрытом воспитании детей[84] А.Н. Радищева (обе его жены окончили курс все того же Воспитательного общества). Реакция на появление общественного женского учебного заведения, особенно со стороны мужской половины общества[85], как и следовало ожидать, была неоднозначной. Однако, критикуя (не без основания) новое учебное заведение, современники все же помещали туда на учение своих дочерей. К этому их подталкивала необходимость давать девочкам образование, притом что собственными средствами для этого сами они часто не располагали.

Уже в 1773 г. из-за не предусмотренного уставами «излишнего количества» детей, которых родители стремились поместить в государственное училище, было принято решение о введении наряду с штатными (казенными) вакансиями

---

[81] *Капнист-Скалон С.В.* Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: В 2 т. Т. I. М., 1931. С. 310.

[82] Анна Михайловна *Щербатова* — родная тетка П.Я. Чаадаева, заменившая ему мать, которой он лишился в трехлетнем возрасте.

[83] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 227. Л. 100. 1772 г.

[84] См.: *Хижняков С.* «Есть уже довольно материалов для сия науки…». «Воспитательная идея» в российском обществе XVIII — первой половины XIX в. // Социальная педагогика в России. 2013. № 2. С. 88–94.

[85] См., напр.: *Шнайдер Н.* Литературные занятия прекрасных дам // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. 2014. Вып. 4(10). Автор пишет о недоброжелательности, которую вызывала любая деятельность женщин, выводившая их за пределы привычного и признанного круга.

платных мест. В Смольный институт отныне дозволялось принимать сверх определенного Уставом числа еще по 40 своекоштных девиц в каждое из двух отделений с оплатой по 198 руб. за «благородную» и 120 руб. за «мещанскую» воспитанницу в год[86].

Учреждение государственной женской школы в России опережало общественную инициативу. Потребовалось немало времени, авторитет императорской семьи, труды просветителей, чтобы доверие к государственной женской школе утвердилось.

3. 1783 г. Комиссия об учреждении народных училищ и реорганизация учебной части Смольного института

Осуществление грандиозных замыслов по строительству системы народного просвещения требовала совокупной работы многих специалистов, объединенных общей целью. В 1782 г. указом Екатерины II была создана Комиссия по учреждению в России народных училищ[87], которую возглавил П.В. Завадовский, будущий первый министр народного просвещения России. Одной из многих задач Комиссии стало реформирование учебной части Смольного института спустя почти двадцать лет после его создания.

К этому времени И.И. Бецкой был фактически отстранен от непосредственного участия в работе института[88], хотя, судя по

---

[86] Высочайше утвержденный доклад действ. тайн. сов. Бецкого «О правилах приема в воспитательные училища детей на собственное содержание». 24 мая 1773 г. // ПСЗ–1. Т. XIX. СПб., 1830. С. 765–767. В Кадетском корпусе стоимость обучения своекоштных составляла 240 руб.

[87] См.: *Артамонова Л.М.* Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестник Самарского гос. ун-та. 2009. № 7(73).

[88] См.: *Фруменкова Т.Г.* Екатерина II и И.И. Бецкой (1767–1795 гг.) // Universum. Вестник Герценовского ун-та. 2009. № 9. С. 51.

постоянно встречающейся его подписи на подлинниках документов, он визировал разработки Комиссии в Воспитательном обществе, по всей видимости, исполняя в то время в основном представительскую функцию. Как отмечалось в исторической литературе, Бецкой «недостаточно обращал внимания на конкретный характер образования», и его план содержал «слишком много общих мест и слишком мало было сообразно с наличными условиями русской действительности», что больше всего обнаруживалось в Смольном институте[89]. Вряд ли можно ставить это Бецкому в вину: им был задан важнейший первичный импульс, и на том уровне разработки педагогических идей, не говоря уже о педагогических методах и приемах, можно было говорить лишь об общей идеологии этого просветительского импульса, но отнюдь не о практических мерах его реализации.

Итак, Комиссия Завадовского проинспектировала организацию учебного дела в институте, и в результате этой работы были обнаружены серьезнейшие недостатки. Преподавание наук, по заключению Комиссии, «шло не постепенно», девиц «отягочали многими другими учениями», они «несовершенно знают языки, на которых им преподают науки, а особливо язык российский», а к третьему, старшему возрасту и «то знание русского языка, с которым они вступили в общество, становится им почти неизвестным». Кончавшие 12-летний срок учения воспитанницы «имеют так мало познаний в языках, “наипаче в российском”, что едва могут изъясняться вразумительно о вещах простейших и употребительнейших, а большая часть мещанок не умеют даже написать правильно свое имя». Причина заключалась в том, что большая часть предметов преподавалась на иностранных языках, сами «учительницы» плохо справлялись со своими обязанностям, и в результате, по словам Завадовского, «предубеждение к французскому довело до

---

[89] См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* И.И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904. С. 29, 56; см. также: *Демков М.И.* Очерки по истории русской педагогики. М., 1917. С. 36.

того, что свой российской язык делается для девиц чужим»[90]. Практически те же недостатки отмечались в постановке учения в частных столичных пансионах, о чем сообщала в своем докладе императрице Екатерине II академическая комиссия 1780 г.[91]. Не лучше обстояли дела в Сухопутном Шляхетном и Морском корпусах.

Сама организация школьных занятий не способствовала их успеху: по обыковению, в учебной комнате вели занятия сразу два-три учителя, уроки прерывались для театральных представлений, или для «других подобных упражнений», не хватало учебных книг, прежде всего русских. Важнейшими направлениями работы Комиссии народных училищ стали подготовка квалифицированных педагогических кадров, перевод и написание учебников и учебных пособий, разработка методик преподавания.

Для обеих половин Смольного института было разработано «Расположение учения в Обществе благородных и мещанских девиц по введенному в народных училищах Российской империи примеру»[92]. Автором «Расположения являлся Ф.И. Янкович де Мириево[93], принимавший участие в проведе-

---

[90] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 2 об. 1783 г.

[91] См.: *Смагина Г.И.* Петербургская Академия наук в культурно-образовательном пространстве России XVIII века // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2008. Т. 27. С. 69.

[92] Содержание учебного плана, опубликованное в Н.П. Черепниным, несколько отличается от его переложения в «Материалах» Е.И. Лихачевой и имеет незначительные отличия от документа, сохранившегося в Центральном гос. историческом архиве Петербурга.

[93] *Янкович де Мириево* Федор Иванович (1741–1814), сербский уроженец, окончил курс Венского университета. Прибыл в Россию по приглашению Екатерины II, которой Янковича рекомендовал император Иосиф. В 1791 г. вступил в российское подданство и был причислен к российскому дворянству. Член Комиссии по учреждению народных училищ, директор Главного народного училища в Петербурге, член Российской академии.

нии учебных реформ в Австрии. Он был хорошо знаком с деятельностью известного немецкого педагога того времени И.И. Фельбигера[94] и его учительской семинарии, изучал применяемые там методики и пунктуально следовал им.

Примечательно, что в Австрии, послужившей России примером в педагогическом отношении, аналоги русского закрытого женского института возникли позднее: один для дочерей военных в 1775 г., другой — для дочерей гражданских чинов — в 1786 г.[95], и впоследствии подобных учебных заведений более не открывалось.

18 апреля 1783 г. И.И. Бецким в Воспитательном обществе было представлено подготовленное Янковичем «Расположение учения»[96], состоявшее из двух частей — перечня «Учебных предметов» и «Учебного способа» (метода преподавания). Сама структура программы стала более четкой.

В «Разделении наук для всех IV возрастов» Воспитательного общества значились следующие предметы:

I возраст[97]: краткий катехизис (2 часа), «российское» чтение и письмо (первые два года — по 7 час., в третий — по 6 $^1/_2$ часа); чтение и письмо по-французски (то же), чтение и письмо по-немецки (4 часа), рисование (3 часа), танцы (2 часа). Всего в первые два года шесть предметов по 23 часа в неделю, в третий год — по 24 часа. Учебная программа Мещанского

---

[94] *Фельбигер* Иоганн Игнатий (1724–1788), австрийский педагог, основатель семинарий по подготовке учителей. Руководил проведением школьной реформы в Австрии в 70-х гг. XVIII в., разработал общий школьный устав немецких школ. Книга И.И. Фельбигера «О должностях человека и гражданина» (СПб., 1783, мн. др. переизд.) была рекомендана всем учебным заведениям Российской империи самой императрицей в качестве обязательной для чтения.

[95] *Петров А.* Женские учебные заведения в Австрии (Цислейтании) // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270. С. 18, 23.

[96] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 1. 1783 г.

[97] Там же. Л. 12.

отделения отличалась тем, что чтение и письмо на русском языке преподавалось на один час больше.

II возраст[98]: краткий катехизис (2 часа), чтение, правописание, краткая грамматика русского (5 часов) и французского (3 часа) языков, чтение и письмо по-немецки (3 часа) и краткая грамматика немецкого языка (2 часа), чистописание по-русски и французски (по 1 часу), история, география, хронология и мифология (3 часа), арифметика (3 часа), рисование (2 часа), танцы (2 часа). Всего на 11 предметов отводилось 27 часов в неделю. В Мещанском отделении на русское чистописание полагалось на один час больше, а на чтение и письмо на немецком языке — на час меньше[99]. (Для немалого числа девочек, которым предстояла трудовая жизнь, уроки чистописания были очень полезны — переписка бумаг служила верным заработком женщинам вплоть до конца XIX в.)

III возраст[100]: пространный катехизис, чтение Евангелий, христианское нравоучение (2 часа), чтение и правописание на русском языке (1 час), чтение французской книги (1 час), чтение и правописание по-немецки (2 часа), грамматика немецкого языка и переводы (2 часа), переводы на русский язык (2 часа), история, география, хронология и мифология (6 часов), арифметика (2 часа), физика и натуральная история (2 часа), рисование (3 часа), музыка (4 часа), танцы (2 часа). Всего на 12 предметов отводилось 29 часов в неделю. Воспитанницы Мещанского отделения на два часа меньше учили историю, географию и хронологию с мифологией, на час меньше занимались переводами на русский язык, час урока французского языка был посвящен не чтению, а изучению грамматики и правописания, а урок русского — чтению, правописанию и изучению «пространной грамматики».

---

[98] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 12. В документе, который приводит Н.П. Черепнин, на арифметику во II возрасте отводилось два часа, и общее количество предметов составляло 10 (пропущено рисование)

[99] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 13.

[100] Там же. Л. 12 об.

IV возраст: пространный катехизис, чтение Евангелий, христианское нравоучение (2 часа), чтение русских (2 часа) и французских (1 час) книг, переводы на русский язык и сочинения на русском языке (3 часа), переводы на немецкий язык, чтение и немецкая грамматика (4 часа), история, география, хронология и мифология (3 часа), арифметика (2 часа), геометрия и архитектура (3 часа), физика и натуральная история (2 часа), рисование (2 часа), музыка (4 часа), танцы (1 час). Всего на 12 предметов отводилось 29 часов в неделю. В Мещанском отделении занятия Законом Божиим и чтение книг на русском языке продолжались на час, а рисование — на два часа дольше, немецкому языку уделялось на два часа меньше, а геометрия и архитектура вовсе не преподавались.

Предполагалось, что практическая направленность обучения воспитанниц Мещанского отделения должна соответствовать будущему, которое их ожидало.

«Учебный способ», предложенный Янковичем де Мириево для Смольного института, в соответствии с передовой методикой того времени, делал особый упор на *наглядный* метод обучения, использование различных приемов, которые облегчали бы и преподавание, и усвоение пройденного ученицами. В этом Янкович следовал разработанным Фельбигером методикам. Среди них были «буквенная», «табличная» методы, «катехизация» — вопросы «из изучаемого и ответы на них»; занятия учителей одновременно со всеми учениками класса; общее обсуждение — «род некоторой беседы или разговора» учителей с ученицами, когда учитель вместе со всеми воспитанницами обсуждает все ошибки; совместное чтение вслух. «Буквенная метода» относилась к мнемоническим способам, предназначенным для «легчайшего изучения наизусть». Для этого следовало обозначать каждое слово начальной буквой: предписывалось «на черной доске слов и речей, учения требующих, [записывать] первыми только бувами каждого слова. Сказать им из того, что написать на доске надобно, слов пять или шесть, например: “Верую во единого

Бога Отца"… написать на доску первые буквы каждого слова, например, В. в. е. Б. О.»[101].

Для российских учебных заведений Янковичем был составлен общий «Способ учения», аналогичный «Учебному способу» для Смольного. Одни и те же методики и учебники использовались в таких «непохожих образовательных учреждениях, как Смольный институт и калмыцкой школе в Ставрополе, столичных кадетских корпусах и гарнизонной солдатской школе в Симбирске»[102]. Таким образом, развитие женской школы в России шло в общем образовательном русле эпохи.

Для лучшего восприятия учениками новых сведений «Способ учения» предписывал преподавателям составлять таблицы и вести преподавание по ним. Как разъяснял составитель, «таблица ничто иное есть, как выписка, или краткое содержание какого ни есть сочинения или книги, в котором все главные части, отделения, и сии разделения так представлены, что все в надлежащем соединении легко и удобно видеть можно»[103]. По «табличному расположению» следовало изучать разные предметы — катехизис, грамматику, правописание, историю и физику. Рекомендовалось также по возможности «читанное объяснять и утверждать опытами», для проведения которых необходимо было закупить «необходимые инструменты». А затем учитель должен был расспросить своих подопечных, что они поняли из «виденного опыта». Те же правила вводились и в женских институтах.

В младших классах учителя должны были читать вместе с детьми книги, стараясь при этом, чтобы занятия были осмысленными, и дети «действительно научались разуметь» («вопрошениями исследовать, чтоб дети понимали то, что чита-

---

[101] *Толстой Д.А.* Городские училища в царствование императрицы Ека*т*ерины II // Сб. Отд. русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. 41. СПб., 1887. *С. 53.*

[102] *Артамонова Л.В.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII — начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 337.

[103] См.: *Толстой Д.А.* Городские училища... С. 53.

ют»). Наизусть затверживать необходимо было лишь «Символ веры», десять заповедей и молитвы.

На первых порах уроки Закона Божия в институте вел не священник, а учитель, светский человек. Это было делом обыкновенным в учебных заведениях того времени, на что обращает внимание исследователь Л.В. Артамонова, которая указывает, что православное духовенство к преподаванию в новых общеобразовательных школах не привлекалось, и уроки Закона Божия находились в ведении учителей[104]. В Смольном первый законоучитель православного исповедания появился лишь в 1783 г. Это был священник Иоанн Сидоровский[105]. Учебник для уроков Закона Божия — «Пространный катехизис с доказательствами из св. Писания» — также был составлен не священником, а мирянином — самим Янковичем, и затем получил одобрение архиепископа новгородского и петербургского Гавриила[106].

Согласно новому расписанию на русский язык в Обществе отводилось больше всего времени — 21 час на все возрасты, немецкому языку уделялось на 4 часа больше, чем французскому. Тем не менее, поставленную Комиссией задачу вести преподавание всех предметов на русском языке оказалось делом невозможным и по объективным, и по субъективным

---

[104] *Артамонова Л.В.* Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского гос. ун-та. 2013. № 8–2(109). С. 55. В.А. Петригина объясняет «устранение» духовенства от преподавания «низким культурным уровнем священнослужителей» (*Петригина В.А.* Воспитание «новой породы людей» в просветительской политике Екатерины II // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 4. С. 267).

[105] *Сидоровский* Иоанн, ум. в 1795 г. В 1783–1795 гг. православный законоучитель Смольного института. Составил «Изъяснение воскресных и праздничных Евангелий», совместно с инспектором классов М. Пахомовым занимался переводами с греческого языка Платона, Павсания и др.

[106] См.: *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. включительно. СПб., 1849. С. 27.

причинам, — прежде всего, вследствие первенствующего статуса французского языка в системе воспитания дворянского недоросля, а также нехватки русских учителей, которым к тому же предпочитали учителей иностранных. Мемуарист писал о своей тетке-смолянке выпуска 1791 г.: «Французский язык был как бы естественным языком монастырок, так что тетушка, по выходе из монастыря, несравненно легче объяснялась на французском языке, чем на русском, хотя и по-русски писала совершенно правильно»[107]. Хорошее владение французским языком неизменно считалось важнейшим показателем успешности учения. Во всех привилегированных учебных заведениях того времени одной из важнейших задач было обучение именно французскому языку, языку культурного общения.

В основу преподавания русского языка в Воспитательном обществе было положено изучение правил по учебнику, прежде всего — грамматики, под которой понималась тогда, помимо собственно грамматики в современном понимании, также орфография и пунктуация[108]. Первоначальное «познание букв» должно было вестись по азбучной таблице и складам по «таблице для складов», которые уже применялись в народных училищах. Грамматические разборы проводились на доске, чтобы весь класс участвовал в обсуждении, исправляя написанное одной из девиц[109].

Янкович скрупулезно расписывал порядок обучения азбуке: «сие познание букв можно всего легче преподать детям чрез написывание на черной доске мелом, сперва различных тех черточек, из коих оне состоят, а потом и самих букв в такой величине, чтобы черты и части букв представлялися взору ясны», причем «буквы на доске писать должно не обыкновен-

---

[107] *Селиванов В.В.* Предания и воспоминания. СПб., 1881. С. 36.

[108] См.: *Текучева И.В.* Основные вопросы преподавания русского языка в XVIII в. // Вестник Владимирского гос. ун-та. Серия пед. наук. 2011. № 30. С 247–248.

[109] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 9–9 об. В классах Смольного было две доски, на которых вызванные девицы могли одновременно выполнять задания учителя.

ным азбучным порядком»[110]. Учитель, в соответствии с замыслом Янковича, показывал преобразования букв с помощью «различных черточек»: І — Г — П — И — Н — Ц и т.д. (Примечательно, что в домашнем обучении традиционный способ обучения азбуке сохранялся даже спустя несколько десятилетий. Об этом вспоминает поэт Я.П. Полонский, учение которого началось в 1825 г. Ему купили азбуку с лубочными картинками, по которой мальчик выучил названия букв: «аз», «буки», «веди», «глагол», поскольку о «преподавании азбуки по звуковому методу тогда еще и вопроса не было. Учили по старине»[111].)

В качестве учебника использовались «Руководство учителям первого и второго класса народных училищ» (СПб., 1783) и «Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ» (1-е изд. 1787 г., 4-е 1796 г.). Сам Янкович составил «Российский букварь» (1782), «Руководство к российскому чистописанию» (1782), «Сокращенный катехизис для употребления во втором классе народных училищ» (1784).

«Педагогическую несостоятельность» «Краткой российской грамматики» критиковал спустя более чем столетие институтский преподаватель русского языка и словесности В.В. Каллаш. Он писал: «Эта грамматика чрезвычайно типична для того времени, когда изучение языка сводили к механическому усвоению схоластических абстракций, когда игнорировали живую речь и живое чувство речи, и явления органической жизни языка пробовали замкнуть в мертвые формы исключительных логических категорий. Правила были необыкновенно дробны и выражены слишком отвлеченно. Все было построено по дедуктивному методу, шло от сложного к простому и могло усваиваться только благодаря исключительной

---

[110] Цит. по: *Толстой Д.А.* Городские училища... С. 54.

[111] *Полонский Я.П.* Школьные годы (начало грамотности и гимназия) // Историческая записка Рязанской 1-й мужской гимназии. 1804–1904. Рязань, 1904. С. 231.

памяти у детей»[112]. Однако нельзя не принимать во внимание, что то были первые руководства, создававшиеся в начальный период становления школьной науки, когда работа русских академиков и университетских профессоров в значительной степени носила характер просвещенческий, а не научный. Лишь несколько десятилетий прошло со времени издания первого печатного учебника по российской словесности «Краткое руководство к красноречию» (1748 г.) М.В. Ломоносова[113].

Трудность при изучении русского языка представляла неразработанность его орфографии, степень которой в специальных трудах характеризуется как «орфографический разнобой» и даже «орфографическая анархия». Лишь в конце XVIII в., как отмечают исследователи, постепенно создавались «определенные предпосылки» для изучения родного языка, чему способствовали работы Российской академии наук по созданию орфографических регламентаций (подготовка словарей и грамматических руководств)[114].

---

[112] Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк / Под ред. В.А. Вагнера. М., 1903. С. 194–195, 199. *Каллаш* Владимир Владимирович (1866–1918/19), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, преподаватель русского языка и словесности в московском Екатерининском институте с 1894 г. Автор работ по истории русской литературы и педагогике. Редактор первого научного издания собрания сочинений И.А. Крылова (Т. 1–4. СПб., 1903–1905), иллюстрированного полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова (Т. 1–6. СПб., 1914–1915), сочинений и писем Н.В. Гоголя (Т. 1–9. СПб., 1907–1909), полного собрания сочинений А.Н. Радищева (Т. 1–2. М., 1907).

[113] Подр. см.: *Журавлев В.П.* Становление и развитие типологии учебных и методических пособий в истории отечественного литературного образования (XVI–XIX вв.) // Преподаватель. XXI век. 2009. № 1.

[114] См.: *Баранов М.Т.* Русский язык в школе: к 210-летию включения в учебные планы // Русский язык в школе. 1996. № 4. С. 59–65;

Не только научные понятия, но и русскоязычные термины и речевые обороты находились в стадии формирования. В исследовании Н.И. Кузнецовой показано, как шла разработка терминологии, без которой дальнейшее развитие науки на русской почве было невозможно. Еще в начале XVIII в. слово «арифметика» нуждалось в переводе — «числительница» у Магницкого, «считальная наука» в учебнике артиллерии Бринка, «счисление» у Татищева и т.д.[115]. Друг Н.М. Карамзина, поэт И.И. Дмитриев[116] посмеивался над переводами Павсания и Платона преподавателя Смольного М.С. Пахомова[117] и законоучителя И. Сидоровского, в которых встречаются обороты вроде: «тако мне глаголющу, возставшу солнцу» и пр., а сам Карамзин иронически называл таких писателей «големыми претолковниками»[118]. Очевидно, что язык учебников той поры

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. С. 34–35. См. также: *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. СПб., 1874. Вып. 2. С. 267–268.

[115] См.: *Кузнецова Н.И.* Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII — середина XIX вв.). М., 1999. С. 63, 64.

[116] *Дмитриев* Иван Иванович (1760–1837), поэт, сенатор, член Государственного совета, министр юстиции (1810–1814). В 1812–1837 гг. являлся членом Совета Воспитательного общества благородных девиц.

[117] *Пахомов* Матвей Сергеевич, учитель Воспитательного общества (русский язык, география и история, арифметика и переводы на русский с немецкого и французского языков). Переводчик, секретарь Совета Воспитательного общества. Совместно с законоучителем Смольного И. Сидоровским издал «Творения велемудрого Платона» (СПб.: при имп. Академии наук, 1780–1785), «Павсаний, или Павсаниево Описание Еллады, то есть Греции» (СПб.: при имп. Академии наук, 1788–1789). Служба Пахомова в Смольном продолжалась с 1772 по 1792 г.

[118] См.: Карамзин в истории русского литературного языка. СПб., 1867. С. 12–13. Язык, на котором изъяснялись учителя, выходившие «большею частию из духовных семинарий», «отличаясь необыкновенною искусственностию, становился темен и непонятен

был тяжеловесен и сложен для понимания и запоминания. Не приходится удивляться, что ученикам того времени гораздо труднее, чем их детям и внукам, давалась не то что наука, но даже и грамотность.

Важность изучения иностранных языков объяснялась, помимо прочего, также и тем, что «путь в естествознание лежал через овладение западно-европейскими языками»[119]. Преподавание языков в учебных заведениях старались поставить самым серьезным образом — они были необходимы юношам для карьеры, для преуспеяния в науках и, наконец, для успеха в обществе. Воспитанник кадетского корпуса вспоминал, как культивировалось изучение французского языка: «за час до обеда тому из кадет, который произносил хотя одно русское слово и был замечен гувернером, давался шарик с указанием, чтобы он старался передать товарищу, коего уловит в произнесении русского слова... Сим способом употребление французского языка было весьма успешно»[120]. Подобный прием использовался повсеместно — от частных пансионов до общественных привилегированных учебных заведений; менялась лишь символика наказания — проштрафившемуся вместо шарика могли вручать картонный круг, вешать на шею красный язык или водружать на голову дурацкий колпак. Это обыкновение, привезенное французскими гувернантками еще в XVIII в., продержалось в домашнем воспитании довольно долго[121].

для прочих смертных» (См.: *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 177).

[119] *Кузнецова Н.И.* Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII — середина XIX вв.). М., 1999. С. 69.

[120] *Полетика П.И.* Мои воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3. Вып. 11. С. 309. 1782 г. Отец Полетики — доктор медицины. Из трех сестер мемуариста, учившихся в Смольном, две окончили курс с шифром, причем одна из них, Екатерина Ивановна Полетика, стала фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Старшие братья учились в Артиллерийском и Сухопутном корпусах.

[121] В домашних условиях гувернантки применяли и более затейливые эмблемы: например, дощечку, изображавшую осла с длинными

Естественные науки и физика изучались в старшем классе института. В качестве учебного пособия по натуральной истории предлагалось «Зрелище Вселенной», книга для чтения, сокращенная из «Живописного мира» Коменского[122]. В Воспитательном обществе уроки натуральной истории вел выпускник петербургской учительской семинарии А.М. Теряев[123], составивший по распоряжению Комиссии первый учебник на русском языке по минералогии — «Краткое рассуждение о минералогии, вообще о переменах и приращении во всех частях оной, с присовокуплением главного основания новейшей минералогической системы» (СПб., 1796). При изучении физики учитель должен был все «объяснять и утверждать опытами», расспрашивать девиц, как они понимают виденное. Преподавание геометрии и архитектуры следовало также вести наглядно: учителю предписывалось «тщательно» пояснять «читаемое больше видимыми, нежели отвлеченными доказательствами»[124].

Учебный предмет «история» подразделялся на историю «священную» и «универсальную», включал в себя «мифологию» и

ушами (см.: *Тур Евгения.* Семейство Шалонских. Из семейной хроники. СПб., 1896. С. 6. Речь идет о времени накануне 1812 г.).

[122] См.: *Пинкевич А.П.* Основы методики естествознания. М., 1930. С. 260.

[123] См.: РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 111; в Мещанском отделении Смольного института преподавал российскую историю и географию. *Теряев* Андрей Михайлович (1767–1827), преподаватель Пажеского корпуса, профессор Медико-хирургической академии, Петербургского университета. Автор работ по естествознанию, в т.ч. «Руководства к познанию царства растений» (1808), изд. Главным правлением училищ для учебных заведений. В институте преподавал в течение двадцати лет. «По уважению долговременной и усердной службы» Теряева на иждивении императрицы Марии Федоровны в Воспитательном обществе учились дочери профессора (См.: Андрей Михайлович Теряев. СПб., 1827. С. 7). Очевидно, речь идет о Вере и Софии Теряевых (последняя, по всей видимости, не окончила полного курса).

[124] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 10.

долгое время преподавался нераздельно с географией. Русская история была разработана несравненно хуже всеобщей, ее научное изучение только начиналось. Неудивительно, что в Главном народном училище при 16-ти недельных часов пятилетнего курса 12 часов отводилось на изучение всемирной истории и лишь четыре — на «краткую российскую историю». Из-за отсутствия «пригодных для употребления» учебников долгое время занятия велись по записям учителей[125]. В 1799 г. Комиссия, наконец, издала учебник — «Краткую российскую историю», к которому прилагались исторические карты. Первые глобусы на русском языке появились несколько раньше, в 1786 г.

Екатерина II обращала внимание на значение преподавания отечественной географии, полагая, что «спознание России во всех ее частях *главнейшую основу воспитания и обучения детей* составлять должно»[126]. То, что императрица придавала такое значение «спознанию России», изучению собственной страны, ее прошлого и настоящего, — с одной стороны, знаменовало новый этап в развитии этой науки (причем не только школьной науки), с другой — обозначало приоритеты учебной программы в школе, в том числе и в женских институтах, где география отныне неизменно занимала почетное место среди других учебных предметов.

Во время урока истории таблицы составлялись совместными усилиями учителя и учениц. Описание таблиц, использовавшихся в те годы в учебных заведениях различного типа, встречаем в работе, посвященной московскому Главному народному училищу: «большие таблицы, раскрашенные черной краской и разделенные по главам на столбцы, в заглавиях столбцов — имена народов и государств, а на левой стороне таблиц — годы, или тысячные, или сотые». По мере продви-

---

[125] *Эйнгорн В.* Преподавание истории в московском Главном народном училище (1786–1802) // Сб. статей, посвященных В.О Ключевскому. Ч. II. М., 1909. С. 765.

[126] См.: *Руднев Я.И.* География в школе. Вопросы преподавания и методики географии в средней и народной школе. Сб. 1. СПб., 1913. С. 9. Курсив мой. — *В.П.*

жения в изучении истории учитель предлагал ученикам записывать мелом годы, имена и главные происшествия «под тот век и в ту клетку, коей заглавие показывает государство или народ.., чтобы ученики тем легче могли запечатлеть их в памяти и обозреть одним взглядом порядок и связь происшествий». Такая таблица находилась постоянно перед глазами учеников для лучшего запоминания[127].

По субботам устраивались постоянные повторения пройденного, когда все учителя собирались вместе и беседовали с ученицами, предлагая по очереди вопросы каждый из своей науки. Янкович объяснял этот порядок так: «Напр.: Учитель Катехизиса спрашивает ученика своего: какое существо называем мы Богом? кто создал мир сей и проч. Географический, услышав о мире, спрашивает, как разделяется мир сей на глобусе. Геометрический исследывает фигуру онаго… Физический, услышав, что произрастения свои земля дала в третий день, спрашивает, которому Царству Природы они принадлежат. Что способствует произрастению плодов земных? отчего бывают дожди?» и т.д., и т.д.

В то же время составитель «Расположения учения» не забывал, что речь идет о воспитании девиц, которым предстоит стать «со временем добрыми хозяйками, верными супругами и попечительными матерями», и потому заявлял о необходимости «сочинить для того такую книжку, по которой бы они, читая ее под присмотром надзирательниц своих, наставляемы быть могли». В этом руководстве предусматривалось посвящать девиц в то, как «в супружеском состоянии в рассуждении мужа поступать», как вести себя во время беременности, «грудокормления, …младенчества детей и их отрочества», а также выборе учителей и учительниц и «обхождении своем с ними»[128], излагались бы правила домоводства, в том числе «сельское домоводство, садовые заведения, ведение приходов

---

[127] *Эйнгорн В.* Преподавание истории... С. 788–789.

[128] Подобные идеи были изложены Н.И. Новиковым в цикле статей «О воспитании и наставлении детей», опубликованных в «Прибавлениях» к «Московским ведомостям» 1783 г.

и расходов» и пр.[129] В этих рассуждениях можно увидеть характерную для того времени черту — веру в то, что по сочиненной специально для этой цели книжке можно воспитать из девицы добрую хозяйку, верную супругу, попечительную мать, однако нельзя не оценить намного опередившую время попытку преподать институткам медико-гигиенические знания, которые в иных условиях и при наличии подготовленных преподавателей могли бы принести немало пользы.

Комиссия позаботилась о том, чтобы разработанные правила, методики и программы воплощались в жизнь. Для этого, прежде всего, устанавливался внешний и внутренний контроль за преподаванием и, во-вторых, радикально сменялся учительский состав Смольного института.

Для контроля за порядком учения назначался один из членов Комиссии, который должен был еженедельно («по крайней мере однажды в неделю») посещать Смольный институт, проверяя ход занятий и соответствие уроков «расположению учения»[130]. (Впоследствии подобные функции в институтах выполнял член Совета института по учебной части.) Большое значение имело появление в это время в институте *надзирателя*, позже именовавшегося инспектором классов. Это была ключевая должность, необходимая для лучшего руководства учебным процессом, требовавшего постоянных и многообразных забот. В «Реестре» уничтоженных в конце XIX в. дел Комиссии об учреждении народных училищ упоминаются записки надзирателя при Обществе благородных девиц, который должен был «присматривать» «за ходом учения в помянутых заведениях, с возложением на него обязанности подавать в Комиссию отзывы об успехах»[131], хотя сами эти записи не сохранились. Первым эту ответственную должность занял М.С. Пахомов, помогавший Янковичу де Мириево в его работе по реформированию Смольного.

---

[129] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 10 об.–11.

[130] Там же. Л. 1.

[131] РГИА. Ф. 730. Инв. оп. 1. № 38456.

Благодаря публикации в «Русской старине» до нас дошел один документ, подписанный первым инспектором классов Смольного института — это «Известие», или недельный отчет Пахомова в Комиссию за период с 27 ноября по 3 декабря 1783 г.[132]. Очевидно, подобные отчеты составлялись инспектором регулярно и служили необходимым средством контроля за правильным ходом учения в соответствии с преобразованиями, предпринятыми Комиссией, однако в нашем распоряжении остался лишь этот один документ. В отчете отдельно указывалось количество девиц каждого возраста, поименно перечислялись отсутствовавшие «за болезнию», а затем указывались учебные занятия каждого возраста — сначала «благородныя» воспитанницы, затем «мещанския».

Занятия *I, младшего, возраста* Воспитательного общества за эту неделю состояли в следующем: «1. Читали, складывали и писали по-французски, по-российски и по-немецки. 2. Продолжали III-ю часть таблицы о чтении. 3. Переводили словесно с российского языка на французский малые повести. 4. Рисовали части головы». Занятия *II возраста*: «Продолжали IV-ю главу 1-й части “Книги о должностях человека и гражданина”. 2. Продолжали таблицу о правописании. 3.Читали и писали по-российски, по-французски и по-немецки. 4. Прошли от 3-го до § 6-му 11-го периода от Ноя до Моисея 1-я части Истории. 5. Слушали изъяснение о верах в Европе. 6. Упражнялись в вычитании целых чисел. 7. Переводили с французского на российской язык и обратно. 8. Слушали 10-й член “Символа веры”. 9. Рисовали части головы и цветы». Занятия *III возраста*: «1. Проходили IV-е склонение немецких имен существительных. 2. Рисовали части головы и цветки. 3. Упражнялись в умножении и делении именованных чисел. 4. Продолжали российские глаголы. 5. Читали 11-ю главу 1-я части “Книги о

---

[132] Смолянки в 1783 г. [В комиссию о учреждении народных училищ от находящегося при Обществе благородных и училище Мещанских девиц надзирателя Матфея Пахомова, с 27 ноября по 3 декабря 1783 г. известие]. Сообщ. И.Ф. Горбунов // Русская старина. 1878. Т. XXIII. Записная книжка «Русской старины». С. 316–318.

должностях человека и гражданина". 6. Продолжали таблицу о правописании. 7. Прошли от 7-го до § 9-го 11-го периода 1-й части Истории. 8. Обучались изъяснениям кругов на земном шаре». Занятия старшего, *IV возраста*: «1. Продолжали о свойствах света и о глазе. 2. Упражнялись в 4-х правилах именованных чисел, а некоторые в тройном правиле[133]. 3. Переводили с российского на немецкий и французский язык и с сего на российский. 4. Рисовали цветки и ландшафты и продолжали перспективу. 5. Прошли с 20-го по § 22 III-го периода от Моисея до Ромула 1-я части Истории. 6. Продолжали решение проблем математической географии. 7. Обучались правилам здания Тосканического об одном апартаменте. 8. Слушали начало III-ей главы II-й части катехизиса».

Занятия *I-го, младшего, возраста* Мещанского отделения состояли в следующем: «1. Читали, складывали и писали по-российски, по-французски и по-немецки. 2. Окончили таблицу о познании букв. 3. Рисовали части головы». Занятия *II возраста*: «1. Слушали от 7-го члена "Символа веры" по 9-й член. 2. Продолжали таблицу о складах французских. 3. Читали и писали по-российски, по-французски и по-немецки. 4. Продолжали таблицу о чтении. 5. Прошли 3-й § 1-го периода 1-я части Истории. 6. Проходили термины географические. 7. Рисовали части головы». Занятия *III-го возраста*: «Начали III-ю главу I-й части "Книги о должности человека и гражданина". 2. Писали по-российски, по-французски и по-немецки. 3. Продолжали таблицу о чтении. 4. Упражнялись в вычитании целых чисел. 5. Продолжали таблицу о чтении французском. 6. Слушали от 5-го члена "Символа веры" по 8-й член. 7. Рисовали части го-

---

[133] Тройное правило — правило из практической арифметики для решения задачи, в которой наличествуют две величины, для первой из которых даются два значения, для второй — одно, и требуется найти ее второе значение (напр., из «Арифметики» Л.Ф. Магницкого: «один человек выпьет кадь пития в 14 дней, а со женою выпьет ту же кадь в 10 дней, и ведательно есть, в колико дней жена его особо выпьет ту же кадь»). Именованные числа — т.е., имеющие конкретное приложение, напр.: 25 см, 5 кг.

ловы. 8. Прошли § 8-й 1-го периода 1-й части Истории. 9. Продолжали всеобщий чертеж земного шара». Занятия *IV возраста*: «продолжали российские глаголы. 2. Повторяли 4-ю главу 1-й части “Книги о должностях человека и гражданина”. 3. Переводили с российского на французский язык и обратно. 4. Упражнялись в умножении и делении целых чисел. 5. Начали о свойствах света. 6. Рисовали цветки. 7. Слушали по 2, заповедь 11-й главы 11-й части катехизиса. 8. Прошли до § 6-го 11-го периода 1-й части Истории. 9. Проходили о числе и свойстве жителей европейских».

Насколько полным было это «Известие» надзирателя М.С. Пахомова, остается неизвестным. С начала XIX в. при составлении институтского расписания оговаривалось, что в учебную сетку не включаются «искусства» (кроме рисования) — музыка, танцы и рукоделия, которые преподавались в свободное время[134]. По всей видимости, эта практика существовала и раньше, по крайней мере со времени работы в Смольном Комиссии, поскольку в отчете Пахомова танцы, музыка и пение не встречаются. В то же время в Уставе 1764 г. «искусства» перечислялись наряду с «науками».

Из текста следует также (если принять «Известие» Пахомова в качестве точного отчета), что в течение учебной недели не «проходились» все обязательные дисциплины курса, а лишь их часть, что неизбежно должно было нарушать правильный учебный ритм — длительные перерывы в изучении предмета не способствовали хорошему усвоению знаний. Так, для младшего возраста не упоминается Закон Божий, для второго класса — география и рисование, для третьего — Закон Божий, история, мифология, физика и натуральная история, для четвертого — Закон Божий, мифология, геометрия,

---

[134] Таким образом, нельзя согласиться с утверждением, что «рисованию и различным рукоделиям отводилось около 40% учебного времени» (*Мельникова Н.П.* Содержание воспитания и художественного образования в Смольном и Екатерининском институтах… С. 3).

архитектура. Возможно, изучение некоторых из предметов (более сложных — физики, натуральной истории, геометрии) начиналось в поздние сроки, во второй половине года или даже во второй-третий годы надлежащего возраста.

Завершался отчет примечанием «Прилежание учителей», где указывалось причины отсутствия и количество отсутствовавших учителей (отсутствовали двое, один «за нуждою», т.е. по необходимости, другой «за болезнию»), а также отмена учения 30 ноября «по причине праздника».

Помимо введения новой должности инспектора классов, Комиссия произвела ротацию учительского состава. Как свидетельствует сличение списков служащих, большинство прежних «учительниц» Воспитательного общества были переведены в ранг надзирательниц (будущих классных дам), часть из них стали вести уроки рукоделия (т.е., не были уволены и не потеряли свой заработок). Глава Комиссии П.В. Завадовский заявил, что отныне «не будут больше нужны иностранки, *носившие на себе доселе имя учительниц*» (курсив мой. — *В.П.*), и в этих словах явно прозвучало критическое отношение к квалификации этих «учительниц».

В то же время в числе полноправных преподавателей «наук» появляются женщины — выпускницы Мещанского отделения института: Татьяна Делусто, учительница «французского письма» (с 1783 г.)[135], Анастасия Климова (с 1794 г.), учительница «российского и французского чтения и письма» в нижних классах обоих отделений Смольного[136], дочь переводчика Дарья Крейпен, учительница российского и французского языков (с 1795 г.)[137]. Срок службы учительниц-женщин в отличие от их коллег-мужчин был длительным: Делусто преподавала более

---

[135] Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. С. 426–427.

[136] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 110 об.

[137] См.: Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. С. 423.

10 лет, Климова — 25, Крейпен — 20 лет[138]. Очевидно, что воспитанницы Смольного дорожили своим пребыванием в стенах своего института. Женщинам было непросто найти достойное место службы, сохраняя самостоятельность, получая стабильное жалованье, поскольку рынок труда для образованной женщины в основном ограничивался преподаванием.

В целом же число женщин в преподавательском составе института было значительно сокращено. Отныне учительский корпус формировался преимущественно из мужчин, что должно было способствовать повышению уровня преподавания[139]. Подобная практика являлась российской особенностью, поскольку в женских учебных заведениях Западной Европы чаще преподавали женщины[140]. Впрочем, учителей-мужчин один на один в наших институтах с воспитанницами не оставляли: во время урока сбоку от учителя за особым столиком всегда сидела классная дама.

Выбором учителей занималась Комиссия, стремившаяся «вместо неспособных учительниц избрать искуснейших учителей». По наблюдению Е.И. Лихачевой, Комиссия оставила из прежних учителей лишь троих, назначив на смену им 14 новых[141]. Как писал автор первого исследования по истории Смольного инспектор классов В.Н. Лядов, для реализации новой

---

[138] В 1828 г. Анастасия Климова была награждена Мариинским знаком отличия за 25, Дарья Крейпен — за 20 лет беспорочной службы (Список имеющим знаки отличия беспорочной службы. Ч. IV. СПб., 1832. С. 198–199).

[139] Этот порядок оставался нормой вплоть до конца XIX в., когда в институтах стало расти число преподавательниц, получавших серьезную научно-педагогическую подготовку.

[140] О том, как возникли и развивались народные училища в Англии и Германии // Педагогические статьи журнала «Учитель» за 1861 год. СПб., 1861. С. 35; см. также: *Пономарева В.В.* Женское образование за рубежом (по страницам русской периодической печати второй половины XIX века) // История Отечественных СМИ. Ежегодник–2016. М., 2016.

[141] *Лихачева Е.О.* Материалы... Ч. 1. С. 219.

гуманной и продуманной учебной программы требовались учителя «с большим знанием дела, а найти таких в то время было нелегко»[142]. В 1783 гг. в Смольном институте начинают преподавать такие деятели, как Т.П. Кириак (Кириаков), занимавшийся переводом учебных книг по заданию Комиссии, в будущем инспектор классов Смольного; Я.И. Малоземов (российская грамматика и риторика, логика и переводы), дававший уроки великим княжнам Марии, Анне и Екатерине и сменивший Кириака на посту инспектора классов[143]. Одни и те же учителя по-прежнему преподавали совершенно разные предметы, от «российского правописания» до арифметики.

Именно в то время впервые в «Уставе народным училищам Российской империи» (1786) и «Руководстве учителям младших классов народных училищ» было сформулировано представление об «идеальном педагоге», который должен был сочетать «профессиональные добродетели»: христианское благочестие, любовь («не робяческой, но соединенной всегда с постоянным и важным видом»), бодрость, терпение, довольствие, прилежание, беспристрастие и снисходительность. Причем учитель в соответствии с этим каноном — не просто преподаватель, «но прежде и главным образом воспитатель»[144].

До появления не только «идеальных», но достаточного количества образованных учителей было еще далеко. Для их подготовки Комиссия приняла решение за казенный счет содержать «не менее ста человек, набрав их из семинаристов» в Учительской семинарии (преобразованной в 1804 г. в Педагогический институт), состоявшей из двух отделений: физико-математического и исторического (в народном училище один

---

142 *Лядов В.Н.* Исторический очерк... С. 23.

143 См.: Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. С. 405; *Карцов Н.С.* Несколько фактов из жизни С.-Петербургского училища ордена св. Екатерины. СПб., 1898. С. 10.

144 *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 575; Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV. М., 1938. С. 162–166.

учитель преподавал все науки одного из отделений). Но и тут поджидали трудности: собрать необходимый комплект учащихся оказалось делом чрезвычайно трудным. Как свидетельствует журнал 1794 г., в учительской семинарии «в продолжении более двух лет не было никакого преподавания»[145], а с 1801 по 1803 гг. семинария существовала «только по имени»[146]. К 1801 г. в семинарии было подготовлено 425 человек для «ученой службы»[147].

Учительская семинария при Московском университете, открытая в 1779 г., имела ограниченное число учеников (от шести в начале своего существования до 30 в 1782 г.) и просуществовала недолго — она была закрыта в 1786 г.[148]. Да и в самом университете в 1780-е гг. насчитывалось всего около 80 студентов. Комиссия Завадовского налаживала подготовку учителей «с большой поспешностью»[149], но решить подобную задачу в короткие сроки было невозможно. Российский педагогический корпус пополнялся медленно, что не могло не сказываться на развитии всей школы.

Реформирование Смольного института, проведенное Комиссией, было одобрено императорским указом 7 февраля 1785 г. Екатерина II, «изъявив удовольствие», велела утвердить «образ учения» в Смольном. На предыдущих выпускных торжествах 1779 и 1782 г. императрица не присутствовала[150], теперь же она явилась в институт и собственноручно раздавала награды отличившимся воспитанницам.

Е.И. Лихачева проницательно указывает «незначительную на первый взгляд подробность»: прежде при назначении

---

145 *Толстой Д.А.* Городские училища... С. 41–43, 111.

146 *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение... С. 111.

147 *Плетнев П.* Первое 25-летие имп. Санктпетербургского университета. СПб., 1844. С. 7.

148 См.: *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские масоны. М., 1868. С. 273.

149 См.: *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. Т. 1. СПб., 1912. С. 557.

150 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 3. С. 209.

наград главное внимание уделялось «нравам и поведению», как важнейшим частям воспитания, но в этом екатерининском указе они названы уже лишь «*одной из* главнейших частей воспитания»[151]. По всей видимости, эта «подробность» действительно является симптомом значимых перемен в соотношении между воспитанием и образованием.

Был изменен текст свидетельства об окончании учебного курса Смольного, которое заверялось подписями учителей: «Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем сим по самой справедливости, что в преподаваемых нами науках 4-му возрасту благородных девиц со времени введенного Комиссией об установлении народных училищ нового образа учения, нижеследующие из оных оказали пред прочими отменные успехи и приобрели в них такие знания, о каких по то время не многие между ними весьма малое, а другие и совсем никакого не имели понятия». Отныне в тексте отмечались конкретные достижения каждой воспитанницы: «снискала понятие о физике», «не успела в архитектуре», «в арифметике почитается 16-ю», «слаба во всех науках», «в рассуждении приобретенного познания почитается из слабейших лучшею», «хорошо делает малые сочинения» и т.п.[152].

Документы, которыми располагала Е.И. Лихачева, позволили ей сделать вывод, что рядом с принятой Комиссией новой системой учения продолжала существовать старая. И действительно, сохранилась запись инспектора Смольного Т.П. Кириака, критикующая и «Учебный способ», разработанный Янковичем, и предложенные им методики, мнемические способы и пр., казавшиеся поначалу полезными и передовыми. Кириак писал: «Весь предлагаемый здесь учебный способ ничего, кажется, не представляет, кроме слов, мало дела в себе заключающих… оно есть самое бедное не ума, но полученного тщеславия произведение, отверженное и погребенное в пыли архива при самом своем начале, не токмо в обществе благородных девиц, но и самих главных народных училищах…

---

[151] *Лихачева Е.О.* Материалы... Ч. 1. С. 222. Курсив мой. — *В.П.*

[152] Цит. по: *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 1. С. 223–224.

ибо *искусства и благоразумия учительского никаким учебным способом заменить не можно*». Этот резкий отзыв был сделан педагогом, которому приходилось самому вести занятия в соответствии с предписанным методом, чем, надо полагать, и объясняется пристрастность его вывода: «сей так называемый новый учебный способ в самом деле ничего нового в себе не содержит»[153].

В мужских учебных заведениях с внедрением нового «Способа учения» возникали подобные же проблемы. Как заключает А.С. Воронов, «метода Янковича, введенная в народных училищах, не сопровождалась никакими замечательными результатами; учителя, не вникнув в дух ее, обратились к ме-ханическому способу учения»[154]. Здесь, как всегда и повсюду, успех преподавания прежде всего зависел от личности учителя.

Думается, однако, что подвергать безоговорочной критике «методу Янковича» (опиравшуюся на труды других педагогов, прежде всего, Фельбигера) не вполне справедливо. Янковичем делалась попытка ввести новые методы преподавания, которые в будущем, уже в других, более разработанных формах, будут приняты педагогикой: это и характер беседы учителя с классом, поддержание общего внимания и работы сразу со всеми учениками, побуждение учеников к рассуждению, применение различных мнемотехнических средств. Именно по предложению Янковича в русской школе ученики стали поднимать руку, чтобы привлечь внимание учителя.

Предписание преподавать науки по таблицам фактически было оставлено, «как требующее от учителя много времени и затрудняющее малых детей», а метод, практиковавший «субботние повторения при собрании всех учителей» был «презрен и брошен при самом начале», поскольку он представлял собой «более комическое зрелище, чем учительскую беседу»[155]. Однако полезные приемы, как например, подробные объяснения и обсуждения, совместное чтение, изучение

---

[153] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 161–161 об. Курсив мой. — *В.П.*

[154] *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение... С. 220.

[155] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 1. С. 228–232.

на примерах грамматических правил и т.п. отвергнуты не были. Изучение географии и истории проходились «гораздо сокращеннее», чем предписывалось, хотя со временем, «по мере успехов» воспитанниц, курс расширялся, им читали, кроме сокращенной всемирной истории, также «лучших по сей части» классических писателей на французском языке.

Императрица Екатерина, занятая множеством государственных дел, постепенно охладевала к своему детищу. Отсутствие чрезмерного любопытства праздной публики, сокращение визитов знатных гостей и пышных праздников, «жизни напоказ» могли лишь пойти на пользу учебному заведению.

Е.И. Лихачева делает вывод, что, несмотря на недостатки учения в институте, смолянки не только «по знаниям стояли выше большинства девушек, получавших образование дома или в пансионах», но также и лучше воспитаны — они были «менее грубыми, более просвещенными или по крайней мере цивилизованными… и тем самым способствовали смягчению нравов»[156]. Систематические правильные занятия, регулярное приготовление уроков, упорядоченный быт, строгое следование принятым правилам общежития в течение многих лет, — все эти стороны институтской повседневности накладывали неизгладимый отпечаток на личность смолянок.

Дальнейший ход развития русского женского образования был предопределен прежде всего тем, что его фундамент был заложен именно во второй половине XVIII в., во время расцвета эпохи Просвещения, причем вся работа по его построению велась под эгидой самой императрицы, образованнейшей из женщин того времени. Благодаря этим обстоятельствам женское образование, включавшее в целом тот же набор учебных дисциплин, что и в мужской школе, изначально получило в России широкий общеобразовательный характер.

При этом первоначальные учебные программы, принятые и для женского института, и для кадетских корпусов, во многом являлись заявкой на будущее, поскольку уровень академической и зависящей от нее школьной науки, неразработанность

---

[156] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 1. С. 277.

педагогики, отсутствие подготовленных преподавательских кадров, учебной литературы и пособий во второй половине XVIII в. делали полную их реализацию невозможной.

Однако изменения происходили медленно, зачастую слишком медленно вопреки желаниям участников событий. Будущий первый министр народного просвещения, глава Комиссии П.В. Завадовский, отвечая на критику деятельности просветителей и педагогов конца XVIII в., рассуждал в письме своему другу, называя образовательный проект того времени «зародышем в настоящем его быту»: «Обыкновенно всех вещей великих начатки скудны и малы. …Как можно хотеть того, чтобы заря равнялась светом солнечному полдню? Эта часть такова: надобно сеять, трудиться с терпением; а одно время приносит плоды»[157].

С открытия Воспитательного общества благородных девиц вплоть до начала действия уже нового плана учения 1797 г., составленного по указанию императрицы Марии Федоровны, институт произвел восемь выпусков. Весь курс учения прошли 454 воспитанницы. К сожалению, данных об общем количестве учившихся в институте не сохранилось, и потому для раннего периода институтской истории остается неизвестным, сколько учившихся там девочек так и не заканчивали полного курса. Заявлений от желающих отдать своих детей в Смольный уже в 1796 г. поступило столько, что императрица Екатерина II поручила Завадовскому решить, как поступить, учитывая большое число сверхкомплектных воспитанниц, для которых помещения института становились тесны[158].

Существование государственной женской школы, становившейся все более привычной, постепенно переставало будоражить общественное сознание. Общество продемонстрировало свое отношение к Смольному институту самым убедительным образом — ростом спроса на институтское образование.

---

[157] Цит. по: *Листовский И.С.* Граф П.В. Завадовский // Русский архив. 1883. № 3. С. 155.

[158] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 5.

ГЛАВА II

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА И ЕЕ ЖЕНСКИЕ ИНСТИТУТЫ 1797–1828 ГГ.

1. 1797 г. «План о новом образовании приема и учения» Смольного института

Прошло всего шесть дней после смерти Екатерины II, когда Воспитательное общество и Мещанское училище оказались на попечении супруги Павла I Марии Федоровны в соответствии с императорским указом: «Императрице начальствовать над Обществом благородных девиц»[1]. Занявшись делами Смольного института, императрица пришла к выводу о необходимости перемен. Свои предложения она представила на рассмотрение членов Совета Смольного, управлявшего делами института. В Совет входили начальница, князь Н.В. Репнин, граф П.В. Завадовский, С.И. Плещеев, статс-секретари императрицы Екатерины II П.А. Соймонов и А.В. Храповицкий[2]. После обсуждения план был представлен императору и обрел законную силу под названием «О высочайше конфирмованном в 14 день января 1797 г. плане о новом образовании приема и учения воспитанниц в Обществе благородных девиц».

В соответствии с планом императрицы следовало поднять возраст поступающих в институт девиц: Мария Федоровна полагала, что отлучать «на шестом году» детей от семьи вредно, поскольку это отторгает их от родных. Но если дети оставляли родительский дом в более сознательном возрасте, то привязанность к близким успевала «вкорениться навсегда в нежные их сердца» (в соответствии с принципом И.-Г. Песталоцци «возвращу детей их матерям»). Кроме того, поскольку количество

---

[1] О начальствовании государыни императрицы над Обществом благородных девиц. 12 ноября 1796 г. // ПСЗ–1. Т. XXIII. СПб., 1830. С. 3. № 17543.

[2] В отличие от военно-учебных заведений, во главе каждого из которых стояли директора, в институтах власть начальницы уравновешивалась Советом, между членами которого разделялся контроль над учебной и хозяйственной частями.

принимаемых девиц не соответствовало «многочисленности российского дворянства», приходилось принимать «многих сверхкомплектных девиц, которых отцы, в крайней бедности находящиеся, ссылались на оказанные им Отечеству заслуги и полученные в сражениях раны, подающие им право на таковое со стороны государства пособие».

Таким образом, Мария Федоровна ставила задачу повысить возраст девиц, поступающих в Воспитательное Общество до 8–9 лет, а «мещанских воспитанниц» до 11–12, и при этом увеличить количество вакансий[3]. Воспитанницы Мещанской половины учились отныне шесть лет, Воспитательного общества — девять. В 1795 г. вместо положенных по комплекту 200 девиц в Воспитательном обществе насчитывалось 318 дворянок[4]. Социальный состав Мещанского училища к этому времени еще не претерпел кардинальных перемен: так, во время приема в 1800 г. Мария Федоровна приказала «предоставить 50 билетов для придворных гоффурьевских, камердинерских, метрдотельских, малых офицерских до капитанских чинов, докторских, лекарских и профессорских, прочих же 50 билетов для мещанских детей»[5].

Поскольку срок обучения «благородных девиц» был сокращен, появлялась возможность обучить большее число воспитанниц. С другой стороны, сокращался срок пребывания детей в институте и, соответственно, уменьшалось общее количество учебных часов. Поэтому, чтобы не начинать обучение с «азов», от поступающих в институте начинают требовать хотя бы минимальной подготовки.

Подлинник учебного плана, составленный на французском языке, по всей видимости, утерян, и ныне его содержание известно по изложению, приведенному в книге Н.В. Черепнина[6]. В отличие от программы Янковича де Мириево, план 1797 г.

---

[3] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 123 об.–127.

[4] См.: *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. С. 268.

[5] РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 98. 31 июля 1800 г.

[6] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 191–199.

не отличался четкостью и был сформулирован в общем виде. Новинкой стало разделение классов на *отделения*, в которые распределялись девицы в соответствии с их способностями — наиболее успевающие, посредственные и слабые. Это нововведение явилось сигналом более серьезного отношения к обучению: институты обязаны были довести до конца курса всех принятых девочек, однако благодаря разному уровню преподавания в каждом из отделений малоспособные ученицы не должны были мешать углубленному учению отличниц. Предполагалось, что «самых слабых» будет от 15 до 20 на сотню воспитанниц. В случае успешного учения из «слабого» отделения девочку следовало переводить к более способным.

В *младшем* возрасте воспитанницам преподавали чтение и письмо на трех языках, рисование, танцование, начала музыки и рукоделие. Занятия продолжались по восемь часов в день, всего 42 часа в неделю (с 8 часов до 12 утра, с 2 до 6 пополудни). «По мере успехов», в среднем возрасте добавлялись история и география (4 часа), арифметика (2 часа), грамматика трех языков (6 часов), катехизис (2 часа), продолжалось «чтение, чистописание и диктовка». В двух лучших отделениях продолжалось преподавание прежних предметов, а вместо чтения и писания на трех языках начинали делать переводы с изучением синтаксиса. Менее способные девочки продолжали изучение тех предметов, которыми занимались лучшие и средние в младшем возрасте. В *старшем* возрасте в «лучшем и среднем» отделениях прибавлялась геометрия, физика, натуральная история и логика. В «слабом» отделении вместо этих предметов упражнялись в языках, истории, географии, а также других предметах, «соразмерных с их понятиями и успехами».

Архитектура и геральдика из числа преподаваемых предметов навсегда исключались, зато появился новый учебный предмет — логика. Очевидно, что поиск необходимых для учебной программы дисциплин велся «методом проб и ошибок» (так, в курсе мужской гимназии по уставу 1804 г. значились дисциплины с весьма неопределенным содержанием — политическая экономия, психология, эстетика, технология и

наука о торговле, — при том, что русский язык не преподавался, поскольку считалось, что поступившие в гимназию мальчики овладели этим предметом в надлежащем объеме).

Согласно новому «Плану», число уроков Закона Божия было увеличено. В наставники для преподавания Закона Божия по указанию императрицы надлежало избирать священника «не токмо искусного в знаниях, сану его свойственных, но и человека, по христианскому благочестию и летам уважаемого», ведь ему предстояло быть «купно и отцем духовным воспитанниц, и их проповедником» (§ 10)[7]. Православные, лютеранки и католички изучали Священную историю совместно, как «единую для всех христиан», но для наставления в догматах веры для лютеранок и католичек приглашали священников их церквей. Первый постоянный законоучитель евангелическо-лютеранского исповедания появился в Смольном в 1794 г., а римско-католического — в 1798 г.

Больше всего времени отводилось на изучение языков[8]. На уроках продолжали применять сравнительный способ, предписанный Янковичем де Мириево, когда грамматические упражнения соединялись с переводами с одного языка на другой. Спустя несколько лет было возвращено преподавание некоторых предметов по-французски, например, в 1802 г. уроки физики вел француз-учитель на своем родном языке. Таким образом, было вновь принято то, что «считалось большим недостатком в 1783 г.»[9]. Изучению французского языка придавалось особое значение, поскольку он был необходим каждой из девиц — как дворянкам, будущим матерям семейства, так и тем, кому в качестве воспитательницы предстояло жить собственным трудом. Овладение французским и немецким языками облегчалось благодаря тому, что они в институте звучали по-

---

[7] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 194–195.

[8] Наибольшее число часов на иностранные языки отводилось и в мужских гимназиях согласно плану учения 1804 г.: на латынь, французский и немецкий языки назначалось по 16 часов на каждый.

[9] *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 38.

стоянно — на них говорили начальница и классные дамы, а воспитанницам следовало общаться между собой.

На уроки истории, как и географии, отводилось немного времени, а потому предписывалось, чтобы учащиеся сами в свободное время «упражнялись в знании лучших историков, замечая и выписывая знатнейшие происшествия и лучшие мысли писателей». Императрица требовала, чтобы преподавание истории, «важного в нравственном отношении предмета», было соединено с чтением «замечательнейших исторических писателей»[10]. В младших классах изучали древнюю историю, затем переходили к новейшей, особое внимание уделяя отечественной. Так же были выстроены и уроки географии: сначала проходили кратко всеобщую географию, затем переходили к российской. В документе прямо подчеркивалось, что отечественная история и география требуют «особливого внимания» (§ 15). В старших возрастах история преподавалась «гораздо пространнее», повторялось уже пройденное «с достаточными прибавлениями», в том числе с «кратким познанием мифологии». Математическую географию старшие воспитанницы изучали наглядно, с помощью «художественных глобусов» и «армиллярных сфер» — моделей небесной сферы, чтобы получать «основательнейшее понятие о земном шаре.., избегая, впрочем, всего основанного на трудных астрономических доказательствах»[11].

В младшем возрасте проходили четыре правила арифметики. Дальнейший ход занятий зависел от успехов воспитанниц и усмотрения преподавателя: как предписывалось, следовало «соответственно успехам» заниматься «далее по благорассуждению учителя, пока пройдут всё, особливо в общежитии употребительнейшие правила» (§ 13). Геометрию, которая «сама по себе есть уже некий род логики», следовало преподавать кратко и только в старшем возрасте, «присовокупив к ней еще и правила самой логики». Учитель Я.И. Малоземов

---

[10] *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 29–32.

[11] См.: *Черепнин Н.М.* Императорское Воспитательное общество… Т. 3. С. 196.

жаловался на трудности преподавания девицам начал математики: мол, «арифметика и алгебра туга». Он объяснял неуспехи воспитанниц в нерасположении к этим наукам и просил преподавать их только способным. Тем не менее, желающих слушать геометрию насчитывалось 45 воспитанниц, а физику — 67[12]. Специально для Воспитательного общества был подготовлен учебник математики[13].

Естественную историю (ботанику, зоологию, минералогию) преподавали «весьма коротко». В старшем возрасте изъяснялась «система каждой части», чтобы воспитанницы «различные предметы каждого Царства природы умели распознавать и именовать по наружному их виду на рисунках», и прежде всего — отечественных животных и растений. В форме разговора, как это было принято прежде, вести преподавание инспектор Кириак счел ненужным. Обучение следовало вести наглядно — на «естампах», с изучением травников, «учеными собираемых и располагаемых по принятой системе», экспонатов минералогического кабинета (§ 20). Однако по данным Е.И. Лихачевой уже месяц спустя после начала применения новой программы, преподавание натуральной истории было исключено[14]. Этому утверждению противоречат сведения, приводимые в работе Л.Н. Модзалевского о том, что занятия по ботанике и зоологии, а также физические опыты «для рассеяния суеверного страха перед некоторыми явлениями природы», напротив, были введены по желанию императрицы[15]. К сожалению,

---

[12] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 193–194.

[13] *Висковатов В.И.* Первые основания алгебры, сочиненныя в пользу Общества благородных девиц онаго общества учителем математики, Втораго Кадетскаго корпуса поручиком и С.-Петербургской императорской Академии наук корреспондентом, Васильем Висковатым. СПб., 1803. Учебник открывался посвящением императрице Марии Федоровне, в предисловии упоминались заслуги женщин-математиков.

[14] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 187.

[15] См.: *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна и ее первый женский институт (из истории петербургского Мариинского

из-за скудости дошедших до нашего времени источников, отсутствия подлинных документов конца XVIII в., многие детали остаются невыясненными.

«Одной из полезнейших наук для юношества» провозглашалась физика, которая рассеивает «пустые страхи», предостерегает от суеверий, придавая «уму некую крепость и основательность». Поэтому физику непременно следовало включить в план «хорошего воспитания»[16]. Согласно архивным данным, которыми располагала Е.И. Лихачева, в Обществе воспитанниц знакомили также с «понятиями о химии, поскольку они относятся к частной физике»[17].

Общее число уроков и их продолжительность в Воспитательном обществе увеличивались, в то время как в Мещанском отделении учебная программа подверглась значительному сокращению. По мысли Марии Федоровны, «мещанские» девушки «должны быть воспитаны также хорошо, как и благородные дворянские девицы, но не выше того состояния, которое в противном случае становится для них совсем чуждым и тягостным». Поэтому срок обучения здесь составлял не девять, а шесть лет. Занятия продолжались 23 часа в неделю по четыре часа в день. Воспитанницы Мещанского отделения изучали чтение и письмо, грамматику русского языка, Закон Божий и нравоучение, арифметику («в хозяйстве необходимо нужную»), рисование («способствующее искусству вышивать»), им давалось краткое понятие о всеобщей и более пространное — о российской географии, «к которой можно присовокупить и российскую историю». Остальное время предполагалось отвести полезным рукоделиям.

института). СПб., 1894. С. 20. В юные годы самой Марии Федоровне, тогда еще принцессе Вюртембергской, преподавали «важнейшие сведения из естествознания» (См.: *Кононова Т.Б.* Императрица Мария Федоровна // Ученые записки российского социального ун-та. 2009. № 10. С. 54).

[16] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 198.

[17] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 202.

Таким образом, в Мещанском отделении поначалу были исключены иностранные языки, музыка и танцы. Учебному курсу пытались придать сугубо практический, ограниченный характер, но с самого начала этот принцип был нарушен. Лучших учениц, тех, кто «оказал отличные способности», по замыслу императрицы Марии Федоровны, оставляли в учебном заведении после завершения курса еще на три года для подготовки «к исполнению со временем должности классных при Обществе дам». Для этого избранные воспитанницы Мещанского отделения посещали три года классы Воспитательного общества «для окончания преподаваемых там наук»[18]. В результате они получали такое же образование, что и «благородные» девицы.

Вскоре стало очевидным, что первоначально составленная программа противоречила самой цели создания Мещанского училища: здесь следовало целенаправленно готовить будущих «наставниц» — классных дам и учительниц, причем не только для Смольного института. Поэтому постепенно программа Мещанского училища была изменена. Первым практически сразу было возвращено преподавание обязательного для каждой гувернантки французского языка, поскольку «французская речь и хорошее воспитание у большинства слилось в одно и то же понятие»[19].

Урок длился два часа, что было особенно тягостно для младших учениц, и в 1804 г. назначенный после Кириака инспектором классов Я.И. Малоземов ввел полуторачасовые уроки[20]. Занятия продолжались с восьми утра до 12, а зимой — с девяти до 12, а затем возобновлялись после перерыва на прогулку и обед с двух и заканчивались в пять часов. Последнюю четверть часа после двух часов занятий следовало отдыхать, поскольку «напряженное внимание для юношества не токмо тягостно, но и здоровью вредно быть может» (§ 28). Правильный распорядок дня был необходимым условием ус-

---

[18] *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 28.

[19] *Стоюнин В.Я.* Педагогические сочинения. Т. II. СПб., 1892. С. 516.

[20] *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 34–35.

пешного учения. Это расписание почти не менялось: согласно уставу 1855 г., уроки проводились с 8.30 до 11.30 и затем с 13.00 до 16.00 с перерывом на прогулку и обед.

По плану 1797 г. вводились ежегодные экзамены в присутствии начальницы, чтобы воспитанницы находились «в беспрерывном внимании и деятельности». Для наиболее успешных учениц предусматривались награды: в младшем и среднем возрастах девочкам раздавали книги «в хороших переплетах», готовальни, записные книжки, лучшие выпускницы награждались шифрами, количество которых было увеличено с шести до десяти[21].

Помимо «*частных*» экзаменов (т.е., проводившихся для действительной оценки успеваемости без присутствия посторонних), важное значение имели *публичные* экзамены. По желанию императрицы Марии Федоровны, убедившейся в «нарочитых успехах и мещанских воспитанниц», публичные экзамены проводились не только в Воспитательном обществе, но и в Мещанском отделении — «с одной стороны, для удостоверения публики о попечении, прилагаемом об их воспитании и образовании, а с другой, для доставления и им самим может статься, выгодного состояния», когда, убедившись в их прилежании и успехах, «многие из достаточных людей тем побуждаемы будут брать их к себе либо для надзирания и воспитания детей, или для вспомоществования в доме»[22]. Таким образом, публичные экзамены выполняли двойную роль — пропагандировали институтское женское образование и в то же время давали возможность бедым воспитанницам найти себе заработок.

Преобразованием учебной части Смольного института в соответствии с планом 1797 г. занимался инспектор классов Т.П. Кириак[23], которого поддерживала новая начальница

---

[21] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 2. С. 201, 249. Этот порядок сохранялся до конца 1850-х гг.

[22] РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 111. Письмо имп. Марии Федоровны графу П.В. Завадовскому. 1800 г., 31 июля.

[23] *Кириак* Тимофей Прокофиевич, ум. в 1799 г. Переводчик Академии наук. Переводил учебники по заданию Комиссии Завадовского, в т.ч.

Е.А. Пальменбах, смолянка 2-го выпуска, окончившая институт с шифром в 1779 г.[24] Мария Федоровна и от инспектора классов, и от начальницы требовала еженедельных отчетов о поведении и успехах воспитанниц[25]. (Впоследствии обязанность начальства всех институтов подавать регулярные отчеты об успеваемости и результатах экзаменов, списки поступивших и выбывших, и т.п. была закреплена в уставных документах.)

Императрица составила четко прописанные инструкции начальнице, инспектрисам и классным дамам. В соответствии с указаниями Марии Федоровны, на уроках время от времени присутствовали ее доверенные лица, чтобы убедиться, насколько последовательно выполняются все указания. Среди них, к примеру, было и такое: уроки не должны ограничиваться «исключительно заучиванием наизусть»[26]. Таким образом, девочки должны были прежде всего осмыслять новые знания, а не зазубривать их. Императрица сама просматривала записи, по которым преподавались различные учебные предметы, а некоторые из них передавала на просмотр академикам, профессорам или другим знатокам[27].

«Русскую географию», «Российскую краткую историю». В 1783 г. Комиссией назначен преподавателем истории и географии в Смольном институте, в 1792–1799 г. — инспектор классов. Живая характеристика Т.П. Кириака содержится в воспоминаниях И.М. Долгорукова: «ученой… предобрейший человек, характеристики самой кроткой и чувствительной» (*Долгоруков И.М.* Капище моего сердца... С. 101–102).

[24] *Пальменбах* Елизавета Александровна, ур. баронесса Черкасова (1761–1832), первая из начальниц Смольного, окончивших курс Воспитательного общества. Там же учились две ее дочери София (в замуж. Батюшкова) и Александра (в замуж. Бюлер), выпуск 1800 г.

[25] См.: *Бюлер Ф.А.*, *Тимощук В.В.* Императрица Мария Федоровна в ее заботах о Смольном монастыре. 1797–1802 // Русская старина. 1890. Т. 65. № 4. С. 821.

[26] *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 26.

[27] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 197.

Инструкция 1796 г. гласила, что *основным* «условием» успешного учения является *хороший педагог*: «главный успех в преподавании юношеству воспитания зависит от строгого, порядочного и беспристрастного выбора особ обоего пола»[28].

Замечательно, что уже в то время императрица стремилась *усилить русское влияние* в учебных заведениях, сосредоточив преподавание и воспитание в руках русских учителей и наставниц, а службу иностранцев рассматривать как временный компромисс. Однако выполнить эту задачу было непросто. Хорошие преподаватели не спешили поступать на службу в Смольный институт или недолго задерживались там, поскольку им предлагалось не слишком щедрое жалованье. Кроме того, отдаленность Смольного от оживленных городских кварталов требовала затрат на извозчика, что наносило урон невеликому учительскому бюджету. Частая смена учительских кадров обуславливалась, в частности, и этими обстоятельствами.

Непросто шло комплектование корпуса классных дам. Подчеркивая необходимость того, чтобы «девицы говорили хорошо по-французски и имели хорошее произношение», Мария Федоровна, тем не менее, была против замещения мест классных дам француженками и «умножения» их числа в институтах. Московскому почетному опекуну она прямо писала: в Екатерининском институте «начальница и помощница ее суть француженки, и того достаточно». А поскольку классные дамы из воспитанниц не всегда достаточно хорошо владели французским языком, императрица пообещала сама заняться подбором подходящих кандидатур[29]. Очевидно, воспитанной в протестантской культуре Марии Федоровне были чужды воспитательные принципы французских гувернанток.

Нерасчлененность школьных дисциплин была одной из причин того, что один учитель преподавал различные предметы. Так, «Устав» народных училищ прямо предписывал, чтобы один учитель обучал всеобщей и российской истории и

---

[28] *Лихачева Е.О.* Материалы... Ч. 2. С. 4.

[29] Хроника недавней старины. С. 353. Письмо императрицы Марии Федоровны Ю.А. Нелединскому-Мелецкому от 25 сентября 1811 г.

географии, а также естественной истории[30]. Другой причиной являлась нехватка учителей, которая нередко приводила к изменению в распределении предметов или даже к временной отмене их преподавания. Для дополнительного заработка один учитель зачастую вел сразу несколько предметов. С подобной же проблемой сталкивались и в мужских гимназиях: при их открытии учителей набирали из духовных семинарий, приглашали «мало-мальски подходящих иностранцев», и в результате преподавательский состав учебных заведений представлял собой «набор довольно случайный»[31].

В 1797 г. в Воспитательном обществе появились новые учителя французского, немецкого и российского языков, истории и географии, а также геометрии. Одним из преподавателей стал М.А. Матинский, некогда крепостной графа С.П. Ягужинского, учившийся в разночинской гимназии Московского университета, а затем изучавший музыку в Италии на средства своего владельца. Разносторонне одаренный человек, он работал в Комиссии Завадовского, вел уроки математики, истории, географии и русского языка в Пажеском корпусе, занимался переводами, сочинял музыку. Опера Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор» долго не сходила со сцены[32]. По поручению Комиссии он перевел «Всеобщее землеописание» (1788), а специально для воспитанниц Смольного составил учебные пособия «Начальные основания геометрии» (СПб., 1798) и «Сокращение всеобщей географии» (СПб., 1800).

В том же 1797 г. место учителя российского языка, истории и географии в Воспитательном обществе занял И.И. Мартынов, литератор, переводчик, издатель журнала «Муза» (1796), а затем и «Северного вестника» (1804–1805). В своих записках Мартынов галантно назвал время службы в институте «эпохой моей жизни, которой не было очаровательнее во все ее продол-

---

[30] Устав народным училищам в Российской империи, уложенной в царствование имп. Екатерины II. СПб., 1786. С. 13.

[31] *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 83.

[32] См.: *Евреинов Н.Н.* Крепостные актеры. Лг., 1925. С. 6.

жение». Он с гордостью писал, что «приобрел уважение к себе начальницы и привязанность детей, что немало способствовало успехам их в моих предметах. Успехи их одушевляли меня к усилиям приобрести новые познания для передания им»[33].

Для того, чтобы счесть человека достойным занять место преподавателя русского языка и словестности, долгое время было довольно, чтобы он обладал репутацией литератора. Совет московского Александровского училища[34], рекомендуя Петра Победоносцева учителем российской грамматики, отмечал, что он является издателем журнала «Минерва», а, соответственно, «означенное звание его наилучшим образом свидетельствует о его способностях»[35]. А ведь П.В. Победоносцев в

---

[33] *Мартынов И.И.* Записки // Памятники новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов, изд. В. Кашпиревым. Т. II. СПб., 1872. С. 95–96. *Мартынов* Иван Иванович (1771–1833), окончил Полтавскую духовную семинарию, в 1803 г. был назначен директором департамента Министерства народного просвещения при министре графе А.К. Разумовском, принимал участие в разработке уставов учебных заведений. Переводчик Софокла, Гомера, Геродота, Пиндара, Эзопа, Анакреона и др. (всего 26 томов, опубл. в 1823–1829 гг.). С 1807 г. член Российской академии, где выступил с речью против «чрезмерной привязанности к языкам иностранным.., особливо к языку французскому»: он сетовал, что «в знатнейших домах начинается воспитание с сего языка», и «будущий воин, судья, градоначальник, министр сограждан своих прежде приготовляется хорошо говорить с французом, нежели с своим единоземцем», в то время как «рассудок его должествовал бы возрастать умножением познаний и чувствований, преданных общественной пользе» (*Мартынов И.И.* О влиянии языка на нравы // Современник. 1856. Кн. 3. С. 37).

[34] Александровское (с 1807 г.), ранее — Мещанское московское училище (Божедомка), осн. в 1805 г., получило полный статус института в 1891 г., однако, как и другие подобные заведения, нередко именовалось институтом.

[35] *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. 1805–1905 гг. М., 1905. С. 59. *Победоносцев* Петр Васильевич (1771–1843), окончил курс московской Заиконоспасской академии,

то время был не просто литератором, а профессиональным словесником, магистром философии и словесных наук, его педагогическая квалификация подтверждалась авторитетом Московского университета.

Хороший литератор, разумеется, далеко не всегда мог быть хорошим педагогом. Спустя несколько десятилетий в том же Александровском институте русскую словесность преподавал С.Е. Раич, для которого любимая литература заслоняла все прочие скучные материи, вроде правил правописания. Об этом рассказывает в своих мемуарах А.Д. Галахов: «Поэт в душе, он искренно хотел и своим ученицам внушить любовь к поэзии. Намерение доброе, только он принялся за исполнение его неудачным образом». Так, однажды он диктовал девицам бесконечную элегию К.Н. Батюшкова «Умирающий Тасс», и заскучавшие институтки с досадой друг другу говорили: «скорее бы умер этот господин Тасс». При этом новый учитель обнаружил, что ученицы Раича плохо знали самые основы предмета — орфографию и грамматику[36].

Вплоть до середины XIX в. отнюдь не только образованность и педагогический дар являлись определяющими качествами для институтских инспекторов и преподавателей. Так, при назначении нового инспектора классов московского Екатерининского института в 1805 г. почетный опекун С.М. Голицын писал императрице, что кандидат «человек ученый, хо-

---

профессор российской словесности Московского университета до 1835 г. Преподавал в университетской гимназии, учитель этимологического французского класса, затем российского красноречия (Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855. Ч. II. С. 228).

[36] Сто один [*Галахов А.Д.*] Из записок человека // Русский вестник. 1878. Т. 135. № 6. С. 553. *Раич* Семен Егорович (1792–1855), окончил курс этико-политического факультета Московского университета, служил домашним учителем, давал уроки Ф.И. Тютчеву, Е.В. Сухово-Кобылиной (Евгении Тур). Преподавал российскую словесность в университетском Благородном пансионе, где среди его учеников был М.Ю. Лермонтов. Поэт, переводчик античной и итальянской поэзии, журналист.

рошего поведения», знает иностранные языки, хотя говорит на них «нехорошо», да еще «нов» в обхождении и в «свете» мало «обращался», но, поскольку «другого человека лучше его здесь не представляется», то и рекомендуется именно он[37].

Императрица придавала большое значение должности инспектора классов, поскольку под его началом находились все институтские учителя, за профессионализм и благонравие которых он отвечал. Согласно инструкции, инспектор должен быть знаком со всеми учебными предметами, иметь опыт в педагогике, уметь заметить недостатки в преподавании подчиненных ему учителей и помогать им советом. В обязанности инспектора входил выбор преподавателей, ежедневное присутствие в классах и наблюдение за добросовестным исполнением учителями их занятий. Инспектор должен был знать способности каждой из воспитанниц, следить за их прилежанием, выбирать книги и руководства для внеклассного чтения[38]. Надзор инспектора над преподаванием подкреплялся контролем начальницы института: по требованию императрицы, она должна была часто посещать уроки[39].

Список учительниц Воспитательного общества охватывает период с 1764 по 1797 г. В отличие от других списков, в которых указаны учителя-предметники, имена учительниц не сопровождаются указаниями на их специализацию. Деятельность этих дам-учительниц (по всей видимости, вернее их было бы назвать гувернантками) с неопределенными функциями была, по всей видимости, окончательно прекращена именно реформой 1797 г., когда, судя по спискам, 13 из них были переведены на должности классных дам, а остальные уволены. Подобная же ротация для повышения уровня преподавания 14 лет назад производилась Комиссией Завадовского, но «учительницы» (видимо, за недостатком более удачных кандидатур) все еще продолжали сохранять свои места. Так, например, некая Екатерина Даль, в течение десяти лет служившая

---

[37] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 37–38.

[38] *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 33. Инструкция 1802 г.

[39] См.: *Бюлер Ф.А.*, *Тимощук В.В.* Императрица Мария... С. 821.

ключницей в Мещанском училище, вдруг оказалась учительницей в Воспитательном обществе, где преподавала неведомые науки целых десять лет, с 1776 по 1786 г.[40]

Отныне долгое время за редкими исключениями учительницы в женских институтах преподавали лишь «искусства»: музыку, танцы, рукоделие, иногда — рисование[41]. Надо полагать, замена «учительниц»-гувернанток учителями-предметниками свидетельствует о профессионализации учительского корпуса в общественной школе.

Серьезно был обновлен и штат классных дам: помимо зачисленных из бывших учительниц, на службу в том же 1797 г. приняли еще десять новых классных дам. В их обязанности, помимо воспитательных функций, входила помощь институткам в учении: они должны были повторять с подопечными пройденное в свободное от занятий время, поощрять к чтению полезных книг. Чтение избранных писателей являлось обязательным для воспитанниц старшего возраста, причем читать следовало «не токмо… с размышлением, но замечать и выписывать лучшие из них места, и даже наизусть выучивать высокие и счастливые мысли». Таким образом, чтение должно было стать не просто приятным и полезным времяпрепровождением, но «одним из главнейших упражнений»[42], серьезной умственной работой.

Сложность формирования учительского корпуса усугублялась тем, что статус педагога (даже университетского профес-

---

[40] Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. // Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество… Т. 3. Приложения. С. 408, 464.

[41] Сохраняли свое место: до 1821 г. смолянка А.А. Климова, преподававшая французское чтение и письмо, до 1815 г. Д. Крейпен — русский и французский языки, и А.П. Герби — русский, французский и немецкий языки (впоследствии служила классной дамой в Воспитательном обществе, а затем — в Патриотическом институте).

[42] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 199.

сора) в то время был невысок, но он соответствовал тому пониманию места образования и науки, которое они занимали в общественном сознании. Число преподавателей редко пополняли выходцы из наиболее образованного дворянского сословия. Как утверждает в своих «Материалах» Е.И. Лихачева, «в то время все общество относилось к учителям с презрением», хотя выпускницы Смольного сохраняли со своими наставниками хорошие отношения[43]. Это суждение, пожалуй, слишком категорично: безусловно, не «все общество» относилось к учителям «с презрением».

Уже в те годы появилась ставшая позднее обыкновенной практика, позволявшая учителям (а впоследствии — и классным дамам) обучать своих дочерей в институтах, где они сами служили. Так, выпускницами Воспитательного общества являлись Наталия и Юлия Штренге[44], дочери доктора медицины (доктор Андрей Штренге преподавал физику в Обществе в 1773–1795 г.[45]). Подобный же обычай уже существовал в университетском Благородном пансионе[46], а в XIX в. он уже повсеместно стал привычной чертой учебного быта.

В качестве учебных книг по-прежнему использовались издания Комиссии народных училищ, в большинстве своем переводные. «Для понятия о вещах естественных» (т.е., естественной истории и физики) читали «Зрелище Вселенной» по-французски и немецки, затем прочитанное следовало «изъяснять вместе по-русски»[47]. Не хватало учебных пособий на французском языке,

---

[43] *Лихачева Е.О.* Материалы... Ч. 2. С. 147, 188, 244.

[44] *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 104. С 1817 г. Наталия Штренге преподавала музыку в Воспитательном обществе, а с 1818 г. еще и пение, вплоть до 1830 г. Ее сестра Юлия в 1793–1795 гг. преподавала в Обществе «музыку на клавикордах».

[45] Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. С. 435.

[46] См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университет для России. Т. III. Университетский Благородный пансион. М., 2006. С. 135.

[47] Книга «Зрелище Вселенной» также использовалась для переводов и в мужских учебных заведениях, напр., в Главном народном

«сходных» «с понятием малолетних детей» — ни «порядочной азбуки, ни нужной потом книги для чтения», и потому было предписано отыскать такую книгу и закупить в необходимом числе экземпляров, а если не найдется, то «приказать нарочно сочинить и напечатать несколько сот ексемпляров»[48].

При этом учебники для обучения девочек, как утверждает Е.И. Лихачева, «в силу учебного плана… должны были печататься почти по всем предметам “в сокращенном виде”»[49]. Однако вывод о сокращенном учебном плане института (очевидно, речь все же должна идти не обо всем плане, а о некоторых учебных дисциплинах) требует сопоставления с учебными планами других российских учебных заведений. Так, учебники, рекомендованные Комиссией, использовались в малых народных училищах с двухлетним курсом (2 класса), Главном народном училище с пятилетним курсом (4 класса). Двухлетний курс последнего класса (разряда) Главного училища включал российский язык (грамматика, написание разного рода сочинений), геометрию, архитектуру, механику, физику, российскую, всеобщую и математическую географию с задачами на глобусе, историю всеобщую и российскую, естественную историю, основания латинского языка для желающих, рисование[50]. Девятилетний учебный курс Воспитательного общества и шестилетний Мещанского училища никак не уступал по объему изучаемых предметов Главным училищам.

По некоторым предметам учебники для Смольного института действительно были созданы: «Начальные основания геометрии, сочиненные для Общества благородных девиц» (СПб., 1798. 125 с.), «Сокращение всеобщей географии, изданное в пользу Воспитательного общества благородных девиц» (СПб., 1800. 200 с.) М.А. Матинского, «Первые основания

училище (См.: *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение... С. 25).

[48] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 193–194.

[49] *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. 2. С. 191.

[50] Устав народным училищам в Российской империи... С. 3–10.

алгебры, сочиненные в пользу общества благородных девиц» (СПб., 1803. 83 с.) В.И. Висковатова.

Сохранившиеся описи дают представление о книжном собрании Смольного института на рубеже XVIII–XIX вв. В «Описи вещам и книгам, находящимся в классах» Воспитательного общества (1800 г.) значатся для I возраста — 89 «геометрий», 102 «географии всеобщие», 83 «географии Российского государства», 61 «Livre de lecture», 23 «арифметики», 77 «пространных катехизиса», 88 «Священных историй», словари: «с французского языка на российский», «с русского языка на французский и немецкий», французский словарь, 80 «атласцев ко всеобщей Географии», 97 «оригиналов для рисования»; для II возраста — 95 пространных катехизиса, 118 «всеобщих географий», 90 «географий Российского государства», 121 «всеобщая история», 108 Священных историй, 18 больших ландкарт, 16 «Livre de lecture», 32 «книги немецкие», 28 «грамматик российских», 44 «Зрелищ Вселенныя», словари, 2 экземпляра «Детской библиотеки»[51]; для III возраста — 80 «букварей немецких», 50 — российских, 75 немецких, 55 «Livre de lecture», 50 «Зрелищ Вселенной», 50 сокращенных катехизисов, 50 «Священных историй», 100 «всеобщих географий», 33 «российских грамматик», 47 «всеобщих историй», а также карты: «Изображения обеих половин Земного шара», «Европа», «Асия», «Африка», «Америка», «Древняя Римская восточная империя» и «Западная». В этом перечне явно мало учебников русского языка и русской истории, русских географических карт.

В 1800 г. императрица Мария Федоровна, очевидно, восполняя эту нехватку, подарила Воспитательному обществу целую библиотеку. Среди подаренных книг «Древняя Российская вивлиофика» (10 экз.), «Географический лексикон Российского государства» (1экз.), «Деяния Петра Великого» (12 экз.), «Житие

---

[51] «Детская библиотека» (в 38 т.) И.Г. Кампе служила любимым чтением для нескольких поколений русских детей (См.: *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1. Л., 1963. С. 129; а также: *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением «Семейной хроники).

патриарха Никона» (1экз.), «Описание Сибирского царства» (2 экз.), «Краткое Землеописание Российского государства» (1 экз.), «О народах, обитавших в России» (1 экз.), «Описание городов Российского государства» (1экз.), «Обозрение Российской империи» (1 экз.), «Ядро Российской истории», «Таблицы Российской истории Филистри», «Histoire de Russie» (5 экз.)[52].

Большинство этих книг, представленных сразу во многих экземплярах, по всей видимости, использовались в учебном процессе, другие же могли служить для чтения классным дамам и учителям. Однако мы располагаем, помимо перечня содержимого институтской библиотеки, лишь директивами о необходимости чтения на уроках и вне класса и обсуждения прочитанного.

*****

В течение трех десятилетий учебная часть Смольного института реформировалась дважды. За это время составленный некогда И.И. Бецким перечень учебных дисциплин был пересмотрен и изменен, утверждено правильное учебное расписание. Традиционные балы и праздники по-прежнему отнимали немало времени, однако практика бесконечных репетиций, театральных постановок и балетов, как это было заведено при Екатерине II, была прекращена. Вместо них в институте после публичных экзаменов проводились традиционные ученические концерты — демонстрация умений институток, обретенных на уроках музыки и танцев. Был обновлен преподавательский корпус, «учительниц»-француженок сменили широко образованные люди, в большинстве — российские подданные. Постепенно шло накопление педагогических знаний, нарабатывались методики и приемы, облегчавшие усвоение новых знаний. Спешно издавались переводные и оригинальные учебники и учебные пособия. Все это были только начальные, не всегда верные шаги к правильной постановке учебного дела.

---

[52] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 227–231.

2. Открытие новых институтов в 1797–1828 гг.

«Первый и главный предмет есть распространение
способов к хорошему воспитанию между
недостаточным дворянством»
Императрица Мария Федоровна, 1802

В историографии женского образования традиционно резко разграничиваются, а то и противопоставляются, эпохи Екатерины II и Марии Федоровны. По мнению Е.И. Лихачевой, если целью образования при Екатерине Великой было воспитание их «людьми вообще просвещенными», подготовка к «будущему их самообразованию», то впоследствии их воспитывали *лишь* «хорошими женами, матерями и хозяйками»[53]. Более того, как полагает А.В. Гольцев, с конца XVIII в. в женском образовании «научная часть… была отодвинута на задний план, научное образование девиц представлялось ненужным и даже вредным»[54]. Того же мнения придерживался П.Ф. Каптерев, считавший, что «мариинский институтский дух и екатерининский были совершенно разные духи… Институты сделались профессиональными женскими учебными заведениями, тогда как при Екатерине они преследовали общественные задачи и цели»[55]. Автор юбилейного издания, посвященного Смольному, писал, что «широкие гуманно-общественные задачи, какими задавалась императрица Екатерина, создавая новый тип закрытых учебно-воспитательных заведений, отпадали сами собой и заменялись более узкими, специальными, чисто женскими»[56]. Это суждение повторяется в работах многих авторов,

---

[53] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 186, 230, др.

[54] *Гольцев А.В.* Институт и новая женская школа // Русская мысль. 1903. № 3. С. 171.

[55] *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. Пг., 1916. 2-е изд. С. 143.

[56] *Черепнин Н.В.* Императорское Воспитательное общество... Т. 1. С. 330.

которые обращались к истории женских институтов[57]. О том же пишут и иностранные историки. Так, Б. Пиетров-Эннкер утверждает даже о существовании «консервативной концепции просвещения, *подрывавшей основу передовой программы воспитания*, которую представлял Бецкой»[58]. Р. Стайтс характеризует женское образование в начале XIX в. как «статусно ориентированное», служившее для «“профессиональной” подготовки матерей, жен и домохозяек привилегированного класса»[59]. Что представляет из себя «профессиональная»

---

[57] См.: *Белоусов А.Ф.* «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге…» // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 12–18; *Вахромеева О.Б.* Новая женщина в старой России. Очерки по истории женского образования. Конец XVIII — начало XX в. СПб., 2011. С. 88; *Кацалова Н.Ф.* Из истории женского образования в России. Смольный институт — первое женское учебное заведение // Актуальные вопросы современной педагогики. Уфа, 2011. С. 47; *Колпачева О.Ю.* Становление и развитие женского гимназического образования в пореформенной России (конец 50-х — 70-е гг. XIX в.). Дисс. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 1999. С. 36; *Константинов Н.А.* Просвещение // Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 422; *Островский О.Б.* Императрица Мария Федоровна и русская художественная культура... С. 61; *Паршина В.Н.* К вопросу о гендерном аспекте в истории народного образования в России // Известия пензенского гос. педагогического ун-та им. В.Г. Белинского. 2007. № 8. С. 105; *Помелов В.Б.* Смольный институт благородных девиц // Начальная школа. 2015. № 2. С. 86, др.

[58] *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 117. Курсив мой. — *В.П.*

[59] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. С. 23. Американский исследователь утверждает также, что в России до 1870-х гг. не было профессионального женского образования. Однако уже в XVIII в. в России существовала профессиональная женская медицинская подготовка (в частности, с 1797 г. — институты повивальных бабок в Петербурге и Москве, в которых в 1830 г. обучалось одновременно более 100 воспитанниц), с начала XIX в. — педагогическая, не говоря уже об обучении различным женским ремес-

подготовка матерей, жен и домохозяек, остается необъясненным. Его точку зрения разделяет и британская русистка К. Келли, утверждающая, что при Марии Федоровне Смольный и «другие институты утратили свой интеллектуальный блеск и все более превращались в учреждения, готовившие женщин не столько к самому замужеству, сколько к достижению его»[60].

Насколько справедливы были приведенные выше характеристики институтского образования и воспитания времен Марии Федоровны? В екатерининском «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества» (1763) было провозглашено намерение «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение». Выращенные в новых учебных заведениях «*новая порода*» людей, «*новые отцы и матери*» должны были, в свою очередь, давать своим детям «те же прямые и основательные воспитания правила», какие получили сами[61]. Таким образом, Екатерина II, основывая свой женский институт, прямо формулировала задачу — воспитать *новую*, европейски воспитанную *мать*, без которой невозможно было вырастить современную элиту, способную решать задачи ускоренной модернизации России. Как уже говорилось, Екатерина Великая понимала: какова мать — таково общество.

лам. О профессиональной подготовке женщин, в частности, см.: *Герасимова Т.Н.* Решение социальных и педагогических проблем девочек-сирот в России во второй трети XIX в. Дисс. … канд. пед. наук. Великий Новгород, 2015; *Каленцова Т.В.* Развитие профессиональной педагогической подготовки в институтах благородных девиц в первой половине XIX в. // Педагогика: традиции и инновации. Челябинск, 2013; *Фруменкова Т.Г.* Домашние учительницы — выпускницы французского класса Воспитательного дома // Universum. Вестник Герценовского ун-та. 2008. № 11.

[60] *Келли К.* Воспитание Татьяны: нравы, материнство, нравственное воспитание в 1760–1840-х годах // Вопросы литературы. 2003. № 7–8. С. 85.

[61] *Бецкой И.И.* Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. СПб., 1764. С. 1. Курсив документа. — *В.П.*

Когда в 1796 г. женским образованием стала заниматься императрица Мария Федоровна, она, приняв эстафету от Екатерины II, продолжала решать поставленную некогда задачу, заявляя о необходимости воспитания в институтах «добрых жен, полезных матерей семейств, примерных наставниц для детей». Таким образом, Мария Федоровна провозглашала ту же цель, что некогда и Екатерина — воспитание *матери*. Однако при этом не декларировался разрыв с традицией: прошло несколько десятилетий, сменилось по крайней мере одно поколение, и речь шла уже не о «новых», но о «полезных» матерях семейства.

Являлась ли задача воспитания *просвещенной матери* слишком узкой в реалиях русского общества конца XVIII — первой четверти XIX в.? И тогда, и много позже самые образованные люди эпохи полагали, что «представлению об идеальной женщине соответствует образ супруги, матери», и материнство является главным предназначением женщины, порученным ей самой судьбой[62]. Речь, разумеется, шла о такой матери, которая оказывает благотворное, нравственное влияние на своих детей. Но не только: ограничиваться одним только воспитанием уже было невозможно, время требовало от детей начала XIX в. иной подготовки, чем екатерининская эпоха.

По-прежнему меньшая часть мальчиков дворянского сословия проходила обучение в общественной школе. Подавляющее большинство государственных мужей России (81,8% членов Государственного совета, 75,9% сенаторов[63], две трети генералов 1812–1814 гг.[64]) получало лишь домашнее обра-

---

[62] См., напр.: *Николайчук Д.Г.* «Послание к женщинам» как манифест феминологических взглядов Н.М. Карамзина // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Филология, Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 64, 66.

[63] *Феофанов А.М.* Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII — первой половины XIX в. С. 24. Данные на 1825 г.

[64] *Феофанов А.М.* Образовательный уровень российского генералитета 1812 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гумани-

зование, которое, как правило, «было ниже среднего» по своему уровню. Исследователь приводит данные об образовании провинциальных чиновников (Пензенская и Саратовская губернии): в 1830-е гг. количество учившихся дома или окончивших низшие учебные заведения из их числа составляло 85,5%[65].

Уровень образования, получаемого детьми дома, нередко напрямую зависел от подготовки матери и старших сестер. Подобные примеры мы постоянно встречаем в мемуарах. Декабрист А.П. Беляев рассказывал о своем домашнем учении перед поступлением в Морской кадетский корпус: немецкому языку его учила шведка-мать и сестры, а русскому и французскому — старшая из сестер, выпускница петербургского Екатерининского института (учившая также своих младших братьев и сестер пению, прежде всего песням «патриотического характера»)[66]. Разумеется, далеко не все дворянки-женщины

тарного ун-та. Серия История. История русской православной церкви. 2013. Вып. 4 (53). С. 24–25. Дворяне не спешили отдавать своих отпрысков в государственную школу. По приводимому П.Н. Милюковым преданию, Г.Р. Державин, бывший тамбовским генерал-губернатором в 1786–1788 гг., «забирал в школу насильно, через полицию», да и спустя полтора десятилетия, в 1801 г., в Петербургской губернии из 4,136 учащихся насчитывалось лишь 670 дворянских детей, т.е. 16% (см.: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. С. 271).

[65] *Дятлов В.А.* Происхождение и образование как факторы социальной мобильности провинциального чиновничества Российской империи в первой половине XIX в. (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия Пензенского гос. педагогического ун-та им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 605.

[66] *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805–1850. СПб., 1882. С. 22, 25, 41. Речь идет о первом десятилетии XIX в. *Беляева* Екатерина Петровна окончила институт накануне Отечественной войны 1812 г. В одном из институтов училась также другая сестра мемуариста, Елизавета (С. 22, 24), а, возможно, и третья — Софья. О влиянии, которое оказывали старшие дети в семье на младших, см.: *Солодянкина О.Ю.* Гувернантки в русских дворянских семьях. С. 40.

могли похвастаться даже элементарной грамотностью: так, из всех матерей первых студентов Казанского университета лишь одна могла поставить на документе свою фамилию, а «прочие просили подписаться по незнанию грамоте». Эта женщина, вдова чиновника Лобачевского, была матерью будущего великого математика[67].

Между тем, помимо подготовки образованных матерей, институтское образование должно было решать другую важнейшую задачу — социализацию большого числа сирот и бесприданниц. Образование, как говорили, «составляло богатство и приданое» дворянок из бедных семей. Вернувшись домой, институтки занимались воспитанием младших братьев и сестер, учили собственных детей, или, в случае нужды сами зарабатывали себе на жизнь. Таким образом, за прошедшие годы жизнь расширила круг задач институтского воспитания.

В конце XVIII — начале XIX в. небогатое дворянство знало, что следует просить у власти в награду за службу, а именно — помощи в получении образования для своих детей. Императрица писала в своем плане преобразования Смольного института (1797), что «отцы, в крайней бедности находящиеся», стремясь отдать на учение своих дочерей, ссылались на «оказанные ими Отечеству заслуги и полученные в сражениях раны, подающие им право на таковое со стороны государства пособие», и «просьбы сии со временем столь умножились», что предлагалось принять меры к увеличению числа вакансий[68]. Родители могли обращаться прямо к государыне. Так, псковский дворянин, которого в 1812 г. «честь и усердие к монарху влекут к выполнению общественного гласа», оставляет дочерей, «лишившихся матери», на попечение императрицы для помещения в институт; беременная седьмым ребенком мать семейства из Нижегородской губернии, муж которой, «движим будучи любовию к Государю и Отечеству», ушел в

---

[67] См.: *Спасский Н.А.* Празднование юбилея Казанского Родионовского института благородных девиц. 1841–1891 гг. Казань, 1891. С. 9. Эпизод 1805 г.

[68] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д 12. Л. 123 об.–124.

ополчение, просит принять дочь в Смольный[69], и т.д. В воспоминаниях А.И. Смирновой-Россет читаем, как перед смертью отец сказал ей: «я не тревожусь за ваше будущее… ты будешь воспитываться в каком-нибудь институте, а твои братья в кадетском корпусе. С хорошим образованием можно быть уверенным, что всегда проложишь себе путь в бескрайнем человеческом мире» (1813 г.)[70].

Таким образом, в жизни русской женщины появляется новый фактор — образование (хотя еще очень долгое время это относилось лишь к женщинам неподатных сословий). Одна из институток приводит случай, решивший судьбу ее семьи, жившей в провинции «на маленькие средства». Как-то по округе разнеслась весть, что мимо будет проезжать императрица. Мать мемуаристки с детьми поспешила на почтовую станцию. Ей удалось повидать императрицу, и дети были приняты на казенный счет — девочки в институты, мальчики в кадетские корпуса[71]. Этот эпизод характерен: вдовствующая императрица, зная российскую жизнь, понимала, что за этим семейством стоят тысячи подобных.

После войн и эпидемий (например, пандемии холеры в 1829–1833 гг.) множество семей оставалось без кормильцев. Помочь детям можно было одним способом — дать им образование. В 1814 г. было принято решение об открытии при Мещанском училище Военного отделения, поскольку «умножилось число военных чиновников, нуждающихся в пособиях к воспитанию дочерей», возросло число сирот и разоренных семей. Для них отводилось 50 мест из «штатных» вакансий, на

---

[69] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1367. Л. 36–36 об. 17 сент. 1812 г.; Л. 37–40 об. 28 авг. 1812 г.

[70] *Смирнова-Россет А.И.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 87.

[71] [*Донаурова А.*] Как я поступила в Смольный монастырь. С. 270. Историк свидетельствует: «пребывание в кадетских корпусах было спасением для сыновей большей части дворянства, особенно для детей вдов и круглых сирот» (*Аурова Н.Н.* Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII — первой половине XIX века. М., 2003. С. 54).

которые принимались дочери «сухопутных и морских военных чиновников» вплоть до «подполковничья чина»[72].

В «Отечественных записках» помещен эмоциональный рассказ о баллотировке желающих поступить на казенные места в петербургский Екатерининский институт: после приема «бедных детей военных чиновников, убитых или тяжело раненных в сражениях» оставалось всего 13 из 116 казенных вакансий, которых добивалось 400 соискательниц, и «надлежало быть свидетелем, чтобы вообразить восторг тех матерей и детей, коим вынимались билеты с надписями “принимается”…»[73]. Зато каким разочарованием оборачивалась неудача! В воспоминаниях Е.А. Сабанеевой рассказывается о надеждах бедной вдовы, мечтавшей о поступлении дочери в институт. Были выправлены и отосланы в канцелярию института все надлежащие документы, и девочка получила право участвовать в баллотировке: могла ли мать «когда-нибудь вообразить, что ее Оленька получит воспитание, *не плоше княжон* будет говорить по-французски, да и, кроме того, как ей хорошо будет жить в институте: перестанет она голодать, как это часто случается с ними». Однако дочь «вынула пустой билет»[74].

Исследователи пишут также о «системе строгого разграничения сословий, выработанной в 1797 г. императрицей Марией Федоровной»[75], и даже о проводимой ею «контрреформе», сопровождавшейся «жесткой сословной *селекцией*»[76].

---

[72] ПСЗ–1. Т. XXXIII. СПб., 1830. № 25662. 28 августа 1814 г.

[73] Балатировка в училище Ордена св. Екатерины // Отечественные записки. 1820. № 2. Июнь. С. 294–295.

[74] *Сабанеева Е.А.* Воспоминания о былом. Из семейной хроники. 1770–1838. СПб., 1914. С. 66–68. О.А. Бочкаревой все же счастье улыбнулось: после этой неудачи она воспитывалась в доме кн. Оболенского с его дочерьми. Впоследствии Бочкарева вышла замуж за профессора Московского университета И.С. Веселовского. Курсив мой. — *В.П.*

[75] *Пенская Е.Н.* Становление универсального образования в России: гендерный аспект // Вопросы образования. 2007. № 3.

[76] *Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.* Среднее женское образование М., 2009. С. 37–42, 58. Курсив мой. — *В.П.* Использование выражения «со-

Иными словами, по мнению многих авторов, существование женских институтов под эгидой Марии Федоровны характеризуются, с одной стороны, *упрощением учебной программы* (справедливость этой оценки мы рассмотрим ниже на конкретном документальном материале конца XVIII — начала XIX вв.) до подготовки «всего лишь» образованной матери, а с другой — *введением строго сословного подхода* при наборе воспитанниц институтов.

Приняв эстафету от Екатерины II, Мария Федоровна вскоре пришла к мысли о необходимости учреждения новых учебных заведений для девочек. Всего до ее смерти в 1828 г. было открыто девять женских институтов[77] (часть их получили институтский статус позже), отличавшихся друг от друга и способом учреждения, и социальным составом воспитанниц — все они имели сословный характер в соответствии с сословной структурой общества того времени. Подобным же образом комплектовались и кадетские корпуса, в которые принимались дети дворян. Привилегированная школа того времени, как мужская, так и особенно женская, не могла выстраиваться по внесословному принципу. По мысли Т.В. Артемьевой, «идея иерархии, лежавшая в основании российского государственно-политического и идеологического менталитета XVIII века, организовывала и детерминировала сферу духовного в той же степени, как сферу социального, правового и материального»[78]. По обоснованному замечанию Л.М. Артамоновой,

---

словная селекция» в отношении российских реалий первой четверти XIX в. уместно разве что в риторике «новых людей» 1860-х гг.

[77] Мариинский (1797), Екатерининские институты в Петербурге (1798) и Москве (1802), московское Александровское училище (1807), Елизаветинские институты в Петербурге (1808) и Москве (1825), Харьковский (1812), Полтавский (1819), Патриотический (1827); в 1820 г. было также открыто Училище взаимного обучения для малолетних детей женского пола в Петербурге (впоследствии Еленинский институт).

[78] *Артемьева Т.В.* История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 152.

«демократичность» социального состава русской общеобразовательной школы в городе второй половины XVIII в. была для нее *даже опасна*, поскольку «грозила лишить школу всякой административной и общественной поддержки»[79].

Более того, женская школа должна была иметь гораздо более выраженный сословный характер — воспитание, соответствующее ее социальному статусу, было для женщины в глазах общества безусловно важнее образования. Разделение сословий каждое по своему «шестку» отвечало сознанию людей эпохи: «Каждый жил в своем кругу, имел общение с людьми, равными себе по рождению и по воспитанию, и не братался со встречным и поперечным»[80], — и такой порядок сохранялся еще многие десятилетия. Небогатая помещица, мать девятерых детей, была весьма недовольна, когда ее дочь вместо Воспитательного общества, где шли экзамены и еще не наступило время приема, ненадолго поместили в Мариинский институт: «страдало самолюбие» дворянки, ведь «туда тогда принимали дочерей разночинцев!»[81]. (Спустя полвека священник, автор статьи, посвященной женским епархиальным училищам, указывал на «неравное положение» девиц внутри *одного* сословия — духовного: дочери даже бедного священника, находящиеся в гораздо более привилегированном положении, чем дочери диакона или «тем более» причетника, непривычные к «многотрудной и грубой жизни поселянки», полной «неприличного» ее положению труда, составляли «огромное большинство» в числе епархиалок, ведь «*слишком ясно*, что нужда и польза училищного ученья для духовных

---

[79] *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение… С. 340.

[80] Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 39.

[81] [*Донаурова А.*] Как я поступила в Смольный монастырь. Рассказ со слов бабушки Л.Л. Снегиревой, ур. Охочинской // Исторический вестник. 1903. Т. 91. № 1. С. 269. ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2451. О приеме девицы Людмилы Лукьяновны Охочинской, 1827–1838 (после окончания общего курса она два года была пепиньеркой). Все три сестры Охочинские были помещены в институты на казенный счет.

девиц — дочерей священнических, диаконских и причетнических *весьма* неодинаковы»[82].)

Сохранение дистанции поддерживало определенный «социальный комфорт», и по крайней мере для того времени справедливо утверждение П. Бурдье о том, что следует «поставить под сомнение веру в то, что пространственное сближение или, более точно, сожительство сильно удаленных в социальном пространстве агентов, может само по себе иметь результатом социальное сближение… ничто так не далеко друг от друга и так не невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве»[83].

Дворянство в «золотой век» Екатерины II получило исключительные преимущества, а Жалованная грамота 1785 г. закрепила соответствующую терминологию: дворянство стало именоваться «благородным»[84]. Екатерина II без обиняков заявляла графу Н.И. Салтыкову: «Черни не должно давать образования: поскольку будут знать столько же, сколько вы да я, то не станут нам повиноваться в такой мере, как повинуются теперь»[85].

Как напоминает историк М.П. Стародубцев, «сословность и связанное с этим неравенство подданных Российской империи в зависимости от их происхождения составляли основу общественного строя и государственной политики», и потому вполне закономерно в России сложилась такая система образования, которая «точно соответствовала сословному делению общества. Цели воспитания во всех учебных заведениях соответствовали сословным идеалам человека»[86]. В соответствии с

---

[82] *Ф.Н.,* прот. Еще об епархиальном женском училище // Воронежские епархиальные ведомости. 1870. № 3. С. 117–118. Курсив мой. — *В.П.*

[83] *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 46.

[84] См.: *Евграфова Т.В., Назина Н.Г.* Изменение статусной роли дворянства в XVIII в. // Апробация. 2013. № 10(13).

[85] Цит. по: *Константинов Н.А.*, *Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 55.

[86] *Стародубцев* М.П. Теория и практика росс. воспитания и образования в XVIII в. // Известия гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. № 150. С. 260; см. также: *Стародубцев М.П.* Социальная

воззрениями эпохи, учреждая первый женский институт, Екатерина II развела по разным, никак не соединяющимся между собой отделениям, «благородных» девиц и «мещанок».

Императрица Мария Федоровна продолжала ту же политику, настаивая на разделении воспитанниц по сословиям в разных институтах. «Дворянство и мещанство оба имеют одинаковое священное право на благодеяния Монарха, на заботы, которые мы к ним прилагаем, но каждое в своей сфере», — считала императрица. Причины разделения на разные «сферы» сословий сама Мария Федоровна обосновывала так: «Признаюсь, что вижу большие неудобства в смешении благородных девиц с мещанскими, ибо несомненно, что обязанности и назначение последних во многих отношениях различествуют от обязанностей и назначения благородных девиц», а потому, полагала императрица, они должны воспитываться отдельно и учиться разным предметам: ведь «таланты и приятные для общества искусства», уместные в воспитании дворянки, «вредно и пагубно» для мещанки, поскольку сразу выделяет ее из родной среды и потому может направить ее на неверный путь[87]. Тексты, составленные императрицей Марией Федоровной, свидетельствуют о ее здравом смысле и понимании практики жизни. Эти качества и предопределили успех ее деятельности.

Сословный подход императрицы Марии Федоровны, безусловно, составлял контраст с декларативно провозглашенным правительством Александра I всеобщим правом на образование и всесословностью учебных заведений, не учитывавшим «реально существовавшей разницы в образовательных потребностях у представителей разных сословий российского общества»[88]. Историограф Павловского института, характеризуя деятельность императрицы Марии Федоровны, полагает

направленность педагогических реформ Екатерины Великой // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 162.

[87] См.: *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 9.

[88] *Калинина Е.А.* Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 г. // Власть, общество, армия. 2013. С. 202.

(и с ним нельзя не согласиться), что ее «стремления были *целесообразны*»[89].

Мария Федоровна считала необходимым воспитывать своих подопечных так, «чтобы никакое честное средство пропитания, никакую службу, совместную благопристойности и добродетели, не считали низкою и подлою». Таким образом бедные девицы подготавливались к трудностям, которые могли встретиться на их пути, учились обеспечивать не только себя, но и при необходимости помогать родителям[90]. Этот мотив — обязанность заботиться о родителях — останется одной из доминант институтского воспитания. Императрица многократно повторяла одну и ту же мысль — иметь прежде всего в виду будущее подопечных девиц, стараться, чтобы они получали «правильное понятие» о нем, и «были бы довольны тем положением, в какое поставит их судьба»[91].

При составлении инструкций и учебных планов для институтов всегда имелась в виду эта практическая цель — «никогда не надобно терять из виду их состояние и будущий жребий», для

---

[89] См.: *Венгловский А.* Исторический очерк 50-летия Павловского института. СПб., 1879. С. 8. Курсив мой. — *В.П.* Пройдет почти восемь десятилетий, минует эпоха Великих реформ, повлекшая перемены в сословной картине империи, а автор, характеризуя социальный состав нового типа женской школы — открытых внесословных гимназий и прогимназий, — напишет: «преобладающим элементом учащихся в гимназиях являются дочери дворян и чиновников, а дочери городских обывателей составляют большинство в прогимназиях, так как этот тип учебного заведения дешевле и по краткости курса *более подходит к условиям жизни мелких торговцев, ремесленников и вообще небогатых городских жителей*, для которых важно, чтобы дети *по возможности скорее приучались зарабатывать свой кусок хлеба*» (Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (с 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб., 1901. С. 318).

[90] *Венгловский А.* Исторический очерк... С. 8–9.

[91] См.: *Панкратьева Е.* С.-Петербургское училище Ордена св. Екатерины (Екатерининский институт). 1798–1898. СПб., 1899. С. 26.

чего «надлежит стараться об удалении от них всего того, что сему состоянию и жребию противно, всего, что может внушить им склонность к мечтательному миру… К чему бы им служило знатное воспитание, которое только бы сделало им неимущественное их положение чувствительнее, а наконец, совершенно несносным. Сии девицы большею частию бедны… Многие из них будут жить в деревне: надлежит приготовить их к уединению, у некоторых есть родители, мало пользовавшиеся хорошим воспитанием. Надобно удостоверить таковых, что нужно приучаться жить с людьми всякого рода, были бы только люди честные». При этом следовало позаботиться об умственном образовании девиц: «не упускать украшение их ума, сообщение им полезных знаний и искусств, а особливо внушение им трудолюбия, давая им разуметь, что сие последнее для некоторых из них при выходе из училища, может статься, будет единственное средство к пропитанию»[92].

Письменное наследие императрицы Марии Федоровны хранит немало рассуждений на тему будущего выпускниц институтов. Прежде всего она размышляла о тех, кто не обладает хорошим достатком и богатой родней, о тех, кому предстоит жизнь, полная забот и повседневного труда. Императрица не могла присутствовать на выпуске в недавно основанном московском институте, но в письме распорядилась передать свое напутствие воспитанницам: «они станут супругами, матерями», и это налагает на них обязанности «вкоренять в детях те же правила, которые вкоренены в них самих», «во всяком состояниях, во всех отношениях оне потщаться искать свое утешение и веселие инде, как в самих себе и в предметах, им ближайших, то есть в спокойствии души, в удовольствии своих родителей, в любви и благополучии своих супругов и благонравии своих детей». Девицы должны были понимать, что «умы их просвещены и украшены полезными знаниями не для того, чтобы блистать в обществах суемудрием или возноситься мнимою ученостью», а для того, чтобы «в познаниях о произведениях, искусствах и промыслах иных стран искали бы выгоднейшие

[92] ЦГА г. Москвы. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–9 об. Курсив мой. — *В.П.*

способы к соображению своих хозяйственных распоряжений, из числословия извлекали бы правила для содержания своего домоводства». Мария Федоровна напоминала, что институтки «обучены приятным искусствам и полезным рукоделиям», чтобы «украшая жизнь свою полезной деятельностью, искусство свое обратить в пользу бедных родителей или родственников и в случае нужды поддерживать их своими трудами, или в пользу своего хозяйства и детей, облегчая тем заботы супруга, о содержании их пекущегося». Они должны быть уверены, что «в полученном воспитании найдут способы всюду обрести благополучие, пока не удалятся от правил благочестия и нравственности, им внушенным, и что единственно отступление от оных может сделать их действительно нещастными»[93].

Это и была цель, для которой учреждались новые женские институты. Подготовка, которую получали воспитанницы в институтах, должна была соответствовать замыслам императрицы.

Мариинский институт в Петербурге и Александровское училище в Москве: обучение девочек-недворянок

В 1797 г. императрица Мария Федоровна основала в Петербурге свой первый женский институт[94]. Это учебное заведение, рассчитанное первоначально на 40 сирот, предназначалось не для девиц «благородного» сословия, но для дочерей купцов, ремесленников, священников, служителей канцелярских и придворных и т.д. В числе первых воспитанниц больше всего было дочерей мелких чиновников, была принята дочь придворного протоиерея, а также дети солдат, сержантов, придворных служителей и ремесленников[95]. Всего в течение 30 лет по

---

[93] РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 496. Л. 7–8 об. 1807 г.

[94] С 1829 г., после смерти императрицы Марии Федоровны, Мариинский институт находился в ведении вел. кн. Елены Павловны и лишь в 1894 г. перешел в Ведомство учреждений имп. Марии.

[95] См.: *Карцов Н.С.* Мариинский институт. 1797–1897. Исторический очерк. СПб., 1897. С. 6. Мариинки воспитывались в институте за

1828 г. в институте училось: три дочери неслужащих дворян, пять офицерских дочерей, 36 — гражданских чиновников, 36 духовного звания, 15 ученых, 87 служителей при Дворе, 20 купеческого звания, 19 мещанского, 63 дочери ремесленников, 18 нижних чинов, 13 иностранцев и лиц неизвестного звания[96].

Самим названием — «Сиротское» училище, или «Мариинский для сирот институт» — учебное заведение декларировало свою социальную направленность. Первоначально именовавшийся Сиротским училищем, свое постоянное именование он обрел в 1800 г.[97]

Первый учебный план («Etude») для своего института императрица Мария Федоровна составляла сама. Она желала придать учению в своем детище сугубо практический характер, чтобы выпускницы института получали не отвлеченные «декоративные» знания, а серьезную подготовку к будущей трудовой жизни. Здесь так же, как и по новому порядку, принятому в Смольном, воспитанницы разделялись на классы «не по летам, а по успехам»[98]. В институте было два класса, каждый с трехлетним курсом обучения. В конце учебного года устраивался экзамен.

В первый же год обучения все воспитанницы занимались тремя языками (русский, французский, немецкий), счётом и «маленькими работами» (рукоделиями). В этот год, по мысли императрицы, наставникам становились очевидными «даро-

---

счет императрицы. Содержание одной воспитанницы обходилось в 1807 г. в 325 руб. (в Воспитательном обществе — 400 руб.). Девиц, принятых сверх установленного числа вакансий за собственный счет («своекоштных»), в первые 50 лет в институте почти не было. Первые своекоштные пансионерки, стипендиатки учреждений и частных лиц появились в 1834 г. Плата за их обучение составила около 114 руб. сер. в год.

96 Подсчитано по: *Карцов Н.С.* Мариинский институт. Прил. С. 66–67.

97 О именовании состоящего в С.-Петербурге Сиротского для девиц училища институтом Мариинским. 17 ноября 1800 г. // ПСЗ–1. Т. XXVI. СПб., 1830. С. 391. № 19654.

98 ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 1406. Л. 2.

вания воспитанниц». Во второй год подробнее изучался катехизис, языки, «письмо» (правописание), арифметика, а также рисование и вышивание. Малоуспешные ученицы продолжали изучать предметы первого года. Для благополучно выдержавших экзаменационные испытания в третий год добавлялись новые предметы — география и история, «слабые» продолжали прежние занятия. По окончании третьего года обучения и переходе в старший класс «более точно определялся круг образования воспитанниц», и происходило окончательное разделение воспитанниц. «Успевшим» преподавались те же предметы по более углубленной программе, а также «уменье вести счетные книги (бухгалтерию)». «Слабые» изучали русский язык и Закон Божий, занимались чтением и письмом и «всеми доступными им работами». Их следовало «занимать ближайшими сторонами хозяйства и его точнейшим изучением», и книги для чтения им надлежало давать такие, «которые излагают именно эти предметы»[99]. Устав Мариинского института, более подробно регламентировавший его учебную часть, был принят в 1811 г. В уставе оговаривалось, что план учения должны были составлять сами учителя, а утверждала его императрица. Географию, историю, «ознакомление с природой» (естествознание), домоводство, арифметику (последнюю — по возможности) преподавали на немецком и французском языках[100].

Учитывая сословную принадлежность мариинок, их готовили к трудовому будущему, давая уроки «тонких женских рукоделий» и «хозяйственных упражнений». Биограф Марии Федоровны обращал внимание на то, что императрица «стояла на чисто европейской точке зрения на труд, столь долго приниженный у нас под влиянием крепостного права с одной стороны, и барской спеси с другой». Она стремилась подготовить русских «специалисток в этих областях реального знания», ведь в те времена «должности экономок при больших хозяйствах поручаются иностранкам». Учитывая отношение общества к физическому труду, в «хозяйственное» отделение

[99] *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 21.
[100] Там же. С. 25–27.

института помещали лишь тех воспитанниц, родители или опекуны которых давали на это свое особое согласие. Устав Мариинского института провозглашал, что будущие учительницы и гувернантки равны с будущими рукодельницами и хозяйками, «поелику все части одинаково для общества полезны».

Полученная в институте подготовка, безусловно, помогала выпускницам устроить свое будущее — известно, что педагогический труд институток был востребован. По свидетельству инспектора классов Мариинского института позднейшего времени, «при тогдашнем недостатке в русских домашних учительницах и гувернантках, к обязанностям которых призывались разные иностранки нередко весьма сомнительного свойства, окончившие курс мариинки устраивались в большинстве случаев без затруднений»[101]. Первая принятая в институт воспитанница Анна Альбрехт, лютеранка по исповеданию, была дочерью придворного тафельдекера (служителя, отвечавшего за сервировку стола при Дворе). Проучившись в институте пять лет, она осталась в нем в качестве классной дамы и прослужила девять лет[102]. Разумеется, юная выпускница института не могла обладать необходимым опытом, но она получила системное образование, владела иностранными языками и, что немаловажно, — институтские стены были для нее родными, привычен весь здешний повседневный обиход, и она, как старожил, способствовала утверждению традиций, так необходимых каждому учебно-воспитательному заведению. С 1797 по 1828 г. в Мариинский институт поступило 313 воспитанниц, из них 217 православных, 84 лютеранки, 12 католичек[103].

Спустя семь лет после учреждения Мариинского института, в Москве в 1805 г. было открыто Александровское училище, аналог петербургского Мещанского, куда принимали дочерей обер-офицеров, а также мещан из городских гильдий и иных городских слоев. Сначала набор состоял из 80 «штатных», т.е. казеннокоштных вакансий, но, кроме того, было разрешено

---

101 *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна… С. 12.

102 *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 4. Прил., С. 9, 33.

103 Подсчитано по: *Карцов Н.С.* Мариинский институт. Прил. С. 65.

также принимать и своекоштных пансионерок, «сколько место принять позволит».

Московский Александровский институт первоначально назывался также, как и отделение Смольного института — училище для Мещанских девиц[104]. Однако вскоре по просьбе Опекунского совета училище было переименовано, «так как само общество относилось к этому названию слишком *щепетильно и недоверчиво*». Училище было решено назвать в честь правившего в ту пору императора *Александровским* (1807)[105]. (То же название получило Мещанское училище в Петербурге спустя 35 лет.)

Несмотря на взыскательность к названию учебного заведения, учился здесь народ самого разного чина, отнюдь не «сливки общества» — преимущественно дочери духовных лиц (протоиереев и священников), гильдейского купечества, «медицинских и фармацевтических» чиновников, учителей и художников, не имеющих классных чинов[106]. Как и Мариинский, Александровский институт «наполнялся по преимуществу дочерьми малочиновного и бедного люда», вступавших «в казенное заведение без всяких барских претензий», а их родители «считали за счастие, что их дочь получит такое образование,

---

[104] Записки почетного опекуна, действительного статского советника Штера о московских училищах ордена св. Екатерины и Александровском, об Александринском Сиротском институте и московской Мариинской больнице для бедных. М., 1838. С. 19.

[105] *Куприянов И.* Краткий очерк жизни Ея имп. Величества блаженной памяти государыни императрицы Марии Феодоровны. СПб., 1869. С. 51. Курсив мой. — *В.П.* Московское Александровское училище официально переименовано в «институт» в 1891 г.

[106] См.: Свод постановлений о общественном воспитании детей мужескаго и женскаго пола в учебных заведениях Российской империи. СПб., 1840. С. 141. Учились здесь и представительницы других социальных слоев: так, в 1814 г. Марии Федоровне была передана всеподданнейшая благодарность грузинского царевича Баграта Георгиевича за принятие его дочери в Мариинский институт на казенное содержание (Камер-фурьерский церемониальный журнал 1814 г. Январь–июнь. СПб., 1913. 30 марта 1814 г. С. 204).

какого они были не в силах дать ей дома и что, кроме того, они освобождались от забот о ней на целые шесть лет»[107].

Дела учреждаемого Александровского училища были поручены уже активно действовавшему к тому времени в Москве Совету Екатерининского института, который, как и остальные Советы, формировался по примеру Совета Воспитательного общества благородных девиц. Инспектор классов был общий для обоих московских учебных заведений, тогда как роль начальницы Александровского училища исполняла его инспектриса. Первый выпуск состоялся в 1808 г. За 20 лет, с 1808 по 1829 г. полный курс учения окончило 377 девиц[108].

Как уже упоминалось, при организации учебной части постоянно возникали трудности с наймом подходящих преподавателей. В Мариинском институте один учитель в 1798–1815 гг. преподавал немецкий язык, арифметику и чистописание, выполняя вдобавок обязанности эконома[109]. Известно, что в московском Александровском институте первоначально русскому языку неподготовленных девочек обучал дьячок, обязанный вдобавок ко всему прочему чинить всем перья[110].

Училища ордена св. Екатерины: институты для дворянского сословия

Вслед за институтом для «мещанских девиц» в Петербурге, а затем и в Москве были открыты два училища ордена св. Екатерины (Екатерининские институты), предназначенные для «высшего» сословия. Сюда принимались дочери капитанов и

---

[107] Сто один [*Галахов А.Д.*] Из записок человека... № 6. С. 546–547.

[108] Подсчитано по: Списки воспитанниц, окончивших курс московского Александровского института. 1805–1905 гг. // Георгиевский Г.П. Московский Александровский институт. С. 195–200.

[109] См.: Личный состав Мариинского института с 1797 по 1897 г. // Карцов Н.С. Мариинский институт. Прил. С. 25. [Сост. по архивным документам чл.-сотр. Археологического института А.Я. Бодренок].

[110] *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 15.

выше, а по придворной и гражданской службе — чины с 8-го класса. После Воспитательного общества благородных девиц эти училища были наиболее привилегированными среди остальных подобных учебных заведений.

Средства на училища были пожертвованы учрежденным в 1714 г. орденом св. Екатерины, кавалерственные дамы которого хлопотали о развитии женского образования. В 1798 г. было объявлено об открытии училища ордена св. Екатерины в Петербурге, хотя в собственное новое здание на Фонтанке его воспитанницы смогли переехать лишь в 1806 г.[111].

Училище предназначалось «единственно для недостаточного дворянства». Сразу оговаривалось, что «учение и все занятия девиц… приноровлены к их будущему положению, так как большая часть из них при недостатке родителей должны будут в самих себе находить все средства к существованию собственными трудами или к оказанию помощи родителям, занимаясь воспитанием своих младших сестер». Училище принимало первоначально 60 воспитанниц в возрасте 10–12 лет «из бедных и беспомощных благородных девиц» из «природных дворянок» или тех девочек, «коим чины отцов дают дворянское достоинство»[112].

Управление училищем ордена св. Екатерины на первых порах было подчинено Совету Воспитательного общества[113]. Но и впоследствии, когда в институте уже появился собственный

---

[111] На торжестве по случаю переезда института из Новодевичьего Воскресенского монастыря в собственное здание присутствовали, помимо императрицы Марии Федоровны, император Александр I, сенаторы П.В. Завадовский и Н.П. Румянцев, и «прочие с разными чинами» (Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь–июнь 1806 г. СПб., 1905. С. 432–433). Императрица Мария Федоровна почти ежедневно, а иногда и дважды в день, ездила контролировать строительство нового здания института.

[112] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 23. Л. 12, 16 об.

[113] О попечении учрежденного при Обществе благородных девиц Совету о делах Училища св. Екатерины. 16 февраля 1799 г. // ПСЗ–1. Т. XXV. СПб., 1830. С. 568–569.

Совет, его учебной частью по-прежнему заведовал инспектор Общества — сначала Я.И. Малоземов[114], а затем П.Д. Лодий.

В 1798 г. было составлено первое «Расположение учебных часов», согласно которому на Закон Божий и арифметику отводилось по два урока, нравоучение — один, географию — три, историю — один, немецкий (чистописание, чтение) — пять, российский язык и чистописание — четыре, рисование — два, всего 30 часов в неделю[115]. В этом учебном плане, в отличие от всех прочих, вовсе отсутствовал французский язык и было назначено большое число уроков немецкого языка. Но прошло несколько лет, и расписание было пересмотрено. Продолжительность учебного дня сохранялась, но распределение предметов стало иным: катехизис, священная история и арифметика — по одному уроку, российский, французский и немецкий язык — по четыре урока, география, история, рисование — по два[116]. Таким образом, было сокращено число уроков Закона Божия, арифметики, немецкого языка, географии, но появился французский язык, и были прибавлены часы на историю.

Эта изменчивость учебного расписания за столь короткий срок показывает, насколько неопределенны еще были представления о том, чему и как следует учить девочек. Для воспитанниц, «отличившихся добропорядочным поведением и отменными в науках успехами» были назначены награды по примеру Воспитательного общества: большой, два средних и два малых золотых вензеля (шифра), по две золотых и серебряных больших, средних и малых медали[117].

Императрица, ознакомившись с учебным планом Екатерининского института, отметила, что, по ее мнению, «история полезнее для воспитанниц, нежели немецкий язык», но оставила окончательное решение на волю начальницы А.И. Брейткопф (1798–1823). Та предпочла отвести больше часов на изучение немецкого языка[118].

---

[114] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1434.

[115] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 23. Л. 4. 1798 г.

[116] Там же. Л. 60 об. 1803–1810 гг.

[117] Там же. Л. 33. 1802 г.

[118] См.: *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 229. *Брейткопф* Анна Ивановна (1747–1823), родом из Бельгии, католичка. Муж началь-

Число воспитанниц в институте быстро росло. В 1801 г. их насчитывалось 74, а в 1803 г. Совет училища рапортовал, что девиц в одном только младшем классе находится «вчетверо противу положенного» — 112[119]. В 1805 г. комплект воспитанниц составил уже 189 человек[120].

В качестве отделения петербургского училища ордена св. Екатерины в 1803 г. был учрежден институт в Москве. Как следует из документа о его основании, цели воспитания и сословный состав были совершенно аналогичны петербургскому образцу: он также предназначался «единственно для малоимущего дворянства», а «предметы учения в нем и все упражнения девиц» были «соображены с будущим их состоянием» — необходимостью «находить средства для прокормления себя трудами рук своих» или же помощи родителям в воспитании младших сестер[121]. Таким образом, практически дословно повторялись задачи, поставленные перед петербургским училищем ордена св. Екатерины.

Первое время было признано, что номинально начальницей обеих училищ является А.И. Брейткопф. Мария Федоровна

ницы, генерал-майор, основатель типографии в Петербурге, преподавал в училище немецкий язык и арифметику. Их дочери учились там же. Соучеником Брейткопфа в Лейпцигском университете был отец поэта В.К. Кюхельбекера, сама начальница являлась крестной матерью поэта, а его сестра, Юлия Карловна, окончив училище с шифром в 1814 г., служила там классной дамой (См.: В.К. Кюхельбекер. Библиотека поэта. Л., 1939. С. XLVIII, LI). Позднее Ю.К. Кюхельбекер поступила на место гувернантки в дом кн. В.С. Долгоруковой, работала в богатых домах лектрисой (Письма Кюхельбекера из крепостей и ссылки (1829–1846) // Литературное наследство. М.; Л., 1954. Т. 59. Прим. С. 399).

119 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 23. Л. 59.

120 См.: *Карцов Н.С.* Несколько фактов из жизни С.-Петербургского училища ордена св. Екатерины. СПб., 1898. С. 14.

121 ЦГА г. Москвы. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.–2. 1803 г. Курсив мой. — *В.П.* Плата за своекоштную воспитанницу в 1803 г. составляла 125 руб. 24 коп. сер. в год., в 1844 г. — 240 руб. сер. в год.

писала своему сыну императору Александру I, что московское отделение «во всех отношениях» подобно петербургскому. Исполнявшая обязанности начальницы училища в Москве директриса Е.В. Перрет, докладывая о его делах императрице, копию отчета направляла начальнице училища в Петербурге[122].

Однако условия жизни московского училища отличались от его петербургского собрата. Очень скоро устанавливаемые правила оказались наполненными иным содержанием. Если в Петербурге институт находился в центре столицы империи, его часто посещала царская фамилия, множество знатных визитёров, что создавало вполне определенную атмосферу, то жизнь московского училища во многом оказалась связана с Московским университетом. Для устройства учебной части в своих московских заведениях Мария Федоровна привлекала университетских людей: многие из профессоров московского университета, «взысканные приветом и милостию Высокой Покровительницы Воспитательного дома, принимали в нем живейшее участие. Некоторым из них, именно А.Ф. Мерзлякову, Г.И. Фишеру фон Вальдгейму и И.А. Гейму, бывшему в то время ректором университета, поручен был императрицею постоянный надзор над ходом преподавания русской словесности, географии, политической и естественной истории… Самое определение учителей по этим предметам более или менее зависело от них»[123]. Инспекторами классов московского Екатерининского института назначались университетские

---

[122] См.: *Панкратьева Е.* С.-Петербургское училище Ордена св. Екатерины... С. 34. *Перрет* Елизавета Варфоломеевна, начальница московского Екатерининского института в 1807–1814 гг., вместе с 98 воспитанницами отправилась в 1812 г. в эвакуацию из Москвы в Казань, где институт пробыл до 10 июля 1813 г. Кроме того, в Казань прибыло 38 воспитанниц Александровского института, также в сопровождении начальницы, классных дам и прислуги. Институтки были размещены в помещении местной гимназии.

[123] Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекающее столетие… М., 1855. Ч. II. С. 649.

профессора и преподаватели: И.А. Гейм, Л.А. Цветаев, Ю.П. Ульрихс, Н.Д. Брашман, Е.Ф. Шор.

Первого инспектора классов в училище И.А. Гейма[124] в 1805 г. сменил Л.А. Цветаев[125]. Учебная часть института, в котором была введена «равная метода учения с санктпетербургскими училищами», была поставлена так, что Мария Федоровна в 1806 г. передавала «свое удовольствие» инспектору классов Цветаеву[126]. Императрица выражала надежду, что «успехи от всего онаго ожидаемые, должны усугубить доверие публики к сим заведениям»[127]. И действительно, начальница Перрет с немалой гордостью передавала Марии Федоровне отзыв Н.М. Карамзина, посетившего ее институт, о ходе учения воспитанниц: «il parut etonne de leur progres et de la precision de leurs reponses» (Карамзин казался удивленным прогрессом в учении и точностью ответов воспитанниц).

Письма императрицы свидетельствуют, насколько она умела дорожить компетентными сотрудниками. Так, обеспокоенная желанием Цветаева подать в отставку, Мария Федоровна

---

[124] *Гейм* Иван Андреевич (1758–1821). Декан словесного факультета, в 1808–1819 гг. — ректор Московского университета. Учился в университетах Геттингена и Гельмштедта. В 1779 г. был приглашен в Россию. В 1781 г. поступил лектором немецкого языка и классических древностей в Московский университет. Профессор, инспектор университетского Благородного пансиона, первый инспектор классов Екатерининского института, руководивший его торжественным открытием. Автор многих учебных книг. «Краткая географии для детей, изданная по руководству И.А. Гейма» переиздавалась множество раз, в 1857 г. увидело свет 16-е издание.

[125] *Цветаев* Лев Алексеевич (1777–1835), окончил Московскую Славяно-греко-латинскую академию, затем Московский университет. Слушал лекции в университетах Германии и Франции, получил степень доктора в Геттингене. С 1811 г. ординарный профессор Московского университета, затем декан нравственно-политического факультета. В течение 22 лет являлся инспектором классов московских Екатерининского и Александровского институтов.

[126] РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 492 (I). Л. 86.

[127] Там же. Д. 492 (II). Л. 38, 49–49 об.

поспешила узнать, не было ли к этому каких-либо «особенных потаенных причин». Желая «пресечь впредь путь всяким придиркам, притеснениям и несогласиям», императрица решила поручить контроль над учебной частью Екатерининского и Александровского институтов одному из членов Совета института, выбрав в конце концов на эту роль почетного опекуна Ю.А. Нелединского-Мелецкого. Отныне инспектор классов находился в его непосредственном ведении. Кроме того, Цветаев получил прибавку к жалованью[128].

В соответствии с решением императрицы, в институты принимались дети не пяти-шести, а девяти-десяти лет. В таком возрасте дети уже должны были быть в известной степени подготовлены к учению, годы которого были сокращены по сравнению с екатерининским уставом 1764 г. Но в институт поступали дети с совершенно различной подготовкой, и учитель был вынужден в течение полуторачасового урока часть воспитанниц учить читать, других — знакомить с грамматикой. Таким образом, в одном и том же классе порой оказывались воспитанницы, с трудом воспринимавшие объяснения учителя, и те, кто ушел далеко вперед[129]. Это заставило администрацию задуматься о необходимости выдвигать для поступающих требования лучшей подготовки к учению.

В 1811 г. было принято решение, что для поступления в Воспитательное общество и оба Екатерининские училища необходимо умение хорошо читать на каком-либо иностранном языке, а в Мещанское училище — хорошо читать и писать по-русски[130]. Однако соблюдать это требование не удавалось:

---

[128] Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 335–336. Письма императрицы Марии Федоровны Ю.А. Нелединскому-Мелецкому от 12 и 28 марта 1807 г. Спустя три года инспектор Л.А. Цветаев был награжден орденом св. Владимира.

[129] Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк / Под ред. В.А. Вагнера. М., 1903. С. 243.

[130] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 23. Л. 22.

большую часть поступающих составляли слабо подготовленные либо вовсе неграмотные дети.

Приходилось учитывать, что институты были предназначены прежде всего для дочерей бедного дворянства, которое «не в состоянии детям своим дать порядочное воспитание, долженствующее бы некогда послужить им вместо богатства и приданого»[131]. Даже начальную подготовку своим детям могли обеспечить далеко не все дворянские семьи. Так, половина девочек, поступавших в младший класс московского Александровского института, совсем не умели ни читать, ни писать «по-российски», а из принятых старших 40 девиц лишь восемь учили дома французский язык. Поэтому в институте было открыто низшее третье отделение, предназначенное для подготовки девочек к будущему учению[132].

Инспекторы московского Екатерининского института Гейм, а затем и Цветаев нашли необходимым разделить всех воспитанниц на «успевающих и отстающих», как это было принято и в петербургских институтах. Для старших воспитанниц был приглашен хорошо владеющий французским учитель русского языка для практики в переводах с одного языка на другой. Эти переводы, как и «легкие сочинения из заученных наизусть отрывков классических писателей», Цветаев считал необходимыми

---

[131] ЦГА г. Москвы. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об. С подобными же трудностями сталкивались и в кадетских корпусах. Не дети, уже молодые люди, поступавшие в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе для подготовки к офицерскому званию дворян, получивших первоначальное домашнее образование, отличались «весьма низким уровнем учебной подготовки». Среди них «нередко встречались даже безграмотные», причем эта ситуация сохранялась в Дворянском полку даже спустя годы: в 1832 г. «сведения двух третей наличного числа дворян ограничивалась одной грамотностью и начальными правилами арифметики; в числе экзаменовавшихся нашлось даже 32 человека, не знавших ничего, кроме русской азбуки» (*Лалаев М.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственный Главному их управлению 1700–1880. СПб., 1880. Ч. 1. С. 110; Ч. 2. С. 27).

[132] *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 15.

для успешного изучения языков[133]. Практическим занятиям, строгому соблюдению правил грамматики и чистоте речи уделял главное внимание преподававший в Екатерининском и Александровском училищах П.В. Победоносцев[134], а также А.В. Болдырев[135]. Уроки логики в Екатерининском институте вел доктор философии П.И. Богданов[136].

Как и в других институтах, инспектор классов регулярно подавал отчеты институтскому Совету. Из отчетов 1803–1804 гг. следует, в частности, что занятия арифметикой велись без определенной программы и успехи в этом предмете были очень различны: наиболее одаренные ученицы старшего возраста проходили умножение дробей, а самые способные девочки младшего возраста — деление многозначных чисел. Преподаватель, составлявшая спустя сто лет исторический очерк своей дисциплины в Екатерининском институте, приходит к выводу, что ученицы старшего возраста в течение семи месяцев при двух полуторачасовых уроках в неделю прошли в те годы курс, который «в настоящее время при таком же количестве учебных годов проходят в два года, тогда как в младшем возрасте за тот же промежуток времени было пройдено

---

133 Московское училище ордена св. Екатерины… С. 228–229.

134 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 21. Л. 155 об.; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекающее столетие… М., 1855. Ч. II. С. 229.

135 *Болдырев* Алексей Васильевич (1780–1842), окончил курс Московского университета, стажировался за границей. С 1811 г. адъюнкт по кафедре восточных языков. Ректор Московского университета в 1832–1837 гг. Преподавал российскую словесность в Екатерининском институте в 1811–1818 гг. (Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета… С. 95).

136 *Богданов* Петр Иванович (ок. 1776–1816), окончил курс московской Славяно-греко-латинской академии, в 1807 г. получил степень доктора философии и свободных наук в Московском университете. Преподавал российскую словесность в университетском Благородном пансионе. Автор «Краткой логики в пользу юношества» (1806 г.).

(и то лишь с лучшими ученицами) вычитание, умножение и частью деление отвлеченных чисел»[137]. Таким образом, вести последовательное преподавание в соответствии с выбранным учителем курсом в тех условиях не удавалось.

Уроки физики для среднего возраста велись на русском языке, а для старшего — на французском учителем французского языка, преподававшим оба эти предмета. В Воспитательном обществе и петербургском Екатерининском училище некоторое время уроков физики не было вовсе, потому что не удавалось подыскать подходящего учителя. Когда все же таковой нашелся, императрица распорядилась, чтобы тетради нового преподавателя Ф. Вольмара просмотрел академик Л.Ю. Крафт. Тот нашел, что учитель «сообщает девицам слишком много по физике, больше, чем нужно». Тогда по желанию императрицы преподавание было ограничено «некоторыми свойствами тел и явлениями в природе», которые могут быть полезными в обыденной жизни, а также «сведениями о дожде, снеге, граде и т.п.». Учитель, по рассказу Е.И. Лихачевой, не согласился на подобное сокращение курса и подал прошение об увольнении. Инспектор Я.И. Малоземов, в соответствии с пожеланием императрицы, предложил сократить курс физики вдвое. По его словам, учить малолетних девиц физике, требующей «зрелого и развернувшегося более рассудка совсем почти бесполезно»[138]. Очевидно, что необходимый объем и содержание

---

[137] *Герасимова Л.В.* Математика в училище ордена св. Екатерины за 1803–1903 гг. // Московское училище ордена св. Екатерины. С. 243. «Отвлеченное» (безымянное) число не имеет «наименования», в отличие от «именованных» чисел, относящихся к какой-либо величине, либо предметам: пять аршин, три четверти пуда.

[138] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 194–195. Академик Крафт давал уроки физики великому князю Александру Павловичу. Профессор *Ф. Вольмар*, которого упоминает Е.И. Лихачева, служил в Воспитательном обществе с 1810 по 1813 г. (Личный состав начальствующих и служащих в имп. Воспитательном обществе благородных девиц. 1764–1914 гг. С. 435). Не об этом ли преподавателе вспоминает институтка уже будучи взрослой дамой, когда пишет о проведении опытов по химии и физике в далекой Сибири:

школьного курса физики не были ясны в то время ни самим преподавателям, ни высочайшим покровителям просвещения.

В «Дамском журнале» за 1828 г. была опубликована статья «О выпуске девиц Екатерининского института», посвященная 25-летнему юбилею московского училища. В тот год институт подготовил уже восьмой выпуск своих воспитанниц. Журнал извещал, что «институт ордена св. Екатерины всегда имел учителями профессоров университета. Первым был И.А. Гейм, вторым Л.А. Цветаев, в продолжение 23 лет, и чрезвычайно много способствовал к усовершенствованию института»[139]. Без сомнения, долговременный труд университетских преподавателей в качестве инспекторов и учителей в московских женских институтах должен был принести свои плоды.

Павловский и Патриотический: институты для дочерей «военных чинов»

Специально для дочерей военных чинов были предназначены два института[140]. Первым в 1789 г. был учрежден Павловский институт как Девичье отделение Военно-Сиротского дома, основанного для приюта и воспитания детей убитых и раненных на поле сражения воинов (поначалу не только офицерских, но и солдатских). Преимущество при поступлении отдавалось бедным и сиротам.

Его начальная история отлична от других женских институтов. Директрисой Девичьего отделения была жена директора Военно-сиротского дома г-жа Веймарн. Оба отделения, мужское и женское, делились на благородную и «разночинскую»

«…я и повторила уроки м. Вольмара, и вспомнила, как ты всегда смеялась надо мною, что я с особенным вниманием старалась учиться у этого превосходного учителя» ([*Игнатьева О.*] Нечто, или взгляд на Тобольск. Письмо институтки из Т… М., 1847. С. 15).

139 О выпуске девиц Екатерининского института // Дамский журнал. 1828. Ч. 22. № 9. С. 119–120.

140 Кроме этих двух, дочери военных имели право учиться и в других институтах в соответствии с чинами отцов.

части. Благородных девиц обучали Закону Божию (в соответствии с вероисповеданием), российскому и немецкому языкам, арифметике, географии и истории, рисованию и рукоделиям. По предписанию А.А. Аракчеева, в ведении которого находился Военно-Сиротский дом, французский язык, «танцование» и музыка были из учебного плана исключены. Однако такая мера оказалась временной, и в 1802 г. французский язык снова включили в программу обучения. Обучение солдатских дочерей ограничивалось Законом Божиим, русским языком, арифметикой, рисованием («в пределах, необходимых рукодельницам»). Главное внимание обращалось на разного рода рукоделия[141].

Учение в те времена шло в одних и тех же классах, где «девицы со своими дамами сидели на передних скамейках, мальчики с офицерами на задних», и сразу несколько учителей вели занятия по своим предметам[142]. Подобное совмещение под одной крышей различных категорий учащихся, мальчиков и девочек, с разными планами воспитания и образования, было слишком неудобным.

В 1806 г. Александр I распорядился отделить «заведение воспитанниц» от военного училища, а спустя год Девичье отделение было преобразовано в самостоятельное Девичье училище Военно-Сиротского дома (с 1829 г. — Павловский институт), которое поступило под начало императрицы Марии Федоровны. Но и спустя время хозяйственными делами женского института по-прежнему ведали директор и эконом Военно-Сиротского дома.

Отныне в институт принимались «только законные дочери военной службы недостаточных штаб и обер-офицеров до подполковничья чина включительно», а также дочери нижних чинов. Преимущество при поступлении имели сироты, прежде всего, дочери убитых в сражениях отцов, а также те из девочек,

---

[141] Исторический очерк Павловского военного училища Павловского кадетского корпуса и имп. Военно-Сиротского дома. 1798–1898 гг. СПб., 1898. С. 45.

[142] См.: *Тимченко-Рубан И.Р.* Из воспоминаний о прожитом // Исторический вестник. 1890. Т. XL. № 5. С. 347.

чьи отцы не имели никаких иных средств, кроме жалованья. Впоследствии жесткое требование к статусу поступающих девочек было повторено, что, по всей видимости, было связано с серьезным повышением спроса на государственное образование: указом 1823 г. предписывалось, «чтобы на определение в помянутое училище дочерей имели право одни только действительно служащие в военной линейной службе, *гражданских же отнюдь не представлять*»[143].

В институте по-прежнему оставалось два отделения по 50 воспитанниц каждое: 1-е отделение формировалось из «благородных девиц», 2-е — из дочерей недворян. Помимо 100 «казенных» девиц, принимались пансионерки, обучение которых в 1-м отделении обходилось в 360 руб., во 2-м — 250 руб. в год.

В 1-м отделении преподавались: Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметика, география, история, рисование, рукоделия. В 1816 г. были введены уроки танцев, а в 1820 г. учебный курс пополнился церковным пением.

Учебная программа 2-го отделения включала Закон Божий, русский язык («то есть читать, писать и грамматике»), первые правила арифметики, рисование («сколько потребно для женских рукоделий»). Основное внимание уделялось «упражнениям хозяйственным»: поочередное дежурство на кухне, помощь кухарке, ключнице и кастелянше, дабы научиться обращаться с бельем. Старшие девочки этого отделения должны были сами перестилать постели, делать уборку в комнатах, кроить и шить себе одежду, чтобы со временем сделаться «хорошими хозяйками или ключницами, хорошими швеями или кастеляншами и надзирательницами, няньками, а в случае нужды и искусными горничными и служанками».

Воспитанницы могли оставаться в институте до 17 лет, затем их обязаны были забрать родители или опекуны, о чем должен был позаботиться Военный департамент. Если этого не происходило, то предписывалось девиц «размещать и к

---

[143] О принятии в училище Военно-сиротского дома дочерей одних только военных чиновников. 21 декабря 1823 г. // ПСЗ–1. Т. XL. СПб., 1830. № 29708. Курсив мой. — *В.П.*

должностям определять… по их способностям без ведома и согласия родителей». Подобная ситуация, когда окончившую курс учения девицу родственники или опекуны забирать не спешили, возникала не раз, и потому в уставных документах институтов разного времени предусматривались меры для ее разрешения. Учебное заведение несло ответственность за судьбу своей воспитанницы, и потому надлежало о «надежности» места службы «наперед собрать точнейшие сведения, или же выслушивать делаемые иногда предложения о вступлении в супружество, и иметь наблюдение, чтобы оное было прилично состоянию девицы, и доставило ей хотя не обильное, но достаточное и честное пропитание»[144]. Выпускницы получали приданое в соответствии со своими успехами и прилежанию: воспитанницы 1-го отделения от 300 до 500 руб., 2-го — от 150 до 300 руб.

Вторым училищем для дочерей военных стал Патриотический институт, предназначенный прежде всего для воспитания дочерей штаб и обер-офицеров, погибших в Отечественной войне 1812 г. или потерявших в это время свое имущество[145], а затем — для воспитания «дочерей заслуженных военных чинов»[146]. Институт был открыт в 1813 г. по инициативе Женского Патриотического общества как «Сиротское училище 1812 года». В документах встречаются также другие наименования — Училище Сирот, Институт Патриотического общества, Патриотический институт и др. Это последнее название закрепилось за институтом официально с 1827 г.[147].

---

[144] Об утверждении представленных Ея Величеством учреждения и штата Девичьего училища Военно-Сиротского дома. 11 апреля 1807 г. // ПСЗ–1. Т. XXIX. СПб., 1830. № 22509.

[145] *Макеев Н.* Краткий исторический очерк образования Патриотического института. СПб., 1877. С. 10.

[146] См.: Свод постановлений о общественном воспитании детей мужескаго и женскаго пола в учебных заведениях Российской империи. СПб., 1840. С. 166.

[147] *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 гг. СПб., 1913. С. 7.

Как пишет официальный историограф института, в 1813–1814 гг. для преподавания были приглашены «наиболее известные тогда педагоги или наиболее талантливые из начинающих»[148]. Однако, по мнению Е.И. Лихачевой, курс учения в нем первоначально был ограниченнее, нежели в институтах императрицы Марии[149]. О первом этапе его существования сохранилось слишком мало сведений и охарактеризовать его учебную часть того времени не представляется возможным.

В 1827 г. было принято особое «Положение», согласно которому в институте преподавались науки: Закон Божий; русский, французский и немецкий языки (грамматика, словесность, чистописание); география; история; арифметика; а также искусства: рисование, фортепианная музыка, пение, танцы и рукоделия[150]. Число воспитанниц неуклонно возрастало: в 1827 г. их было 106, а спустя десять лет — уже 245.

Дома Трудолюбия, впоследствии Елизаветинские институты

В Петербурге и Москве были учреждены два Елизаветинских (Елисаветинских) института, первоначально в качестве «Домов трудолюбия» — первый по частной (в 1806 г.), второй по общественной (в 1825 г.) инициативе (эти названия еще долго использовались в официальных текстах и документах личного происхождения). Однако без помощи государственной казны оба учебных заведения существовать не могли.

Уже в 1808 г. Дом Трудолюбия в Петербурге, основанный подполковницей Гавриловой, был взято под патронат государства, что обеспечивало ему необходимую финансовую поддержку. Было утверждено Положение, согласно которому Дом Трудолюбия принимал девиц от 10 до 15 лет, «оставшихся в

---

148 *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 11.

149 *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 218.

150 Высочайше утвержденное Положение о Патриотическом институте Комитета, учрежденного в 18 день августа 1814 г. // ПСЗ–2. Т. II. СПб., 1830. С. 390. № 1012. 7 апреля 1827 г.

бедности после отцов штаб и обер-офицерского чина». Воспитанницы могли жить в своем учебном заведении до 24 лет, что подчеркивало его благотворительный характер. Сверх 50 «казенных» питомиц, в училище принимались и своекоштные с оплатой в 250 руб. в год.

Цель обучения формулировалась так: «со временем доставить девицам сим возможность к содержанию себя трудами», и потому «обучение их преимущественно состоять должно в женских разного рода рукоделиях». Работы старших воспитанниц шли на продажу, и средства поступали как в бюджет училища, так и в пользу самих рукодельниц, получавших деньги при выпуске. Для достижения «нужной степени просвещения» в программу, помимо Закона Божия, был включен русский язык, начальные правила арифметики и рисование. Предполагалось, что все предметы (кроме рукоделия) будет вести лишь один учитель, а если не удастся найти такого, то отпущенная по штату сумма делилась на нескольких[151]. В 1808 г. учителей было всего два, но с 1820 г. — уже шесть[152].

Полностью Петербургский Дом Трудолюбия перешел под попечение императрицы Елизаветы Алексеевны в 1822 г., московский — в 1825 г.[153], а с 1847 г. оба училища получили наименования в память своей покровительницы[154].

«Положение» московского Дома Трудолюбия, основанного по инициативе супруги военного генерал-губернатора князя Голицына, было составлено в 1825 г. и по большей части совпадало с петербургским. Перед обоими училищами была поставлена одна и та же цель — научить своих питомиц в будущем самим «содержать себя трудами». Комплект казенных

---

[151] Высочайше утвержденное Положение о Доме Трудолюбия. 6 ноября 1808 г. // ПСЗ–1. Т. XXX. СПб., 1830.

[152] *Смирнов А.* Пятидесятилетие С.-Петербургского Елисаветинского училища... С. 10.

[153] РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 2401.

[154] О именовании С.-Петербургского, Московского и Симбирского Домов Трудолюбия Елисаветинскими училищами. 6 ноября 1847 г. // ПСЗ–2. Т. XXII. СПб., 1848. № 21685.

воспитанниц составлял 24 человека; к приему допускались девицы от 7 до 10 лет, оставаться в училище им дозволялось вплоть до 20 лет. Девушкам, не имевшим родственников или опекунов, приискивали «приличные места».

Учебная программа, составленная для московского училища в 1825 г., оказалась более развернутой, чем принятая для петербургского в 1808 г.: Закон Божий, священная история, чтение и письмо, российская грамматика с упражнениями в письменном слоге, чистописание, арифметика, рисование[155].

Управление училищами было поручено Советам петербургского Патриотического и московского Екатерининского институтов. Оба Елизаветинские института предназначались для дочерей младших офицеров и чиновников (не выше титулярного советника), в качестве своекоштных воспитанниц разрешено было принимать также дочерей медиков, учителей, художников, священнослужителей и купцов, и вообще всех «девиц свободного состояния по благоусмотрению Ее Величества»[156].

В 1831 г. в петербургском Елизаветинском училище состояло 80 казеннокоштных воспитанниц, 83 пансионерки и восемь учителей[157]. Всего с 1810 по 1828 гг. полный учебный курс прошло 209 воспитанниц[158].

---

[155] Высочайше утвержденное Положение учреждаемого в Москве Дома Трудолюбия. 25 января 1825 г. // ПСЗ–1. Т. XL. СПб., 1830. № 30205.

[156] *Срезневский В.И.* Исторический очерк С.-Петербургского Елисаветинского института. 1808–1908. СПб., 1908. С. 5. Популярная в свое время писательница А.А. Вербицкая (1861–1928) писала, что московский Елизаветинский институт, где она училась в 1870-е гг., и тогда считался в обществе «мещанским» (*Вербицкая А.* Моему читателю. Автобиографические очерки (детство, годы учения). М., 1911. С. 90).

[157] Журнал министерства внутренних дел. 1834. Ч. XII. С. 47. Число учащихся неуклонно возрастало, и в 1839 г. их насчитывалось уже более двухсот.

[158] Подсчитано по: *Смирнов А.* Пятидесятилетие С.-Петербургского Елисаветинского училища... С. 39–40. Выпуск воспитанниц в этот временной промежуток был ежегодным.

Учебная программа обоих училищ со временем становилась все более сложной. В первое время существования училищ она была ограниченной и соответствовала курсу низших училищ: Закон Божий, русское чтение и письмо, начала арифметики, рисование, рукоделия. Но круг преподаваемых предметов все расширялся. Если до утверждения устава в 1830 г. организация учения носила случайный характер, по большей части зависела от решений начальницы и инспектора классов, материальной обеспеченности института, то с принятием нового устава, учебная программа включала Закон Божий и священную историю с изъяснением главных обрядов и постановлений церковных, чтение с «приличным произношением и письмо четким и правильным почерком», грамматику русского языка с объяснением начальных правил словесности, географию, историю всеобщую, «в особенности же отечественную», арифметику с практическими выкладками и счетоводством, грамматику французского и немецкого языков, рисование, церковное пение.

Главной заботой училищ по-прежнему являлась подготовка девочек к трудовому будущему. Воспитанницы, в большинстве своем «оставшиеся в сиротстве и бедности» девочки, должны были получить в своем училище не только образование, но и навыки, которое помогли бы им содержать себя самим. Поэтому особое внимание, как и прежде, уделялось практическим занятиям: рукоделию с такой «отделкой работ», чтобы их можно было бы «с выгодою» продать, выручив за них деньги, и наблюдению за «всеми частями домашнего порядка и устройства». Обратим внимание, что в число учебных предметов не случайно включались чтение «с приличным произношением» и выработка «четкого правильного почерка» — эти умения пригодились бы воспитанницам, поступавшим в компаньонки или зарабатывавшим перепиской бумаг.

В 1840-е гг. учебный курс Елизаветинских институтов постепенно стал сравниваться с другими, отличавшимися более серьезной постановкой учебной части.

Мария Федоровна заявляла о необходимости приблизить «рассадники просвещения к самому населению России», чтобы «расширить круг лиц, которые могли бы быть облагодетельствованы воспитанием» в женских учебных заведениях. Для этого следовало открывать институты не только в Петербурге и Москве, но и в губернских центрах и, вместе с тем, «понижать требования к сословности и состоянию» поступающих в институты девиц[159].

Первые провинциальные институты появились в Харькове и Полтаве по инициативе местных обществ. Несмотря на это, а также территориальную близость друг другу и, казалось бы, схожий культурный фон, путь их становления был совершенно различным. В 1812 г. был открыт первый губернский институт в Харькове. Первоначально его учебный курс продолжался четыре года, но уже второй набор харьковских институток учился шесть лет. Полтавский институт был основан в декабре 1818 г. по предложению княгини В.А. Репниной, жены малороссийского военного губернатора, дочери министра народного просвещения А.К. Разумовского. Первый устраивался и развивался по образцу столичных институтов, второй был открыт как пансион.

Начало Харьковскому институту положило Общество благотворения, собравшее необходимые на первое время средства и составившее первый Устав. Однако такой поддержки оказалось недостаточно, несмотря на то, что в состав его Совета вошли влиятельные лица края (княгиня В.А. Репнина, декабрист, основатель масонской ложи в Полтаве М.Н. Новиков, В.В. Капнист и его брат губернский предводитель дворянства И.В. Капнист, и др.), и очень скоро институт столкнулся с серьезными материальными трудностями. Харьковский институт (как и Дома Трудолюбия, находившиеся поначалу на част-

[159] См.: *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 1–2, 52–58.

ном попечении) «не только не процветал, а серьезно мог опасаться за свое будущее, ибо дворянство харьковское положительно сквозь пальцы смотрело на это свое заведение и не присылало в него ни денег, ни детей». Его будущее было «прочно поставлено» лишь после того, как институт поступил под покровительство императрицы Марии Федоровны[160].

В учебный план Харьковского института первоначально преподавание иностранных языков не входило[161]. Но в 1818 г. устав института был исправлен и дополнен, и оба иностранных языка, изучавшиеся в других институтах, также были включены в число обязательных предметов. В младшем классе преподавались Закон Божий, чтение на российском языке, начальные основания географии, рисование, пение, музыка, танцевание; в среднем классе — Закон Божий, российская грамматика, логика, арифметика, история и география, французский и немецкий языки; в старшем — Закон Божий, российская словесность, физика, арифметика, геометрия, естественная история, всеобщая история и география, французский и немецкий языки[162]. Совет, по всей видимости, стремился свой институт «во всем сравнять с столичными заведениями императрицы»[163], для чего в 1820 г. был изменен институтский штат. Старшей классной дамой института была назначена окончившая в 1817 г. классы пепиньер (педагогические) петербургского Екатерининского института А.Г. Вульф[164].

---

160 Женское образование в России // Полтавские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1898. № 22/23. С. 795.

161 *Лихачева Е.О.* Материалы…. Ч. 2. С. 85.

162 См.: [*Квитко-Основьяненко Г.Ф.*] О Харьковском институте благородных девиц // Украинский журнал. 1824. Ч. 4. № 19/20. С. 69–71. *Квитко-Основьяненко* Григорий Федорович (1778–1843), один из основателей Харьковского института благородных девиц, писатель, уездный предводитель харьковского дворянства.

163 *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 101.

164 См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ… 1820 г. Ч. 1. СПб., 1820. С. 957. Спустя два года Анна Григорьевна Вульф вышла замуж за Г.Ф. Квитко-Основьяненко и стала помощницей мужа в

Согласно документам, в 1824 г. в Харьковском институте преподавали адъюнкты российского языка и словесности, математики, российской истории и статистики местного университета, а также учителя мужской гимназии. Именно это и предопределило особое положение Харьковского института (как и других, учреждавшихся в университетских городах). В Харькове в 1805 г. был открыт университет, действовала гимназия и, соответственно, наличествовали квалифицированные кадры преподавателей. Появление университета со своими профессорами и студентами, учебными музеями, библиотекой, типографией и пр., сразу меняло городскую культурную атмосферу и влекло за собой появление книжных магазинов, научных обществ, литературных кружков и пр.

Спустя семь лет после Харьковского, в декабре 1818 г. был открыт институт в соседней Полтаве. В имевшихся в распоряжении Е.И. Лихачевой архивных делах ей не встретилось «решительно никаких указаний» об учении и, по-видимому, определенной программы учения выработано так и не было. Краткая историческая справка, составленная по несохранившимся архивным данным самого института в Полтаве, гласит, что в 1818 г. вступили в должность четыре классные дамы, а затем и «директорша института Реньи, вызванная из Парижа». Очевидно, эта дама и преподавала основную часть учебных предметов. Директриса и восемь классных дам, как сообщает изучавший архив института автор, вели уроки французского, всеобщей истории и географии, а также мифологии «по учебникам, выписанным из Франции». Позже был приглашен учитель немецкого языка. В штате института значился смотритель Полтавского училища, который преподавал «российские предметы», а именно русскую грамматику, историю и географию России[165].

литературных трудах. Вульф состояла в переписке с П.А. Плетневым (См.: *Данилевский Г.П.* Сочинения: В 8 т. Т. 8. СПб., 1890. С. 395).

[165] Первая страничка из истории Полтавского института благородных девиц // Киевская старина. 1900. № 11. С. 286. Юлия Алек-

По всей видимости, Полтавский институт первые десятилетия своей истории скорее напоминал пансион. Это не помешало Совету института с гордостью рапортовать, что выпущенная из института воспитанница, «отличная добронравием своим, по благоуспешному окончанию наук» поступает в звание учительницы, что доказывает «пользу, которую учреждение сие приносит»[166].

*****

С начала XIX в. современники отмечали, насколько изменилось отношение общества к образованию[167]. Ныне наступили «времена, когда редкий в России не занимался мыслию о распространении просвещения и способов к оному»[168], — утверждал автор официального органа Министерства народного просвещения. В эти годы было учреждено министерство народного просвещения (1802), созданы учебные округа, открывались университеты: Дерптский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Петербургский (1819), разрабатывались уставы учебных заведений, начал издаваться ведомственный журнал «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (1803).

Вслед за первыми женскими институтами, основанными «сверху», подобные женские учебные заведения начинали открываться и по общественной инициативе. Однако ни денежных средств, ни организационных сил, ни необходимой профессиональной подготовки на их поддержание и тем более

сандровна Реньи, французская подданная, в течение 11 лет по контракту с местным дворянством исполняла обязанности начальницы института.

166 РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 549. Л. 10. Об отчетах Полтавского института по учебной части. 1826 г.

167 См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Человек александровской эпохи: Взгляд с Моховой // Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001.

168 Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1803. № II. С. 177.

совершенствование у общественности еще недоставало, и государственная опека оставалась непременным условием дальнейшего развития женского образования.

Становление институтов в качестве полноценных среднеобразовательных учебных заведений проходило неравномерно: институты, находившиеся в столицах или университетских городах, имели значительное преимущество перед другими, и там совершенствование учебной части шло быстрее и успешнее. В открывавшихся институтах программы поначалу составлялись инспекторами классов вместе с начальницами, и «Расположение учения» 1797 г., созданное по указанию императрицы, было реализовано в то время лишь в двух институтах — Воспитательном обществе и московском Екатерининском. По всей видимости, это было связано с невозможностью выполнения этой программы на местах как по объективным, так и субъективным причинам: нехватки или отсутствия подготовленных педагогов, учебников, учебных пособий, а также культурной среды и общественного запроса на более серьезное образование для девочек.

Продолжительность учения в институтах устанавливалась, как правило, в шесть лет. Исключением по-прежнему оставалась «благородная» половина Смольного, где, как уже говорилось, курс учения продолжался на три года дольше и включал больше предметов (здесь, сверх обычного, изучались геометрия и словесность трех языков). Учебная программа Екатерининского института, также как Мариинского и Александровского училищ, по всей видимости, не включала геометрии, физики, естественной истории и логики. В наибольшей степени к программе Воспитательного общества приближалась в то время программа Харьковского института. Разница в постановке учебного дела в институтах сохранялось еще долгое время.

Показательно, что училища, открывавшиеся первоначально в качестве благотворительных учебных заведений, и потому стремившиеся своим воспитанницам из разных социальных слоев давать прежде всего практические навыки, постепенно усложняли образовательную программу, принимавшую все более научный характер.

Спрос на институтское образование неуклонно возрастал. Когда в 1797 г. Мария Федоровна приказала не принимать на мещанскую половину Смольного дочерей офицеров, чиновников, священников, лекарей, чтобы отдать все 50 вакансий дочерям купцов, мещан и художников, то таковых набралось всего 29. Совсем скоро, уже в 1810-х гг. соискательниц из этих сословий набиралось уже множество[169]. А в 1821 г. в Мариинском институте на пять свободных казенных вакансий было подано 73 прошения о сиротах[170].

Институты, первоначально предназначавшиеся для воспитанниц-«мещанок», постепенно начинали выдвигать более строгие требования к социальному статусу поступающих. Множество дворянских семей не располагало средствами, чтобы самим дать надлежащее воспитание своим дочерям, частная и общественная деятельность в образовательной сфере была слишком невелика, и вся тяжесть решения этой проблемы ложилась на государство. Располагая ограниченными возможностями, власть, открывая новые женские учебные заведения и создавая казеннокоштные вакансии для воспитанниц, отдавала предпочтение своей социальной опоре — дворянству.

3. 1815–1817 гг. Перемены в учебной части по новому плану инспектора классов профессора П.Д. Лодия

Задумав повысить статус женского образования, императрица Мария Федоровна расширила состав столичных Советов институтов. При Екатерине II Совет Воспитательного общества, помимо начальницы, состоял из трех человек (одним из них традиционно был И.И. Бецкой, затем постоянным членом стал П.В. Завадовский). Мария Федоровна значительно расширила Советы, пригласив в них чиновников, занимающих важные посты в государстве: в 1802 г. в их состав входили, помимо министра народного просвещения П.В. Завадовского,

---

169 См.: *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 22.

170 *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 28.

глава Экспедиции кремлевского строения, директор Эрмитажа князь Н.Б. Юсупов, министр иностранных дел граф Н.П. Румянцев, министр финансов граф А.И. Васильев, сенатор М.И. Донауров, директор 1-го кадетского корпуса[171] Ф.И. Клингер (член Главного правления училищ Министерства народного просвещения, попечитель Дерптского учебного округа). Спустя десять лет число государственных мужей, состоявших в советах Воспитательного общества и Екатерининского института, еще более возросло. Помимо перечисленных, встречаем имена петербургского генерал-губернатора С.К. Вязмитинова[172], министра внутренних дел графа В.П. Кочубея, министра народного просвещения графа А.К. Разумовского[173], министра юстиции поэта И.И. Дмитриева, инженера-генерала П.К. Сухтелена. (Надо полагать, неслучайно спустя два десятилетия сын последнего, военный губернатор П.П. Сухтелен учредил в далеком Оренбургском крае первое женское училище, впоследствии преобразованное в Оренбургский Николаевский институт для воспитания девиц). Императрица понимала, что, хотя большинство этих занятых государственными делами людей не могло уделять серьезного внимания женским институтам, само их авторитетное попечение значит очень много.

Особенности учебного процесса в те годы описаны институтским инспектором классов позднейшего времени таким образом: «Характерными чертами этого периода истории являются поиски тех норм преподавания и воспитания, которые в данных условиях жизни были бы наиболее целесообразными». Подобная оценка, казалось бы, применима и к другим этапам жизни русской школы, однако автор добавляет: «точки отправления в этих поисках были самыми общими, жизнь ста-

---

171 Сухопутный Шляхетный корпус в 1800 г. был переименован в 1-й Кадетский.

172 Супруга Вязмитинова — Александра Николаевна Энгельгардт, смолянка выпуска 1785 г.

173 Дочь министра, княгиня В.А. Репнина, была одной из основательниц Полтавского института, первой попечительницей которого она стала.

вила на очередь вопросы о приемах и путях, коими надлежало решать задачи образования и воспитания, она же исправляла ошибки»[174]. И действительно, в 1810-е гг. педагогам, как правило, приходилось следовать не сколько-нибудь общей теории, которой и не существовало, а руководствоваться практикой жизни, — в соответствии со своим пониманием ее требований.

Инспектор П.Д. Лодий[175] разработал новый план учения, общий для Воспитательного общества, Мещанского отделения и Екатерининского института[176], с 1818 г. он внедрялся и в московских Екатерининском, а затем и Александровском институтах. По замечанию императрицы, новый план должен был служить «для усиленнейшего и основательнейшего приобретения познаний и для отвращения излишних повторений»[177]. Сохранял свою актуальность этот учебный план недолго, но

---

[174] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 52.

[175] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1435. О службе инспектора над классами ст. сов. Петра Лодии. *Лодий* Петр Дмитриевич (1764–1829), доктор изящных искусств, прав и теологии. Профессор логики, метафизики и нравственной философии Львовского университета, философии, чистой и прикладной математики в Краковском университете. Приглашен в Россию в 1803 г. на кафедру логики Педагогического института. (Вместе с Лодием в Россию прибыл профессор М.А. Балугьянский, первый ректор Петербургского университета, дочь которого стала впоследствии директрисой петербургского Николаевского Сиротского института.) Лодий возглавлял петербургское Коммерческое училище. Его отличали «неукоризненные правила жизни, прямодушие, честность, доброта, разносторонние основательные знания… приобрели ему всеобщее уважение и доверенность» (*Плетнев П.* Первое двадцатипятилетие имп. Санктпетербургского университета. СПб., 1844. С. 40).

[176] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. План учения в предметах, высочайше предписанных для воспитанниц Общества благородных девиц, также Мещанском при оном отделении и училища ордена св. Екатерины. 1815 г. (Документ подписан самим Лодием, содержит карандашную правку).

[177] РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 233 об.–238. 1815 г.

при этом явился очередной ступенью в развитии педагогической практики женского образования.

В отличие от программы инспектора Т.П. Кириака, план Лодия содержал четкое расписание часов, отведенных на каждый предмет, как это было предложено некогда Янковичем де Мириево. Сохранялись отделения «сильных» и «слабых» учениц.

В *младшем* классе (возрасте) в 1-м отделении изучались: сокращенный катехизис и священная история — 1,5 часа; география математическая, затем всеобщая — 3; история всеобщая — 1,5; арифметика — 4; российская грамматика — 3; немецкая — 3; французская — 4,5; российское, немецкое и французское чистописание — по 1,5; элементарные переводы с российского языка — 1,5; рисование — 3 часа; всего 27 часов. Первоначально на российскую грамматику отводилось 1,5 часа, а на историю — 3. Во *2 отделении* на Закон Божий первоначально отводилось, как и в 1-м, полтора часа, но затем эта цифра была увеличена вдвое; на российскую грамматику отводились те же полтора часа, как и по первоначальному плану для 1-го отделения. Таким образом, во 2-м отделении за счет изучения грамматики русского языка увеличилось количество часов, отведенных Закону Божию.

В *среднем* классе в 1-м отделении изучались: Закон Божий — 1,5 часа, всеобщая география — 1,5; российская география — 1,5; всеобщая история — 3; российская история — 1,5; арифметика — 3; российский язык — 1,5; немецкий — 3; французский — 6; переводы с немецкого на российский — 1,5; с французского на российский — 1,5; с российского на немецкий — 1, рисование — 3; всего 30 часов. Во *2-м отделении* на Закон Божий по-прежнему отводилось вдвое больше часов, чем в 1-м; на арифметику, французский и немецкий языки — вдвое меньше. Но во 2-м отделении больше времени посвящалось практическим занятиям языками: переводам с немецкого и французского на российский и с российского на немецкий и французский — всего четыре урока по полтора часа; а также продолжали заниматься чистописанием на всех трех языках по 1 1/2 часа. Общее число занятий по-прежнему было одинаковым.

В *старшем* классе в 1-м отделении изучались: Закон Божий и нравоучение — 3 часа; российская и немецкая словесность — по 3 часа; французская — 4,5; всеобщая история — 3; всеобщая география — 1,5; российская история и география — 1,5; геометрия — 3; физика — 3; переводы с французского и немецкого языков на российский — 1,5; рисование — 3; всего 30 час. Во *2-м отделении* на французскую словесность и всеобщую историю отводилось на полтора часа меньше; на российскую историю и географию — на полтора часа больше; не преподавались физика и геометрия; по-прежнему упор делался на практическое изучение языков — делались переводы с одного языка на другой в том же объеме, что и в среднем возрасте.

Таким образом, из программы были изъяты естественная история, введенная Кириаком логика, но появились три новых предмета — словесность российская, немецкая и французская, преподававшиеся раньше лишь в Воспитательном обществе. Для лучшего усвоения разговорного языка девочки должны были говорить между собой в определенные дни поочередно на французском и немецком языках. Таким образом, учение продолжалось и во внеурочное время.

Были повышены требования для поступающих в институт: от них отныне требовалось умение читать и писать на русском языке. Однако это правило не удавалось соблюдать и много лет спустя. С подобными же трудностями сталкивалась и мужская школа. По свидетельству И.А. Алешинцева, после открытия гимназий в 1810-е гг. ученики поступали в них, «ни к чему не будучи приготовлены»[178]. Большинство семей было неспособно дать своим детям даже первичную подготовку к школе.

Поступающие в институты девочки значительно различались между собой по уровню подготовки, поэтому на протяжении всей второй половины XIX в. сохранялось разделение учениц на лучших, посредственных и слабых. Смолянка, учившаяся в ту эпоху, свидетельствовала: «[мне] удалось сразу занять первенствующее место в силу той серьезной подготовки,

---

[178] *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. С. 90.

которая заботливо дана была мне дома»[179], другую же, напротив, зачислили в слабые, поскольку она даже читать не умела, однако благодаря хорошим способностям и отличной памяти через год ее перевели в 1-е отделение[180].

Практика разделения девочек по способностям на отделения оценивалась различно. Критики, по всей видимости, справедливо видели в этой системе тормоз для развития способностей девочек, которых помещали в отделения для «средних» или «слабых», и зачастую они были лишены шанса перейти в отделение «сильных». Но были и ее сторонники. Бывшая институтка Н.П. Грот задавалась вопросом, «лучше ли тот порядок, по которому слабые останавливают успехи сильных, и ленивые — прилежных, и несмотря на это, равные ли знания выносят теперь институтки и гимназистки одного класса?»[181]. По мнению другой институтки, прежнюю систему «недурно бы вспомнить в наше время, когда так много говорят о “школьных отбросах”», когда в переполненных классах средних учебных заведений «перемешаны без разбору дети различных дарований, преподаватель обязан требовать знаний одной и той же программы» от учениц разных способностей, и тогда слабые «являются величайшим тормозом для успешного движения вперед остального класса»[182]. По всей видимости, подобное

---

179 [*Соколова А.*] Из воспоминаний смолянки // Вестник всемирной истории. 1901. № 5. С. 44.

180 *Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов // Русский вестник. 1900. № 9. С. 155. *Угличанинова* Мария Сергеевна была зачислена в Воспитательное общество в 1839 г. Первоначальной подготовкой мемуаристки дома занималась «старая девица из духовного звания».

181 *Грот Н.П.* Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. СПб., 1900. Гл. III. *Грот* Наталья Петровна (1825–1899), ур. Семенова. Выпуск 1844 г., петербургский Екатерининский институт. Сестра П.П. Семенова-Тян-Шанского, жена Я.К. Грота. Публиковалась в журналах «Заря», «Воспитание», «Журнале для воспитания» и др. Критик, переводчица.

182 *Залога М.В.* Из воспоминаний об институтской жизни. С. 8.

разделение было неизбежным злом в тех условиях, когда уровень образования родителей, а соответственно, и дошкольная подготовка воспитанниц резко различались[183].

Разделение класса на отделения практиковалось и в мужских учебных заведениях. В некоторых семьях детей сызмальства учили иностранным языкам, другие поступали совсем неподготовленными, и тогда первые в низшем классе гимназии «только повторяют старое и даже забывают». Директор П.Н. Погорельский «для отвращения этого неудобства» ввел параллельные отделения в своей гимназии, зачисляя успевающих «по новым языкам» в высшее отделение[184].

Исключение из института грозило девочкам только в самых крайних случаях, причем не из-за неуспеваемости или отсутствия прилежания, и поэтому учителям приходилось заниматься и с самыми неспособными и ленивыми. О таком случае упоминается в письме императрицы Александры Федоровны к начальнице Смольного Ю.Ф. Адлерберг: «По донесению Денисовой, две из маленьких до сих пор не выучились читать и, вероятно, никогда не выучатся. Это очень тяжело. Что нам делать с такими глупыми детьми при самом лучшем воспитании? Попробуйте, дорогая мамочка, позвать их к себе и сделать им от моего имени внушение и немного припугнуть… Когда они будут уметь читать, я им подарю какую-нибудь детскую книгу; это им, можно сказать, ради поощрения»[185]. Вплоть до второй

---

[183] Отделения сохранялись в Смольном и в ходе реформы института К.Д. Ушинским в 1859–1862 гг.

[184] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета… Ч. II. С. 276–277. *Погорельский* Платон Николаевич (1800–1852), в 1822 г. окончил физико-математическое отделение Московского университета. Преподавал арифметику в университетском Благородном пансионе, был старшим учителем математики и физики в московской губернской гимназии, затем директором 3-й московской гимназии. Преподаватель математики в Сиротском институте.

[185] Письма в Бозе почивающей императрицы Александры Федоровны к начальницам Воспитательного общества благородных

половины XIX в., если этого желали их родители или опекуны, даже самые неспособные девочки могли закончить курс и получить аттестат, поскольку женские институты являлись не только учебными, но и благотворительными учреждениями[186].

План Лодия сопровождался методическими указаниями — обстоятельными разъяснениями того, как и что следует преподавать. В «Повелении императрицы Марии Федоровны Совету Воспитательного общества о новом плане учения 1815 г.» отмечалось, что в предложенном варианте преподавания *Закона Божия и нравоучения* «наблюдается теперь уже желаемая постепенность», которую и следует продолжать[187]. Исследователи, анализирующие преподавание этого предмета в русской школе того времени, отмечают, что в 1810-е гг. «тен-

---

девиц. СПб., 1898. С. 18. Письмо к Адлерберг от 28 июня 1835 г. *Адлерберг* Юлия Федоровна, ур. Багговут (1760–1839), начальница Воспитательного общества в 1802–1839 гг. Близкий человек в царской семье, она нянчила будущего императора Николая I и получила право сидеть в его присутствии, даже когда он стоял. Мать и бабушка министров имп. Двора. Ее внучки Луиза и Мария Барановы окончили курс Воспитательного общества. *Денисьева* Анна Дмитриевна, выпускница Смольного института (1806 г.), служившая там же классной дамой и инспектрисой (1807–1851 гг.), известна в связи с историей романтической любви Ф.И. Тютчева. Две дочери поэта, Дарья и Екатерина, окончили курс Воспитательного общества (вып. 1851 г.).

186 В качестве примера можно привести историю М. Трамбицкой, оставшейся без отца и поступившей в петербургский Екатерининский институт в 1820 г. Она была последней по успеваемости, но на выпускных торжествах удостоилась поощрения от императрицы, которая обратилась к ней с такими словами: «Дитя мое, если вы и не учились хорошо, то ваши классные дамы были довольны вашим поведением; я знаю, что ваша мать очень бедна; вместо 250 р., которые дают детям, не имеющим возможности сделать приличный туалет, вы получите 500 р.» (См.: *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. М., 1989. С. 143).

187 Цит. по: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 215.

денция к возрастанию роли и расширению сферы религиозного обучения усилилась», в качестве преподавателей привлекали священников (подписи которых следовало ставить на аттестатах выпускников гимназий и уездных училищ выше подписей других учителей)[188], а с начала учебного 1811/12 г. *Закон Божий* вводился как «обязательный и основной», и «его значимость подчеркивалась тем, что все переводные и выпускные экзамены обязаны были начинаться с экзамена по этому предмету»[189]. В программе мужской гимназии было по два урока Закона Божия в 1–3 классах и четыре — в пятом классе, в IV, VI и VII этих уроков не было[190].

В традиционной культуре повсюду религия в женском воспитании имела первенствующее значение, и потому в учебной программе Смольного преподавание Закона Божия изначально стояло на первом месте — еще екатерининский устав 1764 г. указывал, что «первое попечение» надлежит иметь о вере. (Впрочем, в мужских учебных заведениях Закону Божию также отводилось первое место.)

Вслед за Законом Божиим, как следовало из плана Лодия, «главнейшим основанием всякого воспитания… первый предмет есть обучение языкам». С учетом того, что в младший класс предполагалось принимать умеющих читать и писать девочек, учение следовало начинать с «толкования грамматики». Грамматика должна была «предшествовать всему учению»[191], при этом учитель, «давая содержащимся в оной предметам правильные определения, свойственные всем

---

188 *Артамонова Л.В.* Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского гос. университета. 2013. № 8–2(109). С. 57, 59, 63.

189 *Калинина Е.А.* Закон Божий в русской школе первой половины XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 2. История, история русской православной церкви. 2014. № 4(59). С. 86.

190 *Алешинцев И.* История гимназического образования в России… С. 58.

191 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 138.

языкам», пояснял их примерами, приучая воспитанниц самих приводить такие примеры, сравнивать «свойства одного языка со свойствами других», и пр. В среднем возрасте воспитанницы писали сочинения на трех языках, для чего читали «лучших авторов». В старшем они изучали риторику и логику и правила стихотворства, делая разбор лучших писателей[192]. Учителя должны были, «пока [девицы] не поняли одной части речи, не приступать к объяснению другой», а на уроках французского и немецкого языков поначалу следовало объяснять по-русски все то, что говорилось на иностранных языках.

План П.Д. Лодия впервые распространял курс «российской словесности», читавшийся прежде только в Воспитательном обществе, на все женские институты. В мужской школе русская словесность как отдельный предмет была введена С.С. Уваровым раньше, в 1811 г., но ограниченно — сначала лишь для петербургских гимназий. Причем, как пишет современный исследователь, «в учебных планах гимназий 1819 г. из словесных наук была представлена лишь риторика»[193]. Учебники того времени рассматривали *риторику* в качестве учения о расположении и выражении мыслей, правилах построения текстов и характеристики жанров, а «смысловое содержание речи» оставалось за её рамками[194]. По наблюдению дореволюционного исследователя, постановка гимназических предметов, их метод всегда находится «в большей или меньшей зависимости от университетов», а в 1820–1830-х гг. в наших университетах «под словесностью как наукою» также «разумели риторику и пиитику» (и такое понимание было преодолено лишь

---

192 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 216–217.

193 См.: *Беньковская Т.Е.* «Классическое» и «реальное» направления в методике преподавания литературы XVIII–XIX веков // Известия российского гос. педагогического университета имени А.И. Герцена. 2005. Т. 5. № 12. С. 266.

194 См.: *Гончарова Н.В.* А.В. Никитенко как теоретик русской словесности (по материалам библиотеки профессора) // Вестник Томского гос. университета. 2015. № 390. С. 6.

с появлением классического труда Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» в 1847 г.[195], хотя кризис риторики назрел уже к 1830-м гг., когда «ее границы не вмещали всех вопросов, которые были поставлены перед словесной наукой»[196]).

Изучая в старших классах *словесность*, институтки разбирали литературные произведения «лучших писателей» и сами писали сочинения[197]. Учебников или руководств для учителей по словесности вплоть до 1840-х гг. не существовало, и лишь отдельные «понятия о словесности, биографиях писателей и приемах разбора» содержались в третьем томе хрестоматии А.Д. Галахова[198]. Учителям приходилось преподавать по собственным записям, разработанным каждым по мере способностей и кругозора.

Итак, в соответствии с планом Лодия изучение *языков* начиналось с грамматики, «ибо без правильного знания языка нельзя ожидать успеха в объясняемых предметах». От изучения грамматических правил в младшем классе воспитанницы в среднем переходили к переводам. Сначала переводы делались с русского языка на иностранный.

Использовалась методика, развивавшая приемы, некогда предложенные Янковичем де Мириево: учителю следовало надписывать над каждым русским словом начало немецкого или

---

[195] *Зеленецкий П.* Исторический обзор преподавания русского языка и словесности в среднеучебных заведениях // Семья и школа. 1874. № 3. Кн. 2. С. 190. *Буслаев* Федор Иванович (1818–1897), выпускник, затем профессор Московского университета, основоположник лингвистической русистики, историк литературы, фольклорист, академик. В 1848–1850 гг. преподавал русскую словесность, педагогику и дидактику в педагогическом классе московского Александровского института, сменив в этой должности А.Д. Галахова.

[196] *Гончарова Н.В.* А.В. Никитенко как теоретик русской словесности. С. 6, 9.

[197] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 229–230.

[198] См.: *Острогорский В.* Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851–1864 гг.). СПб., 1895. С. 202.

французского перевода, а ученицы должны были находить к началу слова окончания по правилам языка или, как говорил сам Лодий, «приводить слова в свойственный им порядок и через то давать им совершенный смысл». Так же следовало действовать и в переводе с французского или немецкого языка на русский — над каждым иностранным словом подписывалось начало соответствующего русского слова. Труднее воспитанницам давался немецкий язык, тем более, что многие классные дамы сами плохо его знали, и потому практика в языке зачастую ограничивалась классными уроками. Начальница московского Екатерининского института считала, что для облегчения изучения немецкого языка начинать следует с чтения и разговора, и императрица Мария Федоровна одобрила этот метод.

Текст для перевода подбирался «могущий образовать нравы воспитанниц» и отличающийся «красотой оборотов». В среднем классе также следовало читать «лучших авторов», которые пишут красиво и вместе с тем просто. По приказанию императрицы для переводов использовались сокращенная история Н.М. Карамзина[199] (чем сразу достигалось несколько целей: воспитанницы, кроме приготовления переводов, читали тексты по истории своего Отечества, упражняясь при этом в «словесности»), «Собрание российских образцовых сочинений» Н. Греча и др. Книги должны были выдаваться по одному экземпляру на двух воспитанниц[200].

По новой программе *арифметику*, четыре действия которой проходят в младших классах, «доводят до конца» в среднем, а в старшем — повторяют, и уж тогда воспитанницы

---

[199] Очевидно, речь идет о книге «Сокращение Российской истории Н.М. Карамзина, в пользу юношества и учащихся Российскому языку… на немецком и французском языках, с ссылками на грамматические правила, изд. А.В. Таппе, доктором богословия и философии» (СПб., 1819, 1824). Это «Сокращение» специально для подростков было подготовлено и издано всего три года спустя выхода в свет карамзинской «Истории государства Российского» (1816).

[200] *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. 2. С. 207.

«должны быть довольно тверды» в этом предмете[201]. Лодий предложил увеличить число уроков арифметики за счет сокращения преподавания геометрии, чтобы воспитанницы научились хорошо решать арифметические задачи, поскольку лишь треть учениц выпускного класса справлялась с этим вполне удовлетворительно. Если сначала занятия в классах проводились по группам в зависимости от способностей, то затем весь класс проходил один и тот же курс, так что более успевающие были вынуждены повторять хорошо усвоенное. Учителя арифметики часто сменялись, поскольку плата за их уроки была ниже, чем за другие предметы.

По-прежнему сохранялись трудности со снабжением институтов учебниками. Московскому Екатерининскому институту не удалось закупить учебники арифметики («таковых в продаже… не оказалось»), и потому пришлось издать за собственный счет 30 экземпляров «Руководства по арифметике» и «Руководства по геометрии» Чумакова[202]. Все это препятствовало усвоению предмета воспитанницами.

История и *география* преподавались одним учителем. География как учебный предмет по-прежнему рассматривалась в качестве вспомогательной науки, дополняющей историю, давно уже занявшую место классической школьной дисциплины. По утверждению будущего министра народного просвещения С.С. Уварова, история является «одним из главнейших предметов учения», а «хронология и география суть очи истории, и для того правильное изучение географии и ясное понятие о хронологии должны оной предшествовать»[203]. О том же заявлял и Лодий, именовавший географию «вспомогательной наукой истории».

---

[201] РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 233 об.

[202] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 245–246. Речь идет о *Чумакове* Федоре Ивановиче (1782–1837), впоследствии профессоре Московского университета (см.: Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 22. СПб., 1905. С. 455).

[203] *Уваров С.С.* О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 9.

Истории в женских институтах следовало обучать так, чтобы избегать слишком длительного повторения: в младшем классе речь шла о «главных епохах и периодах», самых важных событиях без подробностей, в среднем приступали к краткому повествованию, доводя изложение событий «до наших времен», при этом преподавание надлежало ограничивать «главнейшими происшествиями каждого народа, имевшими влияние на его политическое состояние», а в старшем классе изучались уже «достойные примечания подробности», а особенно — «история просвещения народов в науках и художествах». Священная история на уроках истории уже не изучалась. История, как и география, были разделены на всеобщую и российскую части[204].

Однако, вопреки указанию преподавать в младшем классе историю «без подробностей», память детей загромождали множеством второстепенных подробностей. Как заметил спустя десятилетия институтский преподаватель, «такова была тогда метода всюду — и теперь (т.е., в начале XX в. — *В.П.*) ее далеко нельзя еще считать похороненной»[205]. В литературе не раз отмечалось, что многие полезные советы так и оставались благими пожеланиями. Надо полагать, их приложение тормозилось неразработанностью методик, инертностью или сверхзагруженностью учителей, нехваткой профессиональных педагогов).

Для изучения всемирной истории Мария Федоровна рекомендовала книгу профессора Царскосельского лицея И.К. Кайданова, «с отличной похвалою всеми учеными принимаемое и определенное для употребления в гимназиях» (1815)[206]. Главным недостатком учебника по истории, составленному первоначально для смолянок и рекомендованного московскому Екатерининскому институту, Черепанов и Гейм считали «отсутст-

---

[204] РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 44. Л. 233 об.–234 об.

[205] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 264.

[206] Письма государыни императрицы Марии Федоровны к почетному опекуну кн. С.М. Голицыну. 1811–1828. М., 1885. С. 28.

вие деления на периоды»[207]. Позже Черепанов перевел с французского языка учебник всеобщей истории[208], а для преподавания отечественной использовалась «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ» (6-е изд. — в 1816 г.).

Присущее времени представление о нравственной пользе истории, которая «воспитывает сама по себе», учитель истории Екатерининского института начала XX в. М.Н. Покровский характеризует так: «нам этот субъективный прагматизм кажется наивным, но книжки такого направления были не бесполезны для многих и ныне живущих», поскольку обращение «не только к мысли, а и к нравственному чувству — то как раз в школе это было ценно». В целом, по мнению будущего советского историка-марксиста, в Екатерининском институте «во вторую половину царствования императора Александра I «школьный курс довольно твердо стоял на фундаменте науки — *тогдашней* науки, само собой разумеется». (Документальных свидетельств о подробностях преподавания в последующие три десятка лет не сохранилось[209]).

Лодий полагал, что и историю, и географию особенно полезно преподавать воспитанницам Мещанского отделения, куда принимались и дети военных, чтобы впоследствии

---

[207] По всей видимости, речь идет о «Сокращении всеобщей истории, изданной в пользу Воспитательного общества благородных девиц» (СПб., 1807). *Черепанов* Никифор Евторпиевич (1762–1823), учитель истории московского Екатерининского института. Воспитанник Московского университета, преподавал историю и географию в университетской гимназии. В 1812–1813 гг. декан отделения словесных наук.

[208] «Всеобщая история, с высочайшего соизволения ея Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны переведенная с французской рукописи, служившей руководством Ея Императорскому Высочеству, Великой Княжне Анне Павловне, для употребления в классах Московского Екатерининского училища» (М., в ун. тип., 1811). См. также: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета… М., 1855. Ч. II. С. 554.

[209] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 265.

«беспомощные сироты могли… благородным образом искать себе пропитания в жизни»: они «могут быть классными дамами и гувернантками, и для этого нужно не только знать российскую, но и всемирную географию и историю»[210].

В мужской школе в соответствии с Уставом 1804 г. географию изучали с I по IV классы[211], тогда как в женских институтах география изучалась на протяжении всего учебного курса. В младшем классе института преподавание географии предписывалось начинать с математической географии, с «общего разделения земного шара и ограничивать познанием государств и областей с их образом правления, морей, главнейших озер, рек, гор, островов»; во втором возрасте — «географию частей света и областей оных, составляющих в сокращенном однако виде»; а в старшем — дополнить подробным описанием государств «в отношении к достопамятнейшим городам, заведениям всякого рода, произведениям природы и промышленности, торговым обстоятельствам, силе и способам государств»[212]. Сохранилось свидетельство о том, как вел свои уроки географии инспектор московского Екатерининского института И.А. Гейм. Он исповедовал правило, чтобы его ученицы не произносили ни единого слова, которого не понимают, и потому продвигался в изучении своей науки «очень медленно», заставляя к тому же своих подопечных повторять урок дважды, сначала по-русски, затем по-французски[213]. Таким же образом предписывал действовать учителям и Лодий: пока не будет усвоен материал, не следует переходить к изучению нового. Но далеко не всегда удавалось следовать этому предписанию, в том числе и из-за большого числа учениц в классе (40–50 и более), неодинакового уровня их подготовки.

---

210 *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. 2. С. 205.

211 См.: *Руднев Я.И.* Из прошлого и настоящего учебной географии в России // География в школе. Сб. 1. Вопросы преподавания и методики географии в средней и народной школе. СПб., 1913. С. 10.

212 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 476 об.

213 Московское училище ордена св. Екатерины. С. 275.

По учебному плану 1815 г. преподавание *естественной истории* в институтах не предусматривалось. Однако сведения о том, был ли этот предмет действительно полностью исключен из преподавания, противоречивы. В списках личного состава Смольного и московского Екатерининского институтов со второй половины 1810-х гг. имена преподавателей естествоведения и физики значатся. Из письма императрицы Марии Федоровны от 1 июня 1818 г. следует, что она все же считала полезным «дать воспитанницам училища ордена св. Екатерины, равно как и приуготовляемым к званию наставниц воспитанницам Воспитательного дома, некоторые сведения о естественной истории и посвятить сей науке по одному уроку в неделю» и предлагала пригласить учителя физики Воспитательного дома по рекомендации г-на Фишера[214]. Возможно, первоначально речь шла о преподавании естественной истории пепиньеркам (ученицам учреждаемых с начала XIX в. специальных педагогических классов), но, по всей видимости, этот предмет вскоре был все же возвращен в общий учебный курс. По крайней мере, несохранившиеся бумаги архива московского Екатерининского института свидетельствовали о том, что в 1819–1820 г. на физический кабинет было ассигновано 50 руб., а с 1821 г. эта сумма была удвоена[215].

По замечанию Н.П. Черепнина, большое количество часов, отведенных на *рисование*, объяснялось тем, что и в екатерининскую эпоху, и во времена Марии Федоровны «успехи по рисованию имели значение наравне с успехами по научным предметам»[216]. Если прежде рисованием воспитанницы занимались «исключительно с оригиналов» (изображений), то в 1814 г. был сделан «значительный шаг вперед введением рисования с натуры с гипсовых орнаментов», рекомендовалось учить рисовать с гипсовых фигур и копирование масляных

---

[214] Письма государыни императрицы Марии Федоровны к почетному опекуну кн. С.М. Голицыну. 1811–1828. М., 1885. С. 32.

[215] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 329.

[216] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 78–79.

картин[217]. Привычный способ обучения оказалось трудно переломить, и, по всей видимости, не только из-за отсутствия необходимых учебных пособий, но и потому, что для многих учениц подобные упражнения были бы чересчур сложны. Кроме того, сам результат, которого ожидали от уроков рисования, накладывал ограничения на их итоги. Рисование считалось важным «для развития изящного вкуса и тонкости в работах рукодельниц»[218]. Так что и много позже институтки перерисовывали готовые изображения: «мы никогда не рисовали с натуры, и только копировали с литографий, карандашом и красками. Лучшими нашими художниками мы считали тех, которые умели рисовать что ни на есть мельче, точечками и штришками… Другие девицы рисовали на тетрадях глаза и уши самых причудливых форм», — таково свидетельство институтки 30-х гг. XIX в.[219].

План Лодия начали внедрять в петербургских, а затем и в московских институтах. Сведений о его применении в провинциальных институтах не имеется. Бесспорно, что в целом успех или неудачи в постановке учебного дела повсюду зависели прежде всего от людей — инспекторов классов и учителей, начальниц и классных дам. «Высшее» наблюдение за учебной частью императрица поручала члену Совета, выбранному из числа хорошо образованных людей. Важную роль в организации учебного процесса играли инспекторы классов, для которых в 1802 г. императрица Мария Федоровна составила подробную инструкцию: «Его заботы должны делиться на три части: …«выбор учителей, надзирание учения и выбор и сохранение книг и руководств учебных». Инспектор классов должен быть образованным человеком, знакомым со всеми предметами преподавания, опытным в педагогике, который мог бы заметить недостатки в преподавании и помочь учителю советом. В обязанности инспектора входил выбор преподавателей

---

217 Московское училище ордена св. Екатерины. С. 365.

218 См.: *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 26.

219 *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 10. С. 516.

(и знающих предмет, и опытных педагогов), ежедневное присутствие в классах и наблюдение за добросовестным исполнением учителями их занятий, знать о способностях воспитанниц, их прилежании, выбирать книги и руководства для внеклассного чтения[220].

Инспектор классов регулярно подавал начальнице отчеты о том, что именно преподается по каждому из предметов, «до какого знания» дошел каждый класс, представлял списки воспитанниц с проставленными баллами. Прежде успехи воспитанниц оценивались словесно, как например: «хорошо», «удовлетворительно», «более успела в рукодельях, нежели науках»[221], но около 1815 г. по предложению инспектора Лодия, в качестве оценок стали использовать цифры[222]. Это новшество вводилось в разных институтах не единовременно. В московском Александровском институте оценки в баллах были введены в 1827 г.[223], в Мариинском — только после 1828 г.[224].

Стараясь выполнить желание вдовствующей императрицы обеспечить институты достойными учителями физики, инспектор Лодий, в частности, обращался в Педагогический институт. При этом к кандидатуре соискателя предъявлялись определенные требования: учитель должен был обладать безупречной репутацией, поскольку преподавал девицам, и быть способным преподавать свой предмет на французском языке. Это требование, как и прежде, создавало затруднения в подыскании подходящих педагогов. Оказалось, что адъюнкты и профессора «не владеют французским языком так свободно, чтобы могли объяснять физику по-французски». В кадетских корпусах физика и математика преподавались по-русски, и там также не нашлось подходящих педагогов[225]. О сложностях по-

---

220 *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 33.

221 См.: *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 27.

222 См.: Историческая записка о московских училищах ордена св. Екатерины и Александровском. М., 1875. С. 47.

223 *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 101.

224 *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 40.

225 *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. 2. С. 200.

исков таких учителей свидетельствует письмо Лодия начальнице московского Екатерининского института: «При сих разведываниях моих узнал я об одном французе, именуемом Феррие и ныне находящемся в Москве, который там дает приватные уроки в физике; я и справлялся о нем у министра просвещения», оказалось, что Ферри «знает физику хорошо и человек хорошего поведения»[226]. В результате «иностранный профессор» Ферри был приглашен преподавать физику в петербургский Екатерининский институт[227].

Учителя должны были объяснять свой предмет воспитанницам ясно и отчетливо, чтобы они понимали суть преподаваемого, а не зазубривали учебник (или свои записи) наизусть. Им прямо предписывалось «иметь… всемерное старание, дабы воспитаницы ответствовали во всех преподаваемых им предметах собственными своими словами, а не вытверженными наизусть речами и ответами», для этого — «не только не требовать от них, чтобы они в ответах своих повторяли точно те слова, какими объяснена им статья науки.., но напротив того, всячески уклоняли их от такого повторения, доказывающего только хорошую память, а не ясное понятие об выученном предмете»[228].

Однако от «зубрежки» (или «долбяшки», как говорили в институтах) избавиться было трудно. Немалая доля вины в этом лежит на самих учителях. Воспитанница киевского института вспоминала: «нам говорили, что мы так неразвиты, что, уклоняясь хотя немного от текста книги, мы только могли неверо-

---

[226] *Панкратьева Е.* С.-Петербургское училище Ордена св. Екатерины... С. 29.

[227] См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Р.Х. 1815 г. СПб., 1815. С. 708. Очевидно, он же — Тимофей *Ферри*, преподававший физику на французском языке в Смольном в 1814–1815 гг. В «Месяцеслове» его имя встречается и позже: Фома Ипполитович Ферри де Пиньи, преподаватель физики в Смольном институте в 1839 г. (Месяцеслов… 1839 г. СПб., 1839. С. 858).

[228] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 474–477. 1815 г., 20 сент.

ятно исказить его»[229]. В школе того времени зубрежка царила повсеместно. Как свидетельствуют и мемуары современников (и позднейшие исследования), этот обычай сохранялся во всех учебных заведениях того времени: «способ преимущественно заключался в спрашивании механически выученного наизусть», и «лучшие методы» были «лишь исключением»[230]. Историк образования приходит к выводу, что «преподавание в общем велось в духе схоластическом: вся работа сваливалась на память учеников. Работа преподавателя сводилась только к задаванию и спрашиванию»[231].

Отчасти виной сохранения «долбяшки» было также отсутствие толковых учебников. Составленные под руководством Комиссии руководства представляли собой начальные попытки систематизировать и выстроить учебный материал. Часть из них являлись переводами с немецкого, другие были составлены «по образцу немецкия, для австрийских народных училищ изданные». Громоздкие, написанные тяжелым, неудобочитаемым языком, они быстро устаревали. Несмотря на это, из-за острого дефицита учебной литературы многие из них переиздавались не один раз.

Следствием нехватки учебников и учебных пособий или их неудовлетворительности учителям приходилось диктовать

---

229 *Воропанова М.* Институтские воспоминания // Русская школа. 1902. № 10/11. С. 56.

230 См.: *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. С. 191. П.Н. Милюков, характеризуя учебники, переведенные в свое время Комиссией народных училищ, писал: «содержание этих учебников соответствовало их назначению — быть выученными наизусть» (*Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. С. 270).

231 *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. С. 92. А.В. Никитенко, экзаменовавший в качестве университетского визитатора учеников гимназии в Петрозаводске в 1834 г., записал в дневнике: «Здесь еще процветает система заучивания наизусть — впрочем, где она у нас еще не процветает?» (*Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе… Записки и дневник. 1804–1877. Т. I. СПб., 1904. С. 248).

материал, что отнимало время от урока. Подобный порядок существовал во всех учебных заведениях, вопреки циркуляру министра народного просвещения от 1803 г., повторенного в 1810 г., который запрещал «обременять учеников перепиской курсов»[232]. Мария Федоровна имела на этот счет свое мнение. Она полагала, что тетради, которые пишутся воспитанницами под диктовку учителей, могут сослужить им в будущем хорошую службу — и для памяти, и как руководство для собственной преподавательской деятельности. И действительно, подтверждением ее расчетов является рассказ М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) о своем детстве: «весной (мне был уж девятый год) приехала из Москвы сестра, и я поступил в ее распоряжение. Она привезла из института множество тетрадок и принялась за меня очень строго» («Пошехонская старина»)[233].

Трем женским поколениям семьи Давыдовых-Хавских послужила бережно хранившаяся рукопись учебного пособия «География Европы и Азии», составленная институткой на уроках в Воспитательном обществе. Она была написана рукой Анны Ивановны Давыдовой предположительно в 1812–1815 гг. Давыдова, закончившая с шифром учебный курс в 1815 г., вышла замуж за П.В. Хавского. Их дочь, Анастасия Петровна Хавская, окончившая с золотой медалью московский Екатерининский институт[234], была второй владелицей этой рукописи. После её смерти отец передал «Географию» «сестрице» Вере Александровне с наказом вручить книгу своей крестни-

---

232 *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. 2. С. 214–215.

233 Надежда Салтыкова вернулась домой в сопровождении подруги по московскому Екатерининскому институту (выпуск 1834 г.) А.П. Василевской, поступившей в их дом гувернанткой. *Василевская* Авдотья (Евдокия) Петровна, дочь подполковника, служила впоследствии в своем институте классной дамой (1846–1854? гг.), как и ее сестра Ольга (1853–1868 гг.). Вторая сестра писателя, Любовь Салтыкова, закончила тот же институт в 1840 г.

234 См.: Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903. С. 488.

це Софье Ивановне Давыдовой «тогда, когда будет учить географию»[235].

Однако позже, по всей видимости, императрица Мария Федоровна изменила свое мнение, сочтя, что диктовка отнимает у девиц слишком много времени, и пожелала искоренения «злоупотребления писанием и учением наизусть». Следуя ее указаниям, классные дамы и инспектрисы наблюдали, чтобы учителя не вернулись к старой методе. Она поручила подбирать руководства, по которым учителя могли преподавать свои предметы и все учение не сводилось бы «на затверживание наизусть»[236]. Требование осмысленного изучения предмета вместо зубрежки многократно повторялись на протяжении долгих лет, но воплотить их в жизнь оказывалось чрезвычайно трудно.

Учителя по мере сил с большим или меньшим успехом сами составляли учебники по своим предметам[237], стараясь при этом приноровить их к институтским требованиям. Тем не менее, учебников и учебных пособий по-прежнему не хватало, и еще долгие годы эта нехватка оставалась серьезной проблемой и,

---

[235] ОР ГБЛ. Ф. 218. Ед. хр. 781. Рукопись 1812–1814 гг. Владельческая запись на л. 112. *Давыдова* Анна Ивановна, сестра профессора Московского университета И.И. Давыдова, закончила в 1815 г. Воспитательное общество благородных девиц с шифром. *Хавский* Петр Васильевич (1783–1876), историк, правовед, награжден Демидовской премией за «Хронологические таблицы в трех книгах» (1848). Автор исследований по истории Москвы (см.: *Курсакова Е.Н., Цыб С.В.* Петр Васильевич Хавский — законовед и исследователь русской истории и хронологии. Барнаул, 2014. С. 22).

[236] *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. 2. С. 215.

[237] Напр.: «Правила российского правописания и чистописания, читанные в Харьковского институте благородных девиц учителем Тимофеем Леницким» (Харьков, 1818); «Краткое толкование на литургию. В пользу благородных воспитанниц Общества благородных воспитанниц Общества благородных девиц и училища ордена св. Екатерины» Я.И. Воскресенского (СПб., 1822), др.

как и во всех других учебных заведениях, институтки продолжали вести записи на уроках.

Учителям и классным дамам следовало в своих воспитанницах «возбуждать охоту к чтению книг», для чего в институтах следовало заводить библиотеки. Но, с одной стороны, приобретение книг обходилось очень дорого, а с другой — книг для детского возраста, учебников и учебных пособий было еще очень мало. Так, при закупке немецких учебных пособий вместо 100 экземпляров пришлось ограничиться 50, потому что большего количества в продаже не нашлось, а «французских книг для чтения», как отмечал отчет института, «совсем нет»[238]. Серьезный урон был нанесен московским пожаром 1812 г., когда погибла в огне недавно заведенная библиотека училища ордена св. Екатерины. Императрица Мария Федоровна писала почетному опекуну московских заведений С.М. Голицыну: «полезно было бы иметь в училище ордена св. Екатерины библиотеку для чтения девицам; но при нынешней чрезмерной на книги дороговизне нельзя помышлять о приобретении оной, а должно представить благоприятнейшему времени постоянное накопление запаса хороших книг». Она просила указать, какие издания есть в настоящий момент, указывая, что насущной задачей является обеспечение прежде всего учебной литературой: «географические карты, равно как и учебные книги по всем преподаваемым наукам прикажу я здесь купить для московских институтов»[239]. Библиотека института пополнялась постепенно: в 1818 г. было закуплено по 100 экземпляров французской и немецкой грамматик, а из-за отсутствия в продаже учебников арифметики институт издал руководства по арифметике и геометрии Чумакова за собственный счет.

Численность каждого класса составляла примерно 40 человек. Однако случалось, что это количество, признанное впо-

---

[238] Московское училище… С. 40.

[239] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 21. Л. 49; Письма государыни имп. Марии Феодоровны к почетному опекуну князю Сергею Михайловичу Голицыну. С. 15.

следствии нормой, бывало превышено. Следствием «усиленного спроса на институтское образование» явилось увеличение числа принимаемых в институты, и потому было принято решение создавать параллельные отделения[240], если число воспитанниц в одном классе достигало 50 человек.

Институтский класс в это время описан в мемуарах воспитанницы Патриотического института: «высокая просторная желтая комната с тремя большими окнами на двор и сад, с дверью в следующий за нею класс. В комнате стояли в три ряда с половиной желтые скамьи с черными партами… перед скамьей посередке — учительский столик с чернильницею и стулом; за ним большая черная доска, подалее к окну стол и стул для классной дамы, в углу образ Александра Невского. Дети сидели по десяти на скамье и писали на аспидных досках под диктовку классной дамы…»[241]. Подобная обстановка была в целом характерна и для других институтов. (Многоместные скамьи без спинок употреблялись повсюду, даже в самых привилегированных учебных заведениях, и лишь во второй половине XIX в. врачами-гигиенистами стали разрабатываться проекты «гигиеничных и педагогичных» двух- и одноместных парт[242].)

Четких временных рамок для каникул, как и общих для всех институтов жестких сроков приема и выпуска воспитанниц первоначально не существовало. Например, летние каникулы в Смольном институте длились с 21 июня по 1 августа, тогда как в Киевском — с 1 июля по 1 августа. Часто назначение дат приема и выпуска было обусловлено случайными причинами: так, московский Екатерининский институт был открыт в феврале, когда состоялся первый набор воспитанниц, и именно этой даты традиционно придерживались долгое

---

[240] Московское училище… С. 35.

[241] Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. 1873. № 2. С. 49.

[242] См.: *Пономарева В.В.* Роль закрытых женских институтов Мариинского ведомства в установлени новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Московского ун-та. Серия XXIII. Антропология. 2013. № 2. С. 132.

время, раздача наград и выпуск также были назначены на февраль. В петербургских институтах выпуск производился зимой, в декабре или январе-феврале, а прием — сразу после выпуска. В Харьковском институте выпуск проходил в начале июля. Эти сроки порой переносились, например, с июня на декабрь, затем прежде принятый порядок возвращался. Учебные занятия отменялись на церковные и светские праздники — Рождество Христово (рождественские каникулы тогда продолжались с 23 декабря по 1 января по ст. стилю), Пасху (вся пасхальная неделя), Новый год, «двунадесятые праздники», пятницу и субботу на масленице, последние три дня Страстной недели, царские дни. Длительность праздничных каникул могла варьироваться. Постепенно каникулярное время удлинялось. В летние каникулы, когда институток, как правило, вывозили за город, учебные занятия под руководством классных дам продолжались в сокращенном виде: девочки проводили время за чтением, переводами, повторением пройденного, занимались рукоделиями.

*****

Результаты институтского учебного курса, в частности, уровень обучения русскому языку и словесности в институтах по крайней мере до 1820 г. Е.И. Лихачева оценивает весьма скептически. По ее утверждению, институтки выходили «с самым жалким знанием русского языка, на котором писали безграмотно, даже для тогдашнего времени»[243]. Это категорическое заключение она распространяет на все институты того времени и их воспитанниц, с чем вряд ли можно согласиться. Подобный вывод требует изучения обширного конкретного материала с непременным учетом общеисторического контекста. Мы располагаем данными об учебных планах и расписании, новых методах, инструкциях институтским учителям и пр., но о результатах учения судить гораздо сложнее. Очевидно однако, что инспекторами классов и преподавате-

[243] См.: *Лихачева Е.О.* Материалы... Ч. 2. С. 239–240.

лями в институтах где с большим, где с меньшим успехом предпринимались усилия по совершенствованию учебной части на существовавшем в то время уровне школьной науки и педагогики.

Насколько уровень образования институток в те годы отличался от получаемого юношами в привилегированных мужских учебных заведениях? Современный историк приводит такие данные о подготовке дворянских отпрысков в шести существовавших к тому времени военно-учебных заведениях: «около половины офицеров (51,2 %) владели лишь элементарной грамотностью… Только у 5,6 % офицеров имелись записи о знании более десяти предметов общеобразовательного и специальных курсов»[244]. Подобных точных данных по женским учебным заведениям, в отличие от военно-учебных, не существует. Государственная служба требовала ведения подробных формуляров для всех чинов, в которых девицы не нуждались. Очевидно однако, что подготовка выпускниц женских институтов в целом не уступала той, какую получали воспитанники привилегированных мужских учебных заведений, разумеется, с поправкой на гендер: девиц тщательнее учили гуманитарным наукам — иностранным языкам, географии и истории[245].

В 1820 г. «для вящего усовершенствования учебной части» в Воспитательном обществе благородных девиц было учреждено особое совещание. По желанию императрицы Марии Федоровны совещание должно было собираться раз в четыре месяца, рассматривать итоги учения за каждую треть

---

[244] *Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии — участники Бородинской битвы. М., 2002. С. 128.

[245] В кадетских корпусах в эти годы организация учебной части определялась «по усмотрению ближайшего начальства каждого из них; не было даже строгого распределения воспитанников по классам», успешнее у кадетов шли занятия по русскому языку, математике и военным наукам, а иностранные языки преподавались «только pro forma» (*Лалаев М.* Исторический очерк военно-учебных заведений… С. 124).

учебного года и принимать решения в соответствии с полученными данными[246]. Таким образом подготавливалось дальнейшее преобразование учебной части институтов.

4. 1820-е гг. Деятельность Комитета по учебной части. Инспекторство профессора К.Ф. Германа

Особое совещание для усовершенствования учебной части, в которое вошли начальница Воспитательного общества, член Совета по учебной части, секретарь императрицы Г.И. Вилламов, академик А.К. Шторх и новый инспектор классов К.Ф. Герман, было преобразовано в Комитет по учебной части[247]. Комитету следовало принять меры по правильной организации учебного процесса, поскольку учебный план выполнялся далеко не во всех своих частях. Ни одному из учителей не удавалось полностью «пройти» свой курс, недоставало преподавателей, особенно французского и немецкого языков, и одному и тому же преподавателю приходилось вести уроки по разным предметам.

Прежде всего было решено отмененить ежегодные экзамены, которые отнимали чересчур много времени. Отныне экзамены стали проводить раз в три года, при переходе из одного класса (возраста) в другой. Это высвободило время для занятий по учебной программе.

---

[246] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 494–494 об. Уставом 1804 г. предписывалось учреждать в учебных заведениях педагогические советы, однако их обязанности не разъяснялись. В соответствии с Уставом 1828 г. в Советы входили инспектор и старшие учителя, обсуждавшие методы преподавания и нравственности воспитанников (См.: *Сысоева Е.К.* Школа в России. XVIII — начало XX вв. С. 65).

[247] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 207–208. А.К. Шторх — член Академии наук с 1804 г., вице президент с 1830 г., Экономист, историк, библиограф. Преподавал политическую экономию великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам.

Для пополнения учительского состава профессиональными кадрами также были предприняты необходимые меры. Так, по распоряжению императрицы министр народного просвещения присылал список кончивших университетский курс студентов, и их кандидатуры рассматривались инспектором классов Воспитательного общества с секретарем императрицы Г.И. Вилламовым[248]. Новый учитель принимался на испытательный срок, и после четырех месяцев успешного преподавания утверждался в должности. Легче это было сделать для институтов обеих столиц, где находилось больше высших учебных заведений. Постепенно уходила в прошлое практика совмещения учителями преподавания сразу нескольких предметов в средней и высшей школе, однако лишь в 1830-х гг. о специализации учителей-предметников можно говорить с уверенностью, и то по отношению к университетам[249].

В петербургских институтах преподавали П.А. Плетнев[250] (будущий ректор Петербургского университета), Н.И. Бутырский (профессор политической экономии и российской словесности), К.И. Арсеньев[251] (почетный член Петербургского

---

[248] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 210.

[249] В эти годы «прежние профессора, читавшие часто несколько дисциплин сразу, порой даже переходившие с гуманитарных факультетов на естественные и наоборот, сменились специалистами по конкретным отраслям знаний» (*Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования: В 5 кн. Кн. 1. Зарождение системы университетского образования в России. М., 1998. С. 20).

[250] *Плетнев* Петр Александрович (1791–1866), выпускник Педагогического института, занимался русской словесностью с вел. кн. Еленой Павловной, вел. кн. Марией Михайловной и Елизаветой Михайловной, дочерями Николая I Марией и Ольгой, затем с наследником Александром Николаевичем (См.: *Грот К.Я.* Петр Александрович Плетнев. Биографический очерк. СПб., 1902. С. 16–17).

[251] К.И. Арсеньев (1789–1865), с 1828 г. преподавал русскую историю и статистику наследнику, великому князю Александру Николаевичу, являлся начальником Статистического отделения в министерстве внутренних дел.

университета, один из основателей Географического общества), и др. Значительная часть жизни Плетнева была связана с женскими институтами. В Патриотическом, Елизаветинском и Екатерининском институтах[252] он преподавал русский язык и словесность, а также некоторое время историю и арифметику — за неимением учителей по этим дисциплинам, был инспектором классов и членом Совета по учебной части.

В московских институтах в 1820-х гг. работали университетские педагоги: М.Я. Малов (история), И.С. Бер (естественная история, арифметика и физика), продолжали преподавать профессора Л.А. Цветаев (инспектор классов), Н.Е. Черепанов, П.В. Победоносцев, учитель московского Университетского благородного пансиона литератор П.Ф. Калайдович (русский язык и словесность).

Комитет выработал табель о жаловании учителей, впервые нормировавший оплату их труда. К 1821 г. относится «Расписание, показывающее до какой суммы в год определить можно жалованье учителям за каждый преподаваемый в неделю час в Обществе благородных девиц и Мещанском училище»[253] (первая цифра — жалованье с полагающейся учителю квартирой, вторая — без квартиры):

Классы старшего возраста. 1 отд.: Закон Божий: 40; Российский, немецкий язык, геометрия и арифметика — 100/150; переводы — 70/100; французский — 100/150; история и гео-

[252] Впервые имя «студента П.А. Плетнева» встречаем в «Месяцеслове» за 1815 г., в качестве преподавателя российского языка, истории и арифметики в петербургском Екатерининском институте (очевидно, в младших классах) (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Р.Х. 1815. Ч. I. СПб., С. 757).

[253] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 80. *Годовой час* или *годовой урок* исчислялся по количеству часов или уроков преподавания в неделю (т.е., к примеру, три годовых урока — это три занятия в неделю в течение учебного года). Размер жалованья мог изменяться в зависимости от испытываемой необходимости в замещении вакансии. В кадетских корпусах определение размера жалованья учителям было оставлено на усмотрение директора.

графия —100/150; физика и естественная история — 125/200; рисование и чистописание — 60/85. 2 отд.: Закон Божий: 40; Российский, немецкий язык, геометрия и арифметика — 70/100; переводы — 70/100; французский — 80/120; история и география —100/150; физика и естественная история — 125/200; рисование и чистописание — 60/85.

Классы младшего возраста в обоих отделениях: Закон Божий: 32; Российский, немецкий язык, геометрия и арифметика — 50/70; переводы — 50/70; французский — 60/85; история и география —60/85; рисование и чистописание — 50/70.

Высшей была оплата труда учителя физики и естественной истории, низшая — Закона Божия в классах младшего возраста. В московских училищах высшая плата за годовой час была определена в 80 руб., и лишь учителю физики и естественной истории в Екатерининском училище было назначено 100 р. за час[254]. С 1816 г. учителя женских учебных заведений имели право на пенсию: после 15 лет службы пенсия равнялась половине жалованья, после 25 — полному жалованью; с 1825 г. вдовы учителей также получили право на пенсию за мужа: если он прослужил 20 и более лет и умер на службе, вдова получала половину жалованья.

По сравнению с началом XIX в. критерии в отборе преподавателей постепенно менялись. Профессиональных педагогов готовили в Главном Педагогическом институте[255], педагогических институтах при университетах и учительских семинариях. Преподавательский корпус пополнялся и воспитанниками новых российских университетов — Казанского (1804), Харьковского (1805), Петербургского (1819). Однако количество

---

[254] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 209.

[255] До 1804 г. — Учительская гимназия, которая в 1819 г. была преобразована в Петербургский университет. За этот срок полный курс учения окончило 330 человек. С этого времени Институт сохранялся уже как педагогическое отделение при университете. В 1828 г. в Петербурге заново создается отдельный Главный Педагогический институт, что было продиктовано острой нехваткой профессиональных педагогов.

их выпускников было ограниченным и совершенно недостаточным, поэтому «трудность приискивать хороших учителей» сохранялась еще длительное время.

И все же в своем исследовании Е.К. Шмид пишет о «повороте к лучшему» в подготовке учителей в 1820-х гг.[256]. Это позволяло повышать требования к соискателям учительских вакансий. В воспоминаниях Н.Г. Устрялова содержится рассказ о попытке конкурсного отбора претендентов на место учителя средней школы: «Зимою, в конце 1827 года… я узнал от Толмачева (профессора С.-Петербургского университета), что в третьей гимназии, у Пантелеймоновской церкви, назначен небывалый до тех пор конкурс для избрания учителя истории. В уме моем блеснула мысль попытаться… Узнал, что конкурс будет в присутствии нового товарища министра просвещения Дмитрия Николаевича Блудова, и нескольких профессоров. Конкурентами, по слухам, должны были явиться опытные наставники: из Смольного монастыря Тимаев, из кадетских корпусов Плаксин, Рожков и еще кто-то. Я подал просьбу директору гимназии Шнейдеру о причислении меня в конкуренты. Он принял ее неохотно, может быть, по причине молодости моей: мне было тогда с небольшим 22 года»[257].

Тем не менее, несмотря на позитивные сдвиги, учителей по-прежнему не хватало, да и подготовка многих из них оставляла желать лучшего. Нехватка профессиональных педагогов

---

[256] *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. С. 201.

[257] Из воспоминаний академика Н.Г. Устрялова // За сто лет. Петербургская бывш. Третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 1–2. В конце концов, помимо Устрялова, в конкурсе принял участие лишь один претендент, и молодому историку удалось получить желаемое место. *Устрялов* Николай Герасимович (1805–1870), выпускник, профессор, декан историко-филологического факультета Петербургского университета. Автор учебников и учебных пособий, выдержавших множество переизданий, официально принятых к руководству в государственных учебных заведениях, в т.ч. Мариинского ведомства.

особенно остро ощущалась в губернских институтах, тем более отдаленных. Так, уже в 1843 г. в Оренбургское девичье училище был приглашен в качестве учителя «русского чтения и письма» унтер-офицер Фомин[258]. Но и в столичных институтах возникали трудности: так, в Мариинском институте вплоть до 1832 г. русский язык преподавали учителя Закона Божия[259]. В младших классах московского Екатернининского уроки русского языка поручались «дьякону “для показания токмо азбуки и чтения”», а их преподавание «по тогдашнему методу представляло собой огромное и трудное дело».

Историограф института начала XX в. заключает: «то, что в настоящее время достигается легко и просто, что составляет задачу, решающуюся мимоходом, тогда составляло дело многих лет и большого труда»[260]. Ощущая недостатки применявшихся методов, в институтах искали пути к применению новых способов преподавания. В Воспитательном обществе и Екатерининском институте пытались ввести преподавание немецкого языка по «методу Базедова, усовершенствованную Песталоцци»[261], но знакомого с этой методикой педагога в то время найти не удалось.

В 1820 г. инспектором классов Воспитательного общества был назначен К.Ф. Герман[262], выпускник Геттингенского

---

[258] См.: Систематическая опись дел архива Оренбургской учебной архивной комиссии // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XX. Оренбург-Уфа, 1909. С. 41–42.

[259] См.: *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 7.

[260] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 142.

[261] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 88. *Базедов* Иоганн Бернард (1723–1790), профессор словесности. Благодаря финансовой поддержке князя Леопольда основал учебно-воспитательный интернат «Филантропинум» (1774–1793 гг.), где применялась система, сочетавшая дисциплину с уважением «ко всем сторонам человеческой природы», христианской верой, «рациональной гимнастикой тела», наглядным обучением «без принуждения».

[262] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1791. О д.с.с. Карле Германе, инспекторе над классами Воспитательного общества. 1824–1841 гг.

университета, заслуженный профессор Петербургского университета и ректор гимназии при Академии наук. Во время печально известного разгрома Петербургского университета Герман и уже упоминавшийся К.И. Арсеньев были со скандалом уволены. Однако «взведенные на них Руничем обвинения нисколько не поколебали к ним доверия императрицы»[263], и этих прекрасно образованных педагогов, которых потерял университет, обрели женские учебные заведения. Примечательно, что Германа рекомендовал императрице Марии Федоровне великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I, благодаря заступничеству которого дело против обоих профессоров было прекращено[264].

Перемены в уровне образованности русского общества, увеличение числа профессиональных учителей, повышение спроса на труд гувернанток, — все это изменяло требования императрицы Марии Федоровны и ее помощников к содержанию учебного курса женских институтов. Еще в 1812 г. императрица, немало тревожившаяся о своих московских институ-

---

К.Ф. Герман являлся автором «Теории статистики» (1808) и статистических исследований народонаселения.

263 *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 216. Д.П. Рунич (1780–1860), попечитель Петербургского учебного округа, организатор разгрома петербурского университета, потерявшего в результате его происков 12 профессоров. Дочь Рунича Варвара окончила курс Воспитательного общества в 1845 г. (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3976). Герман оставался на службе в Смольном институте вплоть до своей смерти в 1838 г. Тщетными оказались попытки единомышленника Рунича попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого привлечь внимание министра народного просвещения А.Н. Голицына к тому, что Герман «надзирает за воспитанием благородных девиц, а из университета по Высочайшему повелению выгнан» (*Лихачева Е.О.* Материалы... Ч. 2. С. 217), — женские институты находились под высочайшим покровительством и были недоступны ни злой воле Магницкого, ни кого бы то ни было еще.

264 *Шевченко М.М.* Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 93.

тах, которым пришлось бежать от неприятеля в Казань, не упустила из виду обучение воспитанниц. Она упрекала почетного опекуна, что тот сразу не отправил с институтским обозом учителей, и лично вытребовала у попечителя университета «отпуск от университета» инспектора классов профессора Цветаева, распорядилась об отправке в Казань «достойного священника» и «лучших учителей», не позабыв при этом позаботиться о снабжении их «прогонными деньгами»[265]. А в 1821 г. она прямо заявляла начальнице Смольного института Ю.Ф. Адлерберг: «Мы должны, Mütterchen, *хорошо учить, это самая главная и первая наша обязанность*»[266].

План учения, составленный К.Ф. Германом, как указывает Е.И. Лихачева, основываясь на бывших в ее распоряжении материалах, не слишком отличался от плана Лодия 1815 г.[267].

Не раз в историографии подвергалось критике ведение уроков на иностранных языках в институтах. Однако отдельные учебные предметы преподавались на немецком и французском языках «для удобнейшего изучения последних» не только в женских институтах, но и в лучших мужских учебных заведениях России, например, в Благородном пансионе московского университета. Подобный же порядок был заведен не только в женской, но и в мужской половине Александринского Сиротского института в Москве[268].

---

[265] Рескрипты императрицы Марии Федоровны к почетному опекуну Юрию Александровичу Нелединскому-Мелецкому за время заведывания им учебною частию в московских училищах ордена св. Екатерины и мещанских девиц с 1807 по 1812 гг. // Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 359.

[266] Цит. по: *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 208. Курсив мой. — *В.П.*

[267] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 208.

[268] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета… М., 1855. Ч. II. С. 284. Александринский Сиротский институт в народе называли «холерным заведением»: после пандемии холеры 1830-х гг. осталось особенно много сирот, нуждавшихся в призрении. Сюда принимались

Неудивительно, что инспектор Герман считал полезным преподавание некоторых предметов на иностранных языках: по-прежнему владение ими (и прежде всего, французским), являлось важнейшим мерилом образованности девицы. Подобное представление держалось в русском обществе еще долгие десятилетия. Вот как на рубеже XIX–XX вв. характеризовал одну знакомую даму министр С.Ю. Витте: «она была малокультурна; например, она очень плохо говорила по-французски»[269]. Тем более эта оценка была верна для раннего времени. Современная исследовательница на основе изучения мемуаров XVIII — первой половины XIX в. приходит к выводу, что «в круге чтения образованных россиян, относящихся к различным группам, доминировали сочинения иностранные, главным образом, французские, немецкие, английские»[270].

Поскольку главной задачей институтов была социализация девушек, то, подчиняясь требованию общества, следовало организовать наилучшим образом изучение французского языка. Французский звучал в стенах института непрестанно: помимо уроков французского языка и словесности, на французском говорили с девицами классные дамы; между собой (по крайней мере при старших) институтки также говорили по-французски; во внеурочное время устраивались чтения французских книг. Наконец, на французском языке преподавались и некоторые предметы, в том числе такие непростые для усвоения, как физика и естественная история (особенно на том уровне разработки методики преподавания и терминологии). Институтки погружались в стихию французского языка, и он становился для них естественным языком общения.

Нельзя не учитывать, что в петербургских привилегированных женских учебных заведениях, находившихся под по-

---

дети штаб и обер-офицеров по военной, гражданской и придворной службы, а также дети медиков, художников и священников.

269 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 112.

270 *Кибардина Т.А.* Книга и читатель в русской мемуаристике XVIII — первой половины XIX вв. Автореферат дисс. …канд. ист. наук. Новосибирск, 2007. С. 16.

кровительством императриц-иностранок, часть воспитанниц составляли девицы из иноязычных семей. Например, в Мариинском институте из числа воспитанниц, поступивших при императрице Марии Федоровне, почти четверть (81 из 325) были лютеранками («что объясняется национальностью служивших при государыне»), католичек было менее 3%[271].

Наталья Грот, воспитанница петербургского Екатерининского института, вспоминала, что естественные науки преподавались на французском языке Менетрие, хранителем Академического музея: «Это была, конечно, практика языка, но зато ботанические и зоологические термины и даже названия растений, животных и минералов оставались неизвестными по-русски, если мы не добирались до них сами. Физику преподавал он очень хорошо, хотя незнание высшей математики нас несколько затрудняло», — вспоминала Наталья Грот, — однако, как лучшая ученицей в своем классе, «ведя записки, добивалась от доброго Менетрие полной ясности, не желая вводить в недоразумение всех с меня списывавших»[272].

В Мариинском институте всеобщую и естественную историю преподавали на французском, а физику — на немецком. Учитель физики, инспектор классов Ф.Ф. Брандт, немец по происхождению, «начал читать физику на немецком языке, для практики. Он видел, как у нас процветал французский язык, так он желал, чтоб также было и с немецким языком; но это было нелегко. По-французски мы все отлично говорили, и

---

271 См.: *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 28.

272 *Грот Н.П.* Указ. соч. Гл. III. *Менетрие* Эдуард Петрович, профессор, преподаватель естественной истории и физики петербургского Екатерининского института по крайней мере с 1839 по 1859 гг. (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1839. СПб., 1839. С. 860; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. Ч. I. СПб., 1859. С. 620), в 1842–1845 гг. давал уроки истории в Воспитательном обществе благородных девиц.

начальница, и дамы, и все учителя…»[273]. Во время рукодельных работ девочки слушали чтение на французском языке: «Когда воспитанницы старшего класса вышивали в пяльцах, одна из нас должна была вслух читать французскую книгу, а прочие слушать и работать, — не рассказ, а историческую из своей собственной библиотеки, работавшие… со вниманием слушали чтение», а в свободное от занятий время классная дама «развивала играми на французском и немецком языках», — вспоминала воспитанница Мариинского института выпуска 1827 г.[274].

Но институтки славились также и хорошим знанием русского языка в ту пору, когда «в свете» язык Отечества не был в почете (в 20-х гг. XIX в. в Петербурге, как свидетельствовал современник, лишь на вечерах в доме Карамзиных говорили по-русски[275]). В примечании к воспоминаниям своей матери дочь А.О. Смирновой-Россет пишет: «Приезд эмигрантов, которые были очень хорошо приняты, развил изучение французского языка хорошего тона. Не пренебрегали и немецким языком. В XVIII веке был в моде также итальянский язык; его заменил — со вступлением на престол Александра I — английский язык. При дворе все бонны были англичанки. Но в Пажеском корпусе, в Смольном и в Екатерининском институтах учились и русскому языку, знали его, говорили и писали на классическом языке Жуковского и Пушкина. Императрица-Мать поручила Плетневу заботиться о процветании русского языка в институтах и развитии вкуса к отечественной литера-

---

[273] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 53. Воспоминания бывшей воспитанницы Ольги Петровны фон Шульман, ур. Хмельницкой. 1836–1842 гг. (См.: Два письма князя В.Ф. Одоевского к ея имп. Высочеству великой княгине Елене Павловне. СПб., 1898. С. 25).

[274] Там же. Л. 4, 1 об. Воспоминания бывшей воспитанницы Мариинского института Елизаветы Григорьевны Владимирской, выпуска 1827 г.

[275] См.: *Кошелев А.И.* Мои записки (1812–1883) // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I. М., 1991. С. 62.

туре»[276]. И Плетнев, прирожденный педагог, любимец нескольких поколений институток, знакомил своих подопечных с современной русской литературой. Сам Пушкин во время танца сказал выпускнице петербургского Екатерининского института Александре Россет: «Как вы хорошо говорите по-русски», а она ответила: «Еще бы, мы в институте всегда говорили по-русски, нас наказывали, когда мы в дежурный день говорили по-французски… Плетнев нам читал вашего “Евгения Онегина”, мы были в восторге, но когда он сказал: “панталоны, фрак, жилет”, мы сказали: какой, однако, Пушкин индеса»[277]. И в самом деле, на страницах «Московского телеграфа» за 1828 г. институток хвалили за знание родного языка: «из наших отечественных писателей редко кто знает правила российской грамматики лучших сих питомиц монаршего великодушия»[278].

В воспоминаниях Александры Россет содержится красочный рассказ о годах ее воспитания, портреты учителей и краткое описание запомнившихся ей уроков. Сначала она, кажется, выносит приговор всему учительскому корпусу — «вообще выбор учителей не был удачен»: законоучителем был «полупомешанный старый священник с какого-то кладбища», а учитель французского языка — «пустой и дрянной французишка, человек, лишенный вкуса, и мы даже не знали лучших стихов Расина и Корнеля». Учитель русского языка В.И. Боголюбов[279] был не лучше — он «заставлял учить наизусть самые скучные

---

[276] *О.С.* Примечания // Северный вестник. 1893. № 6. *Смирнова-Россет А.О.* Записки (неизданные исторические документы). Из записных книжек 1825–1845 гг. С. 220.

[277] *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 177 (фр. *indecent* - непристойный). Напомним, что своего «Евгения Онегина» Пушкин посвятил именно П.А. Плетневу.

[278] См.: *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 225.

[279] *Боголюбов* Василий Иванович, выпускник Главного Педагогического института, учитель Екатерининского института, в 1815–1845 гг. преподавал также русский язык и арифметику в Смольном институте.

стихи и утверждал, что «басни Крылова просто дрянь в сравнении с Херасковым».

Однако из дальнейшего рассказа выясняется, что наряду с «неудачными», в институте преподавали замечательные, любимые институтками педагоги. Второго учителя французского языка, эмигранта, «почтенного и красивого старика» «очень любили и уважали». Помимо французского, он вел также уроки естественной истории, астрономии и физики, курс которой был «насколько возможно полным и легким для усвоения», а уроки сопровождались показом опытов с помощью «пневматической машины, электрической машины и лейденских банок».Учителем русской словесности был П.А. Плетнев, «которого все любили и уважали», а учитель немецкого познакомил своих учениц с лучшими германскими поэтами. А.О. Смирнова-Россет училась очень хорошо: она получила второй шифр, и то, по ее словам второй лишь потому, что ее «подкузьмила арифметика»[280]. Комментатор мемуаров Смирновой-Россвет С.В. Житомирская делает заключение, что «существуют объективные свидетельства о довольно высоком уровне образования в Екатерининском институте, где помимо обычного набора знаний и навыков, необходимых дворянской девушке (языки, музыка, танцы, этикет, рисование), они получали знания естественных и гуманитарных наук, не уступавшие по объему мужским пансионам того времени»[281].

Немецкий язык в петербургском Екатерининском институте (1821–1829 гг.) и Смольном институте (1823–1829 гг.) вел талантливый педагог В.А. Эртель[282], создавший свою собствен-

---

[280] *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 127–128, 143.

[281] *Житомирская С.В.* А.О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 583.

[282] *Эртель* Василий Андреевич (1793–1847), выпускник Лейпцигского университета, доктор философии. Приехал в Россию в 1815 г., в 1844 г. перешел в российское подданство. Преподавал немецкий язык в Царскосельском лицее, Военной академии. Библиоте-

ную, долгое время сохранявшую популярность «методу Эртеля». Ее описание мы встречаем в мемуарах А.Д. Блудовой: «Особенно же мы любили уроки немецкого языка, или литературы Эртеля, который преподавал с живостью и увлечением человека, положившего свою душу в предмет свой… Не знаю, как по теперешнему бы нашли его метод… наглядного преподавания маленьким детям, *Tabellen* с рисунками и краткими фразами, которые служили примерами грамматическими, но литературу преподавал он прекрасно, и вижу теперь перед собой его оживленные, умные глаза, и быстрые жесты, и добродушное выражение полного, круглого лица»[283]. Подобные приемы — таблицы, рисунки, карточки с отдельными словами и фразами — находят полезными и современные педагоги.

Сведения, которые сохранились об учении в институтах тех лет, свидетельствуют, что набор преподаваемых предметов в них значительно различался. Вопреки плану 1815 г. в обоих Екатерининских училищах и Мариинском институте преподавали естественную историю, причем наглядно. Первоначально, со времени Комиссии Завадовского 1783 г., преподавание велось по «Зрелищу Вселенной» Я.А. Коменского. По сведениям архива московского Екатерининского института, в 1806 г. в библиотеку поступило 40 экземпляров «Зрелища». В.А. Вагнер, автор очерка в юбилейном издании, преподаватель начала XX в., отзывается о книге как об учебнике резко критически: «Зрелище» «переполнено» грубыми ошибками, а описание металлов и перечень камней «представляют собой нечто до такой степени далекое от *тогдашней науки*, до какой

карь Академии художеств. Преподавал немецкий язык великим княжнам, будущему императору Александру II. Автор словарей и учебных пособий. Метода Эртеля, как и некоторые другие популярные в те времена методы, основывалась на наглядном обучении (использовании карточек, картинок), хоровых ответах учеников и пр.

283 Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8. С. 1221. Эртель давал частные уроки детям семьи Блудовых.

даже наиболее дурные из современных нам учебников едва ли отстоят от современного знания». Но позже в распоряжении институтских педагогов появился учебник профессора Московского университета И.А. Двигубского (двух изданий — 1817 и 1820 гг.), и поэтому есть основания предполагать, что «естествоведение… в 20–30-х годах преподавалось по запискам, для которых учитель черпал свой материал из книг Двигубского», следовавшего в своей классификации растений К. Линнею. Судя по отметкам на страницах учебника, сохранившегося в библиотеке института, в ботанике и зоологии главное внимание уделялось описанию «внешних признаков представителей животного царства, местной фауны или таких, о которых детям приходилось слыхать».

Этому правилу следовали в институтах неуклонно, стараясь обращать внимание учениц прежде всего на «ближайшие предметы», с которыми доведется столкнуться в жизни. Таким образом, от «Зрелища Вселенной» до учебника Двигубского был сделан, по оценкам Вагнера, огромный шаг — первое «представляло собою худшее из того, что в то время было возможно в смысле руководства; книга Двигубского была лучшим из того, что в этом роде было на русском языке»[284]. (И все же детям младшего возраста «Зрелище Вселенной» приносило пользу, пробуждая интерес к окружающему — к примеру, о сильном впечатлении от «изображений животных и разных национальных типов», накрепко с раннего детства запечатлевшихся в его памяти, вспоминал Н.И. Пирогов[285].)

---

[284] Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. С. 301, 303, 309–312.

[285] Подр. см.: *Длугач* Р.В. Дети и книги (1770–1860) // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855). М., 1927. С. 283. *Пирогов* Николай Иванович (1810–1881), великий врач, основоположник русской военно-полевой хирургии. В 1828 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Попечитель Одесского учебного округа, член Совета Одесского института благородных девиц. В 1840-х гг., будучи профессором кафедры хирургии в Медико-хирургической академии, принимал уча-

Учитель физики и естественной истории Воспитательного общества Н.П. Делош решился составить в 1827/28 гг. собственное руководство по зоологии, о содержании которого можно судить по замечаниям, сделанным статс-секретарем императрицы Марии Федоровны Г.И. Вилламовым. Он, в частности, обратил внимание на такой пассаж из учебного пособия Делоша: «Белый медведь находится в Grande Tartaire Moscovite (Великой Татаро-Московии)», и довольно едко заметил, что «Tartaire Moscovite не должно стоять в издаваемом в России сочинении», что «все сведения автора о России приблизительные, а в России надо точно их знать»[286]. (Однако незнание России не помешало аббату Делошу преподавать в Смольном и Екатерининском институтах почти три десятилетия.)

Немалое место в женском воспитании традиционно занимало рукоделие и домоводство. Уроки рукоделия, как и других «искусств», не включались в сетку часов, — их назначали на свободное от «наук» время (которого, впрочем, оставалось все меньше и меньше). В 1818 г. было составлено «Высочайшее повеление имп. Марии Федоровны Совету Воспитательного общества благородных девиц относительно обучения воспитанниц домоводству»[287]. Мария Федоровна объявляла, что давно помышляла о способе, как дать воспитанницам

стие в лечении заболевших институток (см., напр.: РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 475. 1845 г.).

[286] *Лихачева Е.О.* Материалы… Т. 2. С. 213. *Вилламов* Григорий Иванович (1773—1842), секретарь императрицы Марии Федоровны, в 1828 г. назначен статс-секретарем по делам управления учреждениями Марии Федоровны (*Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 5). *Делош* Николай Петрович, аббат, «иностранный профессор», преподавал физику и естественную историю в Смольном в 1813–1842 гг., а также в Екатерининском институтах (см.: *Быкова В.П.* Записки старой смолянки… С. 32, прим.; Месяцеслов… Ч. I. 1816. С. 754; Месяцеслов… 1820. Ч. I. С. 913; и др.).

[287] Цит. по: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество... Т. 3. С. 238–240.

«некоторое понятие о домостроительстве, полезном во всяком состоянии и нужное в ограниченном и бедном». Для этого следовало ознакомить институток «с ценою, признаками доброты и соразмерным числу людей количеством припасов, в пищу употребляемых», приучать их к соблюдению порядка, благоустройства и чистоты в доме, к «присмотру за служителями», ведению «дневных записок и щетов и т.п.», чтобы они привыкли «не только не гнушаться хозяйственными занятиями, но почитать оные важным и заслуживающим внимания». Эта задача, однако, была непростой — в институте насчитывалось слишком много воспитанниц, и уделять необходимое внимание каждой из них возможности не было. Обычно все нововведения опробывались в Смольном институте, однако теперь императрица решила сначала начать обучение «домостроительству» в московских институтах, как «не столь многолюдных».

Убедившись в успехе, Мария Федоровна решила распространить новые правила на Воспитательное общество с Мещанским отделением. Теперь ежедневно дежурными назначались по две воспитанницы старшего возраста, отличавшихся хорошим поведением (императрица постановила, что с дежурством «сопряжено некоторое уважение»). Дежурные Воспитательного общества представлялись начальнице, Мещанского отделения — своей инспектрисе, и присутствовали при «рассуждениях с экономом или кухаркой о приготовлении стола», получали сведения о количестве припасов, цене, их «доброте», принимали участие в «исчислениях» необходимой снеди — и общего количества, и причитающегося на каждого в отдельности. Днем дежурные присутствовали на уроках, как и все остальные воспитанницы, а вечером вместе с классными дамами обходили классы и спальни девиц старшего возраста, наблюдая, чтобы повсюду соблюдался порядок. Рано утром на следующий день они шли на кухню, где им показывали все припасы. Все, что делалось во время дежурства, следовало отмечать в особых записных книжках — один день по-русски, второй — по-французски. Девицам Мещанского отделения все стороны «домостроительства» объяснялось подробнее: со-

хранять и приготовлять пищу, солить, квасить и т.д., следить за чистотой полов, столов, приборов, посуды и т.д., поведением и опрятностью прислуги. Во время дежурства они присутствовали при сдаче грязного и раздаче чистого белья, составляли его списки, обращая внимание на все детали («целость или повреждения онаго»). Летом они посещали прачечные, наблюдая за мытьем и глажкой белья, чтобы научиться разбираться в его сортах и знать, как следует с ним обходиться, «смотря по тонкости и покрою».

Императрица Мария Федоровна не раз обращала внимание на то, что главная цель системы воспитания сирот — это подготовка их к роли «честных и добродетельных жен, хороших сведущих хозяек, попечительных надзирательниц и искусных во всяких женских рукоделиях работниц». Как пишет далее биограф императрицы, Мария Федоровна «стояла на чисто европейской точке зрения на труд, столь долго приниженный у нас под влиянием крепостного права с одной стороны, и барской спеси — с другой, желала приготовить для русского общества таких специалистов в этих областях реального знания, каких у нас нет и до сего времени, когда, например, разные консервы выписываются из-за границы, а должности экономок при больших хозяйствах обыкновенно поручаются иностранкам, и вообще лицам не русского происхождения»[288]. Об этой проблеме много писали, начиная с эпохи Великих реформ, однако практически преодолеть женские «барские» стереотипы впервые попытались в женских институтах[289].

Мариинский институт, поступивший под патронат великой княгини Елены Павловны, как единственное подобное заведение в ее благотворительном «хозяйстве», находился на особом положении, что позволяло добиваться впечатляющих ус-

---

[288] *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 9, 24.

[289] Однако в конце XIX — начале XX в. эти «барские» привычки будут в определенной степени законсервированы в женских институтах ввиду особенностей организации их повседневной жизни, даже в условиях ликвидации прежней закрытости и постепенной демократизации социального состава воспитанниц.

пехов (при том, что его воспитанницы по своему сословному составу отнюдь не относились к «сливкам общества»). К этому много усилий прилагал князь В.Ф. Одоевский, являвшийся помощником великой княгини. Он писал Елене Павловне: «Желая лучше убедить воспитанниц в том, что нет ничего унизительного в занятиях на кухне и в хозяйстве вообще, я просил мою жену и моих двоюродных сестер Ланских (фрейлин) приехать в институт и по всем правилам искусства сделать суп и научить этому воспитанниц. Вся приготовительная работа была сделана ими при помощи воспитанниц и они провели там целый день. Детям это очень понравилось»[290]. Стремление В.Ф. Одоевского соединять «теоретические знания и практические умения в обучении» отмечает историк педагогики О.В. Глазырина[291].

В 1840-х гг. в Мариинском институте «для практического ознакомления с ботаникой» каждая желающая ученица получала в саду участок, на котором могла сажать, «что захочет; на прочих участках сеяли для образца овес, рожь, пшеницу и т.п., цветы в горшках разводили также с целью облегчить изучение ботаники»[292]. Позже подобная попытка была предпринята в Смольном, где «был устроен маленький огород и посажены различные овощи»[293], а также в Полтавском[294] и Казанском институтах. Впрочем, эти опыты не стали постоянной практикой для всех институтов.

Предпринимавшиеся не раз попытки наладить обучение институток кулинарному искусству оказались не слишком удачными. Организовать такие уроки было непросто: служа-

---

290 Два письма князя В.Ф. Одоевского к ея императорскому высочеству великой княгине Елене Павловне. С. 24–25.

291 *Глазырина О.В.* Педагогические основы организации В.Ф. Одоевским детских приютов в России. Автореферат дисс. …канд. пед. наук. Смоленск, 2005. С. 16.

292 См.: Вестник благотворительности. 1899. № 1. С. 72.

293 *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 509.

294 См.: *Мазанов П.* Полтавский институт благородных девиц. 1818–1898. Полтава, 1899. С. 209.

щие на кухне весь день были погружены в работу, и ни места, ни времени для занятий с девицами просто не хватало. Отвечая на требование начальства Ведомства обучать девиц хозяйству, показывать кладовые, запасы и кухню, Совет Павловского института указывал на то, что их кухня слишком тесна, а провизию поставляют по мере надобности и сразу используют[295]. В 1850–1851 гг. во всех институтах начали устраивать специальные образцовые кухни «для ознакомления воспитанниц с кулинарным искусством». Николай I, как и его мать Мария Федоровна, полагал, что девочек следует практически подготавливать к трудовому будущему, указывал, что следует обратить особое внимание на образцовые кухни, «учреждение коих предполагает в женских учебных заведениях самую благодетельную цель в деле воспитания девиц недостаточного состояния»[296].

Кулинарные занятия обходились недешево: так, в Патриотическом институте отводился ежедневно 1 рубль из общих сумм института на занятия в кухне[297], в то время как при скудном институтском бюджете каждая копейка была на счету. По-видимому, сочетание ряда причин, от дороговизны затеи и неудобства ее практической организации до отсутствия традиции уважения к простому «черному» труду, явилось причиной неудачи обучения институток прикладной кулинарии.

По обычаю, дамы и девицы в своих гостиных не сидели сложа руки. Каждая должна была быть занята какой-нибудь работой. Еще И.И. Бецкой повторял, что праздность есть мать всех пороков, а трудолюбие — отец всех добродетелей. Императрица Мария Федоровна нашла необходимым позаботиться о том, чтобы свободное от уроков время московские институтки были бы заняты рукоделием, даже пребывая в эвакуации в Казани в 1812 г. В одном из своих писем она запрашивала, «спасены ли шелки и работы, оставленные ее

---

295 РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 50. Л. 130. 1845 г.

296 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 80.

297 *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 87.

воспитанницами Екатерининского и Александровского училищ при отъезде», и приказывала отправить их, коли найдутся, почетному опекуну в Казань[298].

Но то, что для одних являлось способом отдать дань традиции, занять себя или показать свои таланты, собственноручно изготовив приятный сюрприз в подарок, для других становилось насущной необходимостью.

Обращаясь к начальству московского Екатерининского института, Мария Федоровна указывала, что воспитание в институте должно подготовить девушек из небогатого дворянства, для которых и был открыт институт, к самостоятельной жизни, «иногда полной лишений». Институт должен был выпускать своих питомиц «хорошо вооруженными для борьбы с этими лишениями», когда одним из средств было «*умение хорошо работать*». В младшем отделении воспитанницы должны были освоить вязанье чулок, шитье белья, плетение соломы и «делание из нее шляп», а в старшем — кройку белья, вышиванье «разного рода», изготовление искусственных цветов и «всякого рода изящные работы»[299].

Особенное внимание уделялось рукоделиям в тех институтах, где основной контингент составляли сироты и дети небогатых родителей. В Мариинском институте воспитанницы работали во внеучебное время полтора часа ежедневно: под присмотром особо приглашенной портнихи они учились шить и кроить казенные платья и корсеты, в старших классах вышивали на пяльцах гладью, шелками и шерстью, а младшие классы вязали чулки. Мариинки славились умением выполнять самую тонкую работу: вышивали золотом церковную одежду, изготовили шитый «шерстями» ковер в Казанский со-

---

[298] См.: Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания Отдела Письменных Источников Гос. Исторического музея / Подг. текстов, вст. статьи, комм. Ф.А. Петрова, М.В. Фалалеевой, Л.И. Смирновой и др. М., 2012. С. 121.

[299] Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк / Под ред. В.А. Вагнера. М., 1903. С. 371–372. Курсив мой. — *В.П.*

бор Петербурга. «У нас постоянно была работа во дворце», — вспоминала воспитанница Мариинского института[300]. В списке преподавателей института с самого его открытия в 1797 г. значилась Агафья Филатова, мастерица по «художественной вышивке жемчугом и золотом»[301].

Позже для преподавания изящных рукоделий в институт пригласили замечательную рукодельницу: «знающая, с тонким изящным вкусом», она «изобретала различные работы; шерстями, золотом, чешуей рыбьей, синелью вышивали». Под ее руководством выполняли изделия для попечительницы института великой княгини Елены Павловны: вышивали «по батисту наволочки», по тюлю «разными швами: гипюрным, брюссельскими и другими; какие решетки трудные вставлялись, такая прелестная вышла камаль[302], что за границею показывала великая княгиня, и приходили все в восторг и удивление, что воспитанницы могут так работать»; вышивали подушки «по бархату», вязали кошельки, чехлы на стаканы, перья и чубуки. Но воспитанниц приучали и к «обыденной работе»: во время вакаций они вязали бумажные чулки, шили скроенные сорочки[303].

В московском Александровском главным занятием для институток в свободные от учения часы было шитье платья и белья, их починка — «не токмо для того, чтобы обучить их сему рукоделию, но и дабы сделать в их привычку в личных своих нуждах не требовать пособия посторонних снабжать себя самих, сколько позволят силы и даже *сей род независимости почитать действительным счастием*». Если оставалось время, то воспитанницы занимались заказами «для другого какого-либо училища или для людей частных»[304]. И в московском

---

[300] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 1 об.–2, 4.

[301] Личный состав Мариинского института с 1797 по 1897 г. // Карцов Н.С. Мариинский институт. 1797–1897. СПб., 1897. Прил. С. 22.

[302] *Камаль*, фр. — накидка с капюшоном.

[303] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 9 об.–10. Воспоминания… Настасии Ивановны Раздеришиной. 1839–1845 гг.

[304] *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 23. Курсив мой. — *В.П.*

Елизаветинском (первоначально — Доме Трудолюбия) девочек целенаправленно готовили к будущему, уделяя большое внимание рукоделиям, «посредством коих они могли бы впоследствии умножить способы к содержанию себя и своих семейств», причем работы воспитанниц успешно продавались (в 1840 г. выручка за них составила 485 руб. серебром[305]).

Во время публичных экзаменов лучшие работы выставлялись для обозрения посетителей, часть из них предназначалась для подарков высочайшим особам. За них можно было выручить немало денег: так, император Николай I ежегодно жаловал 4 тыс. руб. асс. на обучение рукоделиям за поднесенные ему подарки, а от императрицы Александры Федоровны в московский Екатерининский институт с 1829 по 1848 г. поступали особые суммы на приобретение материалов для рукоделия[306].

Но текущий расход институтов на материалы для «изящных рукоделий» был слишком велик, да и времени на такую работу тратилось чересчур много. Еще в 1808 г. в переписке императрицы Марии Федоровны упоминалось, что хотя занятие рукоделиями «весьма нужно и полезно, яко доставляющее по выходе» девицам «верное средство к пропитанию», эти труды занимают у девиц «много времени, к учению наукам потребного». Императрица стремилась к выработке такого «распоряжения рукодельных классов», которое не шло бы в «ущерб для других познаний»[307].

Если в 1820–1850-х гг. преобладали «изящные» рукоделия, то позже обучение во всех институтах все больше приноровливается к практике жизни. По списку «Учительниц изящного и

---

[305] См.: Журнал министерства внутренних дел. 1841. № 10. С. 14. Вырученное откладывалось под проценты и вручалось девицам вместе с небольшим пособием на экипировку и пр. при выпуске из института.

[306] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 372.

[307] Хроника недавней старины. С. 343–344. Письма императрицы Марии Федоровны Ю.А. Нелединскому-Мелецкому от 25 августа и 7 сентября 1808 г.

практического рукоделия» Мариинского института можно проследить, когда практические работы окончательно берут верх над «изящными»: с 1853 г. среди учительниц неизменно присутствуют закройщицы, тогда как «вышивальщицы» исчезают, что говорит о том, что обучение рукоделиям приобретало более прикладной характер, отвечающий насущным требованиям повседневной жизни.

В 1853 г. императрица Александра Федоровна решила прекратить обычай подношения дорогих рукоделий, но укоренившаяся традиция изживалась медленно, несмотря на «высочайшие» повеления. По-прежнему на «изящные работы» тратились немалые средства, пока особым циркуляром 1869 г. «изготовление и подношение» изящных рукоделий не было окончательно запрещено. Лучшие произведения институтских рукодельниц традиционно выставлялись на обозрение посетителей публичных экзаменов.

«Пропагандистская сторона» публичных экзаменов, как отмечает историк образования, по сравнению с предыдущими временами, в российских учебных заведениях в начале XIX в. даже возросла «в связи с реформами в сфере образования, инициированными правительством Александра I». Отчеты о них публиковали в журнале Министерства народного просвещения «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения»[308].

В печати регулярно появлялись отчеты о публичных испытаниях, проходивших в женских институтах. Рассказ литератора А.Е. Измайлова об институтском экзамене, опубликованный в журнале «Сын Отечества» (1822 г.) — это восторженный панегирик: «я забыл, что нахожусь на экзамене — слушал с величайшим вниманием и удовольствием занимательный, наставительный и непринужденный разговор о важнейших исторических событиях древних и новейших». Затем девицы

---

[308] *Тарабановская Е.А.* Публичные испытания учащихся как элемент инспектирования в управлении образованием в начале XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 177.

демонстрировали успехи из французской словесности, которую в институте изучали под руководством Тилло, «известного здешней публике не только как самого лучшего учителя французского языка, но и как просвещенного литератора… Это был самый свободный, приятный разговор, прерываемый по временам чтением приличных отрывков из образцовых французских стихотворений», говорили о «главнейших красотах и недостатках… трагедий великого Корнеля, Расина, комедий Мольера, сатир и поэм Буало. Я слушал с жадностью и не видал, как прошло время». А по русской словесности «не только известны им имена и творения известнейших наших прозаиков и поэтов, но и характер слога почти каждого из них, отличительные их достоинства и красоты, или недостатки. А как они читают, особенно стихи!..»[309].

По всей видимости, Измайлов не кривил душой, рассказывая о своих впечатлениях от экзамена. Всем присутствовавшим было вполне очевидно (да это ничуть и не скрывалось), что экзамен, на котором они присутствуют, являлся своего рода спектаклем, постановкой, в котором участвовали лучшие актеры, тщательно разучившие заранее распределенные роли. Публичный экзамен был общим торжеством, праздником образования, демонстрацией высших достижений института, а не просто дежурной (хотя и необходимой) проверкой знаний воспитанниц, которой являлись «частные» (внутренние) экзамены. Подобным же образом проводились публичные экзамены и в других привилегированных учебных заведениях.

«Отечественные записки» П.П. Свиньина рассказывали об экзаменах, которые проводились в Воспитательном обществе и Мещанском училище. Во отличие от частных, растянувшихся на две недели, публичные проводились в течение четырех

---

309 *Измайлов А.Е.* Письма. Об экзамене, бывшем в Училище благородных девиц при С.-Петербургском женском Патриотическом обществе. Февраль, 1822 г. // Измайлов А.Е. Сочинения: В 2 т. Т. 2. СПб., 1849. С. 475–476. *Измайлов* Александр Ефимович (1779–1831), писатель, баснописец, издатель. Имел репутацию «писателя не для дам».

дней (три дня в «благородном», один — в «мещанском» отделениях). В последний день торжества «стечение посетителей было столь велико, что огромная зала едва могла поместить их с удобностию» — «многие знатные и ученые особы», министр народного просвещения, духовенство, кавалерственные дамы, иностранные министры «со свитою», а также родственники и просто любопытствующие — всего более *двух с половиной тысяч* человек! В присутствии столь огромного числа посторонних воспитанницы отвечали «на самые трудные вопросы в отвлеченных науках», при этом «многие прилежные наблюдатели заметили, что основательные познания воспитанниц происходили немало и от несравненно усовершенствованной методы преподавания наук и изящных искусств»[310].

Публичный экзамен в институте являлся особенно значимым торжеством для провинции. Событием для Одессы стали испытания в местном институте благородных девиц 1836 г., проходившие «в присутствии многочисленных посетителей» и ставшие «вместе праздником изящных искусств»: публика наслаждалась музыкальными пьесами и танцами, исполненными воспитанницами, слушала торжественные речи, как сообщал «Одесский вестник»[311]. Описывая публичные экзамены в своих институтах, губернская пресса нередко перечисляла не только имена награждаемых девиц, но и других выпускниц, а в начальные годы существования институтов — и учащихся

---

[310] Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 11. С. 556–559. *Свиньин* Павел Петрович (1787–1839), писатель, журналист, издатель журнала «Отечественные записки». Воспитанник университетского Благородного пансиона, Свиньин некогда сам был награжден серебряной медалью на одном из таких публичных торжественных актов, которые традиционно проводились в его учебном заведении в присутствии всего московского «света». Дочь Свиньина Мария окончила Воспитательное общество в 1854 г. (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4778. О приеме девицы Марии Павловны Свиньиной. 1845–1854). Курсив автора. — *В.П.*

[311] Третий выпуск воспитанниц Одесского института благородных девиц // Одесский вестник/ 1836. № 34. С. 631–632.

всех классов[312], что свидетельствует о важности происходившего для местного общества.

В памяти мемуариста Ф.Ф. Вигеля запечатлелся эпизод из своего отрочества, когда в гостях у одного из своих товарищей юноши читали номер «Московских ведомостей», в котором «было помещено известие об экзамене, за несколько дней перед тем в сем Пансионе [т.е., университетском Благородном пансионе] происходившем, и имена учеников, получивших награды»[313]. Увидеть свое имя в газете для подростка служило серьезным поощрением, поднимало его в собственных глазах. Благодаря институтам женские имена в этом контексте появляются наравне с мужскими (вопреки традиционному представлению, что «имя леди может появиться в газете в трех случаях: рождение, свадьба и смерть»[314]).

Биограф императрицы Александры Федоровны привел такой эпизод. Как-то летом в Петергофе на прогулке коляска царицы будто бы случайно проезжала мимо свежесрубленной нарядной избы, у крыльца которой стоял некий «ветеран». Он пригласил царицу посетить его дом и попросил позволения представить ей своих детей. Тут только она узнала в переодетом хозяине своего мужа, но, подыгрывая ему, последовала приглашению. Ветеран «поручил могущественному покровительству матушки-царицы» своих отпрысков и заявил: «старшую дочь мою Марию я бы желал пристроить в Смольный, вторую, Ольгу — в Екатерининский, а младшую, Александру — в

---

312 См., напр.: Одесский вестник. 1844. № 55. С. 271; Закавказский вестник. 1845. Неофициальная часть. № 15. С. 149; Первый выпуск в казанском Родионовском институте 25 января 1846 г. // Справочный листок г. Казани. 1867. 11 июня. № 66. С. 316; и т.д., и даже во второй половине века, напр.: Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 47. С. 196–197.

313 *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 1. М., 2003. С. 108. Речь идет о рубеже XVIII–XIX вв.

314 См.: *Ryan C.M.* Modern First Ladies: Their Documentary Legacy. National Archieves and Records Administration, 1989. P. 22.

Патриотический институт»[315]. В этой шутливой реплике царя заключалось правдивое отражение реальности. Буквально то же могли в те годы заявить многие отцы. А.Е. Измайлов, предваряя свой рассказ об экзамене в Патриотическом институте, объявил, что в этом институте учится одна из его дочерей, а две другие — в Екатерининском и Смольном[316].

В эти годы государственное образование (или, как тогда говорили, «общественное», — в отличие от домашнего), не только женское, но и мужское, казалось бы, лишь начинало укореняться. Попечитель Московского округа в 1818 г. писал, что число учеников почти во всех гимназиях весьма ограничено, а в некоторых старшие классы и вовсе совершенно пусты. Причем мальчики — ученики гимназий, по большей части дети недостаточных чиновников, редко оканчивают полный курс, будучи вынуждены поступать на службу, чтобы «хотя несколько

---

[315] См.: *Гримм А.Т.* Императрица Александра Федоровна // Отечественные записки. 1866. № 7. С. 502.

[316] Измайлов писал, что, не получив «в удел никаких даров от фортуны… не знал, как воспитать» трех своих дочерей, но ему помогли «добрые люди»: старшая Анастасия была зачислена казенной воспитанницей Патриотического общества (вып. 1826 г.), средняя Наталья — в петербургский Екатерининский институт пансионеркой графа Г.В. Орлова, а младшая Софья — в Воспитательное общество пансионеркой П.И. Мятлевой (вып. 1827 г.) (См.: *Измайлов А.Е.* Письма... С. 475–476). Дочь писателя *Измайлова* Наталья Александровна (в 1-м браке Майкова, во 2-м Азаревич) с 1839 г. служила в своем институте старшей классной дамой при пепиньерках (ученицах педагогического класса), а затем инспектрисой (помощницей начальницы). О Наталье Александровне отзывались, как о «даме, превосходно образованной и воспитанной, одаренной внешними прекрасными качествами и остроумием» (*Старчевский А.В.* Забытый журналист // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 376). Она упоминается И.А. Гончаровым в этюде «Хорошо или дурно жить на свете?» как «стройно-величавая жена» (*Гончаров И.А.* Полное собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 805).

поддержать свое семейство»[317]. Тем не менее в русской культуре формировалась традиция, еще недавно казавшаяся невообразимой, — отдавать своих дочерей на воспитание в чужие люди и на долгие годы. В 1820-е гг. русское общество воспринимало женские институты уже как неотъемлемую часть своей повседневной жизни. Это произошло довольно быстро, всего за полстолетия. Институтское воспитание и образование становилось нормативным, а казеннокоштное место для дочери в институте — желанной наградой за службу, а зачастую — и обеспечение ее будущности.

5. Педагогическая подготовка в институтах

Екатерининский образовательный проект брал курс на разрыв с традицией, провозглашая необходимость воспитания «*новых* матерей», которым предстояло давать своим детям «прямые и основательные воспитания правила». Императрица Мария Федоровна не говорит о «новых» матерях, а, казалось бы, ратует за продолжение патриархальной традиции, при которой женщина находилась исключительно в кругу семьи. Она выступает за воспитание «*добрых* жен, *полезных* матерей семейств», да еще «попечительных хозяек». Однако уже с начала XIX в. в соответствии с ее планом в институтах разворачивается подготовка *профессиональных* наставниц. Так в образованном русском обществе появилась *новая* женщина, женщина-работница, целенаправленно получившая специальное образование, что выводило ее за пределы семейного круга.

Рассказывая о первых институтках, обычно называют имена замечательных людей, которые брали их замуж; спустя одно-два поколение можно говорить о них самих: учительницах, гувернантках, руководительницах учебных заведений, — участницах просветительского движения.

---

[317] См.: *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. С. 111.

По крайней мере с 1780-х годов выпускницы Смольного института уже начинают работать учительницами и классными дамами[318]. В эпоху Марии Федоровны их ряды пополняют уже не только выпускницы Мещанской (Александровской) части Смольного, но и его «благородной» половины. Так, выпуск Воспитательного общества 1800 г. дает институту сразу трех классных дам, одна из которых, Г.Г. Харитонова, впоследствии выполняла обязанности инспектрисы — помощницы начальницы Смольного. В следующий выпуск 1803 г. штат классных дам пополнили четыре смолянки, причем одна из них, А.А. Нечуя-Каховская, сделала примечательную карьеру — сначала она стала инспектрисой, а затем наставницей принцесс Марии и Софии Вюртембергских. Еще одна выпускница, уже упоминавшаяся Н.А. Штренге, преподавала музыку и пение в Смольном. Может показаться, что эти цифры незначительны. Но необходимо иметь в виду, что это питомицы Воспитательного общества благородных девиц — самого привилегированного женского учебного заведения, в которое принимались отпрыски наиболее родовитых или чиновных (тем самым наиболее обеспеченных) родителей Российской империи.

С 1800 по 1828 г., пока женское образование находилось под опекой императрицы Марии, 10 выпусков Воспитательного общества подготовили для себя немалый штат служащих: более 30 классных дам[319] и по крайней мере пять

---

[318] К сожалению, приведенные в книге Н.В. Черепнина списки классных дам и преподавательниц (С. 409–411) неполны и требуют корректировки другими сохранившимися данными.

[319] Среди них дочери А.Н. Радищева и смолянки 1-го вып. Е.В. Рубановской (награждена шифром, «признана среди достойнейших»: ЦГИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 227). Обе выпускницы служили в Воспитательном обществе классными дамами: Анна (1814–1841 гг.: ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1492; награждена Мариинским знаком отличий беспорочной службы за 25 лет в 1839 г.) и Фёкла (1813–1820 гг.: ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1444), впоследствии вышедшая замуж и ставшая матерью художника-мариниста А.П. Боголюбова. Боголюбов учредил в память своего деда в Саратове существующий до сих пор Радищевский музей (1885), при котором

преподавательниц музыки и пения, а также начальницу Смольного — М.П. Шипову (в замужестве Леонтьеву, 1839–1874)[320]. Смолянка Е.В. Квашнина-Самарина (в замуж. Родзянко) стала начальницей петербургского Екатерининского института (1839–1877). Сколько всего из воспитанниц обоих отделений Смольного института, а также появлявшихся в те годы новых институтов стали классными дамами и гувернантками — сказать невозможно, поскольку о них сохранились лишь разрозненные сведения (изыскания осложняются сменой фамилий девиц в случае выхода их замуж). Так, известно, что лучшей среди гувернанток писательницы Евдокии Петровны Ростопчиной была смолянка Н.Г. Боголюбова, «девица умная, добрая, благовоспитанная и действительно много знающая, от которой воспитанница ее позаимствовала много хорошего»[321].

Императрица Мария Федоровна и ее помощники имели дело с конкретными людьми, знали семейные обстоятельства многих своих питомиц, и для них было очевидно, что целенаправленная подготовка к будущей трудовой жизни для многих из них необходима. В этом понимании реальности и в опера-

---

позже было открыто рисовальное училище имени самого Боголюбова (*Репин Н.А.* Образовательные прогулки по России. СПб., 1903. С. 64). А.А. Радищеву питомицы вспоминали добрым словом: она «обращалась с нами как мать с детьми» (*Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. С. 158).

320 Все четыре сестры Шиповы были институтками. Мария и Домна закончили Смольный с шифром. Другие две сестры, «шиферницы» петербургского училища ордена св. Екатерины, стали начальницами женских училищ. Две родные тетки Шиповых, Александра и Анна Сергеевны *Шулепниковы* также окончили — одна Воспитательное общество, другая — Екатерининский институт. Первая стала игуменьей Новодевичьего монастыря в Петербурге.

321 См.: *Сушков Д.К.* К биографии Е.П. Ростопчиной // Исторический вестник. 1881. Т. 6. № 6. С. 302. Наталья Гавриловна *Боголюбова* закончила учебный курс Воспитательного общества в 1800 г. с шифром; одновременно с ней училась ее сестра Анна.

тивном отклике на нее власть опережала общество[322]. С одной стороны, в профессиональных наставницах нуждалось множество семей, которым приходилось довольствоваться наймом для своих детей иностранок, зачастую совершенно негодных для этой роли. Но с другой, родителям-дворянам непросто было примириться с неизбежностью трудовой жизни своих дочерей, с их службой за кусок хлеба в чужих домах.

Немедленно после первого выпуска ряды преподавательниц рукоделия пополняют выпускницы Мариинского института с его практическим образованием: в списке учительниц рукоделия Воспитательного общества за 1802–1809 гг. мы находим сразу двух мариинок. Первый выпуск московского Екатерининского института, социальный статус учащихся в котором был значительно выше, также указывает на востребованность профессиональной подготовки девушек: закончившая в 1807 г. учебный курс с большим шифром Е.Г. Боголюбова преподает вышивание сначала в Воспитательном обществе в 1810–1821 гг., затем переходит на ту же должность в свой родной институт[323].

Таким образом, необходимость правильной педагогической подготовки воспитанниц институтов была вполне очевидной. В 1803 г. было принято решение об учреждении при Воспитательном обществе особого класса для приготовления выпускниц к должности наставниц — пепиньера[324]. Проект

---

[322] См., напр.: *Мицюк Н.А.* Женщины российской провинции XIX — начала XX века... С. 23.

[323] Возможно, Екатерина Гавриловна Боголюбова была сестрой упоминавшихся выше Натальи и Анны. Согласно правилам, две сестры сразу не могли быть помещены на казеннокоштные вакансии в один институт, и поэтому, если предоставлялась возможность получить бесплатное образование, девочек помещали в разные институты.

[324] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. Л. 204. № 9. Pépinière, *фр*. — рассадник. Садовник, взращивающий сад — популярная в лексиконе Просвещения аллегория учителя, воспитывающего детей. Позднее разрабатывавший практику дошкольного воспитания немецкий педагог, ученик Песталоцци Фридрих *Фребель* (1782–1852) введет в широкий обиход выражение «детский сад» и, соответ-

пепиньера[325] был составлен самой императрицей. Было решено оставлять в пепиньерском классе наиболее успевающих (притом беднейших) девиц — по 12 из каждого выпуска Воспитательного общества и по восемь из Мещанского — для приготовления к педагогической деятельности.

Поскольку курс учения в Воспитательном обществе продолжался на три года дольше, чем в Мещанском, то его воспитанниц, предназначавшихся к поступлению в пепиньерский класс, отправляли посещать уроки старшего класса Общества. В течение года пепиньерки изучали математику, историю и географию (на французском языке), а также занимались с воспитанницами младшего возраста, за что получали жалованье — 200 руб. в год.

Со временем пепиньерские классы стали открываться и в других институтах, поскольку все более отчетливо осознавалась необходимость правильно поставленной педагогической подготовки все большего числа гувернанток и учительниц. Раньше всего специальные классы открывались в институтах обеих столиц, где их легче было организовать и где в них существовала наибольшая потребность — в столичных институтах благодаря большому числу казенных вакансий и благотворительных стипендий училось наибольшее число бедных детей и сирот.

В московском Екатерининском институте в 1807 г. было принято решение отбирать шесть «отличившихся наиболее успехами, способностями и поведением, и по бедности родителей или за неимением оных лишенных прибежища» выпускниц, чтобы их продолжали «усовершенствовать в познани-

---

ственно, работающие там наставницы получили наименование «детских садовниц». Подобные же пепиньерские классы впоследствии создавались в епархиальных училищах, устройство которых многое заимствовало из опыта организации институтов.

325 «Projet d'un etablissement, qui servira de pepiniere pour les dames de classe de la Communaute et d'autres instituts», *фр*. Таким образом, проект изначально предусматривал учреждение подобных педагогических классов и в других институтах.

ях»[326]. В Патриотическом институте первые пепиньерки (с жалованьем в 150 руб. в год) были оставлены в помощь классным дамам только в 1829 г.[327].

Пепиньерские классы были открыты и в Мариинском институте, предназначенном для обучения девиц, которых, как правило, ожидала трудовая жизнь. Мариинский институт после смерти императрицы Марии Федоровны по ее завещанию перешел в ведение великой княгини Елены Павловны[328]. Несмотря на «неблагородный» социальный состав своих воспитанниц, единственный среди опекаемых великой княгиней учреждений институт оказался в выигрышном положении, был окружен особой заботой. Как уже говорилось, обустройством учебной части в Мариинском институте по поручению Елены Павловны занимался разносторонне образованный князь В.Ф. Одоевский[329]. Хорошо знакомый с педагогическими идеями И.-Г. Песталоцци, Р. Ламбрускини, Ж.-М. Дежерандо и др., Одоевский был убежден (и его мысли и сейчас звучат актуально), что педагогика «на практике должна изменяться с каждой страной, почти с каждым человеком. Посему ни одна метода не может быть переведена или целиком перенесена из

---

326 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 21. Л. 5, 13а. 1807 г.

327 *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С 52.

328 По завещанию императрицы Марии Федоровны Мариинский институт обретал статус государственного учреждения и поступал в ведение супруги великого князя Михаила Павловича Елены Павловны. После ее смерти с 1873 г. институт перешел под покровительство великой княгини Екатерины Михайловны.

329 *Одоевский* Владимир Федорович (1804–1869), князь, один из лучших выпускников Благородного пансиона Московского университета. Просветитель, писатель, издатель, философ, музыковед. Директор Румянцевского музея, помощник директора Румянцевской публичной библиотеки (с 1846 г.), сенатор. Активно занимался благотворительной деятельностью. Одоевский воспитывался в доме своего родственника и опекуна генерал-майора Д.А. Закревского, обе дочери которого, Елизавета и Наталья, в 1833 г.окончили курс Воспитательного общества.

одной страны в другую: всякая ученая книга должна быть сочинена для своей земли»[330].

С большим вниманием Одоевский занимался подбором преподавателей. Для мариинских пепиньерок был приглашен «один из самых популярных преподавателей французского языка в столице», уроки русского языка и словесности им давал сам П.А. Плетнев. Уровнем подготовки своих подопечных Одоевский был доволен, заявляя, что они «в настоящее уже время приносят пользу Институту гораздо более, чем многие классные дамы, и исполняют свои обязанности весьма охотно… между ними есть такие, которых бы я не променял на многих из преподавателей, слывущих у нас знаменитостями»[331].

В неопубликованных воспоминаниях мариинок сохранились отзывы о той подготовке, которую они получали в 1820–1840-е гг. в своем институте: великая княгиня Елена Павловна «желала нам доставить такое образование, которое бы на всю жизнь давало кусок хлеба бедным воспитанницам»[332]; «нас воспитывали быть учительницами и я с сестрой покойной, благодаря нашему воспитанию, до старости были преподавательницы»[333]. Первой пепиньеркой Мариинского института была выбрана старшая сестра мемуаристки Надежды Никоновой Варвара, а «после этого вошло в обычай оставлять при институте нескольких учениц из выпуска для исполнения обязанностей классных дам, второй по счету была оставлена я и Мария

---

330 Цит. по: *Струминский В.Я.* В.Ф. Одоевский и его педагогические идеи // Одоевский В.Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 33. Эти мысли Одоевского во многом предваряли идеи К.Д. Ушинского.

331 *Одоевский В.Ф.* Два письма князя В.Ф. Одоевского к ея имп. Высочеству великой княгине Елене Павловне. С. 23.

332 ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 6. Приятные воспоминания и очерки институтской жизни Настасьи Ивановны Соколовой, ур. Раздеришиной, бывшей воспитанницы в Мариинском институте в 1839 до 1845 гг..

333 Там же. Л. 1 об. Воспоминания Е.Г. Владимирской, по мужу Шмидт (1820–1827).

Креницкая», — вспоминает мариинка[334]. С 1842 г. при выпуске мариинок наделяли аттестатами разного достоинства в зависимости от успехов: обладательницы аттестата первого разряда имели право преподавать все предметы, второго —начальные основания предметов, а получившие аттестат третьего разряда не могли вести преподавания вовсе. Таким образом, полученное свидетельство о прохождении учебного курса задавало юным выпускницам направление их будущей деятельности.

В первую половину XIX в. те девушки, которые готовили себя к работе гувернантки, стремились получать более серьезную подготовку. В пепиньерки отбирали отличавшихся примерным поведением наиболее способных институток преимущественно из числа беднейших, прежде всего сирот.

Пепиньерские классы открывались в разных институтах, как только им предоставлялась такая возможность: учреждение специального класса, содержание воспитанниц и преподавателей, снабжение всем необходимым требовало немалых затрат. Поначалу единообразия в наборе учебных предметов, расписании и организации занятий в пепиньерских классах разных институтов не существовало. Учебный курс по большей части зависел от инспектора классов, члена Совета института по учебной части и начальницы.

Однако постепенно вырабатывались общие для разных институтов подходы к организации педагогической подготовки. Повсюду важнейшим для будущих наставниц считалось «совершенное знание» французского языка — критерия «профессиональной пригодности» гувернантки, о чем свидетельствует мемуаристка: «Весь город знал, что мариинские институтки отлично знают французский язык, а потому те, кто нуждался в гувернантках, все обращались за таковыми к нам, даже записывались, боясь, что перебьют другие»[335]. Мария Федоровна раскритиковала представленный ей план преподавания в пепиньерских

---

[334] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 55–55 об. Из воспоминаний об институте от 1835 до 1842 гг. Надежды Никоновой.

[335] Там же. Л. 53. Воспоминания бывшей воспитанницы Ольги Петровны фон Шульман, ур. Хмельницкой. 1836–1842 гг.

классах московского Екатерининского института. Она настаивала, что грамматика «не должна уже составлять предмета учения для девиц», поскольку они должны уже быть «в сей части довольно тверды», не следует их также обучать «стихотворству и риторике», ограничившись ознакомлением с «наилучшими авторами». Зато география, история, физика, логика и арифметика являются «настоящими предметами», и их следует изучать — «для совершенного их в оных утверждения»[336]. Пепиньерки должны были заниматься с воспитанницами во время своих дежурств в младших классах. Это, как полагала императрица, не только не препятствовало бы им «заниматься учением и повторением того, чему прежде учились», а более того — позволяло бы продвигаться «в познаниях вперед»[337].

Организация пепиньерских классов стала первым опытом педагогической подготовки будущих наставниц в институтах. Степень просвещенности общества и его запросы, уровень развития педагогики, отсутствие необходимых методик, малочисленность учительского корпуса, институтские обычаи, — все эти факторы неизбежно определяли характер подготовки в пепиньерских классах, обуславливая его недостатки. Впоследствии сотрудник Ведомства императрицы Марии В.Д. Дабижа критиковал пепиньерские классы за неэффективность их работы, доминирование новых языков в учебной программе, скудную оплату труда пепиньерок, чрезмерную их загруженность помощью классным дамам, оставлявшую слишком мало времени для учения[338].

Избыточная занятость пепиньерок внеурочными занятиями отмечалась и другими авторами[339], но практическая работа бу-

---

[336] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 21. Л. 5, 13 а, 29–29 об. 1807 г.

[337] Хроника недавней старины. С. 349. Письмо императрицы Марии Федоровны Ю.А. Нелединскому-Мелецкому от 15 апреля 1810 г.

[338] См.: *Дабижа В.Д.,* кн. По поводу пепиньерских классов при женских институтах Ведомства учреждений имп. Марии. СПб., 1886. (Брошюра содержит фактические ошибки.)

[339] См. исторический экскурс в: Годичный акт и отчет московского училища ордена св. Екатерины за 1898–99 уч. год. М., 1899. С. 53.

дущих наставниц в классе с младшими воспитанницами должна была приносить им несомненную пользу, поскольку они приобретали необходимые навыки, усваивали приемы обучения. Не случайно обычным упреком в адрес выпускниц пепиньерских классов было отсутствие практического опыта. Институтский преподаватель А.Д. Галахов, критикуя назначение пепиньерок классными дамами, писал: «они могли быть очень хорошими по характеру и знаниям девушками, полезными пособницами воспитаниц в приготовлении уроков, но не руководительницами при воспитании… некоторые классные дамы из тех именно, что были поставлены в дамы из пепиньерок, по летам недалеко ушли от учениц старшего возраста»[340]. Однако организовать подготовку пепиньерок иным способом в тех условиях не имелось возможности. Многие институтки, нуждавшиеся в заработке, сразу с ученической скамьи поступали на службу в частные дома или учебные заведения, обладая ограниченной практикой и с почти полным отсутствием и педагогического, и обыкновенного житейского опыта. Те немногие навыки, которые они приобретали, замещая своих классных дам в институтах, оказывались для них чрезвычайно полезными.

Специальная педагогическая подготовка, признанная необходимой для питомиц Воспитательного общества и Екатерининских институтов, еще в большей степени была востребована в заведениях, предназначенных для сирот и детей небогатых родителей. По-настоящему серьезное направление приняла педагогическая подготовка в институтах, где учились дети, о чьем будущем больше некому было позаботиться.

Наилучшей организации педагогических классов удалось достичь в двух Николаевских Сиротских институтах — петербургском и московском, история становления которых была довольно длительной и началась в отнюдь не привелигированных заведениях — в Воспитательных домах Москвы (1763) и Петербурга (1770), предназначенных для «сохранения жизни несчастнорожденных младенцев» (т.е., незаконнорожденных

[340] Сто один [*Галахов А.Д.*] Из записок человека // Русский вестник. 1878. Т. 135. № 6. С. 548–549.

подкидышей). Детей здесь обучали наукам и ремеслам, в зависимости от способностей[341]. В 1808/09 гг. по желанию императрицы Марии Федоровны для наиболее способных детей, окончивших общий курс, были учреждены особые классы, которые «служили путем к устроению будущности многих из питомцев и питомок»[342]. Для девиц предназначались «французские» классы, готовившие наставниц. Таким образом, достигались сразу две цели — «лучшее устроение будущего жребия воспитанниц и изыскание средств соединить их благосостояние с пользой общей». Девушки изучали Закон Божий, математику, географию, историю, рисование, чистописание, дополнявшиеся уроками «искусств»: музыки, танцев, рукоделия. Но главными занятиями были языки — русский, немецкий и особенно французский[343]. Мария Федоровна подчеркивала важность его изучения для будущих наставниц, поскольку «французский выговор послужит первой рекомендацией для

---

[341] См.: *Груздева Е.Н., Колосова Е.М., Свиридова И.А., Федорова Н.М.* Подготовка учителей в С.-Петербургских учреждениях Ведомства имп. Марии Федоровны // Гуманитарное знание. Сб. ст. СПб., 2007; *Расчетина С.А.* От С.-Петербургского имп. Воспитательного дома к Российскому гос. Педагогическому университету имени А.И. Герцена: история становления педагогического образования // Universum. Вестник Герценовского ун-та. 2007. № 5.

[342] Монографии учреждений Ведомства имп. Марии. Прил. к изд. «Пятидесятилетие IV отделения Собственной Его Имп. Вел. канцелярии». 1828–1878. СПб., 1878. С. 216. Для подготовки повивальных бабок в 1808 г. были открыты «немецкие» классы, для мальчиков в 1805 г. — латинские (50 вакансий) для дальнейшего обучения в медицинских учебных заведениях или поступления в университеты, малоуспешные поступали в фельдшеры или писари. (Большинство питомцев обучалось различным ремеслам: на 2 тыс. человек, проходивших обучение ремеслу на мануфактурах, фабриках и в самом Воспитательном доме, приходилось 20, учившихся в университетах и Академиях.)

[343] *Николаев П.* Исторический очерк московского Николаевского Сиротского института. С. 7.

поступления на место… Совершенное французское произношение существенно важно для гувернантки»[344].

Практические занятия во французских классах соединялись с «теоретическим курсом Педагогии и Дидактики». При этом происходило непрерывное совершенствование учебных программ, методик и приемов — каждый выпуск «был обогащен каким-либо новым приращением учебных средств»[345]. Об «усилении» курса учения в Воспитательных домах в 1811, а затем в 1816 г. пишет Е.И. Лихачева. Продолжительность общего курса была увеличена до десяти лет (пять двухлетних классов), а вместе со специальным классом — 11 лет. Выпускниц французских классов именовали «кандидатками». Е.И. Лихачева утверждает, что «учреждением классов наставниц императрица Мария положила прочное основание *педагогическому образованию женщин*. Эти наставницы или, как их чаще называли, “кандидатки”, были при ней самыми образованными девушками во всей России; они *распространяли среди молодого поколения в течение почти полустолетия полученное ими образование совершенно в том же объеме и духе*, какое сами получали в учебном заведении, где воспитывались»[346].

В своем духовном завещании 1828 г. Мария Федоровна именовала французский класс Воспитательного дома *институтом гувернанток*. В своем завещании она писала: «В особенности прошу попечения об основанном мною Институте гувернанток, который обещает принести большую пользу России»[347].

Наставниц готовили прежде всего для провинции, где так трудно было найти подготовленных учителей. Как показывает

---

[344] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 132.

[345] [*Армфельд А.О.*] Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания о пятидесятилетней службе его в звании почетного опекуна и председательствующего в Московском опекунском совете. М., 1859. С. 39. К сожалению, в книге не раскрываются подробности совершенствования педагогического учебного курса.

[346] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 2. С. 246. Курсив мой. — *В.П.*

[347] *Тимофеев В.* Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского Сиротского института. СПб., 1887. С. 4–14.

в своем исследовании петербургский историк Т.Г. Фруменкова, выпускницам французских классов только тогда выплачивали особо предназначенный для них капитал, когда они в течение шести лет вели преподавание в провинции (для чего необходимо было представить заверенное свидетельство об удовлетворительном исполнении обязанностей). О высоком уровне подготовки, серьезном отношении к своему педагогическому служению, в частности, говорит история одной из «кандидаток» Дарьи Сердобинской, после смерти которой в 1830 г. осталось много учебных книг, «подобранных для нее инспектором классов Воспитательного дома, включая “Грамматику” Н.И. Греча»[348].

В 1837 г. специальные французские классы были отделены от Воспитательных домов и преобразованы в Сиротские институты, позже названные Николаевскими. Сначала учение в них шло в соответствии с прежними учебными программами, но в 1842 г. вместо одного специального класса были созданы три, в которые девушки распределялись в соответствии со своими способностями: классы *кандидаток*, *домашних учительниц*, *надзирательниц малолетних детей*. Это разделение соответствовало конкретным требованиям лиц, нуждавшихся в домашних наставницах: одним требовались широко образованные «кандидатки высшего разряда» и они были готовы платить им большое жалованье, другие, «соображаясь со своими денежными средствами или с возрастом своих детей», искали девицу, которая за умеренную плату обучала бы «первым началам» наук, языков и искусств, или же «благовоспитанную надзирательницу» для малолетних детей, преподавание которой ограничивалось бы чтением, письмом и первыми правилами арифметики[349].

---

[348] См.: *Фруменкова Т.Г.* Домашние учительницы — выпускницы французского класса петербургского Воспитательного дома // Universum. Вестник Герценовского университета. 2008. № 11. С. 77 и др. Историком собрана представительная база данных о судьбах кандидаток выпусков 1819–1842 гг.

[349] [*Армфельд А.О.*] Князь Сергей Михайлович Голицын. С. 56.

Уровень подготовки будущих наставниц в специальных классах был образцовым. По свидетельству современника, министр народного просвещения С.С. Уваров величал петербургский Сиротский институт «женским университетом»[350]. Особенно серьезную теоретическую и практическую подготовку получали *кандидатки*. В частности, «весьма основательно» в московском Сиротском институте кандидаток обучали математике: уроки алгебры, геометрии и тригонометрии давал адъюнкт Московского университета Н.В. Кацауров[351]. Воспитанницы практиковались в преподавании ученицам младших классов под руководством преподавателей почти по всем предметам общеобразовательного курса, их «практически знакомили с различной натурой учащихся и с различными способами преподавания».

Составленная в 1842 г. новая учебная табель была очевидным образом орентирована на подготовление высококвалифицированной гувернантки. Наибольшее внимание уделялось музыке (по 10 уроков в неделю), французской словесности с грамматикой и педагогике (по 6 уроков), декламации на трех языках[352] (по 4 урока), Закону Божию, немецкой словесности и грамматике, «энциклопедическому обозрению наук» (по 3 урока).

В классах для *домашних учительниц* воспитанницы слушали «популярный курс педагогии и дидактики», вкратце повторяли весь пройденный ими курс и, как и в классе кандидаток, год занимались с ученицами приготовительного класса своего института. Занятия будущих *надзирательниц* малолетних детей сосредотачивались на Законе Божием, чтении, чистописании и элементарных правилах арифметики, церковном пении, черчении, рисовании и танцах. Кроме того, на уроках отечественного языка с помощью «чтений и разговора» они

---

[350] См.: Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 13.

[351] Сто один. [*Галахов А.Д.*] Из записок человека // Русский вестник. 1878. Т. 135. № 6. С. 558.

[352] Уроки декламации должны были «многосторонне действовать на образование воспитанниц» — способствовать усовершенствованию произношения и «способу выражения мысли».

получали «общеполезные знания… о природе, о человеке, об истории и географии своего Отечества». В небольшом классе музыкально одаренные воспитанницы изучали теорию и практику музыкального искусства, получая звание и права учительницы музыки[353].

Побывавший на выпускном экзамене в московском Сиротском институте журналист сетовал, что зрителей было немного, и некоторые из его знакомых впоследствии жалели, что не присутствовали «на оном: может быть, этот случай разочаровал бы их во мнении, что иностранки, которых они богатят щедрою рукою, нужнее для воспитания детей их, нежели сия юные соотечественницы, цветущие здравием, твердые в правилах чистой нравственности и верные благородной простоте, в которой они возлелеяны». После проведения испытаний инспектором классов профессором Московского университета Ю.П. Ульрихсом, кандидатки проводили своеобразные «открытые уроки»: они, «как бы вступая уже в права будущих наставниц», задавали институткам вопросы «из литературы отечественной, французской и немецкой, из истории всеобщей и естественной, географии и арифметики». Подчеркивая, что в институте «не заботятся о благовидности так называемого *светского просвещения*, но стараются влить в разум и душу прочные понятия о науках и живое чувство добродетели», журналист радовался, что «наконец мы, русские, находим верные средства заменять воспитательниц иноземных нашими соотечественницами»[354].

Все выпускницы специальных классов были обязаны отработать шесть лет, что должно было быть подтверждено письменными свидетельствами. При этом рекомендуемое жалованье для кандидаток составляло от 800 до 1200 руб. в год, для окончивших курс с званием домашних учительниц — от 150 до

---

353 [*Армфельд А.О.*] Князь Сергей Михайлович Голицын. С. 57–58.

354 О публичном испытании кандидаток, происходившем в императорском Московском Воспитательном доме мая 21-го дня // Дамский журнал. 1827. Ч. 18. № 12. С. 300–302. Курсив автора. — *В.П.*

250 руб., а для надзирательниц — от 80 до 100 руб. в год[355]. Как видим, в оплате труда кандидаток, как наиболее квалифицированных преподавательниц, и домашних учительниц или надзирательниц существовала очень значительная разница.

Всего за 18 лет, с 1837 по 1855 г. полный курс педагогических классов петербургского Сиротского института окончили 481 человек, московского — 626, всего полную систематическую профессиональную подготовку получили 1107 наставниц[356].

На то, чтобы «строго систематически»[357] организовать практические занятия, было затрачено немало сил. Позднее, уже в конце XIX в., институтский историограф писал, что в специальной подготовке институток «весьма существенный пробел составляло отсутствие всяких научных педагогических сведений, как по части воспитания, так равно и по части обучения, вплоть до сороковых годов»[358]. Однако подобный «пробел» являлся общим недостатком всех педагогических учебных заведений тех лет. В 1830–1840-х гг. обучение искусству преподавания шло опытным путем, и педагогика «еще не выделилась в самостоятельную область научного познания и не обрела

---

[355] *Николаев П.* Исторический очерк московского Николаевского Сиротского института. С. 26. При выпуске воспитанницы специальных классов Сиротского института получали единовременное денежное пособие.

[356] Подсчитано по: *Тимофеев В.* Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского Сиротского института. С. 149; *Николаев П.* Исторический очерк московского Николаевского Сиротского института. Прил. С. 39. Примерно за тот же срок (1828–1859 гг.) в списке «выпущенных в учебную службу» из Главного педагогического института значатся 662 учителя с высшим профессиональным образованием (Краткое историческое обозрение действий Главного педагогического института. 1828–1859 гг. СПб., 1859. С. 41).

[357] *Николаев П.* Исторический очерк московского Николаевского Сиротского института. С. 46.

[358] *Захарченко М.М.* Исторический очерк педагогических классов... С. 10.

статуса специальной учебной дисциплины»[359]. Современник, немало потрудившийся на ниве педагогики, имел право заявить, что «эта наука не достигла еще степени развития других точных наук» и «представляет пока лишь поле битвы, на котором борятся лучшие умы как нашего, так и прошедшего веков»[360]. И неудивительно — *кафедра педагогии* появилась в Главном педагогическом институте лишь в 1840 г.[361] по инициативе С.С. Уварова, в университетах же такие кафедры стали открываться с 1850 г.

О педагогической подготовке, которую давали в институтах, рассказывалось в «Русской хрестоматии». Обращаясь к «милым детям», автор очерка вела, тем не менее, вполне серьезный разговор о будущем, которое, может быть, ожидало и их самих. В частности, она рассказывала о контрактах, которые заключало начальство учебных заведений с семействами, куда поступали на службу их питомицы: «такой контракт избавляет молодую девушку от всех неприятностей, какие, может быть, могли бы случиться с нею в месте отдаленном, и между людьми чужими, и в то же время обязывает и ее пробыть не менее шести лет в одном доме…»[362].

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. специальные классы Сиротских институтов сохранили свой высокий статус, пользуясь большой популярностью, и в них стремились поступить выпускницы других институтов, желавшие полу-

---

[359] См.: *Смирнов В.И.* Зарождение и развитие системы педагогического образования в России (конец XVIII — начало XX вв.) // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 72.

[360] *Одоевский В.Ф.* Два письма князя В.Ф. Одоевского к ея имп. Высочеству великой княгине Елене Павловне. С. 10–11. Письмо 19 февраля 1846 г.

[361] ПСЗ–2. Т. XV. 1840 г. № 13137.

[362] *Ишимова А.О.* Императрица Мария // Галахов А.Д. Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1. М., 1843.

чить профессиональную подготовку[363], несмотря на то, что в это время уже существовало множество других учебных заведений, в том числе языковых курсов, доступных для женщин.

Для «неспособных к наукам» воспитанниц в 1853 г. в петербургском Сиротском институте был учрежден особый класс каллистении (гимнастики) и танцев. В виде опыта устанавливался трехлетний учебный курс, затем он был увеличен до четырех лет. Это был первый опыт подготовки женщин-учителей гимнастики. Среди других учебных предметов для обучавшихся каллистении был введен «урок для преподавания анатомических понятий, с коими соединялись бы и сведения физиологические»[364]. В качестве не только учительниц танцев, но и гимнастики выпускницы могли быть востребованы в самих женских институтах, а также в других женских учебных заведениях (например, в епархиальных училищах).

В специальные классы Сиротских институтов при наличии свободных вакансий принимали воспитанниц из других институтов. Однако вакансий было намного меньше числа претенденток. Если в начале XIX в. желающих учиться в пепиньерских классах было совсем немного, то спустя два-три десятилетия картина кардинально меняется. Об открытии собственного класса «педагогики и дидактики» неоднократно хлопотало начальство московского Александровского института, ссылаясь

---

[363] Как показывают архивные документы, в это время отбор в специальные классы был самым строгим: предпочтение оказывалось выпускницам провинциальных институтов, имевших наивысшие баллы по всем предметам и не достигшим 20 лет, но и среди них устраивался конкурс. Отклонялось множество прошений. См., напр.: РГИА. Ф. 759. Оп. 59. Д. 14. Петербургский Николаевский Сиротский институт. О помещении девиц в класс учительниц французского языка. 1907 г.

[364] *Тимофеев В.* Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского Сиротского института. С. 82. Преподавание теории гимнастики и анатомии с физиологическими понятиями было на время прекращено в 1861/62 уч. году как «не имеющих прямого приложения к занятиям воспитанниц».

на то, что их воспитанницы «по окончании курса учения все почти, по бедному своему состоянию, поступают в частные дома гувернантками»[365]. Та педагогическая подготовка, которую все-таки удавалось давать институткам, была недостаточной, поскольку приходилось «руководствовать девиц в дидактике практически», а педагогикой заниматься с ними лишь в свободное время[366].

. Серьезную подготовку получали и воспитанницы московского Александринского института (1831 г.) выпускницы которого «*тотчас* нашли себе места в семействах и пользовались справедливо заслуженной репутацией отличных наставниц»[367].

Наконец, в 1847 г. при московском и год спустя петербургском[368] Александровских институтах (училищах) был открыты первые двухгодичные специальные педагогические классы[369],

---

365 *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 127.

366 РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 14. Л. 44–44 об. 1845 г.

367 [*Галахов А.Д.*] Сто один. Из записок человека... № 6. С. 543. Курсив мой. — *В.П.*

368 Бывшее Мещанское отделение Смольного получило наименование Александровского (официальное наименование «институт» с 1891 г.,) в 1842 г. (РГИА. Ф, 759. Оп. 18. Д. 229; ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4213). В это время в институте было лишь семь девиц «мещанского» происхождения (три казеннокоштных и четыре пансионерки), и из 160 прошений о допущении детей к баллотировке насчитывалось всего 21 прошение от лиц мещанского звания (РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. XIII. Д. 47. Л. 289 об. 1842 г.). Сословные требования к поступающим были изменены: отныне сюда допускались только дети штаб- и обер-офицеров военного и гражданского ведомств, которые приобрели дворянство службой, а также дети духовенства и купечества. Воспитательное общество и Александровский институт именовались в дореволюционной литературе также Николаевской (благородной) и Александровской половинами Смольного института, даже после отделения Александровского училища от Воспитательного общества (1865 г.).

369 См.: Учебные заведения Ведомства учреждений имп. Марии. Краткий очерк. М., 1906. С. 57; РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 56. Об

для приготовления наиболее способных выпускниц к педагогической деятельности «посредством теоретических и практических занятий». В классе петербургского училища насчитывалось 30 мест, из них девять предоставлялось пепиньеркам Воспитательного общества, шесть — Александровского института и еще 15 — воспитанницам других институтов, окончившим полный курс и «отличающимся по способностям, прилежанию и благонравию»[370].

Программа обучения в специальных классах Александровских институтов была разработана в двух вариантах, один из которых предложил профессор математики Московского университета, инспектор классов московского института Н.Д. Брашман[371], а второй — инспектор классов Воспитательного общества М.М. Тимаев[372]. В целом оба проекта совпадали, расходясь лишь в частностях: так, по предложению Тимаева Закон Божий преподавался в педагогическом классе оба года, тогда как в проекте Брашмана этого предмета не было. Программы включали закон Божий, русскую, французскую и немецкую словесность, географию, историю, «нужнейшие сведения из естественной истории и физики». На каждый из предметов отводилось по полтора часа в неделю, а на французскую и немецкую словесность — по три часа, «дабы более приучить воспитанниц к свободному объяснению на сих языках»[373], причем половина времени уделялась упражнениям в устной речи. По русской словесности следовало «читать и разбирать лучшие произведения, упражнять в составлении сочинений, знакомить с новейшей русской литературой»[374]. «Педагогички» изучали

устройстве специальных классов при С.-Петербургском и московском Александровских училищах. 1846 г.

370 *Лядов В.Н.* Исторический очерк… С. 50.

371 О Н.Д. Брашмане см. сн. 89 на с. 304.

372 О М.М. Тимаеве см. сн. 73 на с. 299.

373 РГИА. Ф. 759. Оп. 101. Д. 207. Л. 43, 51–52.

374 *Захарченко М.М.* Исторический очерк педагогических классов С.-Петербургского Александровского института. 1848–1898. СПб., 1898. С. 17.

научные и специально-педагогические предметы. М.М. Тимаев предлагал знакомить воспитанниц «с природой человека, или антропологией» и со «средствами развития его телесных и душевных сил, или педагогикой», а также с «приложением общих начал отдельно к каждой из преподаваемых наук, или дидактикой». В конце концов утвержден был проект Тимаева. (Как на практике осуществлялись эти предложения, сведений найти не удалось).

На занятия в специальных педагогических классах Александровских институтов отводилось 36 часов в неделю, половину из которых следовало посвящать самостоятельным занятиям, а также работать под руководством учителей, получать практические навыки в обучении воспитанниц разных возрастов[375]. Уже после первого выпуска был учтен накопленный к этому времени опыт: за счет сокращения одного урока на историю и географию усилено преподавание арифметики и начальных сведений по геометрии, «так как эти предметы представляют собою сильнейшие средства умственного развития, и сверх того этих познаний требуют родители, в особенности для приготовительного образования мальчиков»[376]. В специальные классы по возможности привлекали лучшие педагогические силы, в частности, в петербургском классе с самого начала российскую словесность преподавал А.В. Никитенко[377], а педагогику — профессор Главного Педагогического института Н.А. Вышнеградский[378].

---

375 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 3. С. 72–73.

376 *Захарченко М.М.* Исторический очерк педагогических классов... С. 32.

377 *Никитенко* Александр Васильевич (1804–1877), крепостной графа Н.П. Шереметева, получивший вольную при содействии поэта В.А. Жуковского. Профессор Петербургского университета по кафедре русской словесности, академик, педагог. Преподавал русский язык и словесность в 1838–1857 гг. в обоих отделениях Смольного (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3743). Дочь Никитенко Софья в 1856 г. закончила петербургский Екатерининский институт с шиф-

Таким образом, в женских институтах существовали разные системы педагогической подготовки воспитанниц — классы пепиньер и педагогические. Если организация обучения в пепиньерских классах заслуживала критики и не могла считаться достаточной, то в педагогических классах, где учились наиболее социально уязвимые категории девушек, подготовка к будущей профессиональной деятельности находилась на высоте. Все институты состояли между собой в тесной связи: часть их управлялась общими Советами, в столицах преподавали одни и те же учителя, инспектора из провинции приезжали в Петербург и Москву для ознакомления с постановкой учебного дела в столичных институтах, и опыт специальных педагогических классов оказывался полезным и для пепиньерских. Со второй половины XIX в. спрос на педагогическое образование резко возрастает, и многие институты ходатайствуют об открытии собственных педагогических классов.

Несмотря на все недостатки педагогической подготовки наставниц, их труд был востребован, а, с другой стороны, увеличивалось число женщин, нуждавшихся в заработке. Для них получение места гувернантки или классной дамы становилось насущной необходимостью. Писательница-институтка приводит горькое соображение: «надо выучить дочь; воспитание — кусок хлеба», но, может, «дочери посчастливится остаться в пепиньерках… Нечего делать себе иллюзий; между дворянскими семьями даже шестой книги, этими “сливками”

ром. Переводчица. Была связана дружбой с И.А. Гончаровым, который называл ее своей Агафьей Матвеевной (подруга, помощница и защитница главного героя романа «Обломов») за помощь в работе с корректурами, приведению в порядок переписки и пр.

[378] *Вышнеградский* Николай Алексеевич (1822–1872), окончил Главный Педагогический институт. Преподаватель российской словесности, истории, педагогики и дидактики в Смольном институте, училище Правоведения, инспектор классов Павловского института. Автор проекта, организатор и первый глава женских гимназий. Редактор «Русского Педагогического вестника» в 1858–1859 гг.

общества, встречается страшнейшая бедность»[379]. Значимость профессиональной подготовки не только для разночинок, но и для дворянских дочерей, учившихся в привилегированном московском Екатерининском институте, отмечала и периодическая печать 1830-х гг., как необходимую, «дабы они, по окончании курса, могли содержать себя собственными трудами, имели попечение о воспитании младших своих сестер, и тем помогать своим родителям»[380]. Этот мотив часто повторялся в текстах второй четверти XIX в., как в мемуарной литературе, так и в периодике.

Штат классных дам регулярно пополнялся выпускницами женских институтов. Так, классные дамы Мариинского института формировались по большей части из его прежних воспитанниц[381]. В конце 1830-х гг. в московском Екатерининском институте служили десять классных дам из пепиньерок, а в Александровском — пять[382]. (Бывшие пепиньерки, обыкновенно беднейшие из институток, поступали и на другие места — например, учительниц иностранного языка, музыки, рукоделия, лазаретных надзирательниц.) В справочной книге Москвы за 1839 г. поименно названо 12 классных дам Екатерининского института[383]. По крайней мере восемь из них учились там же (выпуски 1807, 1810, 1813, 1819 гг.). Кроме одной, все классные дамы — незамужние девицы, причем семь из них закончили институт более 20 лет назад и, надо полагать, провели

---

379 *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 9. С. 277. *Хвощинская* Софья Дмитриевна (1828–1865) окончила с шифром московский Екатерининский институт в 1843 г. «Шестая книга» — шестая часть Родословной книги российского дворянства, содержащая сведения о «древнем благородном дворянстве» («коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят»).

380 Северная пчела. 1839. № 13. С. 51.

381 См.: *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Феодоровна… С. 19.

382 Записки почетного опекуна, д.с.с. Штера, о московских училищах ордена св. Екатерины и Александровском… М., 1838. С. 10, 19.

383 См.: Книга адресов столицы Москвы. М., 1839. С. 195.

большую часть своей жизни в институтских стенах в нелегком труде воспитательницы, опекавшей одновременно 40–50 девиц. Обычай, когда бедная старая дева находила приют в доме более благополучных родственников или иных благодетелей, постепенно уходил в прошлое: сначала разорение многих семей во время французского нашествия, затем начавшийся промышленный переворот 1830-х гг. изменяли привычный жизненный уклад. Женщинам приходилось выходить на службу.

Получение собственного заработка стало для многих женщин насущной необходимостью. Иллюстрацией к сложившейся ситуации может служить история двух классных дам, чьи имена встречаем в перечне 1839 г.: Елизавета Канатчикова (вып. 1810 г.) училась в Екатерининском институте вместе со своей сестрой Варварой (вып. 1813 г.) на иждивении графа И.П. Салтыкова[384], поскольку чин ее отца не давал права претендовать на бесплатную вакансию, а оплатить обучение всех своих дочерей тот был не в состоянии. Обе сестры Канатчиковы впоследствии поступили на службу классными дамами (Елизавета служила классной дамой в своем институте по крайней мере до 1846 г., вторая сестра, Варвара, — по крайней мере до 1844 г.[385]; судьбу старшей из сестер, Татьяны, окончившей тот же институт в 1807 г., проследить не удалось).

Девушек, нуждавшихся в заработке, становилось все больше. Причем в их числе встречается немало таких, чьи отцы занимали почтенное общественное положение в соответствии с Табелью о рангах. Воспитанница Полтавского института, дочь военного губернатора, генерал-майора, который, покуда его семейство не разорилось, «жил весело, давал пиры», была вынуждена поступить на службу в Воспитательное

---

[384] См.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. VII. М., 1900. С. 411–412.

[385] *Список* имеющим знаки отличия беспорочной службы за 1845 г. Ч. VI. СПб., 1844. С. 674 (В.И. Канатчикова была награждена Мариинским знаком отличия беспорочной 25-летней службы I степени в 1841 г.).

общество учительницей музыки[386]. Более четверти века прослужила в своей alma mater лазаретной надзирательницей дочь генерал-майора А.Я. Карпова, окончившая в 1813 г. московский Екатерининский институт[387]. Еще более длительной оказалась служба дочери генерал-майора О.П. Копьевой, окончившей в 1824 г. Воспитательное общество и преподававшей музыку в своем институте с 1829 по 1888 гг.[388].

Бывшие институтки, пользуясь своими, пусть и ограниченными педагогическими знаниями и опытом, открывали пансионы. Оставленная своим мужем с маленькой дочерью без содержания шиферница[389] Воспитательного общества Е.М. Кучина, не растерявшись, тут же открыла пансион на дому, причем вела там занятия как профессиональный педагог — «спрашивала и объясняла строго, но с толком, с полным знанием дела»[390]. Е.И. Лихачева упоминает первый и единственный существовавший с 1825 г. в Западном крае пансион около Могилева, в котором преподавание велось на русском языке. Этот русский пансион являлся своеобразным культурным вызовом местному католическому антирусскому влиянию, которое существовало здесь в первой половине XIX в. В Юго-Западном

386 *Быкова В.П.* Записки старой смолянки. С. 408.

387 См.: Московское училище ордена св. Екатерины. С. 477; Список имеющим знако отличия беспорочной службы за 1845 г. Ч. VI. СПб., 1844. С. 672.

388 Учители музыки (список) // Черепнин Н.В. Императорское Воспитательное общество… Т. 3. С. 440.

389 Принятый в Мариинском ведомстве термин, обозначавший награжденную шифром выпускницу института.

390 *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Воспоминания. Т. 1. М., 1963. С. 220, 252. *Тушнева* (Кучина) Елизавета Михайловна, дочь капитана флота I ранга, окончила Воспитательное общество с шифром в 1812 г. (Список воспитанниц императорского Воспитательного общества благородных девиц // *Черепнин Н.В.* Императорское Воспитательное общество… Т. 3. С. 507). Преподавание в пансионе вела сама его основательница при помощи падчерицы, мемуаристки Татьяны Пассек, которая сама некогда училась в частном пансионе.

крае повсюду (кроме Киева) преподавание шло на польском языке, русская история была исключена из программы, а православные учащиеся принуждались начальством к участию в католических богослужениях[391]. Пансион был открыт воспитанницей Смольного Савич[392], которая сама занималась со своими подопечными[393]. Как показывает исследование Н.А. Мицюк, большая часть содержательниц провинциальных пансионов Смоленской губернии (а позже — прогимназий и гимназий) получали образование в Мариинском ведомстве[394].

Чтобы открыть пансион, нужно было приложить немало усилий: помимо необходимых организационных способностей и знания практики жизни, следовало хлопотать о разрешении, тратить материальные средства на наем помещения и пр., подбирать персонал, заботиться о гигиене, кухне и т.п. Поэтому основная масса институток, нуждавшихся в заработке, поступала в гувернантки. Средние слои дворянства, нанимая гувернанток, стремились выбирать именно русских девушек — воспитанниц женских институтов, в отличие от богатых семей, приглашавших француженок, немок, швейцарок и аристократии, предпочитавшей англичанок.

Уже в 1810-е гг. дворянских детей все чаще обучают институтки, о чем мы встречаем упоминания в мемуаристике. М.И. Глинку (1804–1857) и его сестру учила «по-русски, по-французски, по-немецки, географии и музыке» институтка Варвара Федоровна Кламмер, а его кузин — «только что выпущенная из

---

391 См.: *Шевченко М.М.* «Возложить надежды на поколение новое» (как Николай I и министр Уваров давали шанс Польше) // Родина. 2013. № 3. С. 32–33.

392 В списке выпускниц Воспитательного общества упоминается единственная Савич — Анфиса Васильевна, 1809 г. вып., дочь капитана (Список воспитанниц императорского Воспитательного общества благородных девиц // *Черепнин Н.В.* Императорское Воспитательное общество… Т. 3. С. 503).

393 *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 22.

394 *Мицюк Н.А.* Женщины российской провинции XIX — начала XX века… С. 32.

Екатерининского института… премилая и презабавная девушка» Евгения Ивановна[395]. В семейство И.М. Сеченова, жившее, как и Глинки, в деревне, также выписали для обучения детей гувернантку — смолянку В.К. Штром, которой «отдали на руки» будущего великого физиолога. До ее приезда детей обучал молодой священник, отличавшийся «не столько потребными для учительства знаниями, сколько приятной внешностью, веселым нравом и умением держать себя в дворянском обществе». Учение новой гувернантки, в отличие от прежних, «шло очень удачно», и ей Сеченов обязан знанием новых языков. Она оказала Сеченову, как он писал впоследствии, «истинное благодеяние», научив языкам «настолько, что я не забыл их за время пребывания в инженерном училище (где обучение языкам было неважно), и пользовался этими знаниями во время студенчества»[396].

Как вспоминает дочь художника Ф.П. Толстого, ее мать, приступая к обучению дочерей, «попросила выбрать для нас гувернантку на Мещанской половине Смольного монастыря»[397]. Воспитательницей юного графа С.Д. Шереметева (основавшего в начале XX в. последний русский женский институт), также была институтка — выпускница московского Екате-

---

[395] Записки М.И. Глинки // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 320, 330. Позже короткое время В.Ф. Кламмер служила классной дамой в Воспитательном обществе, а ее сестра Юлия — классной дамой Павловского института, в 1832 г. она была награждена Мариинским знаком за 20 лет беспорочной службы. Третья сестра Анна Кламмер закончила курс учения в Воспитательном обществе в 1809 г.

[396] Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1907. С. 4–5. Вильгельмина Константиновна *Штром* училась в Воспитательном обществе в 1827–1836 гг. (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2394). По замечанию Сеченова, учение языкам шло удачно «благодаря тому, что именно грамматика была на заднем плане».

[397] *Каменская М.Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 105–106.

ринского института баронесса С.В. Лескина[398], «очень толково» подготовила к поступлению в Казанский институт будущую народоволку В.Н. Фигнер питомица Сиротского института[399], и т.д.

В 1830-х гг. встречаются упоминания об институтках-гувернантках в состоятельных купеческих семьях, которые еще долгие годы предпочитали воспитывать своих дочерей дома, несмотря на то, что немалое число институтов принимали девиц этого сословия. В своей визитаторской поездке профессор А.В. Никитенко встретил в Олонце купца, который держал «у себя в доме для дочерей гувернантку, бывшую воспитанницу Воспитательного дома». Однако обучавшей купеческих дочерей «лепетать по-французски» наставнице добиться от подопечных «розвязи в обращении» не удавалось: «оне дико на меня смотрели или отворачивались», — вспоминал Никитенко[400]. В культурной семье купцов Вишняковых воспитанием детей последовательно занимались сначала воспитанница Александровского института, затем выпускница другого, неназванного московского института[401].

В 1840-е гг. институтки оказались участницами созидания нового типа женской школы — духовных женских училищ. Проект училища для дочерей лиц духовного звания, представленный на рассмотрение обер-прокурора св. Синода от имени великой княжны Ольги Николаевны, был составлен

---

398 С.В. Лескина закончила с шифром учебный курс в 1846 г. В 1870-х гг. приняла монашество (Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903. М., 1903. С. 494, 551).

399 *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд: В 2 т. Т. 1. М., 1933. С. 42. Фигнер противопоставляет толковую, «добрую и ласковую» гувернантку-институтку прежней, гувернантке-француженке, которую дети семьи Фигнер ненавидели за применяемую ею систему наказаний (см. сн. 121 на с. 106–107).

400 *Никитенко* А.В. Моя повесть о себе самом... Записки и дневник. 1804–1877. Т. 1. СПб., 1904. С. 247. 1834 г.

401 *Вишняков Н.* Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762–1847 гг.). М., 1905. С. 96–97. 1830-е гг.

Н.П. Шиповой (Шульц), ставшей первой начальницей Царскосельского училища и оказавшейся «редкой и весьма полезной труженицей на поприще воспитательной деятельности». Открытие училища, последовавшее в 1843 г., положило начало целенаправленному систематическому женскому образованию в духовном сословии[402]. Царскосельское училище послужило образцом при создании всех школ подобного типа. Более того, в них, хотя и в упрощенном виде, воспроизводился уклад женских институтов — от распределения учебно-воспитательных функций до принятой со временем униформы. В 1845 г. открылось женское училище в Ярославле, во главе которого стала еще одна из сестер Шиповых — смолянка Елизавета Павловна[403]. Во второй половине XIX в. институтки то и дело появляются в епархиальных училищах в качестве учительниц (прежде всего, иностранных языков, в которых им не было равных), а нередко и в качестве начальниц.

По мнению современника, государственная политика в области женского образования середины XIX в. была успешной, поскольку «устранялись затруднения в приискании надежных наставниц из русских», и в то же время решалась задача «устроения будущности бесприютных сирот» — самих наставниц[404].

Профессиональная востребованность институток в первой половине — середине XIX в. несомненна. Причем это касается воспитанниц разных институтов, хотя большую часть настав-

---

[402] Из прошлого женских духовных училищ // Пензенские епархиальные ведомости за 1895 г. Ч. неофиц. Пенза, 1896. С. 186, 190. *Шипова* Надежда Павловна, в замуж. Шульц (1795–1877), закончила. с шифром учебный курс Воспитательного общества в 1811 г., сестра начальницы Смольного института М.П. Леонтьевой.

[403] См.: *Преображенский Г.* Воспоминания о Елизавете Павловне Шиповой — первой начальнице Ярославского женского училища Духовного ведомства. 1843–1883. Ярославль, 1884. *Шипова* Елизавета Павловна (1796–1883), закончила с шифром курс Воспитательного общества в 1814 г.

[404] См.: Обозрение учреждений императрицы Марии в 25-летие, с 1828 по 1853 гг. СПб., 1854. С. 48.

ниц, безусловно, давали Сиротские институты и их предтечи — французские классы петербургского и московского Воспитательных домов, Мариинский институт. Т.Г. Фруменкова делает важный вывод: «безродные выпускницы французских классов Воспитательных домов внесли весьма заметную ноту в формирование дворянской культуры первой половины XIX в.»[405].

По воспоминаниям воспитанницы московского Сиротского института, хотя «наша дальнейшая деятельность… в те времена… была исключительно педагогическая, но за отсутствием гимназий и других учебных заведений недостатка в частных местах не было, и *все бывали пристроены* сообразно своим способностям», а нанимателя «приезжали даже из Сибири к нам в институт за гувернантками»[406]. Обратим внимание, что получавшие современное образование женщины становились связующим русским культурным элементом в государстве с огромной территорией.

И действительно, выпускницы разных институтов с помощью начальства легко находили себе место службы. Как свидетельствует Н.В. Черепнин, «пепиньерские классы при Смольном пользовались таким доверием, что окончившим их без труда удавалось находить хорошие места, как в учебных заведениях, так и в частных домах. Частные женские пансионы охотно приглашали к себе на службу пепиньерок Смольного. Нередко бывали случаи, что пепиньерки поступали на места,

---

[405] *Фруменкова Т.Г.* Домашние учительницы… С. 77–78. В то же время в современной историографии можно встретить такие утверждения, как, напр.: «понятия педагогики на протяжении практически всего XIX века не существовало» (*Шилина Т.А.* Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII — начало XX вв.). Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 23).

[406] *Залога М.В.* Из воспоминаний об институтской жизни. Воронеж, 1906. С. 8. *Залога* Мария Владимировна, ур. Меранвиль, воспитанница московского Николаевского Сиротского института в 1840–1850-х гг. Ее мать — Н.М. Лунина, сестра профессора истории Харьковского университета М.М. Лунина. Курсив мой. — *В.П.*

даже не окончив полного курса пепиньер»[407]. В 1815 г. выпускниц Мариинского института сразу отправляли на службу: одну — в «дом г-жи Могилянской… на первый случай для обучения детей», другую — гувернанткой к двум детям г-жи Лансдорф, третью — классной дамой в Гатчину, а еще одну, Прасковью Кругликову — к великой княжне Анне Павловне[408].

Многие авторы разделяют оценку современной исследовательницы О.Б. Вахромеевой, характеризующей институток как «представительниц “новой породы” светских женщин», которых отличали «определенные черты поведения и характера, сформированные в закрытых женских учебных заведениях. Это была восторженность, наивность, неопытность»[409]. В нашей историографии, как дореволюционной, так и современной, подобное суждение, подкрепленное авторитетом демократической публицистики 1860–1870-х гг., укоренилось чрезвычайно прочно. Но следует ли считать его справедливым? Многие из воспитанниц институтов понимали, что их ждет трудовая жизнь, и готовились к этому. Большинство институток

---

[407] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 251.

[408] *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна … С. 12.

[409] *Вахромеева О.Б.* Новая женщина в старой России. Очерки по истории женского образования. Конец XVIII — начало XX в. СПб., 2011. С. 84. То же: *Белоусов А.Ф.* Институтки в русской культуре // Тыняновский сб. Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 78; *Котовская М.Г.* К истории женского образования в России // Вестник ПСГУ. Серия IV. Педагогика. Психология. 2014. Вып. 4 (35). С. 106; *Лисицына О.И.* Специфика воспитания дворянских девочек в закрытых учебных завеениях в конце XVIII–XIX вв. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Сб. Нальчик:М., 2013. С. 200; *Нашхоева С.Р.* Нравственно-эстетическое развитие воспитанниц женских учебно-воспитательных заведений закрытого типа в России (до начала XX в.). Автореф. … канд. пед. наук. М., 1997. С. 14; *Орлова В.Д.* Повседневная жизнь воспитанниц институтов благородных девиц во второй половине XIX — начале XX в. // Молодежь и социум. 2012. № 2(10). С. 40; др.

происходило из небогатых, а то и бедных семей (не говоря уже о сиротах), и девушки использовали полученное образование, чтобы поддержать своих родителей, помочь младшим братьям и сестрам. А «восторженность, наивность, неопытность» характерна для многих юных, внезапно для себя самих обретавших новый, «взрослый» статус.

Эти девушки прокладывали самостоятельный путь в жизни, что неизбежно было сопряжено с разнообразными трудностями. Иным из них приходилось в сталкиваться с неприятностями и притеснениями, причем не только со стороны частных лиц, но и местной администрации. Один такой случай произошел в 1820 г. в Тамбовской губернии, входившей в Казанский учебный округ. Начальство Казанского университета, «ревнуя о народном просвещении и действуя в духе известного Магницкого», приняло решение изгнать из Тамбова двух домашних учительниц. Одна из них поспешила уехать, а вторая, Белокопытова, не сдавалась: как бывшая воспитанница московского Екатерининского института, она «весьма храбро» защищала свои права и сумела отстоять их. Девушка писала тамбовской полиции: «чтобы не вздумали воспретить мне воспитание детей, единственный способ моего пропитания, с нынешнею почтою препровождаю просьбу к вдовствующей императрице по праву всякой воспитанницы института и позволению императрицы относится к ней во всякой личной обиде»[410]. Институтки знали, что по окончании учебного заведения они могут пользоваться покровительством и своего институтского начальства, и даже самой императрицы, к которым могли обратиться в случае необходимости. Особенно в этом нуждались сироты, не имевшие никакой иной защиты.

---

[410] *Дубасов И.* Первые опыты училищного дела в Тамбовском крае // Исторический вестник. 1893. Т. LIII. С. 165. *Дубасов* Иван Иванович — учитель истории Тамбовского Александринского института благородных девиц, кандидат Киевской Духовной академии (ГАТО. Ф. 118. Оп. 31. Д. 7. Л. 90 об.), преподавал в институте с 1869 г. (по меньшей мере до 1890 г.). Позднее — директор народных училищ Курской губернии.

В приведенном выше эпизоде институтка с гордостью за свою профессию смело отстаивала права, в которых была совершенно уверена. Между тем, женщине нужна была немалая сила характера, чтобы в одиночку противостоять важным чинам. Фигура незамужней самостоятельной молодой дамы, поступающей на службу, самим своим существованием как будто бросала вызов мужскому доминированию. Постепенно формировался слой образованных женщин, сознательно готовивших себя к трудовой жизни, воспринимавших полученную в институтах подготовку как «единственный способ пропитания» (по выражению институтки Белокопытовой).

Профессиональный статус выпускниц института и их права доказывались государственными документами. Выпускницы педагогических классов получали дипломы (форма от 25 ноября 1850 г.), удостоверявшие обучение в специальном классе, с обозначением успехов по каждому предмету. Диплом этот при поступлении на службу следовало предъявить местному директору училищ и уездному предводителю дворянства, что, с одной стороны, подтверждало служебный стаж наставницы и, соответственно, права на будущую пенсию, а с другой, — делало её статус государственно санкционированным.

Введение особых удостоверений для выпускниц педагогических классов не только помогало им доказывать свои права на преподавание, но и устанавливало квалификационные требования к их профессиональной подготовке. Это стало шагом в выработке стандартов, которым должны были соответствовать педагоги низшего и среднего звена.

С годами в документах Мариинского ведомства все чаще встречаются прямые указания на то, что после выпуска значительную часть воспитаниц ожидает педагогическая деятельность. Это налагало и на администрацию, и на педагогов институтов обязанность как можно лучше готовить институток к трудовому будущему, причем отнюдь не только в специальных классах, но и в ходе общего курса. Выдающийся русский педагог В.Я. Стоюнин с полным правом утверждал, что долгое время именно благодаря институтам не только «поддержива-

лось и распространялось женское образование», но и «удовлетворялась возраставшая с каждым поколением потребность в гувернантках, большинство которых являлось из воспитанниц женских институтов». Он был уверен, что «история нашего образования беспристрастно оценит труды их и выставит на вид заслуги этих скромных и часто унижаемых тружениц»[411].

[411] *Стоюнин В.Я.* Педагогические сочинения. СПб., 1903. С. 482.

ГЛАВА III

ЖЕНСКИЕ ИНСТИТУТЫ В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ 1828–1855 гг.

1. 1828 г. Учреждение Мариинского ведомства

После смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 г. все ее учреждения оказались на попечении сына, императора Николая I. Управление столь сложным хозяйством следовало перевести из «ручного режима» на профессиональную основу, и в тот же год был создан особый орган управления — IV отделение Собственной Его имп. Величества канцелярии, будущего Ведомства учреждений императрицы Марии[1]. Управление женским образованием стало частью государственной машины, состоя при этом в «сфере непосредственной деятельности» монарха[2]. Передаваемое из поколения в поколение попечение императорской фамилии над женским образованием отлилось в следующую формулировку: «Любовь Царей к женским воспитательным заведениям нераздельна с Престолом: она наследственная в царствующем роде»[3].

Таким образом, институализация женского образования в России происходила спустя четверть века после учреждения Министерства народного просвещения (1802)[4]. Вплоть до этого

---

[1] См.: *Гаврюшин С.И.* Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии. 1797–1917. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2002.

[2] Учебник государственного права. Общее учение о государстве. СПб., 1909. С. 166–167.

[3] Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. 1852 // Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений имп. Марии. СПб., 1884. С. 252.

[4] Э. Эндерлайн замечает, что в России «первое министерство образования было создано *лишь* в 1802 г.» (*Эндерлайн Э.* Женское образование в России XVIII века. С. 168. Курсив мой. — *В.П.*). Однако Россия стала *вторым* после Германии государством, где было создано подобное министерство. Например, Департамент просвещения в Англии был учрежден в 1870 г. (*Аранский В.С., Лапчинская В.П.* Система народного образования в Англии. М., 1961. С. 12).

момента судьба заведений императрицы Марии Федоровны, управлявшихся из ее собственной канцелярии, была подвержена случайностям. Для поддержания их деятельности, а тем более дальнейшего развития требовались огромные финансовые затраты, труд сотен людей — администраторов, преподавателей и воспитателей, врачей, значительного штата обслуги.

Однако, даже несмотря на то, что в своем духовном завещании императрица позаботилась об обеспечении учебных и благотворительных заведений, их будущность могла оказаться под вопросом — без постоянной государственной поддержки на законодательной основе, без непосредственного участия власти они не могли бы существовать. Как свидетельствует современница, при дворе Александра I «была мода насмехаться над “maman” и ее разговором, вертевшимся на учебных заведениях и больницах. Однажды в Москве, рассказывала Александра Федоровна [супруга Николая I], maman показывала отцу свои учреждения. Император Александр вел меня под руку и повторял: снисхождения, снисхождения!.. Но я в этом не нуждаюсь, — отвечала я, — я восхищаюсь, я нахожу все это великолепным, это мне нравится и меня трогает. Он посмотрел на меня с удивлением. Императрица Елизавета давала тон таким насмешкам»[5].

Император Николай I принял на свое попечение женские институты Марии Федоровны и как сыновний долг, и — как дело государственного значения.

В конце XVIII — начале XIX в. императрица Мария Федоровна поставила задачу призрения сирот, подготовки дочерей необеспеченных родителей к дальнейшей жизни, воспитания «добрых жен и полезных матерей семейств». Для этого открывались новые институты и училища, оказывалась поддержка частной инициативе, учреждались специализированные педагогические классы. В николаевскую эпоху цель, неко-

[5] Цит. по: *Лихачева Е.И.*Материалы… Т. I. Ч. 2. С. 154. Б. Пиетров-Эннкер справедливо замечает, что в эпоху Александра I «тема образования девочек» занимала «выдающееся место» (С. 118), однако эта заслуга всецело принадлежала императрице Марии Федоровне.

гда поставленная императрицей Марией, — давать подготовку дочерям небогатых дворян, которая позволяла бы им в дальнейшем заработать на жизнь, — стала еще более насущной.

Деятельность Мариинского ведомства отнюдь не исчерпывалось задачами «человеколюбивой» помощи нуждающимся, о какой обыкновенно хлопочут дамы-благотворительницы. О важности женского образования для *государственного строительства* свидетельствует представительный синклит, ведавший делами Мариинских заведений, — традиция, установленная некогда императрицей Марией Федоровной. В состав Главного совета женских учебных заведений входили министры народного просвещения[6] граф С.С. Уваров, князь П.А. Ширинский-Шихматов, А.С. Норов, директор Царскосельского лицея Д.Б. Броневский, начальник Штаба военно-учеб-ных заведений Я.И. Ростовцев, попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов и др. В губернских институтах местные Советы возглавляли губернаторы, а непременными членами состояли губернские предводители дворянства. Все наиболее важные решения, касающиеся институтов, принимал сам государь. Николай I сосредоточил в своих руках высший контроль и над женскими институтами, и кадетскими корпусами, и уделял и тем, и другим самое серьезное внимание. Отныне нередко в женских институтах вводились приемы и правила, которыми руководствовались в военно-учебных заведениях (от организации питания до содержания учебных программ).

Вряд ли можно объяснить реорганизацию наследия императрицы Марии (помимо проведения общего курса на централизацию) одним лишь стремлением упорядочить его управление и желанием «повысить имидж императорской семьи в глазах общества и укрепить монархические настроения и веру подданных в сострадательного, православного и милостивого царя»[7]. Рассмотрим происходившее в контексте образовательной

---

[6] Эта практика была законодательно закреплена в 1844 г.

[7] См.: *Гаврюшин С.И.* Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений имп. Марии (1797–1917). Дисс. …канд. ист. наук. М., 2002. С. 70–75.

политики эпохи. На смену патриархальному укладу в России приходил индустриальный, связанный с промышленным переворотом, что требовало участия хорошо подготовленных людей во всех отраслях государственной жизни. Спустя всего несколько месяцев после вступления на престол Николая I был учрежден Комитет устройства учебных заведений. В эти годы происходил рост отечественной университетской системы, реформирование Академии наук, развитие русской инженерной школы[8]; была расширена сеть средних и специальных образовательных учреждений[9]. Правильное функционирование научных и образовательных учреждений подкреплялось разработкой их правовой основы: принимались новые уставы — школьный (1828), военно-учебных заведений (1830), университетский (1835), академический (1836). Но самую начальную подготовку детям должна была давать дома женщина — образованная мать и профессиональная наставница, и от качества этой домашней подготовки во многом зависело дальнейшее обучение, происходившее уже в государственной школе.

При Николае I лишь три женских института были основаны в столицах[10], остальные же открывались в губерниях: в местах

---

[8] См.: *Аксенова О.В.* Истоки российской научно-технической модернизации через призму развития инженерного и медицинского образования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 25.

[9] См.: *Калинина Е.А.* Реформа среднего и начального образования в России при Николае I // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 239; *Донин А.Н.* Консервативная модернизация российской системы образования в царствование Николая I // Наука и общество. 2014. № 1(16), др.

[10] Помимо основанных в николаевское царствование Павловского и Сиротских институтов Москвы и Петербурга, отдельный статус получило бывшее Мещанское отделение Смольного института в качестве Александровского института. Некоторые из институтов не сразу получили полный институтский статус (недостаток финансирования, невозможность введения необходимой учебной программы во всей полноте, нехватка преподавателей и пр.).В 1896 г. институтам, «не имеющим еще особых наименований»,

концентрации дворянских гнёзд (Казань, 1841 г.; Нижний Новгород, 1852 г.; Саратов, 1840 г.; Тамбов, 1834 г.), войсковых центрах (Оренбург, 1832 г.; Новочеркасск, 1852 г.), в районах империи с этнически разнородным населением (Белосток, 1841 г.; Варшава, 1840 г.; Иркутск, 1841 г.; Киев, 1838 г.; Одесса, 1829 г.; Тифлис, 1840 г.). Во многом эта топография совпадает с размещением кадетских корпусов, и неудивительно — оба типа привилегированных учебных заведений решали одну задачу: подготовку элиты Российской империи, опоры существующего порядка. Воспитание детей «служилого класса людей», в том числе в «отдаленных местностях» в необходимом государству духе укрепляло связь монархии с ее социальной базой, когда, как принято было говорить, «в детях награждалась долговременная и полезная служба отцов»[11].

В мемуарах то и дело встречаются истории, подобные рассказанной одной из институток: после смерти отца семейства, штабс-капитана, содержавшего семью на жалованье, оставшихся сиротами детей поместили на казенный счет: братьев в кадетский корпус, их сестру — в институт[12].

При этом кадетское «хозяйство» досталось Николаю I в несколько меньшем порядке, чем институтское, находившееся в одних руках, причем крайне заботливых и неутомимых. Постановка учебной части в кадетских корпусах была организована иначе, чем в столичных женских институтах: как утверждает дореволюционный исследователь, здесь не существовало практики «предварительного коллегиального обсуждения, так

было присвоено имя их «державного основателя»: Белостокский, Закавказский, Киевский, Одесский, Иркутский, Оренбургский, оба столичные Сиротские получили наименование «Николаевских» (Собрание узаконений Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. V. Кн. 1. СПб., 1908. № 293).

11 См.: *Селезнев И.И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 390–394.

12 *Рамазанова А.Н.* Елизаветинский институт. 1849–1854 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2001. С. 330.

что правильность хода дела в каждом заведении исключительно обуславливалась степенью усердия и уменья непосредственного его начальника; от него же, а чаще от самих преподавателей зависело направление преподавания и выбор учебных руководств, так как обязательных программ тогда вовсе не существовало»[13], несмотря на учрежденный в 1805 г. Совет о военно-учебных заведениях (который, впрочем, вскоре был упразднен). В столичных женских институтах, тесно связанных между собой, шла более централизованная организационная и методическая работа, учебные программы составлялись хорошо образованными инспекторами Смольного, опыт которого служил образцом для остальных. Учебная часть в губернских институтах была организована по большей части таким же образом, как и в кадетских корпусах.

В каждом из институтов, помимо своекоштных («штатных») вакансий, существовали казенные («пансионерки»): в Воспитательном обществе — 150 своекоштных и 205 пансионерок (1828 г.)[14], в Патриотическом институте — 120 и 125, в московском Елизаветинском — 50 и 60, в Полтавском — 110 и 55 (1836 г.)[15], в Киевском первоначально — 40 и 40, в Варшавском — 100 и 100, в Мариинском — 40 и 80 (1834 г.) соответственно.

Казенные места в каждом из институтов полагались прежде всего сиротам, полусиротам и дочерям «недостаточных» отцов соответствующих сословий. На «казенное» воспитание дочерей штаб- и обер-офицеров принимали в Воспитательное общество, Патриотический, Мариинский, Павловский институты в Петербурге, а также в Екатерининские, Елизаветинские,

---

[13] *Лалаев М.* Исторический очерк военно-учебных заведений… С. 139; Краткий отчет о положении и ходе военно-учебных заведений в двадцатипятилетнее царствование государя императора. СПб., 1850. С. 3–4. «Общие положения для всех военно-учебных заведений» увидели свет в 1830 г., а программы по всем предметам, общие для всех корпусов, как и для женских учебных заведений — в 1840-е гг.

[14] *Лихачева Е.И.* Материалы для истории… Ч. 3. С. 42.

[15] ЖМНП. 1836. № 11. С. 401.

Александровские, Сиротские институты в Петербурге и Москве[16]. В Александровское отделение Смольного, Мариинский институт (позже — также и в оба Николаевские Сиротские) и другие, куда поступали также и дочери купцов, мещан, канцелярских служителей и т.д., направлялись питомицы Сиротских домов[17], особенно отличившиеся в учении. Детей тяжелораненых офицеров определял на учение Комитет о раненых. Согласно правилам 1829 г., «состоящие в покровительстве Комитета генералы, штаб и обер-офицеры, по недостаточному состоянию, препятствующему им дать приличное воспитание детям», имеют право на помощь: сыновья определяются в военные воспитательно-учебные заведения, а дочери — в Патриотический институт, по 60 девиц в один прием (раз в три года). Причем для доставления детей к месту учения Комитет обеспечивал «прогоны на три лошади»[18].

Особые вакансии содержались на счет Приказов общественного призрения в Тамбовском, Казанском, Полтавском, Харьковском, Киевском, Одесском и Белостокском институтах, помещавших на учение девиц из своих губерний[19]. Половина вакансий в Полтавском институте (60 из 120), оплачивалась Приказами общественного призрения, которые получали за это право помещать в институт беднейших девиц своих губерний: Киевский приказ помещал при каждом приеме воспитанниц

---

[16] Памятная книга военных узаконений для штаб- и обер-офицеров. СПб., 1851. С. 888.

[17] Дети в них содержались до 10–12 лет, затем распределялись в различные учебные заведения.

[18] Комитет, высочайше утвержденный в 18 день августа 1814 г. для пособия раненым и семействам убитых на сражении и умерших от ран. Гл. X. О помещении детей в Учебные заведения // ПСЗ–2. Т. IV. 1829. СПб., 1830. С. 856.

[19] См.: Благотворительная Россия. Т. I. СПб., 1903. С. 262. Напр., Казанский приказ общественного призрения содержал в Казанском институте трех пансионерок из дочерей «недостаточных чиновников» (Прибавление к Журналу министерства внутренних дел. 1831. № 2. С. 108).

16 дворянок и четыре дочери купцов 1 и 2 гильдий, Черниговский и Полтавский — по 17 и три соответственно[20].

Таким образом, процент бесплатных вакансий, позволявших беднейшим учиться в институтах, как в учебно-*благотворительных* заведениях, был довольно значительным. Например, в московском Александровском институте в 1838 г. воспитывалось 128 девиц, из которых содержание 31 оплачивалось родителями или опекунами, остальные содержались казной, частными благотворителями и обществами: 78 казенных, а также по одной стипендии императора Николая I, московского дворянства, дворянина Свистунова, по две — императрицы Марии Федоровны, купцов Гусевых и «за счет экономии училища», четыре — императрицы Александры Федоровны, шесть — Шереметевых[21]. В петербургском Елизаветинском институте воспитывалось 205 девиц, из них 63 казеннокоштных, остальные были обеспечены оплаченными вакансиями: по одной — наследника великого князя Александра, великого князя Константина Николаевича, великой княжны Александры Николаевны, императрицы Елизаветы Алексеевны, графа Головина, восемь — дворянки Баташовой, 16 — тайного советника Калинина, 18 — государственного казначейства, 20 — императрицы, 21 императора, 53 — на счет капиталов института[22].

Стипендии открывались обществами, купеческими и дворянскими: например, тульское купеческое общество оплачивало воспитание в Мещанском отделении Смольного института одной сироты из купечества[23]; города Слободско-Украинской губернии содержали за счет винных откупных сумм шесть

---

[20] Высочайше утвержденное Положение о Полтавском институте благородных девиц. 7 февраля 1828 г. // ПСЗ–2. Т. III. СПб., 1830. № 1777. С. 93–94, 96. Кроме того, в институте десять вакансий содержались императором, пять — императрицей Александрой Федоровной. Оставшиеся 45 мест отводились своекоштным, за которых вносилось по 800 руб. в год.

[21] Записки почетного опекуна д.с.с. Штера… С. 20.

[22] Журнал министерства внутренних дел. 1841. № 1. С. 6.

[23] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 12. № 13. 1806 г.

вакансий в Харьковском институте, куда поступали дочери купцов всех трех гильдий[24]. В каждом институте содержалось несколько воспитанниц за счет членов императорской фамилии[25] и частных лиц. Так, граф А.А. Аракчеев пожертвовал 50 тыс. руб. на содержание в Павловском институте пяти пансионерок из числа дочерей чиновников, служащих в военном поселении Новгородского отряда[26].

Император, утверждая устав Донского института, приписал: «главная цель для заведения на Дону — образовать для края как бы рассадник благоразумно просвещенных жен, хозяек и в особенности матерей, которые, будучи первыми наставницами детей, поселили бы в их юных сердцах чувства христианского смирения и благоговения к воле Господней, искреннюю приверженность к православной церкви и неограниченную преданность к Престолу»[27]. Новые институты, как правило, не испытывали трудностей с набором воспитанниц. О еще только объявленном к открытию Казанском институте ревизор писал: «Доказательством, как рады институту, служит то, что по первому объявлению… явилось уже 55 девиц»[28]. Да и позже институт «наполнялся ученицами не только из Казанской, но и из соседних губерний, а потому и попасть в него было довольно трудно»[29]. «Едва только последовало открытие» института в Керчи, как весь комплект был набран, и потому «надлежало многим отказывать в принятии, единственно по недостатку помещения».

---

[24] ПСЗ–2. Т. V. СПб., 1831. № 3971. 2 октября 1830 г.

[25] Стипендии великих князей как в кадетских корпусах, так и в женских институтах предназначались детям военных и гражданских чиновников тех ведомств, которые они опекали: к примеру, на иждивении Михаила Павловича находились дочери отцов, служивших по артиллерийскому ведомству (в их числе, например, находилась Александра Смирнова-Россет).

[26] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 18. № 56–57. 1826 г.

[27] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 30.

[28] РГИА. Ф. 759. Оп. 7. Д. 1220. Л. 4. 1841 г.

[29] *Овсянников А.* Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. № 5. С. 423.

Вскоре началось строительство нового здания керченского института, позволившее удвоить число мест для учащихся[30].

В 1837 г. в Петербурге и Москве были учреждены преобразованные из специальных классов Воспитательных домов[31] Сиротские институты для воспитания сирот офицеров военной и гражданской службы, которые первоначально так и именовали — Институты для обер-офицерских сирот при имп. Воспитательном доме. Сюда принимались на бесплатные вакансии девочки из всех уголков империи, а также успешно учившиеся в Сиротских домах девочки (одаренных мальчиков определяли в Сиротский Кадетский корпус[32], который получил самостоятельное существование в 1847 г.). Назначением Сиротских институтов, как и прежних учебных классов, была подготовка воспитательниц. Особый состав обучающихся определил специфику Сиротских институтов, относимых в Ведомстве к категории «специальных»: все воспитанницы должны были получить профессиональную подготовку, поскольку их ожидала трудовая жизнь. Учебный курс Сиротских институтов длился 12 лет: два приготовительных, три общих и один специальный практический класс с двухгодичным курсом в каждом классе.

Сиротские институты, особенно петербургский, были самыми многочисленными — комплект, первоначально состоявший из 500 воспитанниц, позже достигал 800 человек[33]. Во

---

[30] Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 8. Распоряжения. С. VII.

[31] См.: Монографии учреждений Ведомства имп. Марии. СПб., 1878. С. 245. В 1847 г. в московский Сиротский институт переместили воспитанниц Александринского Сиротского института. Петербургский и московский Сиротские институты были приравнены к остальным институтам с семилетним курсом в 1869–1870 гг.

[32] [*Армфельд А.О.*] Князь Сергей Михайлович Голицын. С. 101–102. Не принадлежавшие к дворянскому сословию мальчики поступали в институт Корпуса Горных инженеров, в 1-й Штурманский полуэкипаж, Сиротский дом и Константиновский Межевой институт.

[33] Если в самом начале своей деятельности в петербургском Сиротском институте было 552 воспитанницы, то спустя 20 лет — 805

главе петербургского Сиротского института стояла А.Ф. Оом, за свою успешную деятельность получившая прозвание «мадам Ум». Она оберегала выпускниц института, направляемых на службу, «как своих дочерей», в дальнейшем состояла с ними в переписке[34]. Начальницей московского Сиротского института являлась Г.А. Цеймерн[35], обладавшая, по свидетельству хорошо знавшего ее сотрудника, «таким чувством долга и такой силой воли, какие редко встретишь в нашем брате, мужчине»[36]. Подопечная Г.А. Цеймерн вспоминала, что институтки от души звали ее «Mutterchen»: она не только знала каждую из своих без малого восьми сотен воспитанниц по имени, но также и «знала нравственный облик» каждой из них, «умела во-время

(См.: Монографии учреждений Ведомства имп. Марии. 1828–1878. С. 360).

[34] *Оом* Анна Федоровна (1791–1850), ур. Фурман, воспитывалась в семье президента Академии художеств А.Н. Оленина, где встречалась с Г.Р. Державиным, Н.И. Гнедичем, К.Н. Батюшковым (поэт был безответно влюблен в юную Фурман). Оставшись вдовой с детьми на руках, поступила на службу в 1827 г. надзирательницей отделения французских классов. Ее дочери Маргарита и Анна по окончании общего, а затем и специального педагогического курса Сиротского института, получили статус *кандидаток* (1843). Впоследствии они открыли женский пансион (см.: *Оом Ф.А.* Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 6–12, 191 и др.). Сын «мадам Ум» Ф.А. Оом впоследствии также служил в Мариинском ведомстве, был почетным опекуном, членом Совета по учебной части Павловского института, «близко находился при особе наследника цесаревича Николая Александровича» (см.: Воспоминания академика П.П. Соколова // Исторический вестник. 1910. Т. CXXXII. С. 778).

[35] *Цеймерн* Гликерия Алексеевна, ур. Сверчкова (1785–1853), возглавляла Сиротский институт с 1822 (когда он еще был частью московского Воспитательного дома) до смерти. Сверчкова вышла замуж в 15 лет и стала воспитательницей 13 детей: четырех своих и девяти племянников и племянниц, детей умершей сестры и двух невесток. Не имея средств на содержание семьи и нуждаясь в жалованье, она поступила на службу в Ведомство.

[36] Сто один [*Галахов А.Д.*]. Из записок человека. № 6. С 559.

приласкать, пожурить»[37]. Женские Сиротские институты называли «рассадниками воспитательниц русского юношества», поскольку их главной задачей была подготовка гувернанток, классных дам и учительниц.

По заключению Ф.А. Петрова, при Николае I Министерство народного просвещения проводило в жизнь «принципы строгого и неуклонного правительственного надзора над народным образованием, которое тем самым ставилось в *более тесную зависимость от государственных интересов*»[38]. Правительственный надзор нередко носил личный характер, иллюстрацией к этому может послужить любопытный эпизод, рассказанный Н.И. Пироговым. Когда будущий знаменитый хирург вернулся после стажировки на родину, его принял С.С. Уваров, который во время беседы заявил: «Знайте, молодой человек, при вступлении вашем на новое поприще, что министр народного просвещения в России не я, не Сергей Семенович Уваров, а император Николай Павлович. Знайте это и помните»[39].

Среди множества стоявших перед российской школой на повестке дня задач, наиболее долгосрочной было созидание общекультурного пространства разноплеменной империи, и — прежде всего на основе русского языка. Николай I прямо указывал, что «на воспитание… должно быть обращено особое внимание, возможное соединение в одних школах воспитанников из всех народов весьма желательно»[40]. Мариинское ве-

---

[37] *Залога М.В.* Из воспоминаний институтской жизни. Воронеж, 1906. С. 9.

[38] *Петров Ф.А.* Государство и университет. Устав 1835 года // Петров Ф.А., Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университет для России. Т. 4. Московский университет в николаевскую эпоху. М., 2012. С. 122. Курсив мой. *— В.П.*

[39] *Пирогов Н.И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача. Иваново, 2008. С. 381.

[40] См.: *Выскочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 314; см. также: *Калачев А.В.* Особенности процесса демократизации образования в эпоху Николая I // Primo aspectu. 2013. Т. 13. № 9.

домство стремилось к унификации не только институтских учебных программ, но прежде всего принципов воспитания и повседневного уклада. Поэтому матери, учительницы, гувернантки, получившие подготовку в любом из институтов, разбросанных по обширной территории многоконфессиональной полиэтничной Российской империи (Киевский и Иркутский институты, например, разделяло более пяти тысяч верст), обеспечивали преемственность общего культурного кода.

С конца XVIII в. дочерям дворян «присоединенных губерний» предоставлялись казенные вакансии в институтах, позже шесть мест традиционно принадлежали финляндским уроженкам[41] в самом привилегированном из них — Воспитательном обществе благородных девиц. Главной целью учреждения Закавказского института объявлялось воспитание дочерей «подвластных России владетельных особ Закавказского края, их родственников, природных князей местного происхождения и туземных дворян, а равно азиатцев», имеющих гражданские и обер-офицерские чины и ордена[42]. Устав Оренбургского девичьего училища, куда принимались дети служащих в войсках Оренбургского корпуса, дозволял допускать девочек «из иноверцев по собственному желанию родителей или по сиротству»[43]. Девичий институт Восточной Сибири (Иркутск) учреждался

---

[41] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 50. О предоставлении пяти вакансий для дочерей дворян присоединенных губерний. 1797 г. (В конце XVIII в. в состав Российской империи вошли территории Белоруссии, Лифляндии и Грузии, Приазовье, Курляндия, Крым и др., в 1809 г. — Финляндия). Генерал-фельдмаршал и генерал-губернатор Риги, Ревеля и Литвы Н.В. Репнин (являвшийся также членом Совета Воспитательного общества благородных девиц) ходатайствовал о вакантных местах для девиц новоприобретенных губерний, ссылаясь на желание местных дворян обучать в институтах своих дочерей.

[42] Собрание узаконений Ведомства учреждений имп. Марии. Т. V. Кн. 2. СПб., 1909. № 1159.

[43] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35. Л. 196. Постановление об учреждении… Оренбургского девичьего училища. 1832 г. (полный институтский статус с 1855 г.).

прежде всего «для предоставления средств к образованию детей женского пола чиновников служащим или служившим в Восточной Сибири», принимались также «дочери инородческих таишей и шуленгов» и дети купцов 1 и 2 гильдии[44].

Особого внимания властей требовало развитие женского образования в западных губерниях. В исследовании М.М. Шевченко идет речь об антирусском влиянии, существовавшем в Западном крае 1-й половины XIX в. Виленский учебный округ по замыслу друга Александра I А. Чарторыйского «был непосредственным звеном в цепи планов…по реставрации Речи Посполитой». Таким образом, правительству Николая I досталось непростое наследство. Шевченко пишет о поставленной задаче «полномасштабного развития в Западном крае русской образовательной традиции», для чего, в частности, был в 1834 г. открыт в Киеве университет св. Владимира.

Император прямо указывал министру народного просвещения С.С. Уварову на необходимость «усилить способы русского женского воспитания, без которого другое по духу края не будет достаточно»[45]. И вот в один год с университетом в Киеве был учрежден женский институт (первый прием воспитанниц состоялся в 1838 г.). Объявлялось, что его цель — «доставить безденежное воспитание» детям дворян бедного состояния губерний Киевской, Волынской и Подольской», а за умеренную плату — остальным желающим[46]. Проводивший в 1841 г. ревизию института Г.И. Вилламов писал, что девицы «учатся очень прилежно… Одна полька… два года только в институте и при вступлении даже по-польски не умела читать, а теперь гово-

---

[44] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35. Л. 293. Учреждение Девичьего института Восточной Сибири. 1841 г. *Тайши* и *шуленги* — старшины, князьки у монгольских народов, чей статус официально признавался центральной властью.

[45] *Шевченко М.М.* «Возложить надежды на поколение новое» (как Николай I и министр Уваров давали шанс Польше). С. 32–33.

[46] Учреждение Киевского института благородных девиц // Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 4. № 12. Декабрь. С. 539; ПСЗ–2. Т. IX. Отд. 2. 1834. СПб., 1835. С 135.

рит очень хорошо по-русски, и в истории отвечала довольно длинным рассказом на русском языке»[47].

Планировалось также открыть институты в Вильне, Ковно, Витебске, Могилеве. Но из всего приведенного перечня был учрежден лишь один — в Белостоке (там нашлось удобное помещение). По приказу Николая I как начальнице, так и всем классным дамам надлежало «быть непременно русскими, иначе цель не достигнется, и дабы в числе детей были русские же». Но министр С.С. Уваров сумел провести свой, более прагматичный и дальновидный план: так, например, в списках классных дам, принимавшихся на службу по мере наполнения Белостокского института и увеличения числа классов, наряду с русскими и немецкими, присутствуют польские имена[48].

Часть «казенных» мест предоставлялась дочерям русских гражданских чиновников, служащих в губернии. Целью основания Варшавского института также объявлялось прежде всего «приличное воспитание на казенном иждивении дочерей недостаточных чиновников гражданского и военного ведомства», служащим в Царстве Польском. Институтки, воспитывающиеся за государственный счет, обязывались прослужить два года в женском учебном заведении или частных домах за вознаграждение[49], и эта практика, без сомнения, приносила значительную пользу.

По уставу в Харьковский институт допускались, «наравне с девицами древнейшего дворянства», дочери купцов всех

---

[47] РГИА. Ф. 759. Оп. 7. Д. 1220. Л. 10–10 об. 1841 г.

[48] См. списки классных дам: *Авенариус Н.П.* Исторический очерк Белостокского института благородных девиц. 1841–1891 гг. Белосток, 1891. С. 56.

[49] См.: *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 22–23, 25. Напр.: «О предоставлении Совету права принятия воспитанниц на казенное содержание, обязывать подписками представляющих их оставлять в институте по окончании воспитания в должности серой девицы (т.е., пепиньерки. — *В.П.*) два года, и в должности классной дамы два года» (РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 28. № 21. Харьковский ин. 1831 г.). Схожие правила устанавливались и в кадетских корпусах.

гильдий[50]. Подобный же порядок позже допускался в других губернских институтах. Здесь обучались девочки, как правило, не только высшего сословия. В дореформенную эпоху существовали различные сословные нормы приема воспитанниц в губернских институтах: в Киевский и Белостокский принимались только дворянки; в Одесский допускались также дочери обер-офицерства и высшего купечества, в т.ч. магометанки («происходящие от татарского дворянства»); в Полтавский, Казанский и Керченский — дочери потомственного и личного дворянства, духовенства, купечества 1–2 гильдий; в Закавказский — дочери «всех вообще лиц свободного состояния»[51]. Сословные перегородки в провинции не столь строго делили общество, как в Петербурге, а кроме того, занять своекоштные вакансии, тем самым пополнив бюджет института, лишь с помощью дочерей местного дворянства, было не везде возможно.

Значимость службы, выполнявшейся сотрудниками Мариинского ведомства для государства, подчеркивалась системой наград, как это было заведено в других государственных учреждениях. Был утвержден орденский знак для лиц женского пола — «Мариинский знак отличия беспорочной службы». Героиня рассказа М.Е. Салтыкова-Щедрина, — дочь павшего на поле брани воина, все наследство которой — жалкий помещичий дом, где «двери завязывались веревочкой». Девочку поместили на казенный счет «в один из лучших институтов», где

---

[50] См.: *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 11. В Харьковский институт принимались также дочери обедневших купцов, перешедших в мещанское звание.

[51] Как уже говорилось, бюджеты провинциальных институтов пополнялись, помимо прочего, из местных приказов. Так, в Харьковский институт поступали средства из Слободско-Украинского, Екатеринославского, Курского, Орловского и Воронежского приказов, получивших за это право помещать в институт без платы по 2–3 бедных дворянок своих губерний. Киевский приказ до открытия института в Киеве выплачивал пособие Полтавскому институту. Однако, поскольку в Киеве купечество 1–2-й гильдий было немногочисленным, с 1828 г. было дозволено допускать в Полтавский институт дочерей «старожилых именитых» граждан Киева.

она и осталась по окончании курса служить классной дамой, — ведь ей некуда было идти. Посетивший ее как-то друг отца, бывший его сослуживец, одобрил, что девушка идет «по стопам достославного отца своего», то есть, выполняет государеву службу[52]. Значительная часть классных дам была дочерьми офицеров, и Мариинское ведомство обеспечивало им стол и кров, тем самым поддерживая эту социальную группу.

Приняв после смерти матери бразды управления женскими учебными заведениями, Николай I первое время следовал примеру матери, лично вникая во все подробности их жизни и принимая все необходимые решения. Он часто посещал петербургские институты, как и кадетские корпуса, знал многих детей поименно, был к ним так добр и внимателен, что его визиты запоминались воспитанникам на всю жизнь[53]. Такое поведение царя и его окружения поддерживало традиционную связь монархии и сословий, служивших ей опорой, окрашивало ее личными чувствами. Однако выполнение руководящих функций не могло сосредоточиться в руках узкого круга людей, как это было при императрице Марии Федоровне. Расширение сети учебных заведений, умножение организационных вопросов, усложнение учебно-воспитательного процесса требовало кропотливой работы специальных административных органов.

---

[52] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Полковницкая дочь // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. Кн. 2. М., 1974.

[53] Как свидетельствовала институтка, «все члены царской семьи, часто посещая нас, очень баловали нас вниманием, но ни от кого институтки не видели столько ласк и забот, как от государя Николая Павловича. Всегда у него находилась милая шутка, доброе слово для нас…» (*Лазарева А.В.* Воспоминания воспитанницы Патриотического института дореформенного времени // Русская старина. 1914. № 8. С. 241. По замечанию историка кадетского образования, «личное обаяние императора магически действовало на воспитанников, свое восхищение им они пронесли через многие годы» (*Аурова Н.Н.* Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII — первой половине XIX века. М., 2003. С. 28–29).

2. Вторая половина 1830 — начало 1840-х гг. Инспектора, учителя, методики преподавания

Как уже говорилось, постановка учебного дела в разных женских институтах различалась, что было обусловлено прежде всего той культурной средой, в которой они существовали. Как указывает С.В. Рождественский, одним из основных принципов австрийской системы просвещения, взятой за образец Екатериной II, являлся «принцип единообразия», не допускавший, чтобы «ведение учебного дела было “само по себе или на волю одних учителей оставлено”, ибо нельзя было предположить, чтобы все они были равного прилежания, способностей и прозорливости». Для этого разрабатывались единообразные методы, подбиралась общая для всех учебная литература, утверждались нормы «внешнего порядка»[54]. В соответствии с общей политикой государства в области образования и с переменами в общекультурном уровне в 1830-х гг. становится возможным введение все большей унификации учебной части в женских институтах.

В 1836 г. по предложению министра народного просвещения С.С. Уварова были приняты общие правила для испытания учителей учебных заведений: в присутствии ректора университета и собрания факультета соискатель должен был дать пять устных и два письменных ответа на предложенные ему вопросы, а также прочесть пробную лекцию, в которой обращалось внимание на «простоту, ясность, связь и легкость» преподавания. В женских учебных заведениях по решению императрицы эти требования были снижены: экзамен должен был проводиться для инспекторов классов и старших преподавателей, а остальные учителя могли доказывать свою квалификацию устно, и лишь по своему предмету. Претендент на должность инспектора или старшего учителя обязан был предоставить диплом на ученую степень университета, атте-

[54] *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения… С. 578.

стат на звание действительного студента или свидетельство об окончании курса в Главном Педагогическом институте[55].

Известно, что большое внимание выбору учителей для московских женских институтов уделял управляющий учебной частью С.М. Голицын. Не ограничиваясь официальными сведениями (аттестатами и формулярными списками), Голицын собирал «самые верные и самые подробные сведения об их способностях, образовании, характере и даже семейных обстоятельствах»[56]. Но для многих провинциальных институтов возможности выбора лучших учителей в то время не существовало.

Далеко не сразу удавалось воплотить в жизнь правила, хотя бы и «высочайше» провозглашенные. Институты в своей деятельности сталкивались со множеством трудностей. Еще долгое время несогласованность норм, их своевольная трактовка, разнобой и очевидное несовершенство учебных программ, характерное для уровня развития педагогики тех лет, приводило к тому, что учебная часть в разных институтах могла зависеть от многого — от профессионализма и таланта педагогов, личности начальниц, взаимоотношений между «старшими», уровня подготовки поступающих воспитанниц и местного культурного фона. Постоянным фактором на протяжении всей первой половины XIX в. являлись противоречие между значением учителя в учебном процессе и его невеликим рангом, разница между тем положением в обществе, какое зачастую занимала начальница института и — формально не подчиненный ей, но на деле зависимый от ее воли инспектор классов, разногласия и даже конфликты между членами Советов и начальницей и пр. Успешное функционирование такого сложного организма, как женский учебно-воспитательный интернат, требовало соблюдения дисциплины, регламентации

---

[55] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 98.

[56] [*Армфельд* А.О.] Князь Сергей Михайлович Голицын. С. 70. *Голицын* Сергей Михайлович, князь (1774–1859). Попечитель московского учебного округа в 1830–1835 гг., председательствующий в московском отделении Главного совета женских учебных заведений с 1845 г., почетный опекун.

повседневных практик, четкого разграничения полномочий ответственных лиц.

В воспоминаниях А.В. Никитенко находим примечательный эпизод. В начале его педагогической деятельности в Смольном инспектор классов Герман заявил молодому педагогу: лекции «должны быть сколь возможно кратче; что, читая их, я не должен слишком вдаваться в теоретические исследования и блистать высотою или новизною идей; что с девицами надо сколь возможно избегать учености и т.д.». Никитенко настолько задели эти поучения, что он стал подумывать об отставке. Но тут к нему подошла инспектриса[57] и, похвалив его уроки, сказала: «вы хотите направить их [воспитанниц] вкус, ввести в дух литературы. Это-то и не нравится здешним ученым… Но, ради Бога, не смотрите на это: идите своей стезей; вас понимают совершенно. Вы возбудили энтузиазм ваших учениц, и с этим и экзамен вам не страшен»[58].

Нельзя сказать, руководствовался ли инспектор рациональными соображениями, или его задевал успех молодого учителя, но преподавание любимца смолянок Никитенко действительно могло вызывать нарекания опытного педагога. Как свидетельствует его ученица Наталья Семенова (Грот), Никитенко умел «сообщать нам любовь к литературе и чувство изящного. Но лекции его были несколько неопределенны и содержали так мало фактов, что трудно было из них что-нибудь выжать для экзамена. Это были более беседы об изящном, чем полный и определенный курс истории литературы. Вести записки у него было очень трудно, так отвлеченны и туманны были эти лекции»[59].

---

[57] Инспектриса — заместительница и ближайшая помощница начальницы в Смольном и петербургском Екатерининском институтах.

[58] *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 1. М., 1955. С. 100. По свидетельству учившейся в Воспитательном обществе мемуаристки, смолянки «боготворили» Никитенко (*Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов // Русский вестник. 1900. № 9. С. 161).

[59] *Грот Н.П.* Из семейной хроники… С. 55.

В 1839 г. был утвержден документ, регулирующий ответственность начальствующих лиц и области их компетенции, — «Положение об учебной части в Воспитательном обществе благородных девиц и в Училище ордена св. Екатерины»[60]. Автором «Положения» был министр народного просвещения С.С. Уваров. С 1838 г. он являлся членом Совета Воспитательного общества и Екатерининского института по учебной части, а затем вошел в Главный совет женских учебных заведений. Немало полезных перемен в постановке институтского образования в конце 1830-х — 1840-е гг. связано с его именем[61].

Согласно уваровскому «Положению», учение в целом находилось в ведении назначаемого императором члена Совета института по учебной части, который согласовывал с начальницей обсуждение дел в Совете. Непосредственное руководство учебным процессом осуществлял инспектор классов, который докладывал обо всех делах члену Совета и начальнице, подбирал книги для «назидательного чтения» воспитанниц, а также учебники и учебные пособия — по преимуществу из списка принятых в училищах Министерства народного просвещения. Если же руководства «по какой-либо науке» недоставало, его составление следовало поручить одному из учителей, а затем литографировать.

В ведении инспектора находились учителя, о которых полагалось иметь «подробнейшие» сведения, следить за «ясностью» их преподавания, «определительным», понятным изложением предмета, а также следованием предписанной программе. Учителя первоначально принимались на четыре месяца «на опыт», при этом инспектору вменялось в обязанность помогать преодолеть недостатки преподавания своими советами. Инспектору надлежало знать об «отличных

---

[60] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 225–287. 10 июня 1839 г. («Положение» ошибочно датировано Черепниным 1832 г.: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 42).

[61] *Пономарева В.В.* Министр народного просвещения С.С. Уваров и закрытые женские институты Российской империи // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 3.

преподавателях», и по возможности приглашать их на службу. Инспекторы должны были составлять таблицу об успехах учащихся по рапортам учителей и отчитываться за каждую треть учебного года.

Важнейшим нововведением стал регулярный созыв *учительской конференции*, участниками которой стали все учителя института. На конференции отныне обсуждались учебные программы, успехи воспитанниц, способы улучшения преподавания и пр.[62] Во время учебных конференций учителя могли «свободно сообщать свои мнения», но в протокол следовало вносить лишь те замечания и предложения, с которыми был согласен инспектор. Таким образом, в соответствии с «Положением» Уварова, круг обязанностей инспектора классов был обширным, не зря его провозглашали «двигателем всей учебной деятельности в заведении»[63].

От удачного подбора кандидатуры на должность инспектора классов зависело очень многое. Изучение материалов, характеризующих учебную часть различных женских институтов второй половины 1830-х гг., позволяет сделать вывод, что в это время происходит серьезная ротация преподавательских кадров: в женские институты приходит новое поколение учителей, имеющих специальное педагогическое образование, — выпускников университетов, Главного педагогического института, Духовных академий.

Подготовка педагогических кадров являлась для Уварова, еще в бытность его попечителем Петербургского учебного округа, одним из важнейших дел. Сам он так формулировал задачу, решению которой было отдано немало сил: «приготовлять наставников чрез практическое упражнение в преподавании, создать и укоренить в Отечестве нашем самостоятельное ученое сословие, независимое в развитии умственной деятельности

---

62 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 230. § 30–34.

63 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 225–230, 232.

от влияния чуждых систем и примеров»[64]. В 1816 г. Уваровым был преобразован Главный Педагогический институт, который можно было назвать «кузницей кадров не только для училищ С.-Петербургского учебного округа, но и всей страны»[65].

Во время министерства С.С. Уварова практика заграничных стажировок выпускников высших учебных заведений для подготовки к званию профессоров университетов, а также совершенствования будущих преподавателей средних учебных заведений, приобрела особый размах. Благодаря этому для русской школы разных ступеней были подготовлены высококвалифицированные кадры педагогов.

В русских университетах в 1830–1840-х гг. произошло «почти полное обновление» профессорско-преподавательского состава[66]. Самым благотворным образом это сказалось и на постановке учебного дела в женских институтах.

Удачный выбор незаурядных инспекторов классов и достойных преподавателей нового поколения в конце 1830-х гг. предопределил уровень постановки учебного дела во многих женских институтах. Получившие надлежащую подготовку преподаватели стремились совершенствовать преподавание в институтах, применять новые методы обучения, подготавливали уже не переводные, а оригинальные учебники и учебные пособия.

Еще в 1819 г. «для узнания разных методов воспитания», в том числе «методы взаимного обучения с целью введения ее потом в училища русские», были отправлены четыре студента Главного педагогического института: Федор Буссе, Александр

---

[64] *Уваров С.С.* Десятилетие министерства народного просвещения. 1833–1943 гг. // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX в. Хрестоматия. М., 2011. С. 325.

[65] *Фирсова Н.В.* Подготовка учителей для народных училищ в последней трети XVIII — первой половине XIX в. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 151.

[66] *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования: В 5 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 19.

Ободовский, Матвей Тимаев и Карл Свенске[67], кандидатуры которых были отобраны самим Уваровым[68]. Молодые люди изучали приемы взаимного обучения Э. Белля и Дж. Ланкастера, посетили институт Песталоцци и Фелленберга в Швейцарии, знакомились с распространенными тогда педагогическими методами, в т.ч. А.Г. Нимейера[69], И.Б. Базедова, и др. Кроме того, «на возвратном пути» в Россию им удалось изучить постановку учебного дела в германской школе разного уровня, в том числе Жирарда во Фрейбурге. Вернувшись, молодые люди заняли вакансии в Учительском институте, затем преподавали в разных учебных заведениях[70]. Таким образом, судьба на некоторое время развела товарищей, однако спустя годы троих из них мы обнаруживаем на одном поприще — на службе в женских институтах. Если в 1820-х гг. поиски для Смольного учителя, который мог бы обучать «методом Базедова, усовер-

---

[67] *Свенске* Карл Федорович (1797–1871), старший учитель 3-й петербургской гимназии, автор трудов по географии (Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год. СПб., 1855. Т. 1–2; Материалы для истории составления атласа Российской империи. СПб., 1866; др.).

[68] *Жуковская Т.Н.* Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810 годах (по письмам и дневникам) // Восток-Запад. 2016. № 9. С. 82.

[69] *Нимейер* Август Герман (1754–1828), профессор богословия, ректор Галльского университета, который одним из первых, рассматривая педагогику как науку, закладывал ее теоретические основы. Автор труда «Основы воспитания и обучения» (1799).

[70] *Жуковская Т.Н.* Стипендиаты российских университетов в Европе… С. 83, 90. По замечанию историка, стипендиаты образовывали для Уварова «своеобразный кадровый резерв, которым министр на протяжении долгого времени мог распоряжаться по своему усмотрению» (*Костина Т.В.* К вопросу о кадровой политике министра народного просвещения С.С. Уварова: случай О.М. Бодянского и В.И. Григоровича // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России. Сб. ст. Казань, 2015. С. 35).

шенствованным Песталоцци»[71], успехом не увенчались, теперь же в России были подготовлены собственные кадры, знакомые с самыми современными западноевропейскими педагогическими методиками.

М.М. Тимаев, поступивший на службу в Смольный в 1823 г., после смерти инспектора классов К.Ф. Германа в 1839 г. занял его место. Герман давно уже был слишком стар и «спал на экзаменах»[72], поэтому можно предполагать, что заместитель инспектора Тимаев фактически давно исполнял его обязанности в Смольном и Екатерининском институтах[73]. Тогда же, в 1839 г. Смольный институт получил новую начальницу, смолянку М.П. Леонтьеву[74].

---

[71] В соответствии с этим методом, предложенным в 1770-х гг., детей учили складам на основании деления букв на губные, язычные и гортанные. Ученики учились отличать в речи буквы, слоги, затем слова и учились складывать их сначала устно. Затем использовали «подвижные буквы» — картонки с буквами и слогами, и начинали складывать из них слова. И.Г. Песталоцци предлагал детям игру на основе метода Базедова — придумывать и выкладывать слова из подвижных букв. На методе, предполагавшем активное использование разнообразных учебных пособий (глобусов и рельефных карт, макетов и чучел, разнообразных карточек) основывалось множество других методик.

[72] *Быкова В.П.* Записки старой смолянки (императорского В.О.Б.Д.). 1833–1878. СПб., 1898. С. 10, прим. сост.

[73] См.: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 41. *Тимаев* Матвей Максимович (1798–1858), выпускник Педагогического института. По возвращении из командировки за границу преподавал историю и русскую словесность, давал уроки истории великим княжнам Марии, Ольге и Александре Николаевнам, Марии Александровне. Автор «Начертания курса изящной словесности для употребления в высших классах имп. Воспитательного общества, училища ордена св. Екатерины» (СПб., 1832), «Histoire universelle a l'usage de la Comminaute Imperiale des demoiselles nobles».

[74] *Леонтьева* Мария Павловна (1792–1874), ур. Шипова. Окончила с шифром Воспитательное общество в 1809 г. Вдова генерал-

Предметом преподавания М.В. Тимаева была русская словесность, занимавшая почетное место среди других предметов (думается, что не случайно большинство инспекторов классов в женских институтах являлись преподавателями именно отечественной словесности). Прозванный своими подопечными «Демосфеном», Тимаев старался внушить им любовь к родной литературе, знакомил не только с классической, но и с современной поэзией[75].

Преподавание Тимаева характеризуют дневниковые записи его ученицы, смолянки В.П. Быковой, сделанные до 1836 г. На страницах ее дневника встречается множество отрывков стихотворений Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, К.Н. Батюшкова, В.Г. Бенедиктова, Н.М. Языкова, И.И. Козлова и др. Эта институтка пылко выражает восхищение всем русским, вплоть до русского платья при Дворе. Но прежде всего — девушка преклоняется перед русским языком. В галерее героев 1812 года она, глядя на портрет М.И. Кутузова, декламирует про себя «Перед гробницею святой стою с поникшей головой», и далее размышляет: «не знаю, кого люблю я больше: Кутузова ли, спасшего Россию, или Пушкина, так глубоко

майора. Гофмейстерина, кавалерственная дама. Помощница начальницы с 1838 г., начальница в 1838–1874 гг.

[75] О более позднем времени сохранилось следующее свидетельство. А.А. Фет вспоминал, что хотя его стихи «уже около десяти лет были знакомы читателям хрестоматий», младшая сестра Надя, недавно кончившая учение в Смольном, «едва ли не одна из целого семейства знала о моем стихотворстве и искала со мной бесед» (*Фет А.* Мои воспоминания. 1848–1889. Ч. 1. М., 1890. С. 2). Среди соседей своей семьи Фет выделял Анну и Варвару Мансуровых, смолянок (вып. 1821 г.), «весьма милых и образованных девушек», в особенности младшую Варвару, которая снабжала мать Фета «интересными книгами, так как отец, кроме “Московских ведомостей” и “Вестника Европы”, никаких книг не выписывал» (*Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 23). Кузина Фета, С.К. Оболенская, ур. Шеншина, выпускница петербургского Екатерининского института, позже являлась начальницей Орловского, затем Оренбургского институтов.

прочувствовавшего заслуги великого полководца и так прекрасно их воспевшего». Она удивляется: «мне рассказывали, что в высшем свете не иначе говорят, читают и пишут, как по-французски; а подруги уверяют еще, что многие русские совсем не говорят по-русски, и не умеют говорить. Такие, право, смешные наши и глупенькие: верят всякому вздору и потом оспаривают подобного рода нелепости. Как будто бы может быть, чтобы какой-нибудь народ не знал своего собственного языка?! Да и как не любить нашего русского? Он звучен, гибок, силен, “как нравы русские могуч, / И как Россия он обилен!”». Позже, перечитывая Пушкина, она восклицает: «Как это он ни разу не попал в Смольный прочесть что-нибудь? Хотя бы шутки ради. Мы все бредили им, и стихи его читали наизусть; с любовию читали и восхищались ими»[76].

Как инспектору классов главного из женских институтов, т.е. старшему в этой должности, Тимаеву на протяжении многих лет направлялись на рассмотрение учебные программы и пособия, которые разрабатывали преподаватели других женских учебных заведений[77].

---

[76] *Быкова В.П.* Записки старой смолянки. СПб., 1898. Ч. 1. С. 68, 76, 344. *Быкова* Варвара Петровна (1820–1886), дочь полковника, и ее сестра Анна, закончили курс Воспитательного общества в 1836 г. Обе награждены шифром. Оставшись без поддержки родных, без средств, девушки поступили в качестве классных дам на службу в Общество. В 1858 г. обе получили назначение в Иркутский институт: Анна стала его начальницей (оставалась в должности 19 лет), Варвара — ближайшей помощницей сестры, преподавательницей французского языка и музыки. Их старшая сестра Елизавета окончила курс Патриотического института, а младшая Ольга — Воспитательного общества (вып. 1854 г., с шифром). На нескольких страницах своего дневника Варвара Петровна пишет о своем восхищении преподаванием Тимаева, который «своим красноречием так увлекает нас, что слушая его, забываешь себя и думаешь, что ты не на земле и не в классе, а там и с тем, о чем он говорит» (С. 4, 1833 г.).

[77] См.: РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 1636.

Проходивший заграничную стажировку вместе с Тимаевым и Ободовским Федор И. Буссе (впоследствии директор 3-й мужской гимназии) преподавал в Смольном математику, как и его брат Франц И. Буссе[78]. Оба брата являлись авторами новых учебников, учебных пособий и руководств для учителей по преподаванию математики[79]. Кроме того, Франц И. Буссе составил учебник, специально предназначенный для женских учебных заведений — «Арифметические записки для девиц» (1845)[80].

Другой товарищ Тимаева, А.Г. Ободовский[81], занял место инспектора классов Сиротском, а позже в Елизаветинском институте Петербурга. Помимо учебников и учебных пособий по географии и статистике, он являлся автором «единственного первого полного курса педагогики на русском языке»[82] — «Ру-

---

[78] *Буссе* Франц Иванович, также питомец Педагогического института, вел занятия (как и многие другие учителя) сразу в нескольких женских институтах Петербурга — Смольном, Екатерининском, педагогических классах Александровского, где слыл «очень строгим и нелюбимым многими» (*Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки… С. 109). Его сын Вильгельм, выпускник Петербургского университета, впоследствии также преподавал математику в Воспитательном обществе (1859–1880 гг.).

[79] *Буссе Федор И.* Руководство к преподаванию арифметики для учителей (1831); Вопросы для экзаменаторов по математике (1835); Основания геометрии, руководство, сост. для гимназий (7-е изд. — в 1880 г.); Собрание арифметических задач, расположенное по «Руководству к арифметике, сост. для уездных училищ» (12-е изд. — в 1864 г.), и др. Высоко оценивал Буссе как преподавателя учившийся в его гимназии замечательный педагог В.Я. Стоюнин (см.: *Стоюнин В.Я.* Педагогические сочинения. СПб., 1892. С. 3).

[80] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 58.

[81] А.Г. Ободовский первоначально поступил учителем географии и статистики в Смольный институт (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1960. 1823–1826 гг.).

[82] См.: *Голиков В.И.* Методика естествоведения в главнейших ее представителях и историческом развитии в нашей общеобразовательной школе. М., 1902. С. 50. *Ободовский* Александр Гри-

ководства к дидактике, или науке преподавания» (СПб., 1837), сделав достоянием русского читателя те педагогические знания, какие получил в том числе и в заграничном путешествии.

В 1839 г. последовали перемены в управлении Екатерининским институтом: помимо назначения новой начальницы, смолянки Е.В. Родзянко[83], своего собственного инспектора получила учебная часть Екатерининского института, прежде управлявшаяся из Смольного. Им стал брат Александра Ободовского, Платон, преподававший в старших классах российскую словесность. Как вспоминала ученица Ободовского, «его лекции были интересны, особенно когда он читал сочинения поэтов и писателей, читал блестяще-увлекательно»[84]. Своих учителей воспитанница Екатерининского института аттестует так: «преподаватели у нас были весьма хорошие, т.е. особливо в 1-м отделении… По французскому языку живой и остроумный Курнан[85] не только прекрасно и подробно преподавал французскую литературу, но и превосходно продвигал нас в практике языка. По арифметике мы учились у Буссе очень

горьевич (1796–1852) участвовал в издании первого в России журнала, посвященного вопросам педагогики — «Педагогический журнал» (1833–1834 гг.) (*Колчина Т.В.* Первый в России «Педагогический журнал» и его деятели // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. 1971. Т. 300. Вып. 2).

[83] *Родзянко* Екатерина Владимировна (1788–1828), ур. Квашнина-Самарина, вдова генерал-майора, вып. Воспитательного общества 1812 г., награждена шифром, что давало право на получение пожизненной пенсии в размере 200 руб. Начальница петербургского Екатерининского института в 1839–1877 гг.

[84] *Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 107. Платон Г. Ободовский также был выпускником Педагогического института.

[85] *Курнан* (Курнанд) Иосиф Антонович преподавал французскую словесность в 1840–1850-х гг. в петербургском Екатерининском институте.

охотно; преподаватель географии Рожков[86] преподавал предмет свой в высшей степени умно, интересно и основательно. История же шла в маленьком классе у преподавателя Аникиева[87] гораздо лучше, чем в большом, когда живые уроки нашего прежнего инспектора Тимаева заменились довольно педантичными и сухими лекциями магистра университета Кестнера»[88].

В те же годы сменились инспекторы классов московских институтов. В 1838 г. инспектором класса московского Екатерининского института стал профессор университета Н.Д. Брашман[89], наблюдавший также за постановкой учебного дела в Александровском училище.

С 1837 г. обустройством учебной части московского Александринского Сиротского института занимался инспектор классов И.И. Давыдов. Давыдов, профессор русской словесности,

---

[86] Ошибка мемуаристки: имя ее учителя — *Рашков* Николай Алексеевич, преподававший географию и российскую словесность в 1829–1851 гг.

[87] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1483. Об определении учителя истории и русского языка Александра Аникиева. *Аникиев* Александр Сергеевич (1794–1853), преподаватель русского языка, истории и географии в Смольном и Екатерининском институтах, Пажеском корпусе. Автор учебников «Краткая история средних веков в синхронистическом порядке, с прил. синхронистических таблиц» (СПб., 1847); «Древняя история в этнографическом порядке» (СПб., 1846); «Упражнения в древней истории» (СПб., 1848), др. Его дочь София, окончив петербургский Екатерининский институт (вып. 1844 г.), служила там же классной дамой в течение 25 лет и оставила записки (*Аникиева С.А.* Воспоминания бывшей институтки. СПб., 1899).

[88] *Грот Н.П.* Указ. соч. С. 55–56.

[89] *Брашман* Николай Дмитриевич (1796–1866), профессор Московского университета, с 1855 г. член-корреспондент Академии наук. Автор одного из лучших учебников аналитической геометрии, заложивший основы научного преподавания механики в университете. Инспектор классов московских Александровского и Екатерининского институтов (1838–1859), основатель Математического общества при Московском университете.

был опытным педагогом, преподававшим в Московском университете и университетском Благородном пансионе. По свидетельству биографа, Давыдов первым ввел там «общесравнительное изучение языка, согласно с современным воззрением на филологию, по руководству Беккера, Боппа, В. Гумбольдта и Я. Гримма». Давыдов считал, что необходимо прежде всего развивать способности учеников: «дайте им правильное развитие: они будут в состоянии приобрести все нужные сведения»[90]. В Александринском институте Давыдов «сообщил [учебной части] определенную систему», по всем предметам составил сам программы, заменил тех учителей, которые, по его мнению, не соответствовали требованиям, и «дело пошло ходко, что сказалось на быстрых успехах учащихся», и неудивительно, что «из его аудитории вышли отличные преподаватели русского языка и словесности»[91].

Не раз критиковался принятый в институтах обычай преподавать часть учебных предметов на французском и немецком языках. Но подобный порядок поддерживался опытными педагогами и был принят во многих привилегированных учебных заведениях — там, где возможна была успешная постановка преподавания иностранных языков. В частности, в университетском Благородном пансионе — лучшем из средних учебных заведений того времени, так же, как и в женских институтах, по инициативе И.И. Давыдова некоторые учебные предметы «для удобнейшего изучения» иностранных языков преподавались на немецком и французском языках[92].

Особенных успехов в Александринском Сиротском институте добились в преподавании математики и русского языка.

---

[90] *Давыдов И.И.* О согласовании воспитания с развитием душевных способностей // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. / Сост. П.А. Лебедев. М., 1987. С. 252.

[91] Сто один [*Галахов А.Д.*]. Из записок человека. С. 536.

[92] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855. Ч. I. С. 276. И.И. Давыдов женился на институтке В.А. Малеевой, «благородной, образованной девице» (С. 285).

Постановка математики, в отличие от других женских учебных заведений, стояла в институте на особой высоте: преподавание не ограничивалось арифметикой, но «заключало в себе алгебру и геометрию». Профессор П.Н. Погорельский (преподававший в институте также и физику) стремился «содействовать ходу математического учения способом преподавания более практическим»[93], и ученицы «усвоили все части элементарной математики также основательно, как гимназисты, и по окончании курса сами обучали ей. Знаниям одной из них (г-жи Ефимовой) и уменью передавать знания дивился П.Л. Чебышев»[94].

В 1838 г. началось инспекторство в московском Сиротском (впоследствии — Сиротском Николаевском) институте ординарного профессора судебной медицины Московского университета А.О. Армфельдта, продолжавшееся тридцать лет[95].

---

[93] Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855. Ч. II. С. 274. *Погорельский* Платон Николаевич (1800–1852), воспитанник Московского университета. Перевел на русский язык и основательно переработал французский учебник «Курс чистой математики», который был принят министерством народного просвещения для гимназий и выдержал много переизданий.

[94] Сто один [*Галахов А.Д.*]. Из записок человека. С. 541–542.

[95] *Армфельдт* Александр Осипович (1806–1868), доктор медицины (1833), инспектор классов в Николаевском Сиротском институте (1838–1868), заслуженный профессор Московского университета (Биографический словарь. Высшие чины Российской империи. Т. I. М., 2017. С. 61–62). Жена Армфельда, ур. А.В. Дмитровская, воспитанница Екатерининского института, вышла за него замуж тотчас по окончании курса. Дочь Армфельдта, О.А. Федченко (1845–1921), ботаник, автор многих научных трудов, член-учредитель Общества Любителей естествознания — воспитанница института, где инспектором был ее отец (25-летие ученой деятельности Ольги Алексадровны Федченко // Исторический вестник. 1889. № 3. С. 771; *Валькова О.А.* Ольга Александровна Федченко. М., 2006), а ее будущий муж А.П. Федченко там же преподавал естествознание и физику. Другая дочь Армфельдта, Наталья, окончила курс в том же институте, затем училась в Гей-

«Быстрый, с умом ясным и скоро обнаруживающим предметы, он в совершенстве владел не только языками русским и немецким.., но и другими — латинским, французским, английским, итальянским», — так характеризовал своего старшего коллегу А.Д. Галахов[96].

Сам Галахов преподавал русский язык и словесность в московских Сиротском и Александровском институтах. Инспектор классов Армфельдт «ничем и никогда не стеснял» учителей, и Галахов с Кудрявцевым знакомили институток с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Для воспитанниц постарше устраивались вечерние литературные чтения. В результате они получали «достаточное понятие о значении корифеев нашей словесности, вместе с тем развивался у них вкус к изящному и явилась охота к чтению образцов литературных произведений». Воспитанницы Галахова «отличались любознательностью и интересовались современной литературой». Он приносил им «лучшие журналы» 1840-х гг., и в квартире начальницы для старших воспитанниц устраивались литературные вечера, на которых читали сочинения Гоголя («разумеется, с исключением некоторых мест, не подлежащих ведению девиц»)[97]. Среди учениц Галахова была и будущая жена

дельберге в одной коммуне с С.В. Ковалевской, А.В. Корвин-Круковской, А.М. Евреиновой. Впоследствии она стала активной революционеркой и умерла в ссылке (*Валькова О.А.* Указ. соч. С. 18–19).

[96] *Галахов* Алексей Дмитриевич (1807–1892), профессор историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук. Составитель хрестоматий, по которым училось несколько поколений русских школьников. «Полная русская хрестоматия» (ч. 1–2. СПб., 1842) выдержала около сорока изданий. По поручению начальника штаба военно-учебных заведений Я.И. Ростовцева составлял учебные программы и конспекты русского языка и словесности. Учебными заведениями Ведомства учреждений имп. Марии закупались полная и сокращенная «Русская хрестоматия» Галахова (ЦГИА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 28. Л. 33 об.).

[97] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 121.

В.Г. Белинского, М.В. Орлова, служившая, как и ее сестра Аграфена, после окончания учебного курса классной дамой. Задолго до встречи с Белинским сестры были почитательницами его творчества и, в свою очередь, знакомили с ним своих подопечных институток. Так, по свидетельству популярной в свое время институтки писательницы А. Вербицкой, ее мать, также учившаяся в институте, «рано слышала» имя Белинского от своей классной дамы А.В. Орловой[98].

В 1839 г. новый инспектор классов появился и в Патриотическом институте — им стал П.П. Максимович[99], сменивший на этом посту П.А. Плетнева, который занял пост ректора Петербургского университета, но при этом оставался членом Совета института по учебной части.

Преподававший в Патриотическом институте в 1830-х гг. историю и географию Н.В. Гоголь предложил свое осмысление правильной постановки преподавания истории и географии в средней школе. Он считал разумным преподавать географию в двух возрастах: в младшем кратко, в старшем — подробно (в т.ч. «подземную географию», т.е. минералогию), прослеживая связь между природой стран и их промышленностью, показывая при этом «физиономию каждого народа» в связи с влиянием на народный характер географических причин. Критикуя учебники как «умерщвляющие воображение», Гоголь призывал постоянно пользоваться картой[100]. При изу-

---

[98] *Вербицкая А.* Моему читателю. Автобиографические очерки. М., 1911. С. 26.

[99] *Максимович* Павел Петрович (1796–1888) служил учителем русского языка и арифметики в Смольном институте в 1823–1830 гг. (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1962), позднее — инспектор казенных училищ Петербургского учебного округа, член Учебного комитета министерства народного просвещения. Автор популярной книги «Друг детей, книга для первоначального чтения» (СПб., 1850; 19-е изд. в 1882 г.), пер. с франц. яз. учебник К. Мальт-Брена «Физическая география» (СПб., 1831).

[100] *Гоголь Н.В.* Мысли о географии для детского возраста // Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Т. 2. СПб., 1857. Впервые опубл. в: Ли-

чении истории он считал необходимым показывать учащимся «великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями», разворачивая историю прошлого в «нераздельной связи», и при этом — «непременно живо»[101]. Уже в начале XX в. педагог-методист Я.И. Руднев, высоко оценивая глубину его мысли, утверждал, что «почти все, что сказал Гоголь, повторяется и в современных методиках географии»[102]. (При этом на своих уроках Гоголь, то и дело увлекаясь, далеко отходил от учебного плана: так, одна из учениц вспоминала, что «преподавание его было неровное, отрывчатое; одних событий он едва касался, о других же слишком распространялся», но «его любили за редкое искусство говорить и за несравненные, только что вышедшие тогда “Вечера на хуторе”»[103].)

тературная газета. 1831. № 1. *Гоголь* Николай Васильевич (1809–1852), недовольный своей службой в Петербурге в качестве чиновника, получил место учителя в институте благодаря ходатайству друзей — инспектора классов П.А. Плетнева, В.А. Жуковского и покровительству императрицы Александры Федоровны, и преподавал там в 1831–1835 гг. В письме матери о службе в женском институте он писал: «Вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия» (*Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 61). Сестры Гоголя, Анна и Елизавета, в виде исключения учились «сверх комплекта» в том же Патриотическом институте (1834–1840 гг.) по «высочайшему соизволению».

[101] *Гоголь Н.В.* О преподавании всеобщей истории // Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Т. 2. СПб., 1857. С. 30–44. Впервые опубл. в: ЖМНП. 1831. Ч. 1.

[102] См.: *Руднев Я.И.* География в школе. Вопросы преподавания и методики географии в средней и народной школе. СПб., 1913. С. 15.

[103] *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 гг. СПб., 1913. С. 62, 65. Отметим, что в приводимых Бардовским мемуарах воспитанница говорит о

В 1839 г. состоялось назначение нового инспектора академика Ф.Ф. Брандта в Мариинском институте, и это «особенно содействовало подъему образования в институте»[104]. А спустя два года институт получил новую начальницу — В.И. Фёре[105]. В институте успешно применялись «новые приемы» в преподавании, о чем мы встречаем упоминания в письмах В.Ф. Одоевского. По словам Одоевского, успех был достигнут не сразу, а «после многих переговоров, писаний и т.д.»[106], причем особенно отличился учитель М.Г. Данилевский[107]. О каких именно «новых приемах» идет речь, мы можем лишь догадываться. Из биографии Данилевского узнаем, что он, помимо женского института, преподавал и в *ланкастерском* классе 3-й мужской гимназии. При этом известно, что в Мариинском институте действительно предпринимались попытки применять ланкастерскую методу, когда обученные преподавателями наиболее способные воспитанницы в свою очередь учили более слабых[108]. Таким образом и сами воспитанницы получали возможность практиковаться в преподавании.

знакомстве институток с «только что вышедшим» произведением Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки» увидели свет в 1831 (1-й т.) и 1832 гг. (2-й т.)

[104] *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 88.

[105] *Фёре* Вильгельмина Ивановна, ум. в 1866 г., жена учителя музыки, начальница Мариинского института в 1839–1850 гг., получила место благодаря рекомендации П.А. Плетнева. До этого назначения в течение 25 лет держала в Петербурге пансион для девиц.

[106] См.: Два письма князя В.Ф. Одоевского… С. 17–18. Князь *Одоевский* Владимир Федорович (1804–1869) окончил университетский Благородный пансион, где был среди лучших учеников, один из основоположников русского музыковедения. Литератор, философ, общественный деятель.

[107] *Данилевский* Михаил Гаврилович (1832–1856), преподаватель русского языка, русской истории и географии в старших классах Мариинского института в 1832–1856 гг., педагогики и психологии в 1848–1856 гг., занимался теми же предметами с великими княжнами.

[108] *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 88.

Ученица Данилевского запомнила, как часто тот «приносил с собою интересные книги и, обладая великолепным даром чтения, …знакомил нас с надлежащей интонацией; этот учитель был строгий, но приятный, когда он толкует, то Боже упаси взглянуть в окно, или переглянуться друг с другом! Но зато когда урок хорошо ответишь, с какой приятной, отцовской улыбкой он поблагодарит и поставит шесть (высокий современный балл)»[109].

Таким образом, способ преподавания отечественной словесности в эти годы меняется — пример М.М. Тимаева, П.Г. Ободовского, А.Д. Галахова и др. институтских преподавателей тех лет показывает, что воспитанниц знакомили с новинками отечественной литературы (не случайно составленная Галаховым хрестоматия декларировала ориентацию на современную литературу[110], что было внове), культивировали совместное чтение, устраивали литературные вечера. Эти уроки воспитывали любовь к книге, привычку к постоянному чтению.

Сделаем оговорку, что вышесказанное нельзя распространить на все институты: новые приемы, а, главное, общий взгляд на необходимость их применения, укоренялись постепенно, и слишком многое зависело от квалификации и способностей педагога, а также от личности члена Совета института по учебной части и проч. субъективных факторов. И все же, по утверждению Галахова, в целом женские институты находились в это время *в лучшем положении*, чем министерские учебные заведения. Здесь преподаватели «могли свободно выбирать образцы для ознакомления учащихся с родами прозы и поэзии, равно как и с характеристикой известнейших писателей». Галахов был хорошо знаком с разными типами школ и мог сравнить обстановку в женских и мужских учебных заведениях. В подтверждение мысли Галахова приведем свидетельство

---

[109] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Воспоминания А.И. Раздеришиной. 1830–1845. Л. 7.

[110] *Вдовин А., Лейбов Р.* Пушкин в современной школе: curriculum и литературный канон в XIX в. // Лотмановский сборник. № 4. М., 2014. С. 251.

В.И. Водовозова об учении в закрытом мужском училище: он вспоминал, как «долбил грамматику Греча.., но ни одного живого впечатления не осталось в моей памяти из обучения русскому языку… Жалкая словесность, которую мы заучивали в высших классах, состояла из одних бессмысленных фраз… Занятие литературой ограничивалось тем, что мы списывали запрещенные стишки, и у кого было больше подобных стишков, тот считался литературнее»[111].

К сожалению, свидетельств о практических результатах применения новых подходов и методик преподавания в женских институтах сохранилось немного. Об успехах в правописании благодаря «частому объяснительному диктованию» говорит Галахов, добавляя, что впоследствии этим методом стали пренебрегать, «ударившись в подробный до мелочности синтаксический разбор». Он же рассказывает о преподавании немецкого языка в соответствии с методой В.А. Эртеля, ученицы которого так быстро сумели пополнить запас слов и оборотов, что начинали «в короткое время понимать нетрудную повествовательную и описательную прозу»[112]. Другой учитель немецкого языка добивался успеха тем, что ставил сразу много вопросов к прочитанному отрывку и требовал возможно полных ответов, следя за тем, чтобы его подопечные были сосредоточены, и держал своих учениц в состоянии «напряженного внимания»[113].

В те годы именно в столицах была востребована постановка более серьезного преподавания, поскольку здесь на казеннокоштных местах учились бедные дочери отцов, живущих

---

[111] *Водовозов В.* Тезисы по русскому языку // ЖМНП. 1861. Ч. 109. С. 42–43. *Водовозов* Василий Иванович (1825–1886), выпускник Петербургского университета. Педагог, писатель, сподвижник К.Д. Ушинского по реформе Смольного института. Был женат на смолянке Е.Н. Цевловской, авторе знаменитых мемуаров «На заре жизни».

[112] Сто один [*Галахов А.Д.*]. Из записок человека. С. 542. О методе Эртеля см. сн. 228 на с. 224–225.

[113] См.: *Залога М.В.* Из воспоминаний институтской жизни. Воронеж, 1906. С. 15.

лишь на жалованье, или сироты. Для них важно было получить образование, гарантирующее заработок в будущем, — ведь многие из них прямо с институтской скамьи поступали на службу. В провинции по большей части учились девочки из помещичьей среды, и им прочили в будущем жизнь матерей и хозяек, а не гувернанток в чужих домах, и поэтому для многих из них получение систематического образования не имело столь жизненно важного значения. Впрочем, в провинции хорошо подготовленных учителей и найти было намного труднее, чем в Петербурге и Москве.

В 1827/28 уч. году учебную часть Полтавского института ревизовал инспектор классов Харьковского института, профессор Харьковского университета П.П. Гулак-Артемовский. Он сообщал, что воспитанницы «не получили никакого образования», и «все части учебного устройства Полтавского института, за исключением одной музыки, требуют или решительного преобразования, или значительного исправления»[114]. Спустя год профессора командировали в Полтавский институт для устройства учебной части «на правилах, принятых в других заведениях». По предложению Гулак-Артемовского преподавание всех предметов велось на русском языке, кроме двух — всемирной истории и географии, которые по желанию императрицы Александры Федоровны преподавались на французском. Нехватку местных учителей Гулак-Артемовский восполнил приглашенными из Харькова. Но это оказалось лишь временной мерой: квалифицированные преподаватели здесь надолго не задерживались. Местное дворянство было малочисленным, и учителям не приходилось рассчитывать на частные уроки, а казенное жалованье было небольшим. До учреждения кадетского корпуса в этом крупном городе действовала одна мужская гимназия. Гулак-Артемовский некоторое время совмещал должности инспектора классов в Харьковском и Полтавском институтах[115], и по всей видимости, ему

---

[114] *Лихачева Е.О.* Материалы... 1086–1856. Ч. 2. С. 218.

[115] РГИА. Ф. 759. Оп. 2. Д. 20.

удалось произвести самые неотложные преобразования в последнем.

Данных о Полтавском институте 1830–1840-х гг. сохранилось намного меньше, чем о петербургских, и они противоречивы. Е.И. Лихачева в одном месте своего фундаментального труда говорит о том, что столичный чиновник в 1840-е гг. нашел Полтавский институт в «цветущем» состоянии «по содержанию, воспитанию девиц, успехам в науках и искусствах, особенно в танцах и методе преподавания арифметики»[116], а в другом утверждает, что ревизия института середины 1840-х гг. показала, что и в это время значительную часть предметов преподавала иностранка, «выписанная из Франции». Остальными преподавателями также были женщины[117], и поднять уровень преподавания в институте, сравняв его с другими институтами, оказалось невозможным вплоть до 1850-х гг. Эта характеристика Полтавского института, приведенная на страницах «Материалов» Лихачевой, представляется несправедливой.

Сверив списки преподавателей Полтавского института за 1840 г., обнаружим, что подавляющее их большинство (девять из 15) — учителя местной губернской мужской гимназии, открытой в 1808 г. Более того, именно эти преподаватели считались по институтской иерархии «старшими», поскольку вели в институте основные предметы — «науки» (естественная история и физика, российская словесность и история, всеобщая география и история, арифметика; немецкий язык вел «младший» учитель, а рисование — «учитель искусств»). Как правило, именно так формировался преподавательский штат губернских институтов — в него входили учителя местных гимназий, кадетских корпусов или других учебных заведений, и это обеспечивало определенный стандарт преподавания.

Уроки естественной истории и физики в институте вел опытный учитель П.И. Иваницкий, выпускник Харьковского коллегиума и университета, инспектор классов мужской гимназии; российскую словесность и историю — выпускник Харь-

[116] *Лихачева Е.О.* Материалы... 1828–1856. С. 107.

[117] *Лихачева Е.О.* Материалы ... 1086–1856. Ч. 2. С. 114.

ковского университета И.Г. Бутков, не раз получавший от Училищного комитета университета благодарности за «хорошую постановку преподавания» в гимназии и заведующий ее библиотекой; всеобщую географию и историю — И.И. Боровиковский, о котором ревизор гимназии отзывался как о человеке «способном, деятельном и распорядительном»[118].

Инспектором классов Полтавского института был назначен директор училищ губернии (с 1838 г. им являлся внук поэта С.В. Капнист). Именно так обычно замещались должности инспекторов классов и в других провинциальных институтах — их, как правило, занимали директора губернских училищ.

Среди учителей Полтавского института в списке 1840 г. встречаются лишь три женщины — это учительницы музыки, танцев и рукоделия[119]. В 1845 г. число учителей Полтавского института увеличилось — их насчитывалось уже 20 человек (большинство из них — те же, кто был перечислен в 1840 г.), причем женщин, вопреки приведенным Лихачевой данным, осталось всего две — учительницы музыки и рукоделий[120]. Женщины, по обычной институтской практике, преподавали (наряду с мужчинами) музыку и танцы, иногда иностранные языки, а также рукоделие, тогда как другие предметы (например, рисование) — гораздо реже.

---

[118] См.: *Бояренцев С.М.* История учебных заведений Полтавы до 1917 г. Полтава, 2015. С. 43–44, 47, 103.

[119] Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1840 г. Ч. 1. СПб., 1840. С. 924.

[120] Адрес-календарь или общий штат Российской империи на 1845 г. Ч. 1. СПб., 1845. С. 340. Е.И. Лихачева пишет, что в Доме Трудолюбия (Елизаветинском институте) специально для Полтавского института была подготовлена учительница танцев, но, прослужив короткий срок, она вышла замуж, и некоторое время уроков танцев в институте не было — заместить её оказалось некем. Речь, очевидно, идет о Марии Андреевне Богдановой (РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 1670: О дозволении воспитаннице Богдановой быть в театрах на балетах для изучения танцам и поступить впоследствии в Полтавский институт учительницей. Петербургский Елизаветинский институт. 1836 г.).

Еще одним аргументом в пользу если не «цветущего», то по крайней мере, достойного состояния Полтавского института в эти годы является личность его начальницы. В 1833–1847 г. эту должность занимала С.И. Засс — человек в Мариинском ведомстве неслучайный. Засс начала свою службу в Ведомстве в качестве инспектрисы петербургского Екатерининского института, лишь затем затем возглавила Полтавский институт[121]. Очевидно, что приобретенный некогда в столичном институте опыт она довольно успешно использовала в Полтаве, поскольку в 1847 г. была вновь переведена в столицу уже в качестве начальницы Патриотического института (где «своей лаской, своим добрым, душевным отношением действительно заменяла им [воспитанницам] мать… Такою рисуют ее нам воспоминания воспитанниц, бывших в институте в первую половину пятидесятых годов»[122]).

Общий культурный контекст во многом определял судьбу местного учебного заведения. Женские институты, расположенные в университетских городах, имели возможность пользоваться их культурным потенциалом. Это вполне удавалось Харьковскому институту. Здесь преподавали университетские профессора, кандидаты и студенты, учителя местной гимназии.

В 1838–1839 гг. сменилась вся руководящая «верхушка» и в Харьковском институте — появились новая начальница А.П. Ден[123] и новый инспектор классов И.А. Сливицкий — опытный педагог, ранее преподававший в младших классах

---

121 РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 601. Об определении Засс начальницей Полтавского института. 1833 г. *Засс* Софья Ивановна, фон, ур. Вегелина, вдова майора, сестра декабриста А.И. Вегелина. Ее дочь *Ницкевич* Софья Петровна, воспитанница Полтавского института, была замужем за инспектором классов Петровского кадетского корпуса, открытого в Полтаве в 1840 г. В 1856–1880 г. С.П. Ницкевич являлась начальницей Харьковского института.

122 *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 94.

123 *Ден* Александра Петровна, вдова генерал-майора, начальница Харьковского института в 1838–1847 гг., до этого — классная дама Патриотического института.

этого института арифметику, а в старших классах — грамматику и историю.

Впрочем, и в самом университетском Харькове, а не только в Полтаве, не всегда было возможно поставить в соответствии с высокими нормами русской культуры воспитание девиц: так, выговор многих воспитанниц вызывал нарекания. В мемуарах писателя В.П. Бурнашева встречается рассказ о встрече с бывшим профессором Харьковского университета М.А. Байковым, жена которого, будучи воспитанницей Харьковского института благородных девиц, «говорила с весьма ощутительным для русского уха малорусским акцентом[124], причем и самая её речь пестрела словами, казавшимися мне знакомыми единственно лишь по повестям Паньки Рудаго (то есть, Гоголя), как “бачить, пожичить, зачипать, бугай, очереть” и пр., и пр.»[125].

Подобный говор в институтах пытались изживать, чему способствовала прежде всего работа классных дам. Но, безусловно, большая роль в этом принадлежала и хорошим учителям

---

[124] Этот акцент был свойственен многим учившимся в институтах благородных девиц Малороссии в первой половине XIX в., и воспринимался образованными современниками как безусловное нарушение культурной нормы. Напр., Н.И. Пирогов пишет о дочерях городничего в крымском Карасубазаре: «воспитаны в Полтавском институте, говорят также на малороссийском диалекте и с некоторыми претензиями на сентиментальность» (Севастопольские письма Н.И. Пирогова. 1854–1855. СПб., 1899. С. 49).

[125] *Бурнашев В.П.* Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности (1834–1850). М., 1873. С. 648. По всей видимости, речь идет об институтке выпуска второй половины 1820-х — начала 1930-х гг., когда профессор М.А. Байков преподавал в Полтавском институте физику и геометрию. Сам мемуарист *Бурнашев* Владимир Петрович (1810?–1888, чиновник, писатель-агроном и автор повестей для детей), получил домашнее, по собственному его признанию, неправильное и несистематическое образование, в то время как его сестры учились в Смольном, а впоследствии служили там же: Анастасия в качестве классной дамы, София — преподавательницы музыки. Последняя получила известность как писательница.

русского языка и словесности. Именно таким был питомец Харьковского университета М.И. Ильенко, любимый своими ученицами, который изучал со своими подпечными систематический курс русского языка и словесности «от первой строки Гречевой грамматики до “Истории русской литературы”»[126].

Преподаватели института разрабатывали учебные пособия, конспекты и планы по разным предметам. В литографированном виде учебные конспекты были представлены на рассмотрение в Петербург. По всей видимости, автором «Обозрения физики в Харьковском институте благородных девиц» и «Обозрения геометрии…» является упоминавшийся выше профессор М.А. Байков, преподаватель физики и геометрии в старшем классе института[127]. Курс физики, судя по конспекту, начинался с разъяснения «предмета физики», свойств тел и заканчивался разделом об электричестве. Курс геометрии проходили от толкования общего представления о науке, затем вводились понятия линий, круга, углов и т.д, вплоть до «вычисления толстоты тел» (т.е., объемов). В «предмете естественной истории» изучались «общие свойства тел органических, возрастание их, произрождательная сила и проч.», и весь курс подразделялся на «зоологию» и «ботани-

---

[126] *Соханская Н.С.* (Кохановская). Автобиография. М., 1896 (отд. отт. из «Русского обозрения» 1896 г.). С. 40. *Соханская* Надежда Степановна (1825–1884), обучалась «на сумму Военного поселения», вып. 1840 г., награждена шифром, писательница, весьма критически оценивавшая институтские обычаи. Она характеризовала своего учителя как «человека с светлым, весело улыбающимся юмором, с доброю, сообщительной душой и с таким твердым, благородным характером, — так всеми любимого, такого прекрасного в своих поступках!».

[127] РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 712. Л. 4–5 об. 1830 г. Учебное пособие по своему предмету составил харьковский учитель немецкого языка: *Ольденборгер И.Ф*. Немецкая хрестоматия, собранная и изд. учителем немецкого языка Слободско-украинской гимназии и Харьковского института благородных девиц тит. советником Иосифом Ольденборгером. Харьков, 1823.

ку», изучение которых основывалась на системе К. Линнея[128]. Таким образом, учебные курсы составлялись харьковскими преподавателями правильным образом, в соответствии с канонами современной академической науки.

Надо полагать, что усвоение харьковскими институтками подготовленных учебных курсов шло успешно: ревизовавший в 1841 г. губернские институты Г.И. Вилламов застал в Харькове «конец годового экзамена старшего класса» и нашел, что ответы институток по физике и по другим предметам, «к которым мы перешли в разбивку… были весьма удовлетворительны, ясны и отчетливы», да и «вообще учение идет очень хорошо»[129].

Совершенно иным образом было поставлено преподавание естествознания в Мариинском институте, что явилось предметом особой гордости В.Ф. Одоевского, помощника великой княгини Елены Павловны, под ведением которой находился институт. Преподавание естественной истории и физики было введено здесь в 1837 г. (и, видимо, не случайно именно в этом году состоялось назначение инспектором классов института естествоиспытателя Ф.Ф.Брандта[130]). Часть естественных наук проходили на уроках «домашней технологии». Изучение Природы в женском учебном заведении, как полагал Одоевский, «должно находить свободное приложение в самых простых явлениях, всегда нас окружающих». Институтский преподаватель В.Я. Швиттау начинал «свой урок по Ботанике, Физике или Химии с самых простых и всем известных предметов»: рассказывая о простокваше, анализировал молоко до его скисания, сопоставлял состав свежего и скисшего молока и производных из него продуктов, «воздействие различных

---

[128] РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 712. Л. 52–55 об. 1830 г.

[129] РГИА. Ф. 759. Оп. 7. Д. 1220. Л. 9. По некоторым данным, требующим проверки, в 1844–1853 гг. преподавание естественных наук в Харьковском институте было прервано.

[130] *Брандт* Федор Федорович (Иоганн Фридрих, 1802–1879), выпускник Берлинского университета, академик имп. Академии наук, президент Русского энтомологического общества. Инспектор классов Мариинского института в 1837–1846 гг.

явлений природы при видоизменения молока… — и вот он уже в области чистой науки».

День, когда мариинки держали экзамен по естественной истории в присутствии множества приглашенных высоких гостей, Одоевский назвал одним из лучших в его жизни: воспитанницы отвечали так, «как будто всю жизнь только этим и занимались». Ставший свидетелем их триумфа принц Петр Георгиевич Ольденбургский попросил предоставить ему программу Швиттау, чтобы ввести ее в другие институты, поскольку наука «входит в действительную жизнь, в жизнь хозяйки, имеет повседневное приложение». (Однако данных о том, что подобный подход к изучению естественной истории применялся в остальных институтах, найти не удалось.)

Инспектора классов Ф.Ф. Брандта, впрочем, обучение естественным наукам в упрощенном утилитарном варианте не устраивало, и он возражал против подобного подхода. Но Одоевский лишь иронизировал над нежеланием Брандта «низведить науку до хозяйственных мелочей» и считал, что тот «не постигал единения науки с действительной жизнью, что составляет конечную цель всякого разумного воспитания», поминал «атмосферу старой схоластики, которая дала столько непроизводительных знаний и столько неприложимых теорий»[131], и мнение князя в тот момент перевесило.

Примечательно, что именно излюбленный Одоевским способ преподавания естественных наук девицам, приноровленный к «жизни хозяйки», применялся позднее в немецких женских гимназиях, тогда как в русских женских институтах, а позднее и в женских гимназиях, победила «старая схоластика» немца Брандта, отстаивавшего систематическое научное преподавание предмета для девочек на тех же принципах, что и в мужской школе.

Уроки физики в Мариинском институте велись на немецком языке. Физический кабинет располагал «всеми необходимыми

---

[131] Два письма князя В.Ф. Одоевского к ея имп. Высочеству великой княгине Елене Павловне (1847) / Пред. Н. Карцова. СПб., 1898. С. 26–27, 13–14.

аппаратами», предмет изучался практически. Мемуаристка описывает опыт с электричеством: учитель «наэлектризует машину, к которой приклеплялась цепочка, даст ее держать одной из воспитанниц, а другим велит целовать эту воспитанницу, вот и получишь щелчок в нос или губы, а то небольшой шар с ручкой также наэлектризованный держит, а нам велит составить круг, взявшись за руки и, подойдя к одной из воспитанниц, приставит шар к локтю и мы все разом вздрогнем, разумеется — хохот! А потом просим рассказать, пояснить»[132]. Старших мариинок возили для осмотра Зоологического музея[133], основателем которого являлся их инспектор классов Ф.Ф. Брандт.

Таким образом, в отличие от русского и иностранных языков, естественная история, математика и физика были предметами, постановка которых в институтах различалась в наибольшей степени. Один из учителей московского Екатерининского института, по отзыву воспитанницы, вел свои уроки постаринке, «объяснял ужасно торопливо, приносил такие огромные листы, чтоб мы их списали и выучили, что у нас не доставало ни понятия, ни терпения, ни времени», и поэтому «три четверти класса так и вышли, не желая смекнуть, что такое за птица физика и зачем ее учить». И лишь иногда любопытствующие обращались к руководству по физике И.А. Двигубского, которое лежало в классном шкафу[134].

---

[132] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Воспоминания А.И. Раздеришиной. 1839–1845 гг. Л. 6 об.–7. Подобным же образом в конце XIX в. проходили опыты на уроках К.Э. Циолковского в калужском епархиальном училище, вызывая живой интерес его учениц (См.: *Циолковский К.Э.* Черты из моей жизни. Калуга, 2002. Гл. «В Калуге».).

[133] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Никонова Н. Из воспоминаний об институте от 1835 до 1842 г. Л. 56 об.

[134] *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни. С. 535. По всей видимости, речь идет об Адольфе Ивановиче Пако, с 1839 по 1853 гг. преподававшем естественную историю на французском языке в московском Екатерининском институте. *Пако* (1800–1860) — лектор французского языка в Московском университете, преподаватель естественной истории в университетском

Однако, по всей видимости, подобное было либо исключением, либо — преувеличением. Известно, что в московских институтах естественнонаучные курсы вели университетские преподаватели (К.Ф. Рулье[135], И.С. Бер[136], др.), и в 1830-е гг. естествознание было поставлено в «в условия вполне удовлетворительные»[137]. В то же время в Одесском и Полтавском институтах физика и естественная история были вовсе исключены из программы, а в Патриотическом институте допускались лишь «чтения из естественной истории» во время занятий рукоделиями (такой порядок сохранялся, по всей видимости, вплоть до 1848 г.[138]).

благородном пансионе, секретарь московского Общества испытателей природы, автор статей в издававшемся Обществом «Бюллетене», член Общества садоводства. Автор брошюры «Четыре времени года, или Зоология. Космография и Физика для юношества». «Физика Двигубского» — учебники по физике профессора Московского университета И.А. Двигубского выдержали несколько изданий; очевидно, в институте использовался учебник физики, написанный для воспитанников университетского Благородного пансиона (3-е изд. в 1824–1825 гг.).

135 *Рулье* Карл Францевич (1814–1858), преподаватель естественной истории и физики в Александринском Сиротском институте с 1839 и по крайней мере до 1847 г., а также в кадетском корпусе. Палеонтолог, теоретик биологии, основоположник русской школы зоологов-эволюционистов. Профессор кафедры зоологии Московского университета, блестящий оратор, писатель. По словам основателя русской антропологической школы А.П. Богданова, Рулье являлся «подготовителем дарвинистического учения». За статью «О первом появлении растений и животных на Земле» (1852) на публичные лекции Рулье был наложен запрет (см.: *Микулинский С.Р.* Карл Францевич Рулье (1814–1858) // Русский орнитологический журнал. 2012. Т. 21. С. 2569–2578).

136 *Бер* Иван Степанович (1792 (5?) – не раньше 1850), кандидат физико-математических наук, сотрудник музея Московского университета, преподавал в московских женских институтах в 1818–1845 гг.

137 Московское училище ордена св. Екатерины. С. 323.

138 *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 80.

В мужских учебных заведениях того времени программы по физике также, как и в институтах, повсюду были разные, и одним из самых распространенных методов преподавания этого предмета долгое время оставалось «механическое заучивание наизусть материала», — сначала по записям лекций учителей, а затем по кратким учебникам. Уровень знаний учащихся юношей «вызывал неудовлетворенность и тревогу» у педагогов[139].

Точные и естественные науки должны были отвоевывать себе место в программе женских учебных заведений, поскольку традиционно считалось, что они не имеют для образования девиц важного значения. Императрица Александра Федоровна пожелала, чтобы «часы, употребляемые в старшем возрасте Общества благородных девиц на преподавание геометрии, обращены были на другой полезнейший для воспитанниц предмет»[140], который, впрочем, назван не был. (Нельзя сказать, были ли в конце концов отменены уроки геометрии в Смольном, но учитель геометрии К.П. Попов подал в отставку в 1832 г.[141]). В то же время в Патриотическом институте в 1840 г. были прибавлены шесть часов «для умственных упражнений в арифметике под руководством особого учителя»[142].

Постепенное усложнение учебных программ требовало лучшей подготовки поступающих в институты, ведь их начальная уровень знаний влиял на дальнейший ход учения. Хотя с начала XIX в. требование принимать в институты девочек, имеющих хотя бы минимальную подготовку, неоднократно повторялось, выполнить его было невозможно. При открытии Казанского института (1841 г.) через газеты было объявлено,

---

139 См.: *Шишкина М.* Становление физического образования в России // Известия росс. гос. пед. ун-та имени А.И. Герцена. 2010. № 122. С. 135.

140 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 198. «О прекращении в старшем возрасте Общества благородных девиц преподавания геометрии». 1832 г.

141 ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1484. Об учителе геометрии к.с. Ксаверии Попове. 1814–1832 гг.

142 См.: Журнал министерства внутренних дел. 1841. № 10. С. 4.

что поступающие в него девицы должны были уметь читать и писать по-русски и знать первые четыре правила арифметики, а девочки постарше, поступающие в следующий класс, должны были знать краткий катехизис, «Русскую грамматику» Востокова «до глаголов», «первую часть арифметики», начала географии, хорошо читать и писать по-русски, по-французски и по-немецки[143]. Очевидно, однако, что эти условия были заведомо завышенными — образовательный уровень семей, отправлявших своих дочерей в институты, нечасто позволял подготовить детей в соответствии с необходимыми требованиями.

Несмотря на установленные правила, принимать в институты приходилось и таких девочек, что вовсе не были подготовлены к учению. На заседании Совета Павловского института не раз говорилось о том, что девицы поступают в классы «весьма недостаточно приготовленные», и прежде чем изучать грамматику, их необходимо обучать чтению; часов для арифметики и чистописания предлагается по новому расписанию меньше, тогда как речь идет о «неудовлетворительности приготовительного образования, с которым немалая часть девиц определяется в это заведение»[144]. Тем же были озабочены и «старшие» Патриотического института: почти все из поступающих не имели «никаких предварительных познаний, весьма многие едва умеют читать только по-русски», и оттого «правильное учение бывает начато едва только к концу первого года»[145]. В некоторых институтах (как, например, в петербургском Екате-

[143] Костромские губернские ведомости. 1841. № 10. С. 66. «Грамматика Востокова» — «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматки, полнее изложенная» или «Сокращенная грамматика для употребления в низших учебных заведениях». Оба издания вышли в 1831 г. По мнению В.Г. Белинского, грамматика Востокова была лучшей из всех изданных к тому времени (см.: Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. № 8. Отд. VI. С. 72–75). Полная грамматика Востокова переиздавалась 12 раз, последнее издание вышло в 1874 г.

[144] ЦГИА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 28. Л. 19 об.–21.

[145] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 14. Л. 37.

рининском) по инициативе начальства были созданы приготовительные отделения, куда принимали самых младших, не готовых еще к учению и по возрасту, и по подготовке. Впоследствии подобные классы открывались во всех институтах.

По-прежнему до конца неразрешимой оставалась проблема со слабыми воспитанницами, которых по институтской традиции не отчисляли, а переводили из класса в класс вопреки неудовлетворительному учению. Именно для ее решения и открывали, как уже говорилось выше, с начала XIX в. параллельные вторые отделения с меньшим объемом программы для хуже успевающих учениц. В Полтавском институте в 1839 г. было решено открыть постоянный класс для девиц «с ограниченными способностями, не развитыми предварительным образованием или без всяких познаний». Для работы с ними нанимались «особые классные дамы и учителя»[146]. Целенаправленная работа с неуспевающими в отдельном классе не только помогала им самим, но и позволяла не снижать требований к сильным ученицам. Кроме того, подобная мера отвечала самой цели работы институтов, как учебно-воспитательных *благотворительных* заведений.

Изменялись правила оценки знаний в институтах: углубление учебных программ, усложнение изучаемых предметов требовали более точного определения уровня знаний учащихся, чем расплывчатые словесные аттестации, принятые прежде. Но в каждом институте эту задачу решали по-разному. Как уже говорилось, впервые *баллы* примерно с 1815 г. ввели в Смольном и петербургском Екатерининском институтах, в конце 1820-х гг. — в Мариинском и московском Александровском. В Патриотическом институте до середины 1830-х гг. применялась пятибалльная система, причем высшим баллом считалась единица. Этот принцип пытались улучшить «многочисленными дополнениями в виде половин и четвертей», делались попытки

[146] Полтавские губернские ведомости. 1842. № 2. Прибавление. С. 140; ЖМВД. 1841. № 1. С. 13–14.

ввести семибалльную систему[147]. Инспектор классов московских Екатерининского и Александровского институтов университетский профессор Н.Д. Брашман стремился усовершенствовать принятую там 12-балльную систему так, чтобы «с математической точностью определять удельный вес каждой индивидуальности», а для этого — ввести 75 баллов в первом институте и 150 — во втором, по числу воспитанниц в отделениях[148], но эта сложная конструкция не утвердилась. Несогласованность системы оценок в разных институтах была устранена окончательно уставом 1855 г.

Учебный процесс контролировался, помимо инспекторов классов, членами институтских Советов по учебной части, почетными опекунами и попечителями. Часто посещал уроки в Воспитательном обществе и других институтах министр народного просвещения С.С. Уваров. Он принимал участие в уроках, сам задавал воспитанницам вопросы, учил их правильно декламировать стихотворения на разных языках, просматривал сочинения, а также часто приезжал перед экзаменами, чтобы подготовить воспитанниц отвечать на вопросы спокойно, без волнения, а затем присутствовал и на самих экзаменах[149].

Уваровское «Положение» закрепляло принятый порядок, согласно которому экзамены в женских институтах проводились разного рода: частные, или инспекторские, и публичные.

Время подготовки к экзаменам оставалось одним из самых ярких впечатлений институтской жизни, о чем свидетельствуют многие мемуары. Накануне последнего экзамена в московском Екатерининском институте «в дортуаре не спит никто… По всем концам огромной комнаты, на полу, таинственно мерцают огоньки… Бивак разбит по разным концам на полу; стеариновые огарки горят посредине… Заседание окружено гру-

---

147 См.: *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 89. Пятибалльная система отметок в министерской школе была установлена в 1846 г.

148 Сто один [*Галахов А.Д.*]. Из записок человека. С. 554.

149 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 54–55.

дою книг, прочитанные тетради служат изголовьем той, которая на минуту позволяет себе опочить на лаврах. Назавтра Закон Божий, а там другой предмет, третий, и таким образом пять дней тревоги, пять ночей приготовления»[150].

Привычный порядок проведения экзаменов мог нарушаться по воле высочайших особ: так, в декабре 1839 г. после уже прошедших экзаменов выпускницы Патриотического института должны были снова пройти испытания, поскольку императрица, «желая лично удостовериться в их познаниях и успехах, повелеть соизволила повторить сии испытания в высочайшем ее присутствии» в Зимнем дворце[151].

Институтка, вспоминавшая, как усидчиво «долбили» уроки к экзамену, поднимаясь «в четыре часа ночи», отвечала удачно, и потому «была назначена отвечать на царских и публичных экзаменах. Надо пояснить, что на эти последние вызывались не все, а только лучшие ученицы, иначе было бы утомительно

---

[150] *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 10. С. 562–563.

[151] ЖМВД. 1841. № 10. С. 1. В более ранние времена демонстрацию успехов в учебных заведениях проводили не только для высочайших особ, но и для отдельных почетных посетителей: так, в 1823 г. в Харьковском институте для «его сиятельства генерала от артиллерии графа А.А. Аракчеева… сделан был экзамен девицам из некоторых наук и искусств». Генерал изъявил удовольствие «в самых лестных выражениях» (Украинский журнал. 1824. № 21. С. 146). Аракчеев, как уже говорилось, имел непосредственное отношение к становлению институтского образования, занимаясь делами женского отделения Военно-сиротского дома, будущего Павловского института. В 1790-х гг. он распорядился отменить там уроки французского, музыки и танцев даже и для «благородных девиц», но все же не решился внести поправки в смету на одежду, оставив на полях документа с расценками на корсеты приписку: «кажется, дорого и много каждый год, но хорошенько не смыслю, ибо я холостой» (Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и имп. Военно-Сиротского дома. 1798–1898 гг. СПб., 1898. С. 45, 47).

выслушивать 200 с лишком девиц; на эти экзамены полагалось только два дня»[152]. Яркие заметки об институтских экзаменах оставил в своем «Дневнике» А.В. Никитенко. Экзамен 1835 г. в присутствии императрицы «был блистателен. Девицы прекрасно отвечали на все вопросы, которые им предлагал министр народного просвещения Уваров», и говорили «не по заученному наизусть, а легко, чисто, свободно», «все сочинения были очень хороши, а некоторые даже так хороши, что государыня приказала их списать для себя и взяла с собою». Присутствующие отмечали «чистый русский язык» институток[153].

В Мариинском институте на таких экзаменах любила присутствовать великая княгиня Елена Павловна. Для воспитанниц выстраивали стулья в несколько рядов, посередине залы расстилали ковер, ставили кресло для высокой гостьи, на стол рядом с ней помещали вазочку для билетов. Елена Павловна сама выбирала билет для стоящей рядом с ней экзаменуемой, а поэтому, как замечает мариинка, «на подсказывание рассчитывать нельзя было»[154]. Желание показать себя в самом выгодном свете в глазах начальства могло подвести учителя. Как-то на экзаменах в Мариинском институте одна из преподавательниц французского языка «г-жа М. была заподозрена в том, что воспитанницы на экзамене как бы экспромтом писали заученные ими ранее сочинения — с целью скрыть истину от глаз великой княгини. Преподавательница попыталась отвести взводимое на нее обвинение, но произведенное следствие убедило великую княгиню в желании учительницы обмануть ее, почему та и должна была подать прошение об отставке»[155].

Экзамен Закона Божия в Мариинском институте принимал институтский законоучитель и придворный протоиерей. Во

---

[152] *Ковалевская Н.* Воспоминания старой институтки // Русская старина. 1898. Т. 95. № 9. С. 623. Петербургский Екатерининский институт.

[153] *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 1. М., 1955. С. 167–168.

[154] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Воспоминания О.П. фон Шульман, ур. Хмельницкой. 1836–1842 гг. Л. 53 об.

[155] *Карцов Н.С.* Мариинский институт. С. 95.

время испытаний по русскому языку двоих институток вызывали к доскам писать сочинения, остальных спрашивали «литературу и все пройденное по русскому языку», и т.д. Экзамен по всеобщей истории, любимому предмету великой княгини, проходил на французском языке. На третий день институтки держали экзамен по физике и натуральной истории[156].

В 1839 г. в Смольном институте появилось еще одно новшество. Прежде преподаватели сами задавали вопросы экзаменующимся, теперь же во избежание злоупотреблений институткам предлагалось выбирать наудачу «закрытый билет». А.В. Никитенко оставил в своем дневнике исполненную иронии запись, что «девиц спрашивали по билетам — это нововведение Уварова, который почему-то ждал от него чудес»[157]. (Скепсис реплики Никитенко, по всей видимости, был адресован к личности самого министра, а не к его «нововведению».)

Широкой публике об этой новинке стало известно в 1842 г. благодаря публикации в журнале «Звездочка»[158]. Позднее «закрытые билеты» на экзаменах стали использовать и в Мариинском институте. «Таким строгим приемом мы заменили вопросы преподавателей», — писал В.Ф. Одоевский великой княгине в 1846 г.[159].

На публичные, «самые поверхностные»[160], приглашались родные и близкие выпускных, на них присутствовали «любители просвещения»[161]. В столице публичные (или

---

156 ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Воспоминания А.И. Раздеришиной. 1839–1845 гг. Л. 11–12 об.

157 *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 206.

158 Звездочка. 1842. Ч. 2. № 4. С. 52.

159 Два письма князя В.Ф. Одоевского... С. 14. О том что «экзамены были продолжительны, спрашивали строго», свидетельствует и мариинка 1827 г. выпуска (ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 1 об. Воспоминания Е.Г. Владимирской).

160 *Грот Н.П.* Из семейной хроники... С. 64.

161 В письме Н.М. Карамзина встречаем такое замечание: «Любопытнейший для меня выезд был на экзамен в Екатерининский институт, где я видел несколько прекрасных девиц, которых скоро

«царские»[162]) экзамены часто посещали министр народного просвещения, «посторонние ученые», важные чины Ведомства учреждений императрицы Марии, приглашались члены дипломатического корпуса, фрейлины, высшие военные чины, члены Государственного совета, церковные иерархи, непременно присутствовали члены царской фамилии. Это создавало особую атмосферу и предъявляло к учащим и учащимся повышенные требования.

Публичные экзамены в Воспитательном обществе продолжались несколько дней. Первым предметом традиционно был Закон Божий, затем — российская словесность, география (математическая, физическая и политическая с статистическими сведениями о важнейших государствах Европы, история (древняя, средняя и новая), геометрия, «головное вычисление», немецкая словесность, география и статистика Российской империи, история Российской империи, естественная история, французская словесность, физика, переводы на российский, французский и немецкий языки, музыка и пение, танцование. Сверх того, вниманию присутствующих предлагались «опыты сочинений и переводов», рисунки и рукоделия воспитанниц[163].

Однако вопрос о раздаче наград решался на инспекторских экзаменах, «строгих, но справедливых»[164]. В привилегированных Екатерининских институтах по примеру Воспитательного общества лучшим выпускницам вручали награды: вензели («шифры») — один «золотой большой величины, два средней и два меньшой, да сверх того две золотых медалей большой

увидит и свет» (Письма Н.М. Карамзина к кн. П.А. Вяземскому. 1810–1826. СПб., 1897. С 25–26. Март 1817 г.). Карамзин посещал также выпускные экзамены в других учебных заведениях, напр., в московском университетском Благородном пансионе.

[162] Кроме публичных, особые «царские» экзамены некоторое время проводились во дворце специально для императрицы Александры Федоровны, отличавшейся слабым здоровьем.

[163] РГИА. Ф. 759. Оп. 101. Д. 207. Л. 3–5.

[164] *Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. С. 441.

величины, две средней и две меньшой, серебряных большой величины, две средней и две меньшой»[165]. В Мещанском (Александровском) отделении Смольного на каждый выпуск приходилось 15 серебряных медалей и похвальные листы, в Патриотическом институте награды стали вручать с 1826 г. — три золотые и девять серебряных медалей, в Харьковском — два, в Киевском — четыре шифра. Общих правил, как и в других случаях, для всех институтов выработано еще не было.

Доставшийся нелегко, за многолетнее отличное учение, шифр давал право на получение денежной награды или (как в Воспитательном обществе) пожизненную пенсию. Начальница петербургского Екатерининского института Е.В. Родзянко, оценивала некогда полученный ею шифр как «самую приятную награду»: «так как это — мои первые трудовые деньги», — писала она[166].

Позднее, уже в 1851 г., был принят такой порядок: в учебных заведениях I разряда (Воспитательное общество, оба Екатерининские, Патриотический, Харьковский, Одесский, Казанский, Киевский, Белостокский, Закавказский, Полтавский, Тамбовский, Варшавский, а также в виде исключения Иркутский[167]) — вручались шифры, золотые и серебряные медали; в институтах II разряда (Павловский, оба Александровские, Елизаветинские) — только серебряные медали большого и меньшего размера. В Сиротских институтах отличниц награждали медалями — учениц 1-го отделения золотыми, 2-го — серебряными. Воспитанницы, показавшие отличные результаты, но пробывшие в институте меньше положенного срока, награждались золотыми браслетами.

---

[165] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Кн. 23. Л. 33. 1802 г.

[166] Русский биографический словарь. Т. 16. СПб., 1913. С. 298.

[167] Хотя Девичий институт Восточной Сибири (Иркутский) относился ко II разряду женских учебных заведений, было решено «в изъятие общего правила» награждать его воспитанниц шифрами и золотыми медалями, чтобы «распространить женское образование в сих отдаленных местах».

Отчеты о выпускных экзаменах публиковались в периодической печати — журналах, губернских «Ведомостях», и таким образом их делали действительно максимально публичными. Некоторые из этих отчетов были довольно подробными, в них назывались поименно выпускницы, особенно часто — получившие награды, участвовавшие в музыкальных и танцевальных номерах. Таким образом пропагандировалось дело женского образования как дело государственной значимости.

Один из основателей Харьковского института в своем репортаже описывает экзамены в институте и с гордостью отмечает «скромные, но твердые, ясные, удовлетворительные ответы» институток на вопросы экзаменаторов[168]. В «Северной пчеле» после рассказа об экзаменах, рассказывалось, как посетители осматривали «комнату, украшенную рисунками и рукоделием воспитанниц… изящность рисунков», слушали музицирование и пение институток, за которым следовал балет[169].

В 1833 г. была утверждена «новая форма свидетельств, выдаваемых при выпуске благородных и мещанских воспитанниц Общества благородных девиц». Как и многие нововведения, аттестат был предложен и опробован первоначально в Воспитательном обществе. Текст его гласил: «Совет имп. Воспитательного общества благородных девиц свидетельствует, что воспитывавшаяся … девица… при /отличном, весьма хорошем или хорошем/ поведении оказала: в науках /отличные, весьма хорошие, хорошие или посредственные/, в языках.., в искусствах.., рукоделиях.. успехи…». В благородном отделении наиболее успешные воспитанницы награждались «шифром, золотою или серебяною такою-то медалью, или книгою и проч.». В аттестате, предназначенном для мещанского отделения, выпускница именовалась лишь по имени

---

168 [*Квитко-Основьяненко Г.Ф.*] Описание Харьковского института благородных девиц, под высочайшим покровительством Ее имп. вел. Марии Федоровны состоящего // Украинский журнал. 1824. Ч. 1. № 2. С. 72–77.

169 Письмо к издателю // Северная пчела. 1844. № 205. С. 147.

и фамилии, без отчества, и наиболее успешные награждались «большею или меньшею серебряною медалью»[170].

Из такого аттестата нельзя было узнать, по каким именно предметам воспитанница показывала наибольшие успехи. Но уже через год в Ведомстве было принято предложение министра С.С. Уварова в аттестатах воспитанниц Воспитательного общества и петербургского Екатерининского института, «которые желают поступить в домашние учительницы», «показывать подробно как языки и науки, коим они обучались, так и успехи, в оных ими оказанные»[171].

Сама жизнь настоятельно требовала внесения изменений: все больше девочек, для которых получение образования становилось совершенно необходимым, поскольку «воспитанницы все больше и больше вынуждены были искать по окончании институтов каких-либо занятий»[172]. В соответствии с особым Положением 1834 г. заниматься обучением в частных домах допускались лишь те лица, которые располагали свидетельствами на звание домашнего наставника или учителя (учительницы). Поэтому для выпускниц институтов, избравших профессию педагога, важнейшее значение имело решение правительства о том, что «окончившие воспитание в учебных заведениях, содержимых от правительства и состоящих под высоким покровительством ея имп. величества государыни императрицы» и получившие при выпуске аттестаты, приобретают тем самым свидетельство на звание домашней учительницы, не подвергаясь особым испытаниям[173]. Спустя год была утверждена другая форма аттестатов, поскольку новые правила предписывали присуждать звание домашней

---

[170] РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 216–219 об.

[171] ЖМНП. 1834. Ч. XII. С. LXVII.

[172] См.: *Малиновский Н.П.* Очерки по истории женского среднего образования в России // Русская школа. 1914. № 9–10. С. 143.

[173] О распространении силы 54 § Положения о домашних наставниках и учителях на учебные заведения, состоящие под покровительством государыни императрицы. 13 сентября 1834 г. // ПСЗ–2. Т. IX. Отд. 2. СПб., 1835. № 7395.

наставницы и учительницы «лишь при определенном достоинстве аттестатов»[174].

Таким образом, практика выдачи документов государственным учреждением удостоверяла квалификацию поступающей на должность наставницы выпускницы учебного заведения. Тем самым утверждался необходимый для выполнения этой работы уровень подготовки, что повышало требования к соискательницам, побуждая делать выбор в пользу лучших выпускниц.

Соответствующий институтский аттестат облегчал поиски хорошего места службы, и потому неудивительно, что стали появляться их подделки. О подобном прецеденте свидетельствует судебное дело 1849 г. «О дочери губернского секретаря Евдокии Петровой Каминской, судимой за подчистку в метрическом ее свидетельстве и аттестате, выданном ей из Мещанского училища при Воспитательном обществе благородных девиц»[175].

Различие в формах аттестатов в разных институтах сохранялась: в большинстве по-прежнему не указывались изучавшиеся предметы, и даже не отмечались особые успехи воспитанниц. Так, принятая в московском Екатерининском институте в 1811 г. форма аттестата, где отмечались лишь поведение выпускницы и «знание» ею наук и рукоделий, «соответственных ее полу», сохранялась вплоть до 1853 г.[176]. Но в других, как, например, в Тамбовском, были установлены иные правила: устав института предписывал, что после окончательного экзамена выпускницам выдаются «надлежащие аттестаты с означением предметов, коим они обучались и успехов, ими оказанных в каждом»[177].

---

[174] См.: *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 69.

[175] См.: Опись дел архива Государственного совета. Т. 3. Дела Государственного совета с 1840 по 1849 г. СПб., 1908. С. 439. Исход дела неизвестен.

[176] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 34.

[177] Высочайше утвержденное положение о Тамбовском Александринском институте благородных девиц. 1843, июля 1. ПСЗ-2. Т. XVIII. СПб., 1844. № 16997. § 59.

*****

Согласно оценке Е.И. Лихачевой, в 1830-е гг. женские институты на фоне невысокого образовательного уровня русского общества считались «рассадниками не среднего, а высшего образования»[178]. В то же время в ее «Материалах» не нашли отражения те серьезные перемены, которые происходили в 1830-е гг. в институтском преподавании. Напротив, Лихачева утверждала, что «об умственном развитии, о каком-нибудь запасе идей, который воспитанницы выносили бы из пройденного институтского курса, не могло быть и речи». По математике, физике, естественной истории институтками преподавались «лишь обрывки сведений без всякой системы», а словесность сводилась «лишь к одним стилистическим упражнениям». Далее, по ее мнению, в институтах не применялись современные методики преподавания, тогда как «метода Песталоцци, изложенная в его сочинениях», была уже хорошо известна[179]. При этом Е.И. Лихачева ссылалась на слова А.В. Никитенко, что, «по условиям женских институтов» инспекторам классов из профессоров и «людей с научным образованием» было невозможно, «если бы они того и хотели, поставить учебное дело в институтах как следовало». (Цитируемый Лихачевой дневник Никитенко — замечательный документ, но, как любой источник

---

[178] *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России. СПб., 1899. Ч. 1. С. 278.

[179] *Лихачева Е.О.* Материалы… (1086–1856). Ч. 2. С. 229, 232. Э.Д. Днепров и Р.Ф. Усачева вслед за Лихачевой ставят в упрек институтам, что их «обошла стороной» система Песталоцци, «потому, что все стремления Песталоцци были направлены на воспитание “внутреннего человека”», тогда как в институтах «были озабочены больше внешней стороной этого воспитания» (*Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.* Среднее женское образование. С. 47). Увы, требование «воспитания внутреннего человека» утопично для подавляющего большинства школ, как в прошлом, так и теперь.

личного происхождения, он полон взаимно противоречащих суждений, субъективных оценок и, кроме того, он имеет характерную особенность текста, составлявшегося в течение долгих лет, — изменение умонастроений автора: отчетливо заметно, как с годами стареющего Никитенко постепенно покидает оптимизм, и он все более скептически, если не откровенно мрачно, воспринимает окружающую действительность.)

Однако изученный материал позволяет придти к совершенно иным выводам. 1830-е гг. стали переломными для институтского образования. Две черты — обновление учительского корпуса и поступательные перемены в постановке преподавания — характеризуют учебную часть институтов с конца 1830-х годов. В 12-ти старейших институтах в течение 1837–1839 гг. были назначены новые инспектора классов, во многих институтах сменились начальницы. Прежний порядок, при котором один инспектор мог заведывать учебной частью двух институтов, был отменен, и каждый институт получил собственного инспектора. Отныне в петербургских институтах эту должность занимали в основном выпускники Главного Педагогического института, в московских — выпускники и профессора Московского университета, в провинциальных университетских городах — обычно также профессора местных университетов, а в прочих, как правило, — директора губернских мужских гимназий (иногда инспекторы классов). Примечательно, что прежде вектор развития учебной части институтов определялся инспектором классов Воспитательного общества, составлявшего необходимые программы, учебное расписание, списки пособий и руководств. В институты пришли профессионально подготовленные педагоги, которым удавалось выстраивать даже небольшой по объему учебный курс систематическим образом, излагая свой предмет связно, а не в «обрывках сведений». Педагогический состав женских институтов не уступал средним мужским учебным заведениям, а часто и совпадал в ним[180].

[180] Так, и А.Н. Гребенкин отмечает «резкое изменение образовательного ценза учителей» Первого кадетского корпуса в начале

Эти годы стали временем активной разработки и апробации новых методик преподавания, и потому в разных институтах учебные программы и постановка учебного дела довольно значительно между собой различались, что вскоре поставило перед Мариинским ведомством задачу их унификации. Содержание же институтских учебных программ прежде всего зависело от задач, которые должны были решать создаваемые по воле власти женские учебные заведения. Первоначальная цель — воспитание образованной матери — постепенно усложнялась, хотя в большей степени это касалось в ту эпоху прежде всего столичных институтов, на воспитании в которых состояли сироты и дочери «недостаточных» родителей. Все большему числу женщин требовалось хорошее образование, которое обеспечивало бы им заработок. В связи с этим в институтах совершенствовалась аттестационная система: были введены экзаменационные билеты и балльная шкала, выдавались содержательные свидетельства о прохождении учебного курса.

С этого времени история институтов насыщена живыми фактами, полна бытовых зарисовок, возросло число действующих лиц, жизнь и характеры которых предстают с небывалой прежде ясностью. Как много известно, например, про инспектора Смольного М.М. Тимаева — от внешнего вида (сохранился его портрет) до черт характера и довольно полной биографии. Об инспекторе Смольного Якове Ивановиче Малоземове, умершем в 1812 г., удается узнать немногое (даже его отчество не встречается ни в архивных фондах, хранящих документы института, ни у историографа Смольного Н.В. Черепнина, и установить его удалось лишь по «Месяцесловам»[181]).

1830-х гг., когда «на первое место выдвинулся Главный педагогический институт» (*Гребенкин А.Н.* Социокультурный портрет преподавателей военных учебных заведений Российской империи первой половины XIX в. // Известия российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. Т. 117. С. 45).

[181] См., напр.: *Месяцеслов* с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. 1802. СПб., 1802. С. 197. Дочь инспектора Вера

В воспоминаниях институток отныне значительное место уделяется учению, характеристике учителей, содержанию учебных предметов.

3. 1840-е гг. Учебный комитет Ведомства учреждений императрицы Марии

Преобразование институтов, начавшееся в конце 1830-х гг. с их учебной части, было продолжено административной реформой. Женские учебные заведения перестраивались по примеру военно-учебных заведений (кадетских корпусов)[182]. Подобно Совету военно-учебных заведений создавался Главный совет женских учебных заведений. Была закреплена традиция, согласно которой министр народного просвещения заведывал учебной частью Смольного и Екатерининского институтов,. Более того, с 1844 г. министр состоял непременным членом Главного совета женских учебных заведений. С 1830 по 1855 гг. товарищи министра народного просвещения кн. П.А. Ширинский-Шихматов заведовал учебной частью Патриотического и Александровского, а А.С. Норов — Екатерининского и Павловского институтов. С 1846 г. «ближайший надзор» за всеми женскими заведениями был возложен на внука императрицы Марии Федоровны — принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

Все женские учебные заведения, подведомственные Главному совету, подразделялись на петербургские, московские и губернские[183]. Управление отдельными институтами сосредотачивалось в руках местных Советов, кроме московских, для общего руководства которыми создавалось особое Москов-

---

Малоземова училась в Воспитательном обществе благородных девиц и закончила курс в 1818 г.

[182] См.: *Гребенкин А.Н.* Эволюция системы управления военно-учебных заведений в Российской империи в первой половине XIX в. // Вестник государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 61.

[183] ПСЗ–2. Т. XXI. СПб., 1847. С.731–733.

ское отделение Главного совета. В губернских институтах в их состав, помимо начальницы, входили попечители учебных округов или директора училищ министерства народного просвещения, военные или гражданские губернаторы, губернские предводители дворянства в качестве посредников между учебным заведением и местным дворянством. Один из членов местных Советов отвечал за учебную часть, другой — за хозяйственную.

До сих пор деятельность женских учебных заведений подчинялась отдельным уставам (хотя и совпадавшим в основных своих положениях), что затрудняло не только управление ими, но и снижало уровень требований к постановке учебного дела в провинциальных институтах. Теперь же было принято решение о пересмотре и составлении общего устава женских учебных заведений, для чего учреждался особый Комитет. Помимо этого, при IV Отделении Собственной Его имп. величества канцелярии был создан постоянный Учебный комитет для «наблюдения за учебным ходом», а также «для соображения мер к лучшему во всех отношениях устройству этой части»[184]. (Для военно-учебных заведений программы по всем предметам составлялись сначала к 1840 г.[185], но уже в 1844 г., одновременно с Мариинским ведомством, для решения этой задачи были учреждены особые комитеты, работа которых завершилась в 1848 г.[186]).

В компетенцию Учебного комитета Мариинского ведомства входило предварительное обсуждение всех вопросов учебной части и рассмотрение учебников, учебных пособий и пр., составление «аттестационных форм» по всем учебным занятиям,

---

184 *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 65, 73.

185 *Греков В.Ф.* Краткий исторический очерк Военно-учебных заведений. 1700–1910. М., 1910. С. 13.

186 Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Высочайше утверждено 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. XI.

подготовка правил испытаний и т.д. По поручению Николая I были проведены ревизии губернских институтов.

В соответствии с «состоянием учащихся» и «будущим их назначением» институты делились на разряды, для каждого из которых предполагались особые табели и учебные планы. К I разряду были отнесены: Воспитательное Общество благородных девиц, петербургское и московское училища ордена св. Екатерины, Патриотический институт, Харьковский, Одесский, Казанский Родионовский, Киевский, Белостокский, Закавказский, Могилевский, Полтавский, Александринский Тамбовский, Александринский в Царстве Польском; ко II разряду — Павловский институт, петербургское и московское Александровские училища, петербургский и московский Дома Трудолюбия (Елизаветинские), Астраханский, Керченский и Иркутский институты, а также Оренбургское училище (позже — институт).

В докладе, посвященном 10-летию деятельности Министерства народного просвещения, составленном в 1843 г., министр народного просвещения С.С. Уваров декларировал необходимость сословного подхода к организации школы таким образом: «Система общественного образования тогда только тогда может назваться правильно расположенной, когда оно всякому открывает способы получить такое воспитание, какое соответственно роду жизни его и будущему призванию в гражданском обществе»[187]. Верно было замечено, что «реализуемый Николаем I сословный принцип в образовании вовсе не означает, что какое-то сословие лишается права на образование, он лишь требует, чтобы все сословия получали только соответствующее их положению образование»[188]. Власть пыталась обеспечить целостность государственного устройства, сохраняя всеми способами существовавшее сословное деление.

---

[187] *Уваров С.С.* Десятилетие министерства народного просвещения. 1833–1843 гг. // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX в. Хрестоматия. М., 2011. С. 311.

[188] *Калачев А.В.* Особенности процесса демократизации образования в эпоху Николая I // Primo aspectus. Известия Волгоградского ГТУ. 2013. Т. 13. № 9 (112). С. 170.

Но в то же время благодаря активной образовательной политике с каждым годом возрастал слой образованных маргиналов, которые не могли применить свои силы и способности, что неизбежно нарушало сложившееся социальное равновесие[189].

Женское образование, как и раньше, структурировалось в соответствии с принципом сословности. Целью, «общей для всякого воспитания девиц, и домашнего и общественного», прежде всего признавалось «образование хороших жен и полезных матерей семейств». Пути достижения этой цели, как считалось, должны быть различны, «смотря по месту, которое девицы готовятся занять в обществе». По-прежнему указывалось, что учебная часть должна быть «соизмеряема с состоянием учащихся, а сии последние более приготовлялись к будущему их назначению»[190].

В отличие от учащихся мужской школы, «будущее назначение» институток было ограниченным: по преимуществу это семья, своя или чужая, а также роль матери или наставницы. И все же, какое место в социальной лестнице займет воспитанница института после выпуска, предсказать было невозможно. Поэтому в Комитете размышляли о том, что при единой общей цели всех женских учебных заведений («образование хороших жен и полезных матерей семейств»), к её достижению вели разные пути («смотря по месту, которое девицы должны занять в обществе»). При этом делалась оговорка, что все же нет возможности «положить такие границы, которе позволяли бы соразмерять образование каждой воспитанницы с будущим ее назначением, тем более, что оно не может быть твердо и положительно определено, завися преимущественно от *замужества и положения мужа ее*»[191].

---

[189] См.: *Хорошилова Л.Б.* «Глашатай свободы», или начало простых ответов на сложные вопросы // История отечественных СМИ. 2016. Т. 1. № 1.

[190] *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 65–66.

[191] См.: *Шумигорский Е.С.* Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). Исторический очерк. СПб., 1912. С. 70–71.

В этом заключалось непримиримое противоречие, которое осознавалось в Ведомстве: стремление выстраивать систему образования в соответствии с Табелью о рангах сталкивалось с непредсказуемостью каждой конкретной женской судьбы. Предполагалось, что учебная программа институтов, предназначенных для дочерей высших слоев дворянства, должна быть более обширной. Прочие дворянки, поступавшие в институты рангом пониже, могли, казалось бы, довольствоваться более скромным образованием. Однако парадокс состоял в том, что девочек из необеспеченных семей ожидала трудовая жизнь, а при том, что дворянкам не пристало заниматься физическим трудом, им оставалась по большей части педагогическая сфера. Но, чтобы труд институтки — гувернантки или учительницы — был востребован, в женских институтах, являвшихся по своей сути благотворительными учреждениями, воспитанницам следовало давать серьезную подготовку. Поэтому деление институтов на разряды в отношении учебных программ постепенно становилось фикцией: местные советы институтов один за другим выступали с ходатайствами о введении более серьезного преподавания важнейших предметов. Так, в московском Александровском училище нашли необходимым усилить изучение русского и немецкого языков, поскольку воспитанницы «по окончании курса учения все почти. по бедному своему состоянию, поступают в частные дома гувернантками»[192]. По утверждению А.Д. Галахова, результаты обучения в этом отнюдь не привилегированном институте были впечатляющими: «каждый выпуск в течение одиннадцатилетней моей там службы насчитывал много развитых и образованных девиц»[193].

Петербургский и московский Сиротские институты в качестве «специальных заведений» были отнесены к IV разряду. При этом если по социальному положению воспитывающихся в них детей они относились ко II разряду, то по учебной про-

---

[192] *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 127.

[193] Сто один [*Галахов А.Д.*] Из записок человека... № 6. С. 552.

грамме — к I-му[194]. Прежде большая часть воспитывающихся разночинок получала специальность в ремесленном классе, остальных же, наиболее способных, предназначали к роли наставниц. Но с 1837 г. в институт зачислялись дети обер-офицерского звания[195], чье происхождение и «бывшие заслуги отцов, посвятивших свою жизнь на служение Государству… не делали для жизни их возможным ремесленное назначение». Кроме того, потребность в гувернантках и учительницах все возрастала, и потому Сиротский институт отныне готовил всех своих питомиц к званию домашних наставниц разного уровня, принимая во внимание не «степень развития и даровитости, а исключительно материальное положение сироты в семье»[196].

В соответствии с поставленными целями в Сиротских институтах учебная программа никак не могла быть ниже, чем в институтах I разряда. И действительно, современник писал о московском Сиротском институте: здесь «учили прекрасно, и сестра обязана этому заведению твердыми основами своего образования, которые помогли ей впоследствии издательской деятельностью вывести свое собственное семейство из трудного положения»[197].

---

[194] *Николаев П.* Исторический очерк московского Николаевского Сиротского института (за 50 лет его существования 1837–1887 гг.). М., 1887. С. 29. (В 1837 г. преобразован из французских классов в Институт обер-офицерских сирот, с 1851 г. — женский Сиротский институт, впоследствии — Николаевский Сиротский).

[195] Согласно «Табели о рангах» (до 1884 г.), обер-офицеры — младшие офицерские чины от прапорщика (в пехоте) / корнета (в кавалерии) / мичмана (во флоте) до капитана / ротмистра / капитан-лейтенанта соответственно, т.е., XIV–IX классы «Табели». До 1845 г. достигшие XIV класса на военной и VIII класса на гражданской службе получали потомственное дворянство (в 1845–1856 гг. — с VIII класса военной и V класса гражданской службы).

[196] Монографии учреждений Ведомства имп. Марии. 1828–1878. СПб., 1878. С. 126.

[197] *Манн К.А.* Воспоминания // Исторический вестник. 1917. № 1. С. 50. Автор рассказывает, как его матери, вдовой дворянке, по бедности пришлось в свое время пойти на обман и отдать дочь в

Учебный комитет признал «высшим размером, на преподавание определяемых», 28 ½ часа в неделю для женских учебных заведений I разряда, 25 ½ часа — для II разряда. Согласно «Таблице распределения учебного времени в женских учебных заведениях» в училищах I–II разряда в неделю на Закон Божий и российскую словесность отводилось по 3 часа на каждый, на французскую и немецкую словесность — по 4 ½, на арифметику по 1 ½, на географию и историю — по три часа, на рисование с чистописанием — всего три часа. На предметы «О произведениях природы» и «О явлениях природы» следовало уделять по 1 ½ на каждый, начиная с низших классов. В свободное время преподавалось церковное и итальянское пение, музыка, танцование, изящные рукоделие и «хозяйство»[198].

Для «желаемого единства в преподавании» составлялись общие для всех институтов учебные планы. Планы преподавания должны были составить инспектора классов, приступившие к исполнению своей должности в конце 1830-х гг.: по русскому языку и словесности инспектор классов московского Александровского института И.И. Давыдов, по иностранным языкам — инспектор московского Сиротского института А.О. Армфельд, по арифметике и естественным наукам — инспектор московского училища ордена св. Екатерины Н.Д. Брашман, по истории — инспектор Воспитательного общества М.М. Тимаев, по географии — инспектор петербургского Сиротского института А.Г. Ободовский (отметим появившееся разделение

московский Сиротский институт как незаконнорожденную полусироту, чтобы девочка смогла получить образование за государственный счет. Бытовые условия, в отличие от постановки образования, автор мемуаров характеризует в самых мрачных тонах, как и личность начальницы института (последнее опровергается другими свидетельствами).

198 *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. Прим. 2. С. 5. Примечательно, что в мужских гимназиях с 1828 по 1852 гг. преподавание естествоведения было исключено (см.: *Пинкевич А.П.* Основы методики естествознания. М., 1930. С. 261).

истории и географии на отдельные равноценные дисциплины, чего раньше не наблюдалось[199]).

В качестве образца была предложена программа учебных предметов Воспитательного общества, поскольку «она содержит в себе самый обширный объем преподавания в женских учебных заведениях и весьма основательно соображена с опытом разных методов, которые были употребляемы лучшими у нас преподавателями»[200]. Кроме того, император Николай I счел полезным при составлении программ женских заведений руководствоваться программами военно-учебных заведений, т.е. равняться на курс мужского образования.

В учебных заведениях I разряда в обоих отделениях (т.е., и для более сильных, и для слабых учениц) Закон Божий преподавался одинаковым образом. Программа российской словесности включала в себя грамматику, общие понятия о словесности («о способностях души, об языке, правила прозы, понятия об изящном, понятия о стихотворстве») и в 1-м отделении — историю русской литературы, а во 2-м — «замечания о литературе древних и средних времен, история русской литературы». Программа преподавания французского языка включала грамматику, общие понятия о словесности («кратко и в том же виде, как преподано на русском языке»), историю французской литературы (для II отделения — «краткая»), а также для 1 отделения — «взгляд на литературу древних и средних времен». В курсе немецкой словесности изучалась грамматика, в 1 отделении — история немецкой литературы, а также общие понятия о словесности («в том же виде, как преподано на русском языке»), во 2 отделении ограничивались «указаниями на некоторых великих писателей и их важнейшие творения». Программа географии в 1 отделении дополнялась статистикой. Объем преподавания остальных предметов в обоих отделениях совпадал.

В училищах II разряда французский и немецкий языки преподавались без словесности, и программа ограничивалась

---

[199] В отечественных университетах кафедры географии стали открываться в соответствии с университетским Уставом 1863 г.

[200] РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 14. Л. 8–54 об.

грамматикой и «указанием на некоторых великих писателей и их творения». Всеобщую географию предполагалось преподавать сокращенно, а всеобщую историю — как «историю важнейших событий по хронологическим таблицам». Причем Главный совет оговаривал, что преподавание всемирной истории на французском языке вести не следует, поскольку «исторические истины сколько, с одной стороны, дают направление образу мыслей, столько, и в особенности, действуют на сердце и характер и, следовательно, должны быть сообщаемы на отечественном языке»[201]. Из программы «изящных искусств» для II разряда было исключено итальянское пение и музыка, зато предмет «хозяйственные рукоделия» следовало преподавать «в обширном смысле».

При этом по утверждению Учебного комитета, «наука, если мы от нее ожидаем пользы, как бы мы ее не сокращали, должна оставаться наукой, систематичным целым. Следовательно, она требует и зрелости ума, и постоянного внимания, и даже не детского возраста. При нашем множестве детей все это необходимо перепутано неравенством, и наука не может проникнуть массу разнообразную, разносильную, разновозрастную»[202]. Здесь крайне важна позиция Комитета преподавать учебные дисциплины как *систематичное целое*.

Для губернских институтов допускались отклонения от общей программы в соответствии с местными условиями. Так, в Одесском институте изучался итальянский язык вместо немецкого, в Белостокском и Киевском курс языков дополнялся польским[203], а в Александринском (Царство Польское), сверх того,

---

201 *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 124.

202 Цит. по: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 44.

203 В то же время с 1836 г. в других учебных заведениях Белорусского, Одесского и Киевского учебных округов преподавание польского языка было запрещено (Сб. постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1864. Т. 2. Отд. 1. Стб. 786. № 372; *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 222).

были введены также уроки истории Польши; в Закавказском в программу для желающих включили грузинский и армянский языки, а немецкий как необязательный преподавался за отдельную плату[204]. Подобная гибкость учебной программы увеличивала привлекательность институтского образования для местного населения (местные условия учитывались также и в повседневной жизни институтов, от расписания занятий до одежды).

С реализацией общей для всех институтов новой табели и учебной программы на местах возникали трудности. Введение новых предметов, которых прежде не было в программах некоторых институтов, требовало материальных затрат, иногда очень значительных. Те институты, где преподавали естественную историю и физику, ходатайствовали о сохранении этих предметов в учебной программе. Однако им было отказано ввиду необходимости придерживаться «единства хода учебной части», а потому дозволялось преподавание лишь тех предметов, которые входили в «нормальную табель».

Новая табель устанавливала во всех институтах уроки длительностью в полтора часа[205]. В Патриотическом институте отмечали, что введение таких уроков вместо принятых двухчасовых заставило бы администрацию института «отказать некоторым заслуженным преподавателям, у которых занятия в институте были согласованы с другими занятиями» в учебных заведениях. Этот довод в то время был признан убедительным, и привычный распорядок в то время был сохранен.

---

[204] *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 6–7. В Одесском институте читался одно время курс шелководства, см.: Курс шелководства, читанный в 1847 г. в Одесском институте благородных девиц К.Я. Дессметом // Сб. статей о сельском хозяйстве Юга России, извлеченных из Записок имп. Общества сельского хозяйства Южной России с 1830 по 1868 г. / Сост. И. Палимпсестов. Одесса, 1868. (К.Я. Дессмет — один из основателей одесского Ботанического сада).

[205] Полуторачасовые уроки были прежде приняты в Смольном и Екатерининском институтах. В то же время в мужских гимназиях урок продолжался 1 час 10 мин.

Статс-секретарь Н.М. Лонгинов, член Главного совета и Совета Патриотического института по хозяйственной части опасался к тому же, что увеличение продолжительности учебного дня может быть опасным для здоровья воспитанниц. Он писал: «я почитаю такой порядок убийственным и могу привести в пример смерть воспитанницы П. в Тамбовском институте от паралича в мозгу, как полагать должно, от излишнего умственного напряжения, от которого прилежную воспитанницу едва ли воздержать можно»[206]. Школьная медицина еще не сказала своего слова, и соображения администраторов о степени допустимой нагрузки для подростков были в значительной степени умозрительными[207].

Павловскому институту переустраивать учебную программу не пришлось: Совет института указывал, что «все предметы, показанные в таблице для женских учебных заведений второго разряда преподаются и ныне.., и остается за тем принять к руководству только общий объем преподавания»[208]. В Журнале Совета отмечалось, что число часов, отведенных русской словесности и французскому языку в общей табели и расписании института совпадает, хотя в младшем классе число часов русской словесности четко не оговаривается, поскольку «девицы нередко поступают в оный весьма недостаточно приготовленные», и с ними приходиться заниматься пепиньеркам, прежде чем приступить к изучению грамматики[209]. Та же проблема вставала перед учителями и в Патриотическом институте, где из поступающих «многие едва умеют читать только по-русски», и потому первый год уходил на подготовку к будущему учению[210].

---

206 *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт… С. 80.

207 См.: *Пономарева В.В.* Медико-социальные условия повседневной жизни закрытых институтов Мариинского ведомства (вторая половина XIX — начала XX в.) // Вестник Московского ун-та. Серия 23: Антропология. 2014. № 1.

208 РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 50. Л. 129 об. 1845 г.

209 ЦГИА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 28. Л. 19–20 об. 1845 г.

210 РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 14. Л. 27. 1845 г.

В Казанском Родионовском институте, напротив, учебную программу необходимо было значительно перестроить. В сравнении с новой табелью здесь на полтора часа меньше уделялось французскому и немецкому в 1–2 классах и географии в 1 классе. Зато арифметика преподавалась в 1–2 классах на полтора часа больше, как и рисование и чистописание[211]. Возможно, такое внимание уделялось математике после негативного отзыва ревизовавшего институт Е.П. Вонлярлярского (товарища статс-секретаря по делам управления учреждений имп. Марии), который нашел преподавание арифметики и русского языка неудовлетворительными, хотя «сочинения девиц отличаются… богатством мыслей и красноречивым изложением оных, что и доказывает счастливое развитие их умственных способностей». Успехи воспитанниц в иностранных языках, по отзыву ревизора, были хороши, а в истории и географии — даже «превосходны». Кроме того, в институте преподавалось некоторое время «рациональное сельское хозяйство», уроки которого давал управляющий образцовой фермой, и велись практические занятия по возделыванию образцового огорода и сада[212]. Инспектором классов Казанского института был профессор К.К. Фойгт[213], а «наставниками опытные преподаватели, служащие в Казанском университете и 2-й гимназии»[214].

В Тамбовском институте согласно отчетам для приведения учебного расписания в соответствие с требованиями новой

---

[211] РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 876. Л. 51 об. 1841 г.

[212] *Лихачева Е.О.* Материалы… С. 108–109.

[213] *Фойгт* Карл Карлович, профессор Казанского университета, ректор Харьковского университета, попечитель Харьковского учебного округа (*Загоскин Н.П.* История имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. Т. 1. Казань, 1902. С. 234). Мать К.К. Фойгта — внучка великого математика Л. Эйлера, смолянка. Как воспоминал профессор, «лютеранскому катехизису, немецкому и французскому языкам учила нас мать» (Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1868. С. 23).

[214] РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 876. Л. 28. 1841 г.

табели, пришлось сокращать время, отводившееся на преподавание российской словесности, чистописания и рисования (каждый из предметов — на полтора часа). (Прежняя программа составлялась директором училищ Тамбовской губернии З.И. Трояновским, который являлся в то же время инспектором классов института[215].) Учителя иностранных языков здесь часто сменялись (в первое 50-летие в среднем раз в два года), что не могло не сказываться на результатах преподавания. И лишь благодаря классным дамам, которые занимались со своими воспитанницами французским языком и говорили с ними только по-французски, успехи были «значительно выше, чем это можно было ожидать»[216].

В рапорте инспектора классов Белостокского института (февраль 1852 г.) перечислялись недостатки постановки учебного дела в женских институтах, впрочем, «свойственные всем заведениям того времени»: преобладание теории над практическими упражнениями, «загромождение памяти номенклатурой и отсутствием хороших руководств и других учебных пособий». В старшем классе, как гласил рапорт, на уроках русского языка учитель делал обозрение истории литературы древних азиатских народов, греков, римлян, византийцев, провансальцев, поэзии бардов и скальдов, литературы арабской,

---

[215] *Будюкина Н.Н., Орлова В.Д.* Особенности учебно-воспитательного процесса в Тамбовском Александринском институте благородных девиц // Вестник Тамбовского ун-та. 2012. Вып. 12(116). Серия: Гуманитарные науки. С. 114.

[216] *Верещагин П.* Исторический очерк по Тамбовскому Александринскому институту благородных девиц. 1843–1893 // Тамбовская ученая архивная комиссия. Тамбов, 1893. Вып. 38. С. 71, 81–82, 92. В эти годы в Тамбовском институте училась Мария Федоровна Белынская, мать Г.В. Плеханова. Сиротой она росла в доме богатой родственницы. Окончив институт, служила гувернанткой, пока не вышла замуж за вдовца вдвое старше ее, и занялась воспитанием детей своего мужа от первого брака, затем и собственных пятерых детей (см.: *Вольфсон С.Я.* Плеханов. Минск, 1924. С. 5).

английской, итальянской, испанской и португальской»[217], — перечень, достойный университетской кафедры литературоведения. По всей видимости, изучение истории литературы согласно подобной программе действительно оборачивалось «загромождением памяти номенклатурой», поскольку для серьезных занятий недоставало ни серьезной подготовки воспитанниц, ни часов, отведенных на предмет.

Подобным же недостатком страдало преподавание литературы и в мужских учебных заведениях, — как кадетских корпусах, так и гимназиях. Как показывает историк военного образования, в корпусах программа истории русской литературы была «уместной разве в университетских курсах» (при этом она «ориентировала учителей главным образом на XVIII столетие, отводя современной литературе сравнительно небольшое место»)[218]. Гимазический курс словесности так же был перегружен материалом, и особенно увеличился в объеме курс древней литературы[219].

Курс истории литературы еще не сформировался как школьная дисциплина, и предстояло прежде всего справиться с отбором и систематизацией значительного фактического материала. Как отмечалось при составлении учебных программ кадетских корпусов, «двигать науку — дело Академий и гениальных писателей; *средние* учебные заведения должны пользоваться только плодами трудов их, которые приняли уже силу закона или правила»[220].

В наилучших условиях по сравнению со многими провинциальными институтами находился Киевский, где с 1844 г.

---

[217] См.: *Авенариус Н.П.* Исторический очерк Белостокского института благородных девиц. 1841–1891. Белосток, 1891. С. 30.

[218] *Алпатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958. С. 64.

[219] См.: *Гетманская Е.В.* Литература как предмет средней и высшей российской школы: методические проблемы XIX века // Rhema-Рема. 2012. № 2. С. 96.

[220] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Выс. утв. 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. 30.

инспектором классов был профессор Н.Д. Иванишев, окончивший Главный педагогический институт и прошедший заграничную стажировку для приготовления к профессорскому званию[221]. Благодаря инспектору между институтом и университетом св. Владимира (основанном в Киеве в один год с институтом благородных девиц) была установлена «самая тесная связь»: им были привлечены к преподаванию доктор богословия профессор киевской Духовной академии протоиерей И.М. Скворцов, профессор русской словесности А.И. Селин, профессора естественной истории Р.Э. Траутфеттер и К.М. Феофилактов, известные историки Н.И. Костомаров, В.Я. Шульгин, А.И. Линниченко, В.С. Иконников и пр.[222].

Однако личность профессора Иванишева вызвала сомнения в Петербурге из-за жалобы на него начальницы института[223]. Поступивший в 1845 г. в Совет института запрос гласил, что до императрицы дошли сведения, что инспектор классов не исполняет свои обязанности в надлежащем виде. В ответном письме Иванишев аттестовался в самых хвалебных выражениях: профессор «привел и поставил учителей института в большой порядок, поощрил их к большему усердию, наконец, умел заставить воспитанниц кроткими внушениями быть прилежными, и за тем дело учебной части вообще пошло как нельзя лучше»[224]. Причиной жалобы на инспектора было, по мнению киевского генерал-губернатора Бибикова, желание

---

221 Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета св. Владимира (1834-1884). Киев, 1884. С. 208–211.

222 *Захарченко М.М.* История Киевского института благородных девиц. 1838–1888. Киев, 1889. С. 36–42.

223 *Нилова* Прасковья Михайловна (1775–1857), ур. Бакунина, первая начальница Киевского института благородных девиц. Племянница Г.Р. Державина, писательница и переводчица, родная тетка М.А. Бакунина, который не раз жаловался в письмах родным на ее непростой характер (См.: *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. 1828–1876. Т. 1. Б/м, 1834. С. 111–112. 1833 г.).

224 РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 33. Л. 1–5. 1845 г.

начальницы «подчинить все своему управлению»[225]. Подобная причина не раз порождала конфликты в институтах, и не всегда они заканчивались счастливо. В данном случае к благу института заступничество институтского Совета и местного генерал-губернатора сыграло свою роль, и профессор продолжал исполнять свою должность вплоть до 1849/50 г., когда его сменил профессор-историк В.Я. Шульгин (также вложивший в свою работу по улучшению учебной части института все свои незаурядные способности).

Хотя учебная часть не подчинялась напрямую начальницам института, на деле они нередко вмешивались в ход учения. Этому способствовали как объективные, так и субъективные причины. Женские институты являлись учебно-воспитательными заведениями, и именно воспитательная часть считалась важнейшей на протяжении всего существования институтов в лоне традиционного общества. Это давало начальницам повод вникать во все стороны жизни института, тем более что первоначально это прямо им предписывалось. Во время урока в классе обязательно присутствовала классная дама, непосредственно подчинявшаяся начальнице и обязанная сообщать ей обо всем происходящем.

С другой стороны, на должность начальниц, особенно в столицах, нередко назначались женщины, занимавшие значимые места в социальной иерархии, в то время как инспекторы классов или учителя относились к не слишком уважаемой в те времена касте. В институтской табели о рангах на первом месте находились начальница и члены Совета, затем следовали классные дамы и служащие институтской канцелярии, а на учителей смотрели, «как на последние спицы в институтской колеснице», к ним «относились свысока, словно к чернорабочему люду, хотя необходимому, но не имеющему права выступать вперед»[226]. Подобное отношение к учителю не могло не оказывать своего влияния на воспитанниц и, соответственно,

---

[225] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 115.

[226] Сто один [*Галахов А.Д.*] Из записок человека... № 6. С. 537.

на их прилежание и успехи в учении. Как пример деликатного обхождения с учителями рассказывается о пользовавшейся «беспредельным уважением» Л.Ф. Вистингаузен, возглавлявшей Патриотический институт в 1819–1847 гг.: «всякий день посещала она классы во время преподавания, и если что-нибудь ей не нравилось, просила учителя зайти из класса к ней и делала ему замечания»[227].

Согласно инструкции 1847 г. начальница по части учебной была обязана наблюдать, чтобы испытания воспитанниц производились «в назначенное время и с должною отчетливостью». Если она обнаруживала «неисправности» по учебной либо хозяйственной частям, она должна была сообщать об этом членам Совета и требовать устранения недостатков, если ее требования не удовлетворялись, то ей следовало обращаться в местный Совет[228].

Еще инспектор классов П.Д. Лодий, пытаясь отстаивать достоинство учительского корпуса, некогда обращался к Совету Воспитательного общества с просьбой: «Заведения для образования женщин в России, состоящие под непосредст-

---

[227] Луиза Федоровна Вистингаузен, начальница Патриотического института // Русская старина. 1871. Т. 3. № 3. Сообщ. П.К. Яковлева. С. 387. *Вистингаузен* Луиза Федоровна, ур. Бодиско, ум. в 1847 г. Когда ее семья обеднела, Вистингаузен поступила на место классной дамы в петербургский Дом Трудолюбия (позже — Елизаветинский институт), где ей было позволено поселиться всей семьей, вместе с мужем и детьми. Старшие дочери помогали в занятиях с воспитанницами, младшие учились вместе с ними. В 1817 г. Вистингаузен была назначена начальницей Дома Трудолюбия, а спустя два года — переведена начальницей в Патриотический институт, куда вместе с ней перешли продолжавшие обучение четыре ее младшие дочери. По воспоминаниям, она проявляла неутомимую заботу как о своих воспитанницах, так и обо всех служащих (Луиза Федоровна Вистингаузен...; Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 гг. // Семейные вечера. 1873. № 2).

[228] Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений имп. Марии… С. 79–80. Инструкция, утвержденная 28 июля 1847 г.

венным покровительством Ея имп. Величества, составляют образец для иностранных держав и своими успехами восхищают иностранных посетителей. В сих успехах при Высочайшем правлении содействуют господа учители, посвятившие жизнь свою наукам, в коих дают девицам наставления; посему я почитаю их достойными, чтобы они были известными публике, вследствие чего всепокорнейше прошу высокопочтенный Совет об исходатайствовании Высочайшего соизволения на помещение учителей сих училищ в адрес-календарь, тем более, что учителя уездных и приходских училищ помещены в оном»[229]. В министерстве народного просвещения обсуждались средства «для возвышения учителей в глазах общества», и согласно одному из высказанных мнений, «учителя женатые более уважают свое звание и дорожат им, более имеют основательности и постоянства как в суждениях, так и в поступках своих, более прилично и наставительно обходятся с детьми, нежели учителя холостые, а притом еще и молодые, увлекающиеся забавами… общество имеет более уважения и доверенности к женатым»[230].

Неудивительно поэтому, что, судя по многочисленным свидетельствам, в женские институты предпочитали по возможности приглашать именно женатых, степенных преподавателей. Как вспоминает А.Д. Галахов, «учителей по исконному обычаю набирали преимущественно из класса людей женатых, которые поэтому предполагались нравственными и степенными.

---

[229] См.: *Панкратьева Е.* С.-Петербургское училище Ордена св. Екатерины. С. 29–30. Впервые поименный список преподавателей женских учебных заведений появляется в «Месяцеслове с росписью чиновных особ, или общем штате Российской империи на лето от Рождества Христова 1814 г.» (СПб., 1814), но — лишь учителей Воспитательного общества и петербургского Екатерининского института (в изданиях «Месяцеслова» за предыдущие годы приводились только имена инспекторов классов). Перечень учителей московских Екатерининского и Александровского институтов появляется в «Месяцеслове» в 1830 г.

[230] См.: *Шмид Е.К.* История средних учебных заведений в России. С. 201.

Из холостяков допускали только пожилых; молодые же получали право учительствовать лишь в том случае, если они имели несчастие… быть невзрачными и, следовательно, от природы запаслись как бы наличным свидетельством полной своей безопасности для институток»[231]. Некоторые институтки в своих мемуарах высказываются еще более определенно: «все наши учителя и профессора были как на подбор стары и некрасивы»[232]; «учителя все подбирались старые, хромые, кривые, на костылях»[233].

Однако воспоминания современников характеризуют (иногда, как видим, в нарочито карикатурной форме), очевидно, лишь общее намерение институтского начальства, обязанного блюсти душевный покой и нравственность своих юных воспитанниц, оберегая их от искуса. На самом деле не возраст и не внешность являлись главными критериями при выборе кандидатов, а хорошее образование, педагогический опыт, умение вести себя в обществе и, что было нередко важнейшим доводом в пользу той или иной кандидатуры, рекомендация солидных людей. В институтах преподавало множество молодых и весьма привлекательных учителей: П.А. Плетнев поступил на службу в Екатерининский институт, когда ему исполнилось всего 23 года[234]; А.В. Никитенко в начале его преподавател-

---

231 Сто один [*Галахов А.Д.*]. Из записок человека… № 6. С. 551.

232 *Соколова А.И.* Из воспоминаний смолянки. С. 143.

233 *Рамазанова А.Н.* Елизаветинский институт. 1849–1854 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2001. С. 331. Воспоминания записаны дочерью со слов ее матери, ур. Григорьевой, которая прямо из института поступила гувернанткой в дом князей Шаховских, где и повстречалась со своим будущим мужем.

234 «Светские сплетни обращали в серьезные чувство и виды» вполне, по-видимому, невинные отношения Плетнева и его ученицы, воспитанницы Патриотического института юной красавицы графини Матильды Армфельт, и это очень беспокоило молодого педагога (см.: Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 1. СПб., 1896. С. 661).

ской деятельности в институте было 34 года, А.Д. Галахову — 32, И.И. Мартынову, М.М. Стасюлевичу и Н.А. Вышнеградскому — 26, К.И. Арсеньеву — 33, М.Б. Чистякову — 31, М.М. Тимаеву — 27, Н.В. Гоголю — 22, и т.д. Вместе с А.Д. Галаховым в институте преподавал историк, университетский профессор П.Н. Кудрявцев, наружность которого была «в высшей степени импонирующая: высокий, худой, бледный, чрезвычайно красивый»[235]. Оправдано ли было беспокойство институтских воспитателей за сердца своих подопечных, если у Кудрявцева и его ученицы возникло романтическое чувство, завершившееся женитьбой? Подобная история вовсе не была исключением.

Впрочем, от любовных увлечений в стенах институтов не спасала ни неказистая внешность, ни возраст преподавателя (так, женой учителя географии Воспитательного общества И.Х. Шаунбурга, «маленького и невзрачного с виду, но имевшего доброе сердце», стала молоденькая институтка[236]; на страстно влюбленной в него только что выпущенной институтке женился горбатый немолодой инспектор классов В.Я. Шульгин[237], и т.д.). Запертых в четырех стенах девочек, при ограниченности их впечатлений, очаровывали таланты самого некрасивого учителя — проникновенный голос, дар слова, глубокое знание предмета, любовь к своим подопечным, а и иногда самые неожиданные человеческие черты.

И самим преподавателям трудно было оставаться равнодушными к своим юным подопечным. Учитель рисования в старших классах петербургского Сиротского института П.П. Соколов вспоминал: «первое время я ужасно смущался, когда меня окружал целый рой красавиц, устремлявших на нового учителя свои любопытные хорошенькие глазки… мои ученицы безусловно меня обожали, и я нередко слышал вокруг меня

---

[235] *Залога М.В.* Из воспоминаний институтской жизни. Воронеж, 1906. С. 14. П.Н. Кудрявцев женился на воспитаннице московского Николаевского Сиротского института В.А. Нелидовой.

[236] *Быкова В.П.* Записки старой смолянки. 1833–1878. СПб., 1898. С. 11, прим.

[237] См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. Л., 1934. С. 136.

вздохи и восклицания, в роде: “очаровательный”, “incomprehensible”, “жестокий” и т.д., но я, разумеется, был очень осторожен ко всем этим комплиментам...». Художнику «подсовывали лоскутки бумаги, испещренные признаниями своих чувств», как-то «проказницы» вылили флакон духов в его шляпу, а однажды после экзамена на него «налетела тройка в белых передничках» и, «сделав дружный реверанс», мгновенно исчезла, оставив в руках Соколова пакет, в котором тот обнаружил «прелестный бархатный портфельчик, сплошь вышитый шелками с белой муаровой отделкой внутри»[238]. Удивительно ли, что начальницам с классными дамами приходилось не спускать глаз с доверенных их попечению юных девиц…

Отношение мужчин к женским учебным заведениям неизменно было двойственным. С одной стороны, на них действовало очарование юной женственности, с другой — их отношение к женскому учению бывало снисходительным, а то и презрительным. Так совсем еще молодой Гоголь, получавший несомненное удовольствие от своей службы в Патриотическом институте, при этом писал о своих подопечных: «я только такое подносил им, что можно понять женским мелким умом»[239].

Атмосфера в институтах была совершенно иной, чем в мужских учебных заведениях. В последних регулярно применялись физические наказания, а в институтах подобное могло произойти лишь в исключительных случаях, поведение гимназистов и кадет примерным не было — они нередко позволяли себе грубые и даже безобразные выходки. В институтах возникали совсем другие сложности — здесь на уроках царила тишина, но при этом учитель находился под постоянным контролем классной дамы и должен был следить за каждым своим шагом.

---

[238] *Соколов П.П.* Воспоминания академика П.П. Соколова // Исторический вестник. 1910. Т. CXXXII. С. 777–778. *Соколов* Павел Петрович, 1826–1905. Сын замечательного художника-портретиста П.Ф. Соколова, впоследствии академик Академии художеств, иллюстратор А.С. Пушкина.

[239] Цит. по: *Лихачева Е.И.* Материалы… Т. I. Ч. 3. С. 97.

Осмелимся предположить, что отношение к учителям в московском обществе было более уважительным, чем в петербургском. Во многом традиции любви к просвещению и почтения к просветителям всех рангов было заложено здесь еще с середины XVIII в. благодаря Московскому университету и университетскому Благородному пансиону, вокруг которых сложилось уникальное сообщество[240]. В московском Александровском институте за казенный счет получили образование две дочери профессора московского университета П.В. Победоносцева[241]. В привилегированном московском Екатерининском институте учились четыре девицы Черепановы — Мария (вып. 1807 г.), Екатерина (вып. 1813 г., серебряная медаль), Анна (вып. 1828 г.) и Александра (вып. 1828 г., большая золотая медаль) Никифоровны. По всей видимости, все они — дочери профессора Московского университета Н.Е. Черепанова. Одна из них служила впоследствии классной дамой, одновременно давая уроки рисования в Александринском Сиротском институте, и А.Д. Галахов в своих воспоминаниях называет ее «дочерью бывшего московского профессора»[242]. По крайней мере одна из дочерей профессора чистой математики Т.И. Перелогова училась в том же Екатерининском институте (1821 г.)[243].

---

[240] См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университет для России. Т. 1. Взгляд на историю русской культуры XVIII века. М., 1997; *Они же.* Университет для России. Т. 3. Университетский благородный пансион. М., 2007.

[241] *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С. 44–45.

[242] Сто один [*Галахов А.Д.*] Из записок человека. № 6. С. 539.

[243] См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета… М., 1855. Ч. II. С. 222. Среди жен московских профессоров насчитывалось немало институток. В их числе Н.П. Мухина, ур. Кострова, воспитанница, затем классная дама Екатерининского института, жена известного профессора-медика; смолянка Е.В. Вагнер, жена историка М.П. Погодина; П.В. Романова, жена историка С.М. Соловьева (впоследствии — инспектора классов Сиротского института), воспитанница московского Екатерининского института, и уже упоминавшиеся

В 1830–1840-х гг. отношение к преподавателям менялось, как благодаря повышению образовательного уровня русского общества, так и тому, что переменился сам учительский корпус, уровень его образования и, что было совсем немаловажно, — внешний облик учителя. Сыграла свою роль политика государства, четко определявшая статус учителя, его права, систему наград и пр. С началом правления Николая I улучшалось материальное положение преподавателей, как в университетах, так и в институтах — инспекторам классов и учителям были даны права на чины и преимущества, которыми пользовались учителя мужских гимназий и корпусов[244].

Киевская институтка сделала такое замечание: в старшем классе было несколько «выдающихся лекторов, они-то и будили в нас жажду знаний и любознательность. Они вносили жизнь и вызывали работу ума среди сонного нашего обучения. В их лекциях было столько осмысленности, захватывающего интереса, что вызывало в нас такой энтузиазм, что мы точно воскресали от какой-то умственной дремоты, предавались шумному восторгу, ходили точно в блаженном чаду». Завершает этот сюжет мемуаристка «за упокой»: «но, к несчастью, такие лекторы были исключением»[245]. Однако присутствие *нескольких* выдающихся лекторов в учительском коллективе — это большая удача для всякого учебного заведения. Таких педагогов много не бывает, и лишь утопическое сознание может ставить в упрек школе то, что не каждый учитель способен порождать «шумный восторг».

Нехватка профессионально подготовленных педагогов по некоторым дисциплинам по-прежнему сохранялась, о чем свидетельствуют совмещения одним учителем преподавания сразу нескольких предметов. Так, инспектор классов Харьковского института И.А. Сливицкий сначала преподавал в млад-

---

В.А. Малеева, жена И.И. Давыдова, В.А. Нелидова, жена П.Н. Кудрявцева и А.В. Дмитровская, жена А.О Армфельда.

[244] *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 87.

[245] *Воропанова М.* Институтские воспоминания // Русская школа. 1902. № 10/11. С. 55.

ших классах арифметику, затем российскую грамматику и историю в старших классах, а позже — историю, географию и французский перевод[246]. В то же время научная квалификация преподавателей в Харьковском институте была высокой. В 1840 г. здесь преподавали: законоучитель профессор богословия и церковной истории Харьковского университета И.А. Зимин, естественную историю — доктор медицины П.И. Флота, всеобщую историю — адъюнкт университета М.П. Клобуцкий, российскую историю и географию — уже упоминавшийся адъюнкт университета И.А. Сливицкий, физику — профессор университета В.И. Лапшин, французский перевод — профессор университета П.П. Гулак-Артемовский.

В рамках выработанных учебных программ и правил попрежнему личность учителя, его педагогические способности и образование играли главную роль. В воспоминаниях сохранилось множество подтверждений этому. Один учитель истории «питал сильное пристрастие к хронологии и перечням лиц.., к сражениям — словом, к внешним историческим событиям», другой «исключительно напирал на внутренний смысл исторических событий»; благодаря учителю физики его предмет был единственным из естественных наук, «который преподавался толково и дельно, хотя и весьма кратко, как этого требовала институтская программа», но другие — ботаника, зоология, минералогия — преподавались на французском «каким-то убогим швейцарцем» так, что «были чистой карикатурой».

По словам институтки, их учитель М.Е. Архидьяконский обладая «глубоким, тонким и саркастическим умом, неподражаемым юмором», «сильно влиял на умы», оказывая «очень полезное влияние на мыслительные способности своих учениц». Весьма характерной была его методика преподавания своего предмета. Так, он говорил своим подопечным: «русская грамматика еще неразработанна… в ней черт ногу сломит, и

---

[246] РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 712. 1828–1830; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1830 г. С. 674; Месяцеслов… на 1840 г. С. 891, Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1850. Ч. 1. СПб., 1850. Разд. III. С. 16.

тут же приводил целый ряд примеров непоследовательности, нелогичности многих правил. Хотите научиться правильно писать и изъясняться по-русски, читайте больше и пишите сами. Вникайте в дух русского языка, изучайте его по хорошим образцам». Эти образцы он, как уже было сказано выше, сам предлагал своим подопечным. При этом темы сочинений задавал самые простые, «обыденные»: выбирал русскую пословицу и просил объяснить ее значение, подкрепляя примерами из знакомой девочкам институтской жизни. «Проще, проще, — говаривал он, разбирая сочинения, — мне не надо чужих, выкраденных из книг мыслей; дайте мне свое, оригинальное. Не беда, если мысль незамысловата, если она выражена некрасиво; для меня важна ее самостоятельность»[247]. Столь же высоко педагогический талант Архидьяконского оценивал А.Д. Галахов[248].

Но успех учебного дела определялся также и уровнем подготовки и готовности учеников воспринимать то, что может дать им учитель. Многие из поступавших в институты девочек не умели читать и писать, но их приходилось принимать ввиду благотворительного характера женских институтов. И впоследствии наиболее слабых не исключали, а переводили из класса в класс. Причинами исключения могли служить особенно неприглядное поведение, тяжелая болезнь или семейные обстоятельства, но отнюдь не неспособность к учению. По рассказу институтки, в ее классе «были две воспитанницы, которые при выпуске едва умели написать свои фамилии, их учители уже и не вызывали к ответу уроков, а только ставили в книге нули, но они были смирные и их держали»[249].

Резким диссонансом звучат отзывы двух воспитанниц московского Екатерининского института об уроках одного и того же педагога. С.Д. Хвощинская вспоминала, что ее товарки не

---

[247] *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени. Из воспоминаний старой институтки // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 186–187.

[248] Сто один [*Галахов А.Д.*]. Из записок человека… С. 556.

[249] *Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря. № 10. С. 159.

были готовы к восприятию нового литературного языка. Заучивая наизусть множество стихов И.И. Дмитриева, К.Н. Батюшкова, А.В. Кольцова, В.А. Жуковского, они выше других литераторов ставили Е.П. Ростопчину, а когда учитель М.Е. Архидьяконский читал им вслух отрывок из «Мервых душ», они либо «не чувствовали красоты ни малейшей», либо «ровно ничего не понимали»[250]. (При этом дарованиям своего учителя мемуаристка должное отдает).

Другая институтка описывает те же уроки совершенно иначе. По словам А.Н. Энгельгардт, учитель был прекрасным чтецом, «впечатление производил сильное, неотразимое. Как он читал “Бориса” Пушкина, как он читал Гоголя! Описание посещения Плюшкина Чичиковым, “Тараса Бульбу” и, например, “Разъезд после представления Ревизора”. Что это было за наслаждение! Весь класс превращался в слух и, задерживая дыхание, впивался в каждое слово»[251]. В чем причина такой разницы впечатлений, вынесенных воспитанницами одного и того же учебного заведения, ученицами одного и того же

---

[250] *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 10. С. 513, 532–533.

[251] *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени. С. 182. Энгельгардт ошибочно называет своего учителя не Архидьяконским, а Архипастырским. Вполне характерно, что Е.И. Лихачева, стремясь нарисовать определенную картину институтского учения, в своих «Материалах» привела в пример только рассказ Хвощинской о «непонимании» институтками Гоголя, «забыв» об отзыве Энгельгардт, хотя другие цитаты из Энгельгардт, подходящие ее целям, приводятся на тех же страницах (*Лихачева Е.И.* Материалы… 1828–1856. С. 79–81. Ср.: учившаяся в московском Елизаветинском институте в 1870-х гг. писательница А.А. Вербицкая, выступавшая за эмансипацию женщины, в своих крайне тенденциозных воспоминаниях утверждала, что в институте «Гоголя называли сальностью… русская литература считалась нечистоплотной» (*Вербицкая А.А.* Автобиография // Сб. на помощь учащимся женщинам, составленный исключительно из произведений женщин-писательниц, снимков с картин и иллюстраций художниц. М., 1901. С. 85).

учителя? Первая мемуаристка училась на семь лет раньше второй; мог ли за столь короткий срок так измениться общий культурный фон, что подростки смогли воспринять то, что было недоступно их недавним предшественницам? А, может, случайно, как это бывает, сформировался «сильный класс», или же, что наиболее вероятно, на позднейшие воспоминания наложились современные события — воспоминания «шестидесятницы» Хвощинской были написаны и опубликованы в 1861 г., когда горячо обсуждался «женский вопрос» и подготовка женщин к будущей жизни (и особенно институтское воспитание) подвергалась самой жестокой критике?..

О своем прекрасном учителе русского языка и словесности П.Е. Басистове, читавшем на своих уроках отрывки из лучших писателей, вспоминала мариинка: «такого чтеца… мне больше слышать не приходилось. Особенно неподражаемо передавал он Гоголя и Островского: “Ревизор”, “Свои люди — сочтемся” были его лучшими вещами». Такие уроки «оживляли преподавание, уясняли учащимся классических авторов». Иногда в институт приходил «знаменитый Щепкин, читавший исключительно Гоголя, которого он любил без памяти. Особенно потрясающим образом действовало на нас его чтение “Записок Сумасшедшего”»[252].

Еще первым уставом 1764 г. предписывалось, чтобы одной из неотъемлемых сторон обучения девиц должна стать «охота к чтению книг, как для собственного их увеселения, так и для происходящей от того пользы. Для сего, так как и для словесных наук, надлежит неотменно завесть библиотеку с рассудительным выбором книг»[253]. Однако осуществить это благое пожелание было не так просто — книг мало, они дороги, и «охота к

---

[252] *Залога М.В.* Из воспоминаний… С. 13, 20 (в мемуарах Залоги Басистов ошибочно назван Павлом Петровичем). *Басистов* Павел Ефимович (1823–1882), в 1843 г. окончил Московский университет. Преподавал русский язык и словесность в московских Александровском и Сиротском институтах, с 1877 г. заведующий московскими начальными училищами.

[253] Устав воспитания двух сот благородных девиц... СПб., 1764. С. 11.

чтению книг» в обществе в целом находилась на низком уровне. За весь XVIII-й век в России было издано всего 310 книг для детей, причем в основном это были переводы (247)[254].

В 1830-х гг. Н.П. Грот вспоминала: «в институте в наше время никто не заботился о доставлении нам какого бы то ни было чтения. Наша детская литература тогда была еще очень бедна, а иностранных книг в нашей библиотеке не было», о чтении не слишком заботились и родители, навещавшие детей: «привозя им целые горы лакомств, они почти никогда не думали привезти им какое-нибудь полезное чтение или умную игру»[255]. Но следует иметь в виду, что воспоминания Грот были написаны уже в другую эпоху, когда чтение стало для русской публики (а особенно — для образованной женщины) не просто привычным, — даже необходимым занятием, а русская культура получила выраженный литературоцентричный характер. Однако подобный взлет был бы невозможен без культурной работы предыдущих поколений, в том числе и без воспитания в стенах женских институтов образованных матерей, гувернанток, учительниц[256].

В институтах было принято устраивать совместные чтения во время занятий рукоделиями или вакаций, учителя-

---

[254] См.: *Алексеева О.В.* Библиография русской детской книги. 1717–1854 // Материалы по истории русской детской литературы. 1759–1855. Вып. 2. М., 1929. С. 228.

[255] *Грот Н.П.* Из семейной хроники. С. 76. У М.Е. Салтыкова-Щедрина читаем: «Печатное дело успехом не пользовалось… О книгах и речи не было, исключая академического календаря, который выписывался почти везде; сверх того, попадались песенники и другие дешевые произведения рыночной литературы, которые выменивали у разносчиков барышни. Они одни любили от скуки почитать. Журналов не получалось вовсе, но с 1834 года матушка начала выписывать “Библиотеку для чтения”, и надо сказать правду, что от просьб прислать почитать книжку отбоя не было» (*Салтыков-Щедрин М.Е.* «Пошехонская старина»).

[256] См.: *Пономарева В.В.* Библиотеки и чтение в женских институтах Мариинского ведомства (XVIII — начало XX в.) // Библиотековедение. 2014. № 5.

энтузиасты организовывали литературные вечера. Мариинка вспоминала, что «когда воспитанницы старшего класса вышивали в пяльцах, одна из нас должна была вслух читать французскую книгу, а прочие слушать и работать, не рассказ, а историческую из собственной библиотеки»[257]. Классные дамы выдавали книги «более на иностранных языках», но при этом читали вслух и русские, вроде «Рославлева»[258], в библиотеки поступали детские журналы «Звездочка» и «Лучи», а также «Журнал для детей».

Во время каникул девочки выбирали себе чтение по собственному вкусу: «наш кружок выбрал себе отличное местечко в аллее, у пруда, и заседал там. Вышивали по papier-pique сувениры и закладки для книг, а одна приятельница, уткнувшись в траву, читала Байрона. Запретная книга огромного формата ловко пряталась в бездонных карманах, и перебывала у первого отделения. Мы в ней ровно ничего не смыслили, но все равно прочли»[259]. Неразрешенные книги имели широкое хождение, их приносили контрабандой родственники, о чем, к примеру, вспоминал писатель А.М. Скабичевский, который сам снабжал свою сестру-институтку «запретными в институте книгами»[260]. Это чтение институтки называли «подземной библиотекой». «Читались с наслаждением» девочками, собиравшимися вокруг «всю ночь горевшего ночника» романы[261], у одной из мемуаристок отняли читаемую тайком «Пиковую даму» Пушкина[262], а позже в институтах «подпольно» распространяли «Современник» со статьями В.Г. Белинского.

---

[257] ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 4. 1827 г.

[258] *Быкова В.П.* Записки старой смолянки. С. 17.

[259] *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни... № 10. С. 542–543.

[260] *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М., 2001. С. 146. В 1865–1877 гг. сам писатель служил учителем русского языка в Смольном (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8378).

[261] *Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки. С. 87, 102.

[262] *Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. С. 168.

В принятом в 1839 г. «Положении об учебной части» библиотеке уделялось особое место. В обязанность инспекторов классов вменялся выбор книг — как «для назидательного чтения воспитанниц», так и для «руководства при преподавании». При этом инспектор должен был советоваться с учителями и «преимущественно соображаться» со списками, которые составлялись Министерством народного просвещения для училищ[263]. В список книг для институтских библиотек были включения книги для чтения: «Рассказы о Боге, человеке и природе» В.Ф. Одоевского, «Книга Наума о Божием мире» и «Друг детей» М.А. Максимовича, «Есть ли где конец света» И.Н. Данилевского и А.А. Оссовского.

Но положение менялось к лучшему очень медленно, и вплоть до 1860-х гг. институтские библиотеки не располагали сколько-нибудь значительным выбором книг для чтения, иногда их фонды пополнялись случайно (например, по завещанию, пожертвованиями). Например, фундаментальная библиотека Саратовского института состояла всего из 29 названий (185 томов)[264]. Подобное положение было общей бедой всей русской школы. Спустя годы, уже в 1861 г. в официальном органе Министерства народного просвещения отмечалось, что «в учебных заведениях мало обращают внимание на то, читают ли воспитанники и что читают. В уездных училищах, духовных и светских, вовсе не дают книг для чтения; в гимназиях, семинариях и корпусах почти не дают»[265].

В 1830–1840-е гг. выпускались новые учебники и учебные пособия, которые регулярно поступали в учебные библиотеки институтов: «Руководство к умственным упражнениям в отечественном языке» Е.О. Гугеля[266], «Сборник избранных сочинений»

---

263 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 225–226.

264 См.: *Теодорович Н.И.* История Саратовского Мариинского института благородных девиц. 1854–1916. Саратов, 1916. С. 81.

265 *Филонов А.* О чтении и библиотеках // ЖМНП. 1861. Ч. 111. Отд. I. С. 186.

266 *Гугель* Егор Осипович, в 1830–1842 гг. инспектор классов мужского Гатчинского сиротского института Мариинского ведомства,

А.В. Иванова, «Книжка для упражнений в русском языке, изданная для уездных училищ», «Книга для первоначального чтения» и «Полная русская хрестоматия» А.Д. Галахова, «Практическая грамматика, основанная на логическом разборе предложения», краткая грамматика Н.И. Греча, А.Х. Востокова, «История литературы», изданная Министерством народного просвещения, «Упражнение в декламации» Ф.И. Буссе и «Учебник русского языка» А.П. Смирнова, «История русской словесности» С.П. Шевырева, «Начертание русской истории для средних учебных заведений» Н.Г. Устрялова, а также «Практические упражнения в сочинениях» и «Курс теории словесности» М.Б. Чистякова, в которых впервые в отечественной учебной литературе анализировались специфика родов литературы, жанры русской прозы, поэзии, драматуры[267].

Институтский педагог начала XX в. В.В. Каллаш характеризует использовавшиеся учебники по русскому языку и словесности как по большей части неудовлетворительные: «Грамматика» Иванова, выходившая 16-м изданием, — «бессвязная масса правил, которые в большинстве случаев оказываются бессодержательными», приводящее к «знанию грамматических категорий и полнейшему незнакомству с живым языком», грамматика Греча — «донельзя суха и отвлеченна.., рассчитана на зазубривание определений и разделений», руководство Галахова — «сухое и бесцветное.., которое у очень многих поколений отбивало всякий интерес к родной литературе» и т.п. Учебники теории словесности по его мнению «были и того хуже. От старинных риторики и пиитики они получили в наследство схоластичность приемов, дедуктивность метода. Все

известный педагог, заложивший основы отечественной системы дошкольного воспитания. Издатель первого общественного периодического издания по педагогике «Педагогический журнал» (1833–1834). Педагогическая библиотека, собранная Гугелем в институте, по собственному свидетельству К.Д. Ушинского, сыграла немалую роль в его формировании как педагога.

267 См.: *Журавлев В.П.* Становление и развитие типологии учебных и методических пособий…

исключительно сводилось к работе формального усвоения»[268]. Эта высокомерная оценка потомка, к сожалению, вполне характерна. Подобным же образом, не учитывая исторический контекст, как своих современников, судили профессоров «патриархального периода» Московского университета их ученые потомки[269]. Но оценивать деятелей прошлого, исходя из достижений настоящего и несправедливо, и непродуктивно.

И схоластичность приемов, и отсутствие «знакомства с живым языком» являлись «болезнью роста». В привилегированных учебных заведениях для сочинений по русской словесности в 1830-е гг. предлагались отвлеченные «высокие» темы, раскрыть которые ученики могли, лишь заимствуя чужие мысли и образы. Так, институткам приходилось писать сочинения (иногда экспромтом, и на разных языках) на следующие темы: «О торговле», «Счастие», «Утренняя молитва», «Гнев», «Убиение царевича Димитрия». Темы школьных сочинений на уроках словесности соответствовали духу литературы своего времени.

Но и отвлеченные темы, слишком «серьезные» для девочек, могли вызывать интерес, пробуждая их фантазию. Одна из мемуаристок рассказала, какой эффект вызывало сочинение институтки о пожаре Москвы: ее подруги «чуть не ахали от восхищения, когда она прочла вслух, как Наполеон бежал, гонимый призраком пылающей столицы»[270]. Выступавший против сентиментализма автор писал: «Юноша, не видавший ничего, кроме своего училища и товарищей, может ли рассуждать о формах правления, о постепенном образовании общества, об истинной цели воспитания?.. Пусть воспитанники занимаются сочинениями, соответствующими их понятиями, пусть они описывают любовь сыновнюю, дружбу, весну,

---

[268] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 214–217.

[269] См.: *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Человек александровской эпохи: Взгляд с Моховой // Университет для России. Т. 2. М., 2001. С. 60–61.

[270] *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни… № 10. С. 534, 558.

лето...»[271]. Однако затворницам-институткам не так просто было описывать весну или лето, поскольку их знакомство с природой первоначально ограничивалось институтским садом, где им были разрешены короткие прогулки (впрочем, со временем каждый институт обзавелся дачей, и девочек на летние вакации стали отправлять из города на природу).

Впоследствии педагог В.П. Шереметевский обращал внимание на то, когда именно в русской школе происходили важные перемены в преподавании родного языка: лишь в конце 1850-х — начале 1860-х гг. «совершился крутой поворот в преподавании словесности в среднеучебных заведениях. Вместо тетрадок стилистики, риторики, пиитики, истории русской литературы стали изучать образцы словесности как русской, так и иностранной, одни в целом объеме, другие в отрывках, представляющих нечто законченное»[272]. В институтах этот подход (культивировавший также совместное чтение) практиковался изначально. Институток готовили к роли матери или наставницы, и в будущем им предстояло заниматься с детьми чтением.

По мнению историка математики В.Д. Павлидис, лишь в 40-х гг. XIX в. проблема обеспечения учебными пособиями по

---

[271] [*Яковлев П.Л.*] Записки москвича. М., 1830. С. 112. *Яковлев* Павел Лукьянович (1789 (по др. данным, 1796)–1835), журналист, писатель. Учился в университетском Благородном пансионе, слушал лекции в Московском университете, служил в московском архиве при Иностранной коллегии. Племянник писателя А.Е. Измайлова, печатался в его журнале «Благонамеренный».

[272] *Шереметевский В.П.* Слово в защиту живого слова в связи с вопросом об объяснительном чтении // Шереметевский В.П. Статьи по методике начального преподавания русского языка. М., 1910. С. 50. *Шереметевский* Владимир Петрович (1834–1895), учитель русского языка и словесности в московском Екатерининском институте с 1858 г. (РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 895. Л. 17 об.), автор учебных пособий и руководств. По словам В.В. Каллаша, Шереметевский, «обличитель школьной рутины», «был одной из наиболее знаменитых величин московского педагогического мира» (*Каллаш В.В.* Предисловие // Шереметевский В.П. Статьи по методике… С. III).

математике «значительно смягчается», и учебники того времени по своим «научным и методическим достоинствам» не уступают аналогичным зарубежным пособиям[273]. Среди таких изданий Павлидис называет учебники преподававших в женских институтах знакомых нам авторов — Ф.И. Буссе и П.Н. Погорельского.

Появляются учебные книги, авторами которых являются женщины. Первыми из их числа, которые использовались в младших классах институтов на уроках Закона Божия — «Священная история в разговорах для детей» (СПб., 1841; всего 6 изд.) А.И. Ишимовой[274], «Чтение для детей из священной истории» (СПб., 1848) А.М. Дараган[275], «Священная

---

[273] См.: *Павлидис В.Д.* Учебные пособия по геометрии для средней школы России XIX — начала XX в. // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2006. № 1. С 105.

[274] *Ишимова* Александра Иосифовна (1804–1881), писательница, переводчица. Автор популярнейшей «Истории России в рассказах для детей». Издательница первых русских журналов для девочек «Звездочка» и «Лучи». Эти журналы, в которых печатались рассказы из институтской жизни, выписывались институтами, воспитанницам которых они посвящались. В 1876 г. Мариинское ведомство выдало Ишимовой 600 руб. для издания «Рассказов для детей из естественной истории» (РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 2332), вышедших в том же году. «Рассказы» были рекомендованы для младших классов женских учебных заведений Ведомства, мужских и женских гимназий. В конце жизни к 50-летию литературной деятельности Ишимовой Мариинским ведомством была назначена пенсия (РГИА. Ф. 759. Оп. 23. Д. 18).

[275] *Дараган* Анна Михайловна, ур. Балугьянская (1806–1877), прозванная за свой «бурный» характер «мадам Ураган», начальница московского Елизаветинского (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 238. 1849 г.), затем Николаевского Сиротского института в Петербурге (1850–1856). Впоследствии являлась попечительницей детского приюта в Туле. Писательница, переводчица (одной из первых переводила труды Фр. Фребеля о дошкольном воспитании). Автор популярной азбуки «Ёлка» (1846; 11 изданий), состоящей из 36 уроков в виде бесед с ребенком и «Естественной истории животных» (СПб., 1849).

история для детей, выбранная из Ветхого и Нового завета» (СПб., 1837) А.П. Зонтаг[276].

Приобретать учебные книги и пособия следовало в соответствии с числом воспитанниц: в младших классах по одному экземпляру на пять человек, в старших — по пяти на весь класс. Но зачастую из-за нехватки книг и пособий учебный материал воспитанницам приходилось записывать под диктовку, о чем сохранилось немало свидетельств в их воспоминаниях.

В Сиротском институте нашли удачный выход: в 1840 г. была заведена «домашняя литография», где сами печатали недостающие учебные разработки[277]. Но подобная инициатива, по всей видимости, осталась исключением.

Пополнять институтские библиотеки было затруднительно в том числе и из-за ограниченности бюджета, особенно после смерти императрицы Марии Федоровны, старавшейся по возможности обеспечивать институты всем необходимым. Содержание институтов стоило больших денег, их постоянно нехватало даже в самом привилегированном Воспитательном обществе[278]. Одной из причин этому был благотворительный характер женских учебных заведений Ведомства, содержавших бесплатные вакансии. При этом, как отмечалось Главным советом, «спрос на институтское образование еще более увеличился», что усложняло задачи, стоявшие перед Ведомством и его Учебным комитетом. (Исследователи, занимающиеся историей кадетских корпусов, также отмечают в это время

---

[276] *Зонтаг* Анна Петровна, ур. Юшкова (1785–1864). Писательница. Племянница В.А. Жуковского, о котором оставила воспоминания.

[277] Монографии учреждений Ведомства имп. Марии. С. 379.

[278] Так, в 1835 г. император отметил, что доходы Воспитательного общества «совершенно недостаточны на удовлетворение необходимых его расходов», и приказал отпускать дополнительные средства (РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 13. Л. 222). И позже приходилось для содержания институтов изыскивать дополнительные средства, придерживаясь при этом строгой экономии и требуя подробной отчетности с мест.

рост числа желающих поступать в кадеты[279].) И действительно, из-за переполнения классов институтскому начальству приходилось увеличивать число параллельных отделений. Например, в Киевском институте сразу после первого выпуска в 1844 г. из-за возросшей численности поступающих пришлось открыть параллельные отделения в младших классах[280].

*****

Постепенное повышение в течение 1840-х гг. уровня постановки учебного дела позволило Ведомству поставить вопрос о его унификации, для чего вырабатывались общие для всех институтов табель, программы и учебное расписание. Однако после ревизии местных институтов в 1851 г. Главноуправляющий Ведомством принц Ольденбургский пришел к выводу, что введение новой учебной табели пока не привело к желаемым результатам, в применяемых учебных программах и методах преподавания продолжает сохраняться разнобой, да и сами они «не вполне удовлетворительны», а недостаток учебных руководств и пособий в институтских библиотеках «все более ощутителен»[281].

4. 1852 г. «Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений»

Главноуправляющий IV отделением принц Петр Георгиевич Ольденбургский, возглавивший также и Учебный комитет Ведомства, в 1852 г. составил «Наставление для образования

---

[279] См., напр.: *Капитуров В.Г.* Развитие системы кадетских корпусов русской армии в первой половине XIX века // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия «Проблемы высшего образования». 2010. № 2. С. 161.

[280] *Захарченко М.М.* История Киевского института благородных девиц. С. 32–33.

[281] *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С. 176.

воспитанниц женских учебных заведений». По мнению принца, еще до издания отдельных учебных программ преподавания по отдельным предметам «полезно было бы составить общее наставление о духе и методе образования девиц» в качестве «указания пути, по которому преподаватели должны будут следовать при самом уже исполнении программ». Одобренное всеми инстанциями, «Наставление» было представлено императору, резолюция которого гласила: «Прекрасно; душевно благодарю за полезный труд». В феврале 1852 г. «Наставление» было утверждено[282].

Ольденбургский полагал, что при разработке инструкций и программ женских учебных заведений, как и при подготовке административных и учебных нововведений в 1840-е гг., следовало руководствоваться программами военно-учебных заведений. Николай I на полях против этого замечания пометил: «считаю очень полезным». И действительно, опираясь на учебно-воспитательные принципы Мариинского ведомства, при составлении своего текста Ольденбургский явно использовал также материалы «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений» В.Я. Ростовцева (1849 г.). Оба типа учебных заведений решали одну и ту же задачу — воспитания элиты Российской империи, поддержки военных и гражданских чиновников, опоры монархии, когда «в детях награждалась долговременная и полезная служба отцов». В организации учебной, воспитательной и бытовой сторон кадетских корпусов и женских институтов было немало общего. И уже не в первый раз в институтах руководствовались порядками, принятыми в кадетских корпусах, где новшества вводились более решительно.

Зачастую одни и те же лица занимались преобразованиями учебно-воспитательной части кадетских корпусов и женских институтов (Я.И. Ростовцев, С.С. Уваров, К.Ф. Клингенберг, Петр Ольденбургский, П.А. Плетнев, С.С. Куторга, В.Я. Шульгин, И.Х. Шаумбург и др.). Если целью воспитания в институтах была подготовка «будущих матерей семейств» и наставниц,

[282] ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6176. Л. 1–1 об.

«хороших дочерей, полезных *членов семейства* и общества, верноподданных», то и в кадетских корпусах воспитывали «честного и образованного *члена семейства* и Государства, верного подданного и офицера»[283]. Таким образом, первым среди поприщ выпускников привилегированных русских учебных заведений, и девушек, и юношей, провозглашалось *семейство*, которое понималось как «единственное и самое твердое основание Государства, составленного из многих семейств, благоденствующих под управлением одного Отца — Государя»[284].

Учебный курс в кадетских корпусах с 1836 г. состоял из двухлетнего приготовительного курса (сокращен до годового в 1852 г.), четырех общих и двух специальных классов и продолжался восемь лет. В институты, как уже говорилось, согласно существовавшим правилам, должны были принимать лишь подготовленных к учению девочек. Но, поскольку это условие соблюсти в полной мере было невозможно, постепенно приготовительные отделения стали открываться и в институтах. Сравнивая данные табели 1844 г. обычного шестилетнего институтского курса[285] и «расчисление лекций» кадетских корпусов 1849 г. общего и специального курсов, мы видим, что общим счетом во всех шести классах кадетских корпусов в неделю[286] на Закон Божий отводилось 8 часов, в институтах — 18; на русский язык 14, в институтах — 18; на французский и немецкий языки по 17 на каждый, в институтах по 27; на историю

---

[283] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. Выс. утв. 24 декабря 1848 г. СПб., 1849. С. 6. Курсив мой. — *В.П.*

[284] Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. 1852 г. // Селезнев И. Пятидесятилетие IV Отделения... Прим. С. 18.

[285] За исключением Воспитательного общества благородных девиц и Сиротских институтов, где учебный курс длился дольше.

[286] Данные об объеме преподаваемых дисциплин очень часто именно так приводились в официальном делопроизводстве: указывалось общее число учебных занятий по каждому предмету на неделю сразу для всех классов.

14, в институтах — 18; на географию 10 (не считая 2 1/4 часа на математическую, преподававшуюся вместе с механикой), в институтах —18; на естественную историю 7, в институтах — 9; на физику, химию и минералогию 5, в институтах — 9 («явления природы»); на математику 19, в институтах — 9. Кадеты, кроме того, изучали необходимые будущим офицерам предметы: статистику, законоведение, топографию, тактику, историю походов 1812–1815 гг., артиллерию, фортификацию, топографическое черчение[287]. Всего общее число занятий в неделю составляло в шести классах корпусов 143 часа, в институтах I разряда — 171, II разряда — 153 часа. (Занятия «искусствами» в институтах, как уже говорилось, в расписание включены не были).

Согласно «Наставлению», подготовка девиц в институтах должна была преследовать двоякую цель: 1) воспитанница учится сама для себя, как будущий член общества, и 2) она учится для того, чтобы впоследствии могла быть наставницей детей своих или тех, которых она призвана будет обучать. Петр Георгиевич Ольденбургский имел в виду ремарку Николая I от 26 июня 1844 г. (следовавшему в этом мысли своей матери императрицы Марии Федоровны), о том, что «образование добрых жен и полезных матерей семейств есть главная цель сих заведений»[288]. Во главу угла «Наставление» Ольденбургского традиционно ставило воспитательную часть. Значение женских учебных заведений обуславливалось, по мысли автора, тем, что в них «воспитываются будущие матери семейств, от направления умов и степени образования которых зависит нравственное и умственное направление будущего поколения».

Многим из выпускниц женских учебных заведений предстояло стать наставницами, а потому «образование девиц должно быть основательное, самосознательное, с избежани-

---

[287] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. С. 17–18.

[288] См.: Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений имп. Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. СПб., 1884. С. 252.

ем всего излишнего, поверхностного». Курс учения, ввиду его короткости (за вычетом времени приема и экзаменов для собственно учения оставалось всего пять с половиной лет в институтах, кроме Сиротских и Воспитательного общества), «должен быть сжат, дабы не иметь результатом крайнюю поверхность и полуобразованность». Для этого учителям следовало не «увлекаться умозрительными теориями», а применяться к возрасту учащегося и его способностям и не требовать от них того, на что они не способны. Не обременяя память воспитанниц, учителя должны были стремиться развивать в них любовь к наукам, чтобы они в будущем могли «усовершенствовать себя» сами.

«*Первейшим»* по важности предметом «Наставление» прямо называет *русский язык*, на который «следует обращать особенное внимание, ибо языком матери говорит и ребенок. Отечественный язык должен быть известен каждому русскому во всей полноте». Однако, как замечал Ольденбургский, его «правильное изучение», особенно среди «лиц женского пола высшего круга общества» недостаточно развито, в то время как «малейшая ошибка на языке французском почитается знаком необразованности». Необходимо, чтобы «будущее поколение исправило сей важный недостаток». Задача учителя — добиться, чтобы воспитанницы правильно говорили и писали по-русски, чтобы «с любовию изучили историческое развитие языка и ознакомились с лучшими произведениями словесности», для чего необходимо выработать привычку к чтению полезных книг. Учитель должен как можно чаще устраивать диктанты, причем воспитанницам надлежит исправлять ошибки друг друга «для возбуждения полезного соревнования». Для образованной институтки, «в особенности предназначенной быть наставницею», настоятельной необходимостью было умение писать «четко, скоро и орфографически правильно».

И действительно, современники отмечали, что с 1840-х гг. «во взглядах нашего русского общества на русский язык и вообще на все иностранное» происходила все большая перемена. Если прежде французский язык стоял повсюду на первом месте «в ущерб русскому языку», то с этого времени

распространяется убеждение, что совершенное знание родного языка необходимо. Подобный взгляд не мог не сказываться на преподавании языков в институтах[289]. При этом огромное значение имела позиция власти, непосредственно определявшей характер обучения в женских институтах Ведомства. Так, однажды Николай I, приехавший в Мариинский институт, попал на урок всеобщей истории в старшем классе. Император был «возмущен», что русские дети учат историю на иностранном языке, и приказал, чтобы отныне «все предметы читались по-русски»[290]. Такие повеления принимались к исполнению безотлагательно.

Далее «Наставление» переходит к *иностранным языкам — французскому* и *немецкому*, грамматику которых следует преподавать «с практическим применением»: изучение грамматики в преподавании курса языков играет все большую роль, и ее следует проходить, сравнивая с русской. Для практики следовало задавать больше письменных работ — диктантов, переводов и сочинений. При изучении словесности указывать лишь на «примечательнейших авторов», избегая подробностей «биографических… и риторических, и особенно всего того, что может оскорблять приличие; так, например, в истории древней словесности не упоминать даже об анакреотической поэзии». Лучшим способом для выработки хорошего произношения является чтение вслух и повторение наизусть избранных мест из классических произведений. Французский язык в «Наставлении» именуется «как бы официальным», однако немецкий занимает совсем иное положение: на нем «мало говорят, и не все классные дамы его знают», поэтому его изучение более затруднено. Тем не менее, для воспитанниц немецкий должен быть разговорным, и изучать его следует не меньше, чем французский[291].

---

289 Московское училище ордена св. Екатерины. С. 232.

290 ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 54.

291 В классные дамы для лучшего овладения немецким языком принц Ольденбургский предлагал приглашать немок из Остзейского края (см.: Московское училище ордена св. Екатерины. С. 235).

Разделу «политических наук» в обоих «Наставлениях» отводится самое значительное место: европейское революционное движение 1848–1849 гг. обернулось для России «мрачным семилетием». Реакция власти была соответствующей: на надлежащее воспитание в привилегированных учебных заведениях было обращено серьезнейшее внимание. Их питомцы должны были усвоить, что «преданность Верховной власти есть необходимое основание блага людей общество составляющих», а «собственное благо человека нераздельно с благом всего общества»[292].

Преподавание «политических наук» в женских институтах должно было основываться на мысли, что «твердым основанием Государства» является семейство, для которого и предназначена женщина: Отечество от врагов внутренних и внешних ограждают святая вера и добрая нравственность, распространять которые прежде всего и должна «женщина, супруга, мать детей». Роль *истории* как учебной дисциплины заключается, по Ольденбургскому, в том, что она указывает на все высокое, на ту неопровержимую истину, что «безнравственность ведет к разрушению», и преподаватель должен приводить в пример случаи, когда «женщины представляли высокие примеры добродетели, патриотизма и самоотвержения». Большее внимание стоило обращать не на древнюю, а на новую историю: «ложный блеск, в котором представлялись древние республики, Римская и греческие, должен замениться точным объяснением положения сих государств со всеми их неустройствами и несовершенствами, и пояснениями того, что история именно служит лучшим доказательством необходимости монархического правления, к которому, после продолжительных беспорядков, всегда возвращались народы. Не следовало представлять высших сословий в государстве, как то патрициеву римлян, только гонителями низших сословий или плебеев; ибо сии последние, достигши высших мест,

[292] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. С. 90, 95.

нередко делались самыми неистовыми карателями аристократов и народа».

В «Наставлении» обращалось особое внимание на то, что происходившим в большинстве своем из дворянского сословия воспитанницам следовало указывать на важность значения дворянства в России, «назначенного для службы Государю и исключительно имеющего права владеть крестьянами, коих участь ему вверена и для которых помещик должен быть отцом, а помещица матерью. Учитель истории должен напоминать своим ученицам, что «уравнение всех сословий и состояний есть химера несбыточная» и что «проповедники мнимой свободы под личной благодетелей народа, делались всегда то притеснителями его, то жертвами своих лжеучений». Историю среднюю, а в особенности новейшую следует преподавать подробнее, «указывая преимущественно на главные идеи и события, на причины и последствия таковых и на виновников переворотов». «Юные умы и сердца» надлежит направлять «ко всему постоянному, прочному и добродетельному», учить их, что «благоденствие может упрочиться только тогда, когда уважается закон, когда власть основана «на прочных началах престолонаследия; что республика часто соединена с терроризмом, а уровнение состояний всегда с анархией и разрушением общественного союза».

Характеризуя «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений», А.Д. Галахов приходил к вполне очевидному выводу, что на нем отразилось влияние внешнеполитических событий на взгляды лиц, заведывающих образованием юношества. Галахов передавал при этом слова известного профессора Московского университета Т.Н. Грановского, открыто повторявшего, что «по этой инструкции нет возможности ни проходить историю, ни писать для нее руководства»[293]. В этих словах профессора больше сарказма современника-оппозиционера, чем размышления ученого: шоры на глазах западника вряд ли прозрачней, чем у монархиста. Спустя полвека в юбилейном очерке Екатерининского учили-

[293] См.: *Лихачева Е.О.* Материалы… Ч. 3. С. 137–138.

ща преподаватель истории М.Н. Покровский характеризовал институтский курс николаевского времени как «*твердо стоявший на фундаменте науки* — тогдашней науки, само собой разумеется»[294]. Будучи убежденным историком-марксистом, Покровский мог бы добавить, что в государственном учебном заведении, являющимся орудием классового господства, воспитание неизменно ведется в соответствии с видами власти.

Русская история, как указывало «Наставление», имеет то же значение в историческом познании, что и русский язык в науках словесных. Учащимся следует знать то, что в Отечестве происходило до нас, знать «виновников его могущества и славы». Далее Ольденбургский следует формуле Уварова, провозглашая, что для того, «чтобы воспитывать девиц русских, надобно указывать им на то, как сам Бог охранил Россию от врагов внешних и внутренних двумя спасительными началами… — Православием и Самодержавием». Со вступлением на престол дома Романовых Россия «идет путем, указанным ей Провидением; гением Петра она соделалась державою европейскою, и спасла уже раз Европу от погибели, «и которой ныне еще отплатила добром за вражду и порицание».

Учителям истории предписывалось также упражнять воспитанниц в составлении хронологических таблиц. Этот способ лучшего запоминания исторических событий практиковался, как мы знаем, в институтах со времен принятия «Способа учения» Янковича де Мириево, и учителя неизменно прибегали к этой методе. Так, в московском Сиротском институте профессор П.Н. Кудрявцев обращал внимание на «твердое усвоение исторических фактов… Каждый урок обязательно начинался с

---

[294] Московское училище Ордена св. Екатерины. С. 260, 265. Курсив мой. — *В.П. Покровский* Михаил Николаевич (1868–1932), окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1891 г., ученик В.О. Ключевского. Преподавал историю в московском Екатерининском институте с 1893 по 1905 г. Историк-марксист, основоположник марксистской исторической школы в СССР. Член РСДРП(б) с 1905 г., академик АН СССР. Заместитель первого наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского.

хронологии и родословной таблицы… Он сильно также налегал на параллельную хронологию»[295].

География, согласно «Наставлению», знакомящая воспитанниц с устройством земного шара и с отношением его к небесным светилам, должна ограничиваться объяснением причин появления дня и ночи, времен года, затмений солнечных и лунных и разделения календаря. Учителю следует давать точное понятие о характере каждой страны, жителях, произведениях почвы, промышленности, климате, образе правления («упоминая о сем последнем предмете как можно короче»). Для более глубокого усвоения пройденного ученицам следует поручать самостоятельно составлять описание путешествий «для применения теоретических познаний будто бы к практике», а также заниматься черчением географических карт.

Эти советы во многом уже воплощались на практике. Как вспоминала институтка, на уроках географии упражнялись даже рисованием карт по памяти[296]. В качестве классных пособий использовались карты частей света, «наклеенные на холст, на палках», листы «сравнительных высот гор, водопадов и зданий», изображение Солнечной системы и др.[297]

Для лучшего изучения *естественных наук* по «Наставлению» «полезно было бы разделить весь курс естествоведения на два курса: приготовительный и систематический». Цель приготовительного курса по естественной истории должна быть «троякая, а именно: 1) пробудить и развить в детях наблюдательность и внимание к окружающему миру; 2) осмыслить в детском воображении те представления об окружающем мире, какие оно уже имеет и обогатить детский ум новыми познаниями об этом мире подходящими, конечно, под уровень понимания, и 3) подготовить воспитанниц к основатель-

---

[295] *Залога М.В.* Из воспоминаний… С. 14.

[296] *Лазарева А.* Воспоминания воспитанницы Патриотического института дореформенного времени // Русская старина. 1914. № 8. С. 234.

[297] *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 60.

ному изучению предметов и явлений природы в научной системе». Познание Природы, согласно «Наставлению», действует не только на ум, но и на душу, указывая человеку всюду на премудрость Творца и его знание необходимо всякому человеку, «в особенности для будущих наставниц».

Традиция, предписывающая при изучении естественной истории прежде всего во всех явлениях природы указать на «премудрость Творца», укоренилась в XVIII столетии. Для века Просвещения было характерно понимание Природы как воплощения божественного, а потому изучение Природы и поклонение Творцу всего сущего воспринималось как единое действие. Профессор естественной истории Московского университета А.А. Прокопович-Антонский декларировал: «Познание натуры ведет наконец неложными шагами к познанию самого Верховного Существа, первоначальной вины всех существ»[298]. А уже в 1851 г. начальница Смольного М.П. Леонтьева, узнав о предстоящем затмении Солнца, велела приготовить закоптелые стекла для того, чтобы воспитанницы могли лучше разглядеть происходящее, желая воспользоваться этим случаем, чтобы «обратить и возвысить души детей к Вечному Существу»[299]. В кадетских корпусах точно также предлагалось при изучении природы помогать воспитанникам отыскивать во всех явлениях «видимые следы всемогущества, премудрости и благости Творца всего существующего»[300].

Естественные науки, как писал Ольденбургский, имеют множество разделов, и из них для изучения в женских учебных заведениях следует выбрать главные. Отмечалась польза физики для искоренения вредных предрассудков, а также для хозяйства и домашнего быта, поэтому следовало включать описание таких «употребительнейших снарядов» (приборов),

---

[298] *Прокопович-Антонский А.А.* Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. М., 1791. С. 25.

[299] См.: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 52.

[300] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. С. 157.

как термометр, барометр, колодцы; устройство печей и пр. В учебном курсе следовало обращать внимание учащихся на необходимые условия для жизни и здоровья человека (и «некоторые гигиенические правила», «как сберегать здоровье свое и детей»), рассказывать об организме человеческого тела (дыхании, кровообращении, пищеварении), кроме того, необходимо «объяснять все то, что касается до земледелия, главных при оном орудий, до улучшения домашнего хозяйства и приготовления употребительнейших предметов в оном».

Ботанику, науку «наиболее свойственную для девиц», следует, согласно «Наставлению», преподавать более наглядно, чем теоретически: для этого в институтских садах следовало устраивать огороды, сады, наконец, зимний цветник, — чтобы на деле знакомить воспитанниц «с благодеяниями Отца Небесного, доставляющего нам и пищу, и отраду для глаз и обоняния». Зоологию надлежит излагать «в главных очерках», описывая преимущественно домашних животных, не обременяя памяти всеми разделениями и подразделениями родов животных. При изучении минералогии достаточно ограничиться понятиями о разделении, признаках, свойствах и употреблении предметов, которые встречаются в общежитии[301].

Таким образом, преподаванию естественных наук в женских институтах должно было придаваться прежде всего прикладное значение. В этом, по всей видимости, Ольденбургский следовал успешному (на его взгляд) примеру преподавания естествознания в Мариинском институте в соответствии с планом В.Ф. Одоевского[302]. Однако подобный утилитарный подход в русских женских институтах не утвердился.

В том же 1852 г. увидел свет первый регулярный курс *физики*, предназначенный специально для девиц. Он был подготовлен профессором Главного педагогического института и Главного инженерного училища, преподававшего в Патриотическом институте М.И. Пчельниковым. В ведении к своему руководству Пчельников писал, что молодые люди с удовольст-

[301] Устав женских учебных заведений… 1855 г. С. 254.

[302] См. с. 319–320.

вием слушают рассказы о чудесах природы, и этим «удовлетворяется любопытство их», однако при этом «не развивается мыслительная способность», и потому ограничиваться лишь беседой о разных предметах, никак между собой не связанных, он считает неверным. Учебник был выстроен таким образом, чтобы показать связь научных понятий с окружающими каждого человека явлениями. Так, после рассказа о кислороде и составе воздуха следовало объяснение: «Когда кислород истребляется горением тел и дыханием животных, то воздух становится тяжел для дыхания и неспособен для горения. Поэтому в залах, где много горит свечей и много находится людей, воздух делается тяжелым для дыхания»[303].

Последней среди наук упоминалась *арифметика*. К сожалению, столь необходимая наука, сетовал автор «Наставления», «преподается часто так сухо и безжизненно», что «вселяет учащимся отвращение». Искусный преподаватель сумеет придать ей жизнь, развивая в воспитанницах способности мыслить, «ибо она есть гимнастика для ума, мерило точности и определительности понятий»[304]. Согласно новой программе воспитанницы изучают таблицу умножения, затем, узнав четыре правила с дробями, переходят к именованным числам, решению задач с применением тройного правила, знакомятся с определением и измерением главных плоскостей и тел, а

---

[303] *Пчельников М.* Чтения о предметах физики, составленные для девиц старшего курса Патриотического института. СПб., 1852. С. 1, 5. *Пчельников* Михаил Игнатьевич (1810 — после 1860?), окончил Главный педагогический институт, в 1842 г. защитил диссертацию «О сопротивлении тела человеческого в отношении к электрическим токам». Читал лекции в Главном педагогическом институте, в Пажеском корпусе вел уроки физики. В Патриотическом институте в 1848–1860 гг. преподавал географию, естествоведение, физику и космографию.

[304] Первый историограф Смольного, тем не менее, утверждал, что впервые мысль о необходимости изучения математики как важного средства для развития рассудка в отношении женских учебных заведений высказал К.Д. Ушинский (*Лядов В.* Исторический очерк столетней жизни... С. 74).

также упражняются в ведении приходо-расходных книг, необходимых для правильного и бережливого хозяйства.

В «Наставлении» четко прослеживалась мысль, что «по недостаточному состоянию весьма многих воспитанниц, число готовящихся к званию наставниц у нас весьма велико», и приводилась некогда высказанная еще императрицей Марией Федоровной идея, что для «педагогической цели образование девиц должно быть основательное, самосознательное, с избежанием всего излишнего, поверхностного. Лучше знать менее, да твердо, нежели много, да неосновательно»[305]. При этом в институтах по принятому издавна обыкновению надлежало «не заниматься одними лишь воспитанницами даровитыми, пренебрегая не имеющими способностей, но стараться подвигать всех по возможности ровно». Это правило составляло контраст с принципом, воплощавшемся в кадетских корпусах, где предписывалось ученика, опередившего своих товарищей (по крайней мере в изучении иностранных языков) «не волочить с массою», а напротив, «заниматься с ним и подвигать его вперед отдельно»[306], таким образом поощряя лидеров. Преподавание и в кадетских корпусах, и в институтах должно было быть как можно более «практическим»: воспитанники должны были постоянно писать диктанты и сочинения на уроках словесности, вычерчивать карты, составлять таблицы на уроках истории, географии, естествоведения и проч.

Среди «искусств» первой принц Ольденбургский называл *музыку*, как «весьма важное» условие для полного образования воспитанницы, «предмет необходимости», а не «роскоши». С екатерининских времен музыка стала частью образовательной программы. Фортепиано, как указывает документ, вошло во всеобщее употребление и «составляет принадлежность каждого образованного семейства», а бедной девице в «жизни уединенной и сельской» игра на этом инструменте может служить «единственным утешением». В то же время важ-

[305] Устав женских учебных заведений… 1855 г. С. 253–255.

[306] Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. С. 41.

нейшее значение имеет музыкальная подготовка для наставницы, ведь она «получит и более жалованья, и будет принята лучше в каждом семействе».

По желанию императрицы Марии Федоровны с 1818 г. в институтах стали обучать и церковному пению. До 1840 г. в преподавании музыки в институтах преобладала вокальная сторона.

Институты славились своими хорами, о чем вспоминали многие современники, посещавшие институтские праздники и слышавшие пение институток в их домовых церквях. Обращаясь к годам своего учения, А.В. Стерлигова писала об институтских хорах: они «пели превосходно, я нигде не слыхала такого стройного задушевного пения, как в институте»[307]. Чтобы воспитанницы могли слышать самых лучших исполнителей, столичные институты приглашали концертировать известных музыкантов. Принц Ольденбургский и сам был большой любитель музыки, и, как вспоминала институтка, «ему мы были обязаны, что слышали всех выдающихся артистов того времени, приезжавших в Петербург»: пели Росси и Тамбурини, «два раза играл Лист», жена Шумана Клара Вик[308].

В постановке правильного музыкального образования в женских институтах многое удалось сделать члену Главного совета женских учебных заведений М.Ю. Виельгорскому[309]. Талантливый музыкант и известный меломан, Виельгорский

---

[307] *Стерлигова А.В.* Воспоминания. С. 99.

[308] *Угличанинова М.С.* Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. С. 171.

[309] *Виельгорский* Михаил Юрьевич (1788–1856), граф, почетный опекун, управляющий петербургским Воспитательным домом. После смерти первой жены, принцессы Екатерины Бирон, женился на ее сестре Луизе. Обе сестры были смолянки (вып. 1809 г., причем Луиза окончила курс с шифром). Музыкальные вечера Виельгорского пользовались огромным успехом, их посещала императрица Александра Федоровна с дочерьми Ольгой и Марией (См.: Записки графа Николая Егоровича Комаровского. М., 1912. С. 41).

составил для институтов план общего музыкального образования[310]. К 1840 г. увеличилось число желающих брать уроки игры на клавикордах. В связи с этой потребностью в музыкальном образовании стала развиваться и инструментальная сторона. По приглашению инспектора П.Г. Ободовского с оркестром Смольного занимался М.И. Глинка, который его «привел в порядок», а, кроме того, писал музыку для хора Екатерининского института[311].

В 1846 г. было принято решение об обязательном обучении казеннокоштных воспитанниц игре на фортепиано[312]. Это было обусловлено тем, что женские институты являлись учебно-благотворительными учреждениями и заботились о будущем своих подопечных. Своекоштные воспитанницы, если желали брать уроки музыки, должны были вносить за них отдельную плату. Однако реализовать принятое решение, как это не раз случалось, было не так уж просто, особенно в провинции. Так, уже в начале 1860-х гг. в Тамбовском институте в течение некоторого времени музыка не преподавалась «за неимением учителей, коих ожидают»[313]. Обучение инструментальной музыке обходилось дорого — необходимо было приобретать инструменты, выделять для индивидуальных занятий отдельные помещения («селюли»), оплачивать труд профессиональных музыкантов, настройщиков, формировать нотную библиотеку.

---

310 См.: *Тимофеев В.* Пятидесятилетие С.-Петербургского Николаевского Сиротского института. С. 102.

311 *Глинка М.И.* Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его с родными и друзьями. СПб., 1887. С. 163. Глинка рассказывает, что настоящей причиной его частых посещений Смольного была «милая Е.К.», разделявшая его чувства, в то время как отношения с женой «становились хуже и хуже» (С. 145–147). «*Е.К.*» — Екатерина Ермолаевна Керн, воспитанница (вып. 1836 г.), а затем классная дама Воспитательного общества (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3842).

312 См.: Московское училище ордена св. Екатерины. С. 339.

313 РГИА. Ф. 759. Оп. 22. Д. 804. Л. 84 об. 1862–1863 гг.

Тем не менее, институтская программа, несмотря на все трудности ее реализации и опережение общественного запроса, оказывала влияние на развитие музыкальной культуры в обществе. Воспитанницы, получив хорошую музыкальную подготовку, возвращались с этим багажом в свои семейства или поступали на службу в чужие, порой находившиеся в самых отдаленных местностях империи. Таким образом, к музыке как учебной дисциплине приобщались разные социальные слои, причем в том числе и «во многих провинциальных городах европейской России и даже далекой Сибири»[314]. Позже солидная постановка уроков музыки в институтах позволила немалому числу институток получать музыкальное образование в специальных учебных заведениях[315].

Вслед за музыкой «Наставление» переходит к «*танцованию*», которое для образования женщины «еще важнее, нежели при образовании мужчины, ибо оно необходимо для общества, придает всем движениям тела ловкость, приятность и ту благородную осанку, которая должна составлять отличительный признак благовоспитанной девицы». В столичных институтах преподавали известные танцовщики императорских театров — Р.Л. Дидло[316], Д.С. Ришард, П.И. Дидье, И.И. Дютак, Е.В. и М.А. Огюст-Пуаре и др. В числе русских преподавателей Смольного и Екатерининского институтов была А.С. Новицкая

---

[314] *Зима Т.Ю.* Музыкально-образовательная среда в предконсерваторский период истории русской музыки // European social science journal. 2014. № 7–3 (46). С. 409.

[315] См., напр.: *Рудякова А.Э.* Вокальное обучение в Саратовском Мариинском институте благородных девиц как один из факторов формирования саратовской вокальной школы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2.

[316] *Дидло* Роза Львовна, жена знаменитого танцовщика и балетмейстера (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1103). Она служила в Смольном долгие годы (1805–1851 гг.), и была «весьма грациозна, даже в старческих годах» (*Быкова В.П.* Записки старой смолянки. С. 24, прим.). Дидло преподавала также и в Екатерининском институте, давала уроки танцев великим княжнам.

(«в то время первая танцовщица, несравненно талантливее Истоминой»[317], воспетой А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине»). Учителя танцев в столицах имели высочайшую квалификацию, ценились при Дворе, и неудивительно, что жалованье им было положено высокое, выше, чем учителям других предметов, которых найти было легче. (Постепенно в институтах профессиональные преподаватели сменили солистов балета, и соответственно, оклады всего учительского состава были уравнены).

Историки женского образования полагают, что «о значении, которое в Смольном институте придавалось тем или иным предметам, можно судить по жалованью учителей: танцмейстеру полагалось 1100 рублей в год, учителю арифметики — 180 руб.»[318]. Такое суждение явно не учитывает исторический контекст: учителей арифметики было многократно больше, чем учителей танцев, а степень квалификации тех и других был совершенно несопоставимым. Танцам в институтах обучали настоящие мастера своего дела, которые требовали и получали высокие оклады. В первые десятилетия XIX в. для образования девушек считалось достаточным знание азов математики, тогда как в танцевальном искусстве им следовало добиваться возможного совершенства. Но в то же время если арифметика входила в число «наук», т.е. дисциплин, занимавших прочное место в учебном расписании, то «танцование» преподавалось в часы, свободные от обязательных уроков.

По свидетельству мариинки, целый год их учили «только ходить и стоять в позициях, чтобы наклон всего корпуса соответствовал каждой позиции… Только на второй год мы начинали chasser et balancer»[319]. И.И. Дютак, демонстрируя новое

---

317 *Каратыгин П.А.* Записки. 1805–1879. СПб., 1880. С. 84–85.

318 *Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф.* Среднее женское образование. С. 24.

319 Балетные термины: pas balance — переступание с ноги на ногу, из стороны в сторону, когда движение создает впечатление покачивания; pas chasse — прыжок, в котором одна нога как бы догоняет другую в высшей точке прыжка.

па, брал себе в пару одну из девиц, и привилегия танцевать с учителем вызывала у них восторг («это зефир!»). Все познается в сравнении: когда мемуаристке, будучи в гостях, довелось случайно стать свидетельницей частного урока танцев, она «моментально закрыла глаза и постаралась удалиться из этой комнаты» — так неприятно на нее подействовало «это уродливое преподавание»[320].

В соответствии с правилами, повторенными в «Наставлении», учителя танцев должны были следовать «старой французской методе», «с избежанием всего того, что неприлично и могло бы напоминать балет»[321]. Обозревавший в 1841 г. казанский институт Г.И. Вилламов также обращал внимание на то, что «обучение танцованию непременно должно быть ограничено бальными танцами, за исключением всех народных плясок, цыганской, казацкой и т.п., которые и в других институтах отнюдь не допускаются»[322]. Но вдали от столицы правила то и дело нарушались. В Харьковском институте танцевали с тамбуринами и погремушками испанский танец, русскую пляску и др.[323]. На выпускных торжествах 1845 г. в Закавказском институте, вызывая восторженные отклики присутствующих, институтки «кроме бальных танцев, танцевали разные характерные и два народные танца: русскую и лезгинку»[324]. Очевидно, предпочтения местного общества оказывались весомей предписаний из Петербурга.

---

320 ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788. Л. 13 об.–14. 1839–1845 гг. Учитель Мариинского института Иван Иванович Дютак преподавал танцы также в Павловском институте и в Пажеском корпусе с 1822 по 1872 (!) г. (см.: Пажеский Его Имп. Величества корпус за сто лет. 1802–1902. СПб., 1902. С. 428–429).

321 Устав… 1855 г. С. 257. Непонятно, что имелось в виду автором «Наставления» под «напоминающим балет», в то время как балеты продолжали ставить в институтах с XVIII в.

322 РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 876. Л. 85.

323 Украинский журнал. 1824. Ч. 1. № 2. С. 87–88.

324 *П.И.* Торжественный акт Закавказского института благородных девиц // Закавказский вестник. 1845. № 15. Неофиц. часть. С. 151.

Классическими институтскими танцами были «плавный менуэт с его грациозными поклонами»[325], гавот, польский и самый известный — pas de chale, «фантастический танец с разноцветными газовыми шалями, гирляндами из французских цветов и кастаньетами»[326], когда «розовые и белые шарфы так и вьются в воздухе, встречаются и сплетаются»[327]. Эти танцы были непременным элементом экзаменационных торжеств, на которых присутствовала многочисленная публика, и воспитанницы тратили много сил на подготовку, чтобы не ударить в грязь лицом. Многократно повторялись одни и те же движения, оттачивавшиеся до совершенства: «нас ставили одну за другой вдоль баллюстрады. На баллюстраду мы клали книжку, по которой твердили урок, и в то же время, легонько придерживая платьице, делали ногой battement. После четверти часа по команде мы поворачивались другим плечом, и делали battement другой ногой»[328].

В 1830-х гг. в институтах начинают все больше обращать внимание на лечебное («ортопедическое») значение физических занятий. Впервые в программе обучения для всех женских учебных заведений появилась *гимнастика* — «каллистения»: средство к укреплению здоровья, приобретению ловкости и гибкости членов, к исправлению телесных недостатков. Физические упражнения в Смольном были на некоторое время введены еще по желанию императрицы Марии Федоровны, но вскоре отменены как «ненужные, дорогостоящие и отнимающие много времени». Однако постепенно институтское начальство приходило к мысли, что при сидячей жизни воспитанниц движение на свежем воздухе очень полезно, хотя при этом «должно поступать с крайнею осторожностью и при точном

---

325 *Ковалевская Н.* Воспоминания старой институтки // Русская старина. 1898. Т. 95. № 9. С. 625.

326 *Гарулли В.* Институтские воспоминания и стихотворения. Нежин, 1901.

327 *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 10. С. 564.

328 Там же. С. 517. Battement — движение ногой.

знании устройства человеческого тела», под наблюдением врача. В 1832 г. «машины для гимнастических упражнений» (т.е., гимнастические снаряды) были установлены в московских Елизаветинском и Александровском институтах[329].

Патронесса Елизаветинского института супруга московского генерал-губернатора Т.В. Голицына выписала приспособления для гимнастики из Ортопедического института, находившегося в Москве. В сохранившейся описи «машин для гимнастических упражнений» перечислены брусья параллельные, «разной величины из елового и частию обрезного дерева» за 75 руб., четыре «шестиаршинные лестницы разного расстояния из елового и березового леса» за 60 руб., качели, «шестиаршинный бар (брус) с железными крючками и веревкою» за 12 руб., качели из веревок с «вплетенными в оные палочками на деревянных блоках, утвержденных железом» за 15 руб. и др. Все гимнастические снаряды были окрашены красной краской[330].

В привилегированном московском Екатерининском институте в 1835 г. также были устроены «гимнастические упражнения, или игры», для чего заведены «разные простые машины». Начальница института С.К. Певцова стремилась с помощью гимнастики исправить «разные телесные недостатки», которым были подвержены почти четыре десятка ее питомиц. Предложение директора Ортопедического института поместить к

---

[329] См.: *Георгиевский Г.П.* Московский Александровский институт. С 128–129. Для мальчиков преподавание гимнастики официально было введено в 1832–1834 г. — в кадетских корпусах, но до правильной ее постановки было еще далеко, в том числе «за неимением практического руководителя» (см.: Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса. 1826–1876. Омск, 1884. С. 53).

[330] РГИА. Ф. 759. Оп. 19. Д. 2439. Чрезмерно высокая цена лестниц и брусьев, сработанных из простого дерева, возможно, обусловливалась монополией директора Ортопедического института Л.Я. Мандилени на подобную продукцию. Сам Ортопедический институт «для пользования в нем воспитывающих в учреждениях императрицы Марии» состоял под попечением почетных опекунов Воспитательного дома до своего закрытия в 1843 г.

нему девиц на полгода или даже год на лечение было отвергнуто, зато его пригласили посещать институт три раза в неделю, чтобы вести занятия в его стенах[331]. В Смольном гимнастические занятия начались в 1840 г., сначала «в виде опыта». Среди смолянок насчитывалось по крайней мере 50 воспитанниц «кривого сложения» (или «имевших большое к тому расположение»), и через три месяца выяснилось, что гимнастические упражнения имели «весьма полезное» влияние на здоровье девочек. Последовало «высочайшее соизволение» на их постоянное проведение. Уроки должна была дважды в неделю вести г-жа Альферова, уже занимавшаяся гимнастикой с питомицами Воспитательного дома «с большим успехом»[332].

Показательно, что впервые это новшество было применено к «питомкам» Воспитательного дома и воспитанницам «мещанских» Елизаветинского и Александровского институтов, с которыми, по всей видимости, экспериментировать было проще, чем с отпрысками благородных фамилий.

Основным побудительным мотивом введения гимнастических занятий явились медицинские соображения. Среди институток было немало девочек из бедных семей, сирот и полусирот, многие из которых не отличались крепким здоровьем. Ежегодно в институты поступали воспитанницы с «неправильным сложением», страдавшие рахитом. Первоначально было решено, что «самый опыт укажет, какие именно телодвижения, в какой мере и в какой постепенности должны быть введены»[333].

Как уже говорилось, в 1846 г. в петербургском Николаевском Сиротском был открыт специальный класс, готовивший учительниц гимнастики, но, по всей видимости, его существо-

---

331 РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 21. Л. 232–233.

332 РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 220. Л. 1–2. Дарья Андреевна *Алферова*, жена чиновника, давала уроки гимнастики воспитанницам Смольного института в 1840–1871 гг., в Мариинском институте — в 1841–1851 гг. (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4076; *Карцов Н.С.* Мариинский институт. Прил. С. 21).

333 *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 157.

вание продолжалось недолго, поскольку в 1852 г. было вновь объявлено о его открытии. Это было новое направление женской профессиональной подготовки.

К этому времени была разработана программа преподавания гимнастики для девочек[334], и гимнастические уроки в 1852–1853 гг. начали вводить и в тех институтах, где их не было до тех пор. Однако наработанных научных методик и специалистов не существовало, а само дело было столь непривычно, а то и пугающе, что его устойчивое внедрение задержалось вплоть до конца XIX в. К сожалению, привести конкретные данные о практике ведения уроков гимнастики в раннее время не представляется возможным.

Перечень учебных дисциплин в «Наставлении» завершается *рукоделиями*, которые «часто составляют для некоторых главное средство к пропитанию самой воспитанницы и даже семейства ее». Однако и для «воспитанницы даровитой и достаточной» (т.е., обеспеченной), считалось необходимым учиться кроить, шить белье и платье и «делать все то, что до женской одежды относится», и тогда девица становится бережливее, снисходительнее к прислуге, полезнее в хозяйстве. Поэтому следовало «направлять рукодельные занятия в женских институтах на полезные предметы», а не на предметы роскоши. На этом настаивала и императрица Александра Федоровна, желавшая, чтобы «девицы упражняемы были преимущественно в шитье и кройке белья»[335], и сам Николай I, который спрашивал институток, умеют ли они вязать чулки и поучал, что «женщине необходимо умение шить, кроить и вязать»[336]. В 1853 г. вышло высочайшее распоряжение об отмене

---

[334] См.: *Пономарева В.В.* Физическое воспитание в закрытых женских институтах Ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник Московского ун-та. Серия XXIII. Антропология. 2015. № 1.

[335] См.: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество…. Т. 2. С. 79.

[336] *Левицкая Ф.* Из воспоминаний о московском Александровском институте // Исторический вестник. 1900. Т. 81. № 9. С. 898–899.

«роскошных и дорогих рукоделий и об упражнении воспитанниц в шитье платья и белья».

Перечисленные в документе предметы полагалось изучать во всех институтах в течении шести лет (кроме, как уже говорилось, Воспитательного общества благородных девиц и обоих Сиротских институтов). Ограниченность срока учения усложняла задачу дать надлежащее образование девицам, избежав «крайней поверхностности и полуобразованности», не увлекаясь «умозрительными теориями», а, учитывая возраст воспитанниц, преподавать кратко, ясно, занимательно, не обременять при этом их память излишними подробностями. Особо важным считалось «возбуждать в воспитанницах любовь к наукам», чтобы впоследствии они уже сами «могли усовершенствовать себя далее и без помощи посторонней»[337].

Необходимость повысить успешность занятий воспитанниц побудила Главный Совет прибегнуть к сокращению неучебных дней, что привело бы к увеличению классного времени. В 1852 г. на рассмотрение императора было представлено новое расписание праздничных и других дней, когда отменялись уроки. По сути, это была копия расписания для воспитанников военно-учебных заведений, уже утвержденная Николаем I[338].

«Наставление» Петра Георгиевича Ольденбургского явилось первым документом, прямо адресованным всем женским учебным заведениям Ведомства учреждений императрицы Марии, которое содержало общую концепцию идеологии женского воспитания и образования и комментарии к программам учебных предметов. Дальнейшее развитие образования требовало разработки и унификации учебных программ, методик и приемов, и Мариинское ведомство действовало в едином направлении с Советом военно-учебных заведений. Впоследствии многие положения «Наставления» Ольденбургского вошли в Устав женских учебных заведений 1855 г.

---

337 Устав женских учебных заведений…1855 г. С. 253.

338 *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 64.

5. 1855 г. Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии и перемены в учебной части

В 1855 г. Главным советом женских учебных заведений был составлен Устав для женских учебных заведений Ведомства учреждений имп. Марии[339]. Разработка нового устава была вызвана необходимостью выработать общие правила, «могущие служить ручательством за большее единство в духе и средствах воспитания во всех женских учебных заведениях» вместо изданных в разное время отдельных положений[340]. Окончательное утверждение Устава произошло уже после смерти Николая I его сыном, новым императором Александром II.

В Устав вошли разработки Учебного комитета, применявшиеся уже с 1844 г., а также некоторые положения «Наставления» 1852 г. Текст Устава, принятый «в виде опыта на три года», формально просуществовал до принятия в 1903 г. «Свода узаконений о женских институтах Ведомства учреждений императрицы Марии». Однако многие его параграфы, особенно относящиеся к повседневному строю институтской жизни, фиксировали по большей части устаревшие правила. Уже недолгое время спустя после принятия Устава начали поступать предложения как от местных Советов, так и от сотрудников Учебного комитета, направленные на дополнение или изменение различных пунктов Устава, и они стали дополняться многочисленными поправками, уточнениями и проч.

Действие Устава непосредственно распространялось на следующие женские учебные заведения:

---

339 Устав женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. С последующими дополнениями, циркулярными распоряжениями и предписаниями по 1-е января 1884 г. СПб., 1884.

340 См.: *Лядов В.И.* Исторический очерк столетней жизни имп. Воспитательного общества благородных девиц... С. 53.

институты: Воспитательное общество благородных девиц, петербургские и московские Екатерининские, Александровские, Елизаветинские и Сиротские; Патриотический, Харьковский, Одесский, Киевский, Казанский, Белостокский, Закавказский, Полтавский, Тамбовский, Варшавский, Нижегородский, Донской, Саратовский, Павловский, Иркутский, Керченский, Оренбургский;

училища: киевское графини Левашовой, одесское городское (1817) и симбирское Елизаветинское, Александринского Сиротского дома, Николаевское и севастопольское для дочерей нижних чинов Черноморского флота (1826), женское отделение училища Глухонемых, петербургское и московское Повивальные, два училища солдатских дочерей лейб-гвардии в Петербурге (1820, 1823); пансион при Гатчинском Сиротском институте, Тобольская Мариинская школа (1854), отделение для воспитания бедных девиц при Демидовском Доме трудящихся, Евангелическое Александринское заведение для бедных детей женского пола, кронштадтский Сиротский дом, Дома Трудолюбия в Рязани и Пензе, Сиропитательный дом Медведниковой в Иркутске (1838), учебные заведения при Женском Патриотическом обществе в Петербурге, московских Благотворительном обществе и Дамском попечительстве о бедных[341].

Устав 1855 г. стал первым в мире документом, регламентировавшим государственную систему женского образования. Женские учебные заведения разного уровня распределялись по разрядам, в каждом из которых действовала особая местная администрация, была организована учебно-воспитательная часть и бытовое обустройство, регламентировались вопросы оплаты учения и жалованья служащим, порядок замещения штатных, казенных и благотворительных вакансий,

[341] В Уставе упоминались учебные заведения, которые предполагалось открыть, но сделать этого так и не удалось: Могилевский, Томский, Виленский, Астраханский (позже — женская гимназия), а также открытый в 1864 г. Орловский институт, Севастопольское училище для дочерей офицеров Черноморского флота.

проведения испытаний и выдачи соответствующих аттестатов, права выпускниц и проч. в соответствии с законодательно закрепленными требованиями. Регламентация правовой базы женских учебных заведений закрепляла их статус. Деление на разряды в целом соответствовало установленному еще десятилетие назад. I разряд состоял из 2 отделений: 1-е отделение — Воспитательное общество благородных девиц, 2-е отделение — Екатерининские институты Москвы и Петербурга, Патриотический, большая часть губернских институтов, ко II разряду относились Павловский, петербургские и московские Александровские и Елизаветинские, Керченский, Иркутский институты и Оренбургское училище (в том же 1855 г. преобразовано в Оренбургский институт для воспитания девиц). К специальному IV разряду были отнесены Сиротские институты в Петербурге и Москве.

Устав Мариинского ведомства послужил образцом для женских школ другого подчинения: женские учебные заведения ведомства великой княгини Елены Павловны (в т.ч. Мариинский и Еленинский институты[342]), а позже институт Терезии Ольденбургской[343] во многом руководствовались правилами, запечатленными Уставом 1855 г. Он же явился образцом при составлении Устава женских епархиальных училищ 1868 г.

---

[342] Мариинский институт был отнесен ко II разряду женских учебных заведений (Высочайше утвержденый Устав Мариинского института в С.-Петербурге, состоящий под покровительством Ея имп. Высочества государыни великой княгини Елены Павловны // ПСЗ–1. Т. XXXI. Отд. 1-е. 1856. СПб., 1857. 1856, октября 13. § 4).

[343] Институт Терезии Ольденбургской был основан в 1841 г. в Петербурге супругой принца Петра Георгиевича Ольденбургского, принцессой Терезией на ее личные средства, поэтому число учащихся было совсем небольшим, а само заведение отличалось семейным характером. Задачей училища было дать образование девицам «недостаточного состояния», которым предстоит в будущем трудовая жизнь. С конца 1855 г. выпускницы получали свидетельства домашних учительниц наравне с другими женскими училищами II разряда.

Согласно § 3 Устава общая цель воспитания в женских учебных заведениях Ведомства заключается в подготовке воспитанниц «к добросовестному и строгому исполнению предстоящих им обязанностей, дабы они со временем могли быть добрыми женами и полезными матерями семейств». Эта формулировка явилась шагом назад по сравнению с прежней, предложенной принцем Ольденбургским в «Наставлении», где речь шла о двоякой цели воспитания — девица учится «для себя, как будущего члена общества» и «для того, чтобы впоследствии могла быть наставницею детей своих или тех, которых она призвана будет обучать».

§ 105 главы «Образование воспитанниц» конкретизирует, что «образование ума и вкуса воспитанниц совершается преподаванием им наук, языков и искусств, равно обучением их рукоделиям. Сообщаемые девицам сведения по всем предметам учения дополняются собственными их упражнениями и чтением назидательных книг». Согласно § 49–50 продолжительность учения в Воспитательном обществе составляет девять, в остальных институтах — шесть лет. Сохранялось деление учебного курса на два класса с трехгодичным сроком обучения в одних институтах и на три класса с двухгодичным в других. Устав фиксировал общие требования к поступающим: они должны уметь читать и писать на русском и на одном из иностранных языков (§ 56).

Для каждого из разрядов, на которые подразделялись женские учебные заведения, была предложена своя учебная программа. Обоснование подобному делению, хотя и не столь четко регламентированному, давала еще в начале XIX в. императрица Мария Федоровна. Ныне необходимость сословно ориентированного образования в школах разного уровня, как мужских, так и женских, объяснялась подобным же образом: «Часто дают в низшем и средних классах общества воспитание, которое прилично только высшим классам: таким образом создают для детей потребности, которых они никогда знать не должны бы, потому что никогда не могут иметь средств удовлетворить их. Отсюда происходят обманутые в своих надеждах,

разочарованные в своих ожиданиях несчастливцы, которые то проклинают общество, то мечтают преобразовать общественный организм, и делаются большею частию жертвами отчаяния, или ложно принятого пути»[344]. Сословный подход в той или иной степени применялся во всех средних учебных заведениях, и особенно четко он прослеживался в женской школе.

Сиротские институты в Петербурге и Москве, а также специальные классы при Александровских училищах, как было принято еще в 1840-х гг., относились к числу специальных учебных заведений, поскольку их воспитанницы получали профессиональную подготовку. За рамками Ведомства, как уже говорилось, оставались училище св. Елены и Мариинский институт, согласно завещанию Марии Федоровны стоявшие в ведении великой княгини Елены Павловны. Своеобразным исключением из правил оказался также Павловский институт, относившийся ко II разряду. Здесь в 1851 г. были приняты собственные устав и учебная программа. Особый порядок, принятый в Павловском институте, в некоторых своих чертах предварял будущую широкомасштабную институтскую реформу, разработанную позже К.Д. Ушинским: в частности, учебный курс здесь делился на семь годичных классов. В высшем классе павлушкам преподавали естественную историю и физику, а в двух старших классах изучалась педагогика и дидактика, что «доставляло возможность [воспитанницам] приготовить себя к занятиям образованием и воспитанием детей»[345].

Уставом 1855 г. для женских учебных заведений Ведомства была утверждена новая учебная табель, сохранявшая в целом распределение часов, принятое в 1844 г. Табель подтверждала прежний порядок, согласно которому музыкой, танцами, рукоделием, церковным и итальянским пением следовало заниматься в свободное от уроков время.

---

[344] ЖМНП. 1856. Ч. 92. С. 55.

[345] См.: *Венгловский А.* Исторический очерк 50-летия Павловского института. СПб., 1879. С. 16.

Учебная табель по Уставу 1855 г.

Предметы учения	I разряд						II разряд
	1 отд.		2 отд.				
	Младший и средний классы	Старший класс	Младший класс 3 года	Старший класс 3 года	Младший класс 2 года и средний 4 года	Средний класс 1 год и старший класс 2 года	
Закон Божий	3	3	3	3	3	3	3
Русский язык	3	3	3	3	3	3	3
Французский язык	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5
Немецкий язык	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5	4,5
Арифметика	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
Курс о явлениях природы	—	1,5	—	1,5	—	1,5	—
Курс о произведениях природы	—	1,5	—	1,5	—	1,5	—
География	3	3	3	3	3	3	3
История	3	3	3	3	3	3	3
Рисование	3	1,5	3	1,5	3	1,5	1,5
Чистописание	3	1,5	3	1,5	3	1,5	1,5

По сравнению с учебной табелью 1844 г., для институтов II разряда сокращалось количество часов на рисование и чистописание (1,5 ч. вместо 3), исключен курс «О явлениях природы» (1,5 ч.). Для институтов I разряда расписание оставалось прежним. При сохранявшемся делении институтов на разряды, соответствующим сословному подходу к образованию, различия в учебной программе не были радикальными (за исключением Воспитательного общества и Сиротских институтов с более длительным сроком лет обучения). Иными словами, сословный подход во многом был номинальным, поскольку шел вразрез с задачами, которые ставило перед женскими институтами Ведомство учреждений императрицы Марии. Это декларативная приверженность формальному сословному делению вопреки реальному содержанию учебных программ и целям институтского воспитания и образования являлась признаком кризиса существовавшей социальной системы.

При этом средние женские учебные заведения по-прежнему предназначались лишь для тех сословий, для которых их открывала Мария Федоровна, а позднее Николай I. Причина этого заключалась отнюдь не в одной лишь правительственной политике: в социально-экономическом строе России объективно не происходило перемен, которые позволили бы вклю-чить в образовательную сферу «низшие» сословия сразу по многим причинам, от финансовых до социально-психологических. Как заметил А.Л. Андреев, «правительственная политика, проводившаяся в сфере народного просвещения на протяжении всей второй четверти XIX в., конечно, не способствовала расширению того процесса, который можно было бы назвать продвижением социального горизонта или, если угодно, социальных границ образованности»[346]. Это наблюдение относится к женской школе лишь отчасти, поскольку нельзя не оценить начало создания сети духовных женских учебных заведений.

Новой учебной табели надлежало придерживаться во всех институтах, и за выполнением этого предписания устанавливался постоянный контроль. Преподавание отныне должно было основываться на подготавливаемых в Ведомстве учебных программах. Разработки Комитета 1844 г., принимавшиеся в отдельных учебных заведениях «в виде опыта», становились законом для всех женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии.

В целом следовало «ограничить учение воспитанниц сообщением им одних существенно полезных и необходимых познаний»[347]. В учебных заведениях I и II разряда предписывалось обращать особое внимание на преподавание искусств (рисования, пения, музыки). Как уже говорилось, в институтах II разряда было исключено естествознание. Местным советам разрешалось (с позволения Главного совета) сокращать число учебных часов, освобождая воспитанницам время для других занятий (§ 107).

---

[346] *Андреев А.Л.* Отечественное образование во второй четверти XIX в. // Педагогика. 2006. № 4. С. 77.

[347] См.: Обозрение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. С. 28.

Уроков по воскресеньям и в праздничные дни не было, каникулы продолжались с 24 июня по 7 августа. Численность учащихся в классе составляла от 30 до 40 девиц. Если набор превышал 40 человек, следовало открывать параллельный класс.

Как и прежде, экзамены были двух видов — ежегодные «частные» и выпускные в присутствии местного начальства (на них было дозволено приглашать лиц высшего духовенства и родителей или опекунов выпускаемых девиц). По результатам выпускных экзаменов выдавался аттестат, на основании которого девицы учебных заведений I разряда получали свидетельство на звание домашних наставниц без испытания, а II разряда — домашних учительниц тех предметов, «в коих оказали хорошие успехи» (§ 134). Выпускницы с отличным поведением и успехами в науках награждались шифрами, медалями и книгами. Лучшие из выпускниц (преимущественно казеннокоштные) по их желанию оставались в институтах пепиньерками.

Выпуск происходил в декабре, а прием новых воспитанниц — в январе. Каникулы были в июне-июле, а в ноябре и декабре учебный процесс прерывался экзаменами, и время, отведенное на учение, сокращалось. Поэтому от местных Советов стали поступать предложения по изменению неудобного расписания[348].

Для начальниц, членов Советов по учебной части и инспекторов классов были составлены особые инструкции. Начальницам предоставлялась распорядительная власть относительно нравственного и физического воспитания девиц и, в то же время им предписывался «неослабный присмотр» за учебными занятиями. Заботой начальницы было следить, чтобы воспитанницы были внимательны на уроках и прилежно готовились к ним, чтобы они приобретали навык «свободно объясняться на природном и иностранных языках»; чтобы в свободное от учения время они читали одобренные начальством книги и постоянно упражнялись в искусствах.

---

[348] Подобное расписание было неудобно и родителям: в путь, иногда очень дальний, отправлялись в самое холодное время года, и для девочек приходилось «строить» комплект зимней одежды, что ложилось тяжелым бременем на бюджет многих семей.

Хотя начальницам принадлежала лишь наблюдательная власть над учебной частью, эта формулировка часто трактовалась расширительно. Инспекторам классов и учителям, зависевшим от начальства, приходилось порой терпеть произвол и подстраиваться под их вкусы. Воспитанницы, разумеется, мало что знали об этой скрытой стороне жизни институтов, и в их мемуарах упоминаются лишь некоторые безобидные эпизоды. Одна институтка вспоминала, что «учитель арифметики, зная пристрастие начальницы к счету в уме, каждый раз заставлял нас упражняться в этом первые четверть часа»[349]. Влиятельная начальница Смольного М.П. Леонтьева повторяла, что преподавание русской литературы и истории должно развивать чувство патриотизма, и институтки старших классов непременно разучивали ее любимые стихотворения «Бог» и «Клеветникам России»[350].

Права начальницы и инспектора классов в проведении экзаменов четко размежевывались. В приложении к § 129, подписанному принцем Ольденбургским, определялось, что испытания проводятся комиссиями, состав которых определяет инспектор классов, а утверждает его член местного Совета по учебной части. В Комиссию должен входить сам инспектор классов, его помощник и учитель, преподающий «предмет испытания»[351]. Однако на местах даже спустя долгое время правила, узаконенные Уставом, соблюдались далеко не всегда, и Ведомству приходилось рассылать по институтам разъяснения[352].

---

[349] См.: *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 85.

[350] См.: *Мордвинова З.Е.* Смольный институт… С. 139; *Гиргас Л.Ф.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева. Киев, 1895. С. 32. *Гиргас* Любовь Федоровна закончила в 1862 г. курс Воспитательного общества, а спустя три года педагогический класс Александровского училища. Классная дама в 1867–1874 гг. Ее сестры служили там же: Ольга (вып. 1857 г.) классной дамой, София (вып. 1860 г.) преподавала русский, арифметику и чистописание.

[351] Устав женских учебных заведений… С. 275.

[352] См.: «Об участии начальницы институтов в производстве экзаменов и оценке ответов экзаменующихся» // Циркуляры по

В ведении члена Совета по учебной части был контроль за «правильным устройством учебного курса и надлежащим преподаванием учебных предметов», причем особенное внимание обращалось на «дух и методу учения», а также снабжение учащихся необходимыми учебными пособиями.

Утверждение кандидата на должность инспектора классов зависело от императрицы. Для поступления на службу соискатель должен иметь диплом на звание кандидата или действительного студента, или же на право быть учителем гимназии или домашним наставником. Служащие в учебных заведениях I и II разрядов считались «старшими» учителями и утверждались в чине IX класса по прошествии четырех лет с начала службы. Учителя искусств принимались на службу без предъявления дипломов, но «по надлежащем в способности каждого удостоверении со стороны местного начальства». Учителя рисования и музыки состояли в X, а чистописания и пения — в XII классах. Профессора и адъюнкты сохраняли свои звания.

Учителям надлежало вести журнал, где записывались пройденное на уроках и обозначались полученные воспитанницами баллы. Высшим баллом полагался «12» — «отлично».

Институтские библиотеки следовало пополнять в соответствии с «нормальными списками», составлявшимися Учебным комитетом. Подобные же перечни рекомендуемых учебников и литературы составлялись Министерством народного просвещения[353], и с ними инспектора классов институтов также должны были сверяться.

С введением новой табели устанавливались общие нормы оплаты труда учителей: увеличивалась плата до 60 руб. за годовой часовой урок в классах старшего возраста (среднего 50 р., младшего 40 р.) по всем предметам, включая учителей

Ведомству учреждений имп. Марии за 1890–1905 гг. С добавл. предметного указателя и некоторых циркуляров за время до 1890 г. СПб., 1906. С. 540–541.

353 Подр. см.: *Баскова Л.Ю.* Учебная литература как фактор повышения качества образования в России первой половины XIX века // Научно-педагогическое обозрение. 2014. № 1(3).

танцев. Меньше получали преподаватели рисования (45–38 р.) и чистописания (38–32 р.). Как отмечали в Комитете, «учителя искусств должны получать вознаграждение наравне с остальными преподавателями». Однако жизнь вносила свои коррективы, и осуществить принятые «сверху» решения сразу было невозможно. Хороших учителей «искусств» найти было не так просто, причем не только в губернских городах, но и в столицах. Учителю итальянского пения в Патриотическом институте, к примеру, было решено выплачивать более высокое жалованье в качестве «временной меры», в противном случае он отказывался от уроков в институте, поскольку частные занятия для него оказывались более выгодными[354].

Для того, чтобы правила, наконец, утвердились, Главный комитет был вынужден не раз повторять одни и те же предписания. Так, в 1862 г. особым циркуляром снова подтверждалось, что «учителя искусств должны получать вознаграждение никак не выше того, которое производится преподавателям наук и языков»[355].

Как и в других школах, в учебной программе институтов первое место занимал *Закон Божий.* Устав провозглашал, что «нравственное воспитание должно основано быть на религии» (§ 101). Для развития нравственно-религиозного духа рекомендовалось не ограничиваться одними уроками, но проводить также и беседы с воспитанницами. (Эта рекомендация была обоснованной, поскольку нередко во всех учебных заведениях на уроках Закона Божия ограничивались «буквальным вытверживанием на память», и методика преподавания «как правило, заключалась в том, что учитель спрашивал ученика механически выученный наизусть отрывок»[356].)

---

[354] См.: *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 103.

[355] Устав женских учебных заведений… С. 55.

[356] *Калинина Е.А.* Закон Божий в русской школе первой половины XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 2. История, история русской православной церкви. 2014. № 4(59). С. 93.

Успешное выполнение сформулированной в Уставе задачи зависело прежде всего от личности преподавателя. Особую память в Воспитательном обществе и Александровском училище оставил по себе законоучитель Иоанн Недешев, о котором смолянка говорит как об «одной из самых замечательных личностей, каких мне когда-либо случалось встретить в жизни»[357]. Другая вторила ей, рассказывая, как «наш батюшка о. Иоанн Недешев, достойнейший имени “отца”, нередко приходил беседовать со мною о терпении, о бессмертии души и о благодати Божией. Он мне изъяснял многое, многое, чего я прежде не понимала и что мне казалось темным, во что я прежде даже не веровала»[358]. Воспитанницы петербургского Екатерининского института тех лет также вспоминают уроки Закона Божия и беседы с законоучителями с благодарностью: «Религиозное наше направление настолько было осмыслено, что при сообществе подруг других вероисповеданий не имелось представления о могущей быть религиозной исключительности»[359].

Однажды на экзамене по Закону Божию в Сиротском институте цесаревна с недоумением спросила девиц: «отчего вы не знаете житий святых русских?». Этот случай немедленно стал всеобщим достоянием. Как вспоминала институтка, инспектор классов «заставил нас в короткое время приготовить многое, потому что цесаревна на экзамене могла заметить нам то же самое… Каждая прилагала все усилия, чтобы не осрамиться у батюшки, и на экзаменах все отвечали хорошо; а ведь в старшем классе приезжали нас слушать и экзаменовать

---

[357] [*Соколова А.*] Из воспоминаний смолянки… С. 51. «Весьма замечательным» называет учителя А.О. Смирнова (*Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. С. 128). *Недешев* Иоанн Филиппович, протоиерей, окончил петербургскую Духовную Академию, законоучитель Смольного в 1832–1848 гг. Был женат на смолянке.

[358] *Быкова* В.П. Записки старой смолянки. С. 18.

[359] Воспоминания воспитанницы XVIII выпуска Софии Черевиной, по замужеству Родзянко, от декабря 1847 по конец февраля 1853 г. СПб., 1898. С. 4. *Черевина* Софья Александровна окончила Воспитательное общество в 1853 г. с шифром.

такие светила духовного мира, как Макарий, протопресвитер Бажанов, Лебедев и др. Наш духовник замечательно рассказывал. Многие иноверки оставались его послушать; он не задавал ни одного урока, не рассказав и не объяснив»[360]. Законоучитель московского Екатерининского института, напротив, не ждал от своих учениц «рассуждения», и мемуаристка рассказывала, что «катехизис и литургию мы обязаны были учить наизусть, а от этих стараний у нас исчезал самый смысл дела»[361].

Институтки православного исповедания находились в подавляющем большинстве. В 1852 г. в женских учебных заведениях были упорядочены общие правила преподавания Закона Божия евангелическо-лютеранского исповедания, состоящие в том чтобы «законоучителями этого исповедания были такие лица, которые признаны способными одной из лютеранских консисторий», а на экзаменах присутствовал бы член консистории[362]. Институтским законоучителям позволялось вести уроки на разных языках (польском, французском, русском), в то время как в военных училищах Закон Божий преподавался лишь на русском. С 1866 г. подобный же порядок был введен для учебных заведений Министерства народного просвещения, и его пытались распространить и на Мариинские институты. Однако в результате особых ходатайств за аббатами было сохранено право вести в институтах преподавание по-французски, тогда как права преподавать на

---

[360] *Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 106–107. *Стерлигова* Анна Владимировна, ур. Дубровина (1839–1878?). С шифром окончила в 1856 г. петербургский Екатерининский институт, пансионерка императора. Воспоминания Стерлиговой впервые были опубликованы в «Русском архиве» (1898. Кн. 1). Сестры Стерлиговой также учились в институтах: одна в Смольном, другая в московском Екатерининском.

[361] *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни. № 10. С. 513.

[362] Историческая записка о московских училищах Ордена св. Екатерины и Александровском. Сост. по имеющимся в канцелярии Местного совета документам под наблюдением и руководством члена онаго по хозяйственной части. М., 1875. С. 114–115.

польском языке ксендзы были лишены[363] (что явилось следствием польского восстания в 1863–1864 гг.).

Религиозное воспитание в жизни институток имело особое значение и не ограничивалось рамками уроков Закона Божия. Жившие в своем замкнутом мирке девочки нередко находили для себя серьезное утешение в вере, иногда чрезмерно погружаясь в молитвенное настроение и увлекаясь соблюдением постов, даже в ущерб здоровью[364]. Законоучитель традиционно провожал своих питомиц-выпускниц во взрослую жизнь особым наставлением, которое удостаивалось порой отдельной публикации. Очень часто в речах институтских батюшек звучали мотивы трудового предназначения человека. Как свидетельствовали воспитанницы Патриотического института, законоучитель Н.М. Мокиевский «учил действительно любить людей и любить трудовую жизнь», и в прощальном своем слове в 1855 г. напутствовал своих учениц так: «не проводите время в праздности, непрменно поставьте себе цель в жизни… Помните, как велико женское назначение!»[365].

Наилучшим образом, по сравнению с другими учебными заведениями, в институте традиционно было поставлено изучение *новых языков* — французского и немецкого. На них отводилось наибольшее число учебных часов, к тому же институтки постоянно упражнялись в устном французском и немецком языках в течение дня. Кроме того, им преподавали *историю литературы*, которая не изучалась в мужских гимназиях. По словам воспитанницы Патриотического института, «с пере-

---

[363] *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 393.

[364] Это заставляло руководство Мариинского ведомства принимать особые правила, которые ограничивали бы строгость постов, ослаблявших организм подростка и приводивших порой к самым тяжелым последствиям. По приказу императрицы Александры Федоровны этим вопросом занялись врачи (в том числе лейб-медик Арендт) (см., напр.: ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6767. Л. 1–37. 1855 г.).

[365] *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 95.

ходом в старший класс стали изменяться методы преподавания. Так, при изучении как иностранной, так и отечественной литературы нас стали знакомить с произведениями их»[366]. Преподавание языков велось, как неоднократно подчеркивалось в документах того времени, *практически* — то есть, воспитанницы часто писали диктанты и сочинения, переводили с французского и немецкого языков на русский и наоборот.

Некоторое представление о методических приемах, применявшихся преподавателями словесности, дает рассказ воспитанницы петербургского Екатерининского института. Она вспоминает: инспектор классов П.Г. Ободовский «читает “Три пальмы”, мы все с замиранием сердца стараемся ловить каждый звук. Вот он кончил и обращается с вопросом к вызванной ученице: где растут пальмы, какая страна, жители, нравы, обычаи, правление, современные государи? И выходит не урок русской словесности, а экзамен по всем отраслям наук». Строгий учитель, Ободовский требовал серьезного отношения к своему предмету и потому «задавал большие уроки; в особенности мучил он нас греческой литературой, не оставлял и индейскую и др.», его питомицы писали сочинения «на темы довольно трудные»[367]. Таким образом, Ободовский на свой манер вполне успешно использовал предложенную Янковичем де Мириево еще в XVIII в. методу системного подхода к каждой обсуждаемой теме.

На институтских уроках часто практиковалось чтение вслух и обсуждение прочитанного, о необходимости чего некогда говорил учитель Патриотического института Н.В. Гоголь («Искусные чтецы должны создаться у нас… Одно только искусное чтение может установить о наших поэтах лестное понятие»). Воспитанницам московского Екатерининского института тоже повезло с преподавателем — он «знал свое дело и имел серьезное литературное образование и большую начитанность, и толковал о различных эпохах и школах французской

---

366 *Лазарева А.* Воспоминания воспитанницы Патриотического института... № 8. С. 242.

367 *Стерлигова А.В.* Воспоминания. С. 107.

литературы с самостоятельным тоном знатока, изучившего их по источникам, а не невежды-шарлатана, какими зачастую бывали французские учителя, с великим трудом побирающиеся по чужим учебникам»[368].

Курс *словесности* в Воспитательном обществе, где учение было продолжительнее на три года, включал «весьма подробное изучение литератур по трем языкам»[369], программы были «очень обстоятельными и обширными». В учебный курс входило «довольно подробное изучение истории западноевропейских литератур, в том числе литературы Италии, Испании, Португалии и Англии», история древней русской литературы. Новая русская литература завершалась изучением произведений Пушкина, Лермонтова и Гоголя, а также «очерком состояния современной литературы»[370].

В особом положении оказались новые институты, только начинавшие свою деятельность: Донской и Нижегородский (1852), Саратовский (1854). Им приходилось прикладывать много усилий, чтобы соответствовать требованиям, получившим силу закона для всех Мариинских заведений. В Донском институте по первоначальной программе 1852 г. из иностранных языков предусматривалось преподавание одного французского[371], теперь же необходимо было менять расписание, подбирать преподавателей, чтобы соответствовать своему высокому статусу.

Хотя в «Наставлении» Петра Георгиевича Ольденбургского *арифметике* отводилось важное место, как «гимнастике ума», развивающей умение мыслить, в институтской программе попрежнему предписывались «действия над числами, которые могут иметь прямое приложение к будущему их назначению», и исключались употребляемые приемы, правила и доказа-

---

368 *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни… С. 182.

369 *Родзянко С.* Воспоминания воспитанницы XVIII выпуска... С. 4.

370 См.: *Черепнин Н.П.* Императорское Воспитательное общество… Т. 2. С. 49.

371 Мариинский Донской институт благородных девиц // ЖМНП. 1852. Ч. 80. Отд. VII. С. 60.

тельства, которые не соответствовали бы этой цели. В конце 1840-х гг. в курс институтского преподавания было включено «Понятие об измерениях». В 1849 г. В.М. Михельсоном было составлено руководство «Геометрические записки для девиц», в нем содержались геометрические термины, формулы вычисления поверхностей и объемов, наглядные приемы решения простейших геометрических задач — готовые определения и формулы для заучивания наизусть, тогда как теоремы были исключены. Столь же уязвимыми для критики оказались «Арифметические записки для девиц» Ф. Буссе, недостатки которых (отсутствие строгой последовательности и «полной системы»), по мнению рецензентов, можно было извинить лишь тем, что они предназначены «девицам».

По указу Николая I в 1853 г. были введены «выкладки на счетах», и преподаватель при этом ограничивался обучением воспитанниц механическим приемам вычислений. Изучались «выкладки над числами целыми и дробными, как простыми, так и именованными, включая тройные правила с присоединением наглядных понятий о 3 родах протяженностей»[372]. Как вспоминала А.Н. Энгельгардт, «начальство действительно не уважало, как выражались институтки, математику и считало ее как будто лишним и не особенно важным предметом»[373]. Вполне очевидно, что функцию «гимнастики ума» математика в женских институтах вряд ли могла выполнять.

Однако, оценивая постановку обучения математике в женских институтах, нельзя не учитывать и общий уровень преподавания этого предмета в мужской русской школе того времени. Специалист по истории математического образования утверждает, что в 1850-х гг. практика самостоятельного решения задач учениками была ограничена, не случайно в учебниках отсутствовали задачи для самостоятельного решения. Повсеместно практиковалось заучивание наизусть правил и теорем без практического применения этих познаний. Широкое

---

[372] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 247–249.

[373] *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни… С. 187.

использование задач в процессе обучения начинается лишь в середине 1860-х гг.[374].

В историческом обзоре Екатерининского института (1903 г.), обращалось внимание на то, что число часов, отводимых не только на русский язык, историю и географию, но и на математику, сто лет назад в общей сумме составляло не меньшее количество, «чем теперь, как бы этого следовало ожидать», отмечая при этом, однако, «скромность достигавшихся результатов». Педагог объяснял возросшую впоследствии эффективность преподавания «усовершенствованием метода и приемов современного нам обучения»[375]. Можно добавить к этому отработку терминологии и литературного языка, что не могло не отразиться на ясности изложения в школьных учебниках.

Лучше, чем в мужских гимназиях, в институтах традиционно была поставлена *география*[376], курс которой дополнялся *статистикой*. В то же время в мужских учебных заведениях Министерства народного просвещения уставом 1849 г. постановка географии изменилась к худшему, и её преподавание велось лишь в трех младших классах[377]. Особое отношение в программе институтского преподавания к этому предмету сложилось еще при Екатерине II и Марии Федоровне, придававшим географии важное воспитательное значение.

Во многих институтских воспоминаниях содержатся довольно подробные характеристики учителей истории и географии. «Интересен был у нас учитель географии», его путешествия «по рекам, каналам и разным губерниям России мы

---

374 См.: *Кондратьева Г.В.* Становление и развитие задачника как особого жанра учебной литературы по математике в России второй половины XIX века // Вестник Оренбургского гос. педагогического ун-та. 2017. № 3(23). С. 301.

375 Московское училище ордена св. Екатерины. С. 141–142.

376 По утверждению историографа Мариинского ведомства (см.: *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 222).

377 См.: *Руднев Я.И.* Из прошлого и настоящего учебной географии в России. С. 11.

любили все. До сих пор могу назвать подряд уездные города каждой губернии, зазубренные раз навсегда», — вспоминала воспитанница московского Екатерининского института[378].

В московском Сиротском институте географию преподавали на немецком языке. Воспитанницам казалось, «будто нет такой вещи на свете, какой не знал бы» их «феноменально начитанный» учитель Левенштейн. «Я даже в позднейшее время с интересом перечитывала свою тетрадь», — свидетельствует его ученица. Уроки истории в младших классах института вел «прекрасный преподаватель», тогда еще молодой С.В. Ешевский[379], который «старался внушать ученицам любовь к занятиям: давал книги, заставлял делать письменные отчеты, составлял сам для них записки»[380]. «Географию знали очень хорошо» и в Патриотическом институте, а история была любимым предметом «благодаря талантливому лектору Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу» (Стасюлевич внушал своим ученицам, что «труд и полезное общественное дело дают смысл жизни, что можно не задаваться чрезмерными задачами, так как всякое даже самое маленькое дело почтенно и достойно подражания»)[381].

---

[378] *Половцева Е.* Екатерининский институт полвека назад (из воспоминаний бабушки). М., 1900. С. 40. «Бабушка» — *Кравченко* Елена Алексеевна, ур. княжна Кропоткина (сестра идеолога анархизма, окончившего Пажеский корпус); ее внучка, записавшая воспоминания, — Екатерина Николаевна Половцева.

[379] *Залога М.В.* Из воспоминаний… С. 16–17. *Левенштейн* Леонард Адольфович, преподаватель истории и географии Сиротского института в 1840–1866 гг. *Ешевский* Степан Васильевич (1829–1865), ученик П.Н. Кудрявцева, профессор истории Московского университета. Преподавал историю и географию в московском Николаевском Сиротском институте в 1850–1853 и 1861–1863 гг. Дочери Ешевского Ольга и Александра (вып. 1876 г.) учились в Смольном институте. Последняя оставила воспоминания.

[380] *Бестужев-Рюмин К.* Степан Васильевич Ешевский // Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 304.

[381] *Лазарева А.* Воспоминания воспитанницы Патриотического института... № 8. С. 243. *Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1829–

В петербургском Екатерининском институте В.В. Вержбилович учил чертить карты, особенно тщательно — карты российских губерний. Его уроки не ограничивались узкими рамками предмета: он рассказывал подробности об осаде Севастополя, волновавшей тогда всех (классные дамы ежедневно читали девочкам новости о военных действиях из газет). На доске чертился план Севастополя, и преподаватель «прямо говорил, что посланные туда войска идут на бойню, что оборона невозможна….». Учитель истории А.С. Аникиев также «чертил на большой классной доске, показывая постепенное заселение Земли различными народами, всегда рассказывал задаваемый урок». Однако Аникиев настаивал, чтобы написанные им самим учебники заучивались «слово в слово», тогда как в старшем классе другой учитель, сын инспектора Смольного, Н.М. Тимаев, этого не требовал вовсе. «Делая записки с его слов, мы прошли с ним древнюю, среднюю, новую и русскую историю пространно. Предмет этот в старшем отделении стал очень интересен… но поставленный в известные рамки и увлекаясь изложением исторических фактов, он вдруг краснел, заикался и переходил на другое»[382], — вспоминала институтка.

Приведенные выше отзывы нельзя, разумеется, распространить на все институты. В более трудном положении находились новые институты, учреждаемые на окраинах. Например, в Керчи не существовало «равностепенного» институту учебного заведения, и поэтому возникло «затруднение иметь достойных преподавателей». И тогда было предложено назначить в местное уездное училище учителей, «которые могли бы с успехом обучать и в Институте, получая от сих 2-х заведений жалованье, равное производимому в гимназиях»[383].

Однако по крайней мере о характере преподавания в институтах Петербурга и Москвы на основании сохранившихся

1911), профессор истории, издатель «Вестника Европы». Преподавал историю великим княжнам Лейхтенбергским.

[382] *Стерлигова А.В.* Воспоминания. С. 108.

[383] Обозрение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. С. 60–61.

воспоминаний складывается вполне определенное впечатление. Учителя по большей части старались вести преподавание наглядно, с применением средств, облегчающих запоминание нового материала. Наряду с педагогами, настаивавшими на «долбяшке» (дословном запоминании текста учебника или надиктованного на уроке), было немало других, стремившихся прежде всего добиться от учениц понимания предмета, что предписывалось еще в XVIII в. «Способом учения» Комиссии Завадовского. Важным способом закрепления пройденного, упражнением в грамотности, и в то же время тренировкой умения излагать свои мысли, выстраивая их по логической схеме, являлось написание сочинений: «писать приходилось много по всем предметам», — свидетельствует институтка. Одну и ту же тему предлагали всему классу, а для проверки к доскам вызывали девочек, которые должны были писать на незнакомую тему, и тогда «подсказать было невозможно»[384].

Новая эпоха в обучении институток наступала с переходом девочек в старший класс: «началось наше учение, более сложное и трудное: учителя сменились профессорами, курс учения пошел серьезно и дельно, требовал внимания и усиленных занятий»[385].

Об этом периоде жизни воспитанницы оставили очень важные свидетельства. Одно из них принадлежит перу воспитанницы московского Екатерининского института А.Н. Макаровой (в замуж. Энгельгардт). Она писала: «Что касается характера преподавания вообще и взгляда на ученье начальства и учителей, который невольно сообщался и воспитанницам, то его можно назвать серьезным, *если сравнивать его не с современными понятиями о женском образовании*, а с теми ходячими мнениями, которые существовали на этот счет у большинства русского общества двадцать лет тому назад, …танцы, французская болтовня и уменье бренчать польки на фортепьяно считались краеугольным камнем в женском образовании. Как ни было недостаточно институтское образование,

384 *Стерлигова А.В.* Воспоминания. С. 107–108.

385 Там же. С. 106.

но в нем было хорошо то, что те учителя, которые задавали тон, относились к своему делу *серьезно и добросовестно*, а начальство *смотрело на науки с уважением и давало им предпочтение перед изящными искусствами*, как-то: пение, музыка и танцы. Конечно, так называемые науки преподавались в далеко недостаточном объеме и очень часто в искаженном виде, так что собственно *знаний*, в том смысле, как мы их понимаем *теперь*, пробрести было нельзя, но полезен был взгляд, что *знание* есть вещь почтенная. И начальство, и сами институтки преимущественно уважали воспитанниц, *хорошо учившихся*. Отличавшиеся на поприще изящных искусств пользовались уважением лишь в том случае, если успехи их там совпадали с успехами в науках»[386]. Подход Энгельгардт к характеристике учения в институте вполне историчен, поскольку она предлагает оценивать его с точки зрения современных ему жизненных реалий, а не с высоты прошедших лет.

Смолянка А.И. Денисьева утверждает, что «не было примера, чтобы девочка, с успехом дошедшая до “голубого” класса, внезапно переставала учиться или делалась нерадивой к занятиям. В детях успевало уже вкорениться то чувство долга, которое остается на всю жизнь и благодаря которому мне и теперь, в преклонных летах, не удастся спокойно уснуть, если у меня не написана статья, к известному сроку обещанная мною редакции»[387].

---

[386] *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени. С. 191–192. *Макарова* Анна Николаевна (1835–1903), окончила московский Екатерининский институт (вып. 1855 г.), видная деятельница женского движения 1860-х гг., жена профессора А.Н. Энгельгардта, литератор, переводчица, редактор «Иностранного обозрения» журнала «Вестник Европы». Курсив мой. — *В.П.*

[387] [*Соколова А.*] Из воспоминаний смолянки // Вестник всемирной истории. 1901. № 6. С. 145. *Денисьева* Александра Ивановна (1833–1914), вып. 1851 г., в замужестве Соколова. Известная журналистка, писательница-романистка, публиковавшаяся под псевдонимом «Синее домино», мать популярного фельетониста начала XX в. Власа Дорошевича (Подробный некролог А.И. Соколовой см.: Исторический вестник, 1914, март. С. 954–959).

Обе институтки, свидетельства которых здесь приводятся, в своей взрослой жизни принадлежали к той прослойке, члены которой с легкой руки Н.Г. Чернышевского стали именоваться «новыми людьми». А.И. Соколова и А.Н. Энгельгардт были активными участницами общественной жизни второй половины XIX в. и в своем кругу, да и за его границами, пользовались известностью. Обе благодаря полученной в институтах подготовке славились знанием иностранных языков, прекрасно владели русским слогом, что позволяло им заниматься литературной деятельностью. Показательно, что при свойственном людям их круга резко критическом в целом отношении к женским институтам, они высоко оценивают именно *воспитательное значение* институтского учения.

Одни предметы преподавались лучше, другие — хуже, но общая постановка учебного дела воспитывала в институтках уважение к знаниям, к науке, чувство ответственности. Закончившая в 1856 г. петербургский Екатерининский институт А.В. Стерлигова вспоминала «идеальную справедливость начальства к учащимся… со всеми обращались одинаково и справедливо, ценили успехи и учение каждой»[388]. Понятно, что слова об «*идеальной* справедливости» можно счесть преувеличением, как и все однозначные утверждения, относящиеся к обширным явлениям. Так, А.Н. Энгельгардт вспоминала, что в ее институте встречались такие учителя, которые по «жадности до денег» давали желающим частные уроки, а затем отличали этих воспитанниц «зачастую незаслуженными пятерками»[389]. Встречались, к примеру, и свидетельства о пристрастном присуждении высших институтских наград, и т.п. Но исключения не отменяют общего правила.

Взаимоотношения класса с учителем строились по жестким канонам, гласно и негласно принятым в институтах, которые затрудняли достижение взаимного доверия. Лишь хороший педагог мог преодолеть подобные препоны. С одной стороны, воспитанницы не имели права обращаться к учителю с

---

388 *Стерлигова А.В.* Воспоминания. С. 88.

389 *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни… С. 182.

вопросами, кроме исключительных случаев. Постоянно находившаяся во время урока классная дама контролировала поведение своих подопечных. С другой стороны, было не принято, чтобы инспектор и учителя делали замечания воспитанницам, а тем более жаловались на старший класс: девушки «могли отомстить или плохими ответами, или наивным обличением неправды перед начальством»[390]. Учителей могли «ошикать» («у нас было в обычае *ошикать* учителя всякий раз, как он поступит, по-нашему, дурно»[391]). Учитель, по мнению институток, должен был собственными силами уладить конфликт, не вмешивая в него «посторонних».

Помимо неписанного кодекса, поведение учителя регламентировалось уставом — он должен в обращении с воспитанницами соблюдать «требуемое в женских учебных заведениях приличие» (наблюдать за этим было обязанностью классных дам и начальницы)[392].

На торжестве, посвященном выпуску 1850 г. в Воспитательном обществе, инспектор классов М.М. Тимаев в своей «очень умной речи» говорил о том, «как мало ценится у нас звание наставника», и «мы, сильные наградой и убеждением своей совести, не жалуемся на это, но только желаем, чтобы непризванные под личиной усердия не мешали святому делу просвещения и не трудились бы искажать человечество». Как замечает в своем дневнике А.В. Никитенко, присутствовавший при этом, «мысль эта кое-кому не понравилась»[393]. Традиционно в своей речи инспектор классов напутствовал воспитанниц, подводил итог их пребыванию в стенах института, давал советы на будущее и т.п. Однако приведенные Никитенко слова явно были обращены не к ученицам, а к «сильным мира сего», которые всегда посещали подобные торжества.

---

390 *Стерлигова А.В.* Воспоминания. С. 114.

391 *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни… С. 182.

392 Устав женских учебных заведений… С. 79.

393 *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Т. I. СПб., 1904. С. 397. 14 апреля 1850 г.

В дневнике А.В. Никитенко явно прослеживается усталость от долгих лет педагогической практики, разочарование из-за чересчур медленных, неявных успехов в учебном деле[394]. Можно полагать, что свою роль в видимой перемене отношения Никитенко к институтам играло изменение требований к содержанию женского образования: мы видим, какие перемены происходили в институтах в течение 1830–1840-х гг., и то, что некогда представлялось достижением, спустя короткое время воспринималось уже как нечто обычное.

В то же время ход развития институтского образования не был линейным, и в 1850-х гг., оно, как и вся школьная система, переживало явную стагнацию (т.н. «мрачное семилетие» николаевского царствования). Недостатки институтского образования не были уделом одной лишь женской школы. Историк мужского гимназического образования И.А. Алешинцев характеризует преподавание этого времени как «схоластическое… часто без самых необходимых наглядных пособий», причем общим правилом было механическое усвоение материала учениками[395].

В первые годы своего преподавания в Смольном Никитенко писал: «Я делал неожиданную репетицию. Девицы отвечали превосходно. Мне кажется — главное достигнуто. Души их раскрылись к принятию тех идей, которые я желал бы вдохнуть в них» (1833 г.). Прошло десять лет, и достигнутые воспитанницами успехи уже не радовали профессора: «что все это значит там, где вся система фальшива? Вообще в наших женских заведениях так мало обращают внимания на учебную и нравственную часть воспитания, что у честного человека руки опускаются и он, наконец, чувствует, что ему здесь нечего делать.

---

394 Никитенко не ограничивался критикой женского образования: по его замечанию, он оставил преподавание в Пажеском корпусе, поскольку «не видел в аристократическом юношестве ни малейшего сочувствия ни к науке, ни к ее представителям» (Запись 1842 г. *Никитенко А.В.* Моя повесть… С. 322).

395 *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. С. 196–197.

Тут думают только о плясках и реверансах… В них не развивают ни моральной силы, ни сознания своих семейных и общественных обязанностей… в результате выходит, что русское дворянство растит своих сыновей для розог, а дочерей для придворного разврата» (1843 г.)[396]. Это эмоциональная оценка всей системы женского образования явно несправедлива. Девочки, учившиеся в институтах, по большей части принадлежали к среднему или «недостаточному» слою, среди них было множество сирот, и их уделом все чаще становился многолетний непростой педагогический труд в чужих домах или казенных заведениях, а вовсе не «придворный разврат».

В конце своей преподавательской деятельности Никитенко присутствовал на экзамене педагогического класса Александровской половины Смольного. Он записал: «Экзамен сильно отзывался подготовкой. Девицы отвечали наизусть заученные фразы. Судьи, однакож, остались довольны» (1850 г.). Но публичный экзамен и прежде непременно должен был «отзываться подготовкой»: так было искони заведено во всех привилегированных учебных заведениях, как женских, так и мужских, когда следовало представать с лучшей стороны перед посторонними лицами, воспринимавшими происходящее в духе эпохи Просвещения как «полезное увеселение», «приятное и полезное препровождение времени». А.Н. Энгельгардт (Макарова) называет выпускные публичные экзамены «пустой церемонией», поскольку воспитанницы знали, что именно им предстоит отвечать, для чего «читались лучшие сочинения» перед «целой толпой посетителей и родственников»[397]. Но прежде этот просвещенческий спектакль не раздражал профессора и воспринимался как должное. Теперь же, когда количество женщин, получивших среднее образование, возросло, повысился общий культурный уровень общества, на первый план выходило серьезное учение, а не его казовая сторо-

[396] *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. С. 125, 270–271.

[397] *Энгельгардт А.Н.* Очерки институтской жизни… С. 200.

на. Не случайно, что в недалеком будущем публичные экзамены будут вовсе отменены[398].

Однако во время настоящих испытаний, проводившихся в институтах не напоказ, а исходя из учебной необходимости, знания девочек проверялись всерьез. В 1855 г., например, в Казанском институте «по причине слабых успехов и малого развития умственных способностей» в I классе были оставлены две девицы[399], — случай, впрочем, нечастый. Неуспевающих, со слабыми способностями девочек оставить для прохождения заново учебного курса было затруднительно — каждый класс был трехлетним (в некоторых институтах — двухлетним). Тем не менее, было предусмотрено, что девочки, поступившие в институт в течение учебного года и «по малолетству или по кратковременному пребыванию в классе» не способны учиться наравне с другими, «могут быть оставлены в том же классе и после перевода прочих воспитанниц в высший»[400].

В одном классе учились девочки, сильно различавшиеся по уровню своей подготовки, и одни еле-еле успевали за учителем, а другим было скучно повторять давно уже пройденное. Правила не предполагали исключения из института по неуспеваемости (неспособности или нежеланию учиться). Подобный обычай не мог не влиять на общий уровень обучения и, по мнению А.В. Стерлиговой, был во многом причиной «дурных и нелепых отзывов об институтском образовании». Она вспоминала, что из 145 девиц, с которыми она заканчивала курс в 1856 г., все не могли «быть одинаково развиты и способны. Меня страшно все-таки возмущал идиотизм многих

---

398 Николай I обращался в Главный совет Ведомства с вопросом, не следует ли отменить публичные экзамены, однако Совет все же настоял на их необходимости, при условии допуска на них лишь родственников экзаменующихся. Полная отмена публичных экзаменов во всех институтах последовала в 1861–1865 гг.

399 РГИА. Ф. 761. Оп. 1. Д. 39. 1855 г.

400 См., напр.: Высочайше утвержденный устав Казанского Родионовского института благородных девиц. 17 января 1838 г. // ПСЗ–2. Т. XIII. СПб., 1839. № 10890. С. 24.

воспитанниц, и я долго не могла понять, зачем их держать? На стыд, на посрамление!.. Это и есть корень зла». Среди неуспевающих было немало «аристократок», девочек из обеспеченных семей, которые «ничего не делали, ничему не учились и, кроме уменья говорить на иностранных языках, ничего не приобретали. Их мы называли дурами на всех языках». Хотя к «этой плеяде патентованных дур институтское начальство относилось добросовестно, стараясь передать им хотя какие-нибудь познания», сделать ничего было нельзя. А вот из тех, кто приходил, чтобы учиться, «выходили более всего дельные девушки»[401].

Не приходится оспаривать утверждение институтки, что, хотя учили их «положительно недурно для того времени, многие учителя относились с любовью к делу и умели заинтересовать детей», все же преподавание в институте шло «неравномерно», поскольку «все зависело от личности учителя». Однако, разумеется, вовсе не только от него одного. Удавалось хорошо учить лишь тех, кто «желал учиться, не желающие так и оставались не при чем»[402]. Об этом неоднократно упоминают институтские воспоминания — плохо подготовленных, неспособных, незаинтересованных в учении было немало. Не раз в самой эмоциональной форме это утверждала Хвощинская: «Какие мы бывали подчас ленивые и беспонятные! Как мало кого из нас точно интересовала наука!»[403]. Выпускница 1851 г. писала: «профессора были прекрасные, преподавание было дельное и умелое, но научиться чему-нибудь можно было только при настойчивом желании и при настоятельной жажде знаний… А часто ли жажда эта встречается в детском возрасте, и в особенности между девочками?»[404]. («Жажда» знаний среди женщин распространится уже очень скоро, с эпохой Великих реформ.)

---

401 *Стерлигова А.В.* Воспоминания. С. 92–93.

402 *А-ва.* Женская жизнь // Отечественные записки. 1875. Т. 219. № 4. С. 393.

403 *Хвощинская С.Д.* Воспоминания институтской жизни. № 10. С. 512.

404 [*Соколова А.*] Из воспоминаний смолянки… С. 48.

В качестве примера можно привести историю Е.В. Балобановой[405], которую мать отдала первоначально в московский Екатерининский институт, куда ее приняли сверх комплекта, как дочь знакомой всем в институте бывшей воспитанницы. Несмотря на собственный опыт, мать отчего-то вовсе не подготовила девочку ни к учению, ни к институтскому быту, требовавшему известной самостоятельности (привычки без посторонней помощи раздеваться и укладываться спать, причесываться, умываться и пр.). Балобанова была поставлена в исключительное положение: носила свое платье, за ней ухаживала собственная горничная, и все это не шло девочке на пользу. Она вспоминала: «учителя оставили меня в покое, а девочки хохотали надо мной». И все же Балобановой повезло — позже ее перевели в Нижегородский институт, где ей пришлось жить по общим правилам. И в конце концов, она переменила свое отношение к учению, что не прошло для нее даром — окончив институт, девушка в числе первых слушательниц поступила на Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге, впоследствии стала главным библиотекарем курсов и составила первое руководство по библиотековедению на русском языке.

Хорошо учились прежде всего те девочки, которым предстояла трудовая жизнь, особенно те, которые подготовлены были к учению дома. Остальным казалось достаточным нахвататься «верхушек знаний» и выучиться французскому языку. Наталью Грот привели в институт семейные несчастья (ранняя смерть отца, разорение семьи, душевная болезнь матери). В минуты просветления мать ей не раз повторяла: «ты, можно сказать, круглая сирота, не одарена красотою, стало быть только

---

405 *Балобанова Е.* Пятьдесят лет назад. Воспоминания институтки. СПб., 1913. С. 37–38, 41–50. *Балобанова* Елизавета Владимировна (1847–1927?), слушательница 1-го выпуска Бестужевских курсов, с 1882 г. возглавила курсовую библиотеку (Высшие курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878–1908 гг. СПб., 1908. С. 43). Писательница, переводчица, библиограф.

одним можешь сделаться приятной людям: образованным умом и добротою»[406]. Семья Натальи отличалась, как она пишет в своих воспоминаниях, «литературным настроением». В доме была хорошая библиотека, часто устраивались домашние спектакли, а отец, выпускник Благородного пансиона Московского университета, герой войны 1812 года, славился литературными пародиями, писал пьесы. Он серьезно относился к воспитанию детей: его сын — великий П.П. Семенов-Тян-Шанский, а дочь Наталья стала писательницей, переводчицей, автором статей по педагогике, наконец, достойной подругой академика Я.К. Грота. Она поступала в институт с желанием учиться.

Спрос на институтское образование неуклонно возрастал. При этом большинство родителей стремилось поместить своих дочерей на казенные вакансии или благотворительные стипендии, поскольку оплачивать полную стоимость обучения было бы для них тягостно. По уставу, стоимость одного года обучения в Воспитательном обществе составляла 350 руб., петербургском Екатерининском институте — 300 руб., Одесском — 286 руб., Патриотическом, Полтавском, Иркутском — 250 руб., Харьковском — 245 руб., московском Екатерининском — 240 руб., Павловском и петербургских Александровском и Елизаветинском, в Казанском, Киевском, Тамбовском — 200 руб., Варшавском, Керченском — 180 руб., московских Александровском, Нижегородском — 170 руб., московском Елизаветинском, Белостокском, Закавказском, Саратовском — 150 руб.

Многие институтки принадлежали к семействам, имевшим небольшие средства и зачастую располагавшим лишь жалованьем, получаемым отцом на службе. До 1859 г. годовые оклады полковника равнялись 1757 руб. асс., капитана — 1074,5, штабс-капитана — 833 руб.[407]. Оклады чиновников в

---

[406] *Грот Н.* Из семейной хроники. С. 98.

[407] См.: *Попова Е.А., Штанько Е.Ю., Соловцова М.С.* Исторический опыт обеспечения денежным довольствием офицерского соста-

Петербурге, Москве и провинции различались довольно сильно, и зависели также от выслуги лет. Наиболее распространенным среди местного чиновничества было годовое содержание в 100–300 руб. К примеру, городничие в уездных центрах получали годовое жалованье в размере от 280 до 285 руб., а уездные судьи несколько больше — 335–420 руб. в Московской губернии, 327–342 руб. в Калужской[408]. Понятно, что для многодетных семей (а именно такие семьи находились в большинстве) обучение на на собственный кошт даже одной из дочерей становилось заметным бременем, и спрос на казенные вакансии возрастал.

В 1851 г. к баллотировке на 84 казенных вакансии в Воспитательном обществе после отбора было допущено 168 девочек, а на 85 казенных мест Александровской половины, где требования к социальному положению девиц были намного ниже,— 605[409]. Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич после принятия нового Устава обратился в Главный совет с просьбой увеличить комплект Закавказского института, поскольку он не удовлетворяет и трети желающих поместить в него своих дочерей[410].

В исторической литературе распространена оценка всего периода николаевского царствования как неблагоприятного времени для развития образования. Так, Б. Пиетров-Эннкер повторяет распространенное суждение о «казарменном духе эпохи “жандарма Европы”», являвшемся «неподходящей

ва русской армии в первой половине XIX в. // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2017. № 4(8). С. 154.

408 *Иванов В.А.* Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // История России. 2012. № 1. С. 23–27.

409 См.: *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. С. 147.

410 *Лихачева Е.О.* Материалы... 1856–1880. С. 337.

предпосылкой для существенного улучшения женского образования»[411]. Верна ли эта оценка?

После смерти императрицы Марии Федоровны работа, начатая ею, продолжалась, причем с бóльшим размахом и систематичностью. Открылись новые институты: Патриотический, Одесский, Павловский, Оренбургский, Киевский, Тамбовский, Керченский, два Сиротских, Варшавский, Закавказский, Саратовский, Белостокский, Иркутский, Казанский, Астраханский, Донской, Нижегородский, был преобразован отделившийся от Воспитательного общества Александровский. (В те же годы Николай I основал всего 12 кадетских корпусов.)

Таким образом, в николаевскую эпоху женское среднее образование распространялось преимущественно в провинции. Были выработаны нормы и правила, которыми должны были руководствоваться женские учебные заведения в учебной, воспитательной и бытовой частях, определены способы их содержания, утверждены штаты, оклады, пенсионное обеспечение преподавателей и пр. Проведенная работа способствовала устойчивости всей женской образовательной системы.

За 25 лет с 1828 г. (когда после смерти императрицы Марии Федоровны опека над институтами перешла к ее сыну Николаю I) до 1853 г. полный курс женских учебных заведений Ведомства окончило 11,5 тыс. человек[412].

---

411 *Пиетров-Энккер Б.* «Новые люди» России. С. 120. По утверждению автора, институты — ««символы угнетения представительниц женского пола» — насаждали «строгую регламентацию» повседневной жизни, в то время как английские и немецкие гувернантки приучали своих подопечных к «неустанному прилежанию и систематическому соблюдению порядка в делах и образе жизни» — «чертам высокой гражданской культуры» (С. 123, 129). На наш взгляд, можно говорить о предубежденности автора, находящего кардинальную разницу между первым и вторым.

412 Обозрение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. С. 131. Согласно более поздним данным, полный курс обучения в институтах оканчивало в среднем около трети от числа поступивших.

Численность воспитанниц в институтах[413]:

Год основания	Институты (училища)	год / число воспитанниц	1828 / число воспитанниц	1853 / число воспитанниц
1764	Воспитательное общество благородных девиц	1783 г. 274	458*	405*
1765	Пб. Александровское (б. Мещанское)	1783 г. 255	297*	334*
1797	Мариинский	1811 г. 50	56*	151*
1798	Пб. Екатерининское	1798 г. 60; 1803 г. 112	297*	314*
1798 (1829)	Павловский	1798 г. 50	207*	276*
1802	Моск. Екатерининское	1803 г. 60	206*	265*
1805	Моск. Александровское	1805 г. 128	143*	155*
1808	Пб. Елизаветинское	1808 г. 50	119*	176*
1812	Харьковский	20(?)	91*	178*

[413] Цифры, обозначенные звездочкой, взяты из: *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отд. Собственной Его Имп. Вел. канцелярии. Прил. С. 113. Остальные данные см.: *Бардовский А.Ф.* Патриотический институт. С. 46; Русская старина. 1878. Т. XXIII. С. 316; Записки почетного опекуна, д.с.с. Штера….М., 1838. С. 10, 20; *Срезневский В.И.* Исторический очерк С.-Петербургского Елисаветинского института. С. 3; *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 24; ЖМНП. 1856. Ч, 93. Отд. VII. С. 77; РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 23. Л. 12, 59; Первая страничка из истории Полтавского института // Киевская старина. 1900. № 11. С. 287; Исторический очерк Павловского военного училища.... С. 38; Одесский вестник. 1836. № 34. С. 631; Одесский вестник. 1844. № 55. С. 271; *Захарченко М.М.* История Киевского института. С. 62; РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 35. Оренбургское девичье училище. Л. 196; РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 1615. Л. 9–10 об.; ПСЗ–2. Т. XV. Отд. 1. СПб., 1841. С. 179; *Николаев П.* Исторический очерк московского Николаевского Сиротского института. С. 39; Исторический очерк Тамбовского Александринского института благородных девиц. С. 68; *Авенариус Н.П.* Исторический очерк Белостокского института благородных девиц. С. 12; РГИА. Ф. 759. Оп. 4. Д. 876. Казанский Родионовский институт. Л. 46–48 об.; *Теодорович Н.И.* История Саратовского Мариинского института благородных девиц. С. 35.

Год основания	Институты (училища)	год / число воспитанниц	1828 / число воспитанниц	1853 / число воспитанниц
1813	Патриотический	1813 г. 24	109	270*
1819	Полтавский	1819 г. 80	108*	172*
1825	Моск. Елизаветинское	—	66*	189*
1829	Одесский	1829 / 79; 1836 / 92	1844 / 140	169*
1831	Моск. Александринский Сиротский	1831 г. 150*		340[414]
1832	Оренбургский	1832 / 50		40*
1834	Пб. Александринский Сиротский (с 1840 г. женское отд.)	—	210*	340*
1834	Киевский	1834 / 20; 1838 / 40	1848 / 114	175*
1835	Керченский	1835 г. 30*		88*
1837	Пб. Сиротский	1838 г. 552	1845 г. 704	772
1837	Моск. Сиротский	1837 г. 152	1845 г. 394	698
1837 (1841)	Белостокский	—	1841 г. 24	90*
1837 (1841)	Казанский	—	52	124*
1840	Закавказский	—	1840 г. 80	108*
1840	Варшавский	—	1840 г. 200	200[415]
1841 (1845)	Иркутский	—	70[416]	90*

[414] Обозрение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. С. 129. Цифры в разных изданиях различаются, поэтому требуется основательная их сверка. В публикациях отчетов постоянно наблюдается некоторые расхождения в количестве воспитанниц (см., напр. отчеты, опубл. в: Журнал министерства внутренних дел. 1844. Ч. 5. С. 362; Русский вестник. 1842. № 2). Причиной такой разницы может служить то, что данные приводятся иногда на начало года, то на его конец, а иногда вместо реального количества приводится официально объявленное число вакансий.

[415] Обозрение учреждений имп. Марии в 25-летие с 1828 по 1853 г. С. 130.

[416] Цифра обозначает не реальное число учащихся, а установленный штатом комплект: см.: *Лихачева Е.О.* Материалы… С. 29. Как правило, число институток превышало объявленный комплект (кроме 1860-х гг.).

Год основания	Институты (училища)	год / число воспитанниц	1828 / число воспитанниц	1853 / число воспитанниц
1841	Училище принцессы Терезии Ольденбургской			
1843	Тамбовский	—	60	78*
1852	Донской	—	—	42*
1852	Нижегородский	—	—	31*
1854	Саратовский	—	—	22
1854 (1820)	училище св. Елены	—	—	1854 г. 150

Указывалось, что в год смерти императрицы Марии Федоровны в женских институтах училось 2157 девиц. В 1853 г., к концу правления Николая I, в институтах (по неполным данным) училось 5752 воспитанницы. Таким образом, за четверть века численность учащихся в женских институтах увеличилось по крайней мере в 2,6 раза. Относительно всей численности женского населения России эта цифра, казалось бы, представляет каплю в море. Однако в первую половину XIX в. большинство детей получали домашнее, а не «общественное»[417] образование. Это касалось и мальчиков: как указывает П.А. Зайончковский, из 55 членов Государственного совета 38 получили домашнее образование, которое, по мнению исследователя, «значительно уступало систематическому курсу гимназии»[418], т.е. эти государственные мужи не получили даже среднего образования.

Допустим ли, является ли историчным в данном случае прямолинейный «количественный» подход? Готово ли было общественное сознание к широкому распространению среднего женского образования, какие социальные слои русского общества и в какой мере были способны воспринимать и воспроизводить его, пользоваться его плодами, включать в свою ткань

[417] *Общественным* в литературе тех лет именовали государственное образование в противовес домашнему.

[418] *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 131.

образованную женщину в качестве «сопутницы мужчины» (Н.И. Пирогов) или работницы? Каким было соотношение между мужчинами и женщинами, имеющими среднее образование? Именно с этой точки зрения следует оценивать распространение женского институтского образования.

Отношение общества к институтам общества на протяжении всей их истории было двойственным. С одной стороны, увеличивалось число желающих отдать своих дочерей в институты, прежде всего, разумеется, на казенные вакансии и благотворительные стипендии. Но с другой стороны, женщины, получившие образование, встречали неоднозначное отношение в обществе. Менталитет купечества не позволял отпускать девочек на учение «на сторону», в чужие руки, и даже во второй половине XIX в. в зажиточных купеческих семьях часто предпочитали домашнее обучение для своих дочерей, и не спешили их помещать не то что в закрытые институты, но даже в гимназии. Во многие губернские институты дочери купцов I–II гильдий допускались, но этой возможностью долгое время купеческое сословие почти не пользовалось. Востребованность обществом женского образования было обязательным условием его дальнейшего распространения. Без участия общества дальнейшее развитие женских учебных заведений было затруднено.

Число учащихся в мужских средних учебных заведениях Министерства народного просвещения в 1851/52 г. составляло 21210 человек[419]. В кадетских корпусах в 1850 г. училось 8104 человек[420]. Таким образом, на 29314 мальчиков, получавших среднее образование в государственной школе в самом нача-

---

[419] Сравнительные ведомости о состоянии учебных заведений Министерства народного просвещения за 1851 и 1852 гг. // ЖМНП. 1853. Ч. 78. Отд. III. С. 74.

[420] Краткий отчет о положении и ходе военно-учебных заведений в 25-летнее царствование государя императора. СПб., 1850. С. 2. По всей видимости, в эту цифру не включены еще около 200 человек — воспитанников Пажеского корпуса, Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

ле 1850-х гг. приходилось 5752 воспитанницы женских институтов, что составляет соотношение один к пяти, почти 20 % девочек среди учеников средней школы. Цифры неполные[421], однако по ним по крайней мере можно судить о примерном соотношении мужчин и женщин, получавших государственное среднее образование. Для доиндустриального общества с жестко определенным положением женщины в его лоне, когда многократно преобладало женское домашнее обучение над «общественным», подобное соотношение свидетельствует о значительном развитии среднего женского образования. Достигнут этот результат мог только благодаря государственной политике, которая последовательно реализовывалась на протяжении без малого сотни лет.

Институтки за стенами своей alma mater нередко чувствовали себя белыми воронами. На это обращали внимание составители юбилейного очерка Екатерининского института: «Не только в 30-х годах, но и долго потом женщина, образование которой было хоть сколько-нибудь выше общего для женщин уровня, должна была скрывать свои знания, как бы скромны они ни были, чтобы не прослыть “синим чулком”…Женские институты в 40-х годах считались рассадниками не среднего, а высшего образования, и в обществе, особенно в глухих городах провинции, институтки являлись главными и почти единственными тогда представительницами женского образования»[422]. Особенно недоброжелательными могли быть женщины. Профессор А.В. Никитенко описал в своем дневнике встречу

---

[421] Помимо неполноты или неточности данных, приводимых в разных источниках, в это число не входят учащиеся специальных, духовных и частных учебных заведений, мужских и женских. Примерно то же соотношение учащихся мужского и женского пола разного уровня учебных заведений разной подведомственности по восьми губерниям приводит в своем исследовании А. Воронов (*Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г. С. 284).

[422] Московское училище ордена св. Екатерины. С. 82, 84.

со своей бывшей воспитанницей в далеком Петрозаводске: «Она до слёз мне обрадовалась: грустно живется ей здесь. Она очень одинока. Прочие девицы называют ее в насмешку “ученою” и распускают на ее счет разные сплетни в отмщение за ее нравственное превосходство над ними»[423].

В одном из писем к родителям И.С. Аксаков упоминает своего друга, случайно попавшего в «сельцо помещицы Луниной», где он увидел «бедную и грязную, ограниченную жизнь, старую помещицу в засаленном капоте», а рядом с ней — юную красавицу, «необыкновенную девушку», которая «осуждена, не знаю почему, на житье со старой теткой, в глуши, в бедности, без книг и без общества. А между тем, эта молодая девушка воспитывалась в Смольном монастыре. Положение ужасное!». Девушка обрадовалась возможности поговорить с пришедшим «хоть о чем-нибудь». Молодой человек «был так растроган ее положением, что на другое утро решился уйти не простясь», а затем прислал ей почтой стихи[424]. В этом рассказе молодая девушка напоминает крепостного, который по прихоти барина стал образованным человеком, а потом за какую-то провинность был отправлен влачить свои дни на конюшню.

Почти полвека назад императрица Мария Федоровна как будто предвидела подобную ситуацию. Она писала, имея в виду воспитанниц Смольного: «Многим из них придется жить в деревне среди малообразованных людей, в уединении, надобно, чтобы они были к этому готовы и умели ужиться с каждым честным человеком… Но, украшая и укрепляя дух их, необходимо развивать их ум и любовь к труду, чтобы они всегда имели ресурс в самих себе. Главная задача воспитания состоит в уменье научить их находить источник нравственных наслаждений в самих себе и вокруг себя» (1802 г.)[425]. Но легко ли было выполнить подобное вполне разумное пожелание?..

---

[423] *Никитенко А.В.* Моя повесть о себе самом… Т. 1. С. 248–249.

[424] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. Письма 1839–1848 гг. М., 1888. С. 376.

[425] Цит. по: *Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна... С. 3.

Постепенно отношение в обществе к образованию женщины менялось. Одно из свидетельств тому — публикация в газете, где женский институт назван «приютом, где получили они [институтки] *лучшее в своей жизни* — образование»[426]. Автор очерков по истории женских институтов М.М. Захарченко писал: «…институтка-мать передавала детям свои культурные инстинкты и потребности, и незаметно, мало-помалу, в той самой среде, которая ее высмеивала, совершала свою цивилизаторскую миссию… Это добро не так легко поддается внешней оценке, так как оно незаметно и постепенно, капля по капле, разливается по всем изгибам нашей общественной и семейной жизни; но суммируясь, оно несомненно составляет громадную культурную силу, которую достойным образом и оценивает история»[427]. Подтверждением этой мысли служат слова, сказанные институткой о ее товарках, которые «вполне исполнили свое назначение, одни как прекрасные жены и матери, другие как незаменимые труженицы на педагогическом поприще, третьи как общественные деятельницы», и о самой себе: «все то, что мне удалось сделать… все это я всецело отношу влиянию института, тому, что он дал, чему научил меня»[428].

Провозглашение *лучшим* в жизни женщины полученное ею *образование* знаменует серьезный сдвиг в общественном сознании. Но таких сигналов в первой половине 1850-х гг. было еще немного.

---

[426] Юбилей в Екатерининском институте // Московские губернские ведомости. 1853. № 8. Отд. II. Ч. неофиц. С. 81. Курсив мой. — *В.П.*

[427] *Захарченко М.М.* История Киевского института благородных девиц. С. 160–161. *Захарченко* Михаил Моисеевич, выпускник имп. университета св. Владимира в Киеве. Преподаватель русского языка и словесности с 1884 г., инспектор классов Киевского, с 1896 г. — петербургского Александровского институтов (ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14521).

[428] *Лазарева А.* Воспоминания воспитанницы Патриотического института дореформенного времени // Русская старина. 1914. № 8. С. 247–248.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В екатерининскую эпоху народное просвещение являлось важным направлением государственной политики. Екатерина II и ее сподвижники строили планы общественного переустройства с помощью образования. В условиях ускоренной модернизации русскому обществу следовало освоить огромный объем накопленных европейской цивилизацией пластов культуры, формируя собственную «новую» светскую культуру, причем сделать это в кратчайшие сроки. Екатерина II, одна из образованнейших женщин эпохи, хорошо понимала истину: какова мать — таково и общество. А, следовательно, неотъемлемой частью разрабатываемой программы просвещения общества становилось женское образование. Большинство детей училось дома, и их первоначальное воспитание и образование всецело зависело от матери.

В 1764 г. был основан первый русский женский институт — Воспитательное общество благородных девиц, а годом позже — его Мещанское отделение. Известное под общим названием Смольного института, учебное заведение стало основой для созидания системы женского среднего образования в России. Смольный институт учреждался в форме интерната — закрытого института, поскольку «новую породу людей» следовало воспитывать с самого раннего возраста в отрыве от традиционной среды.

Порожденные Просвещением проекты, которые имели в виду возможно быстрые преобразования, имели во многом утопический характер, и не все они могли быть реализованы, поскольку для их осуществления недоставало объективных предпосылок. Во многом они опережали свое время. Женский институт появился, когда не существовало не только опыта государственной женской школы, но и не был наработан достаточный опыт школы мужской. Этот новый тип женской школы создавался как аналог и необходимое дополнение школы мужской — Сухопутного кадетского корпуса, и не случайно общеобразовательная часть их учебных программ во многом совпадала. Предписанные Уставом учебные предметы и в кадетском корпусе, и в женском институте первые десятилетия

не преподавались в полной мере. И неудивительно, ведь учебные программы составлялись умозрительно, исходя из просветительских идей XVIII в., без опоры на практику, без понимания того, какие именно дисциплины должны быть в учебном плане школы. Кроме того, уровень академической и зависящей от нее школьной науки, неразработанность педагогики, методик, отсутствие подготовленных преподавательских кадров, учебной литературы и пособий во второй половине XVIII в. делали полную их реализацию невозможной. Таким образом, обозначенная Уставом учебная программа по большей части являлась заявкой на будущее. Значительную часть времени отнимали занятия «искусствами»: музыка, танцы, театральные и балетные постановки, рукоделия разного рода. Очевидно, что курс обучения в Смольном институте был направлен не на *образование*, а *просвещение*: девочкам предписывалось осваивать современные европейские культурные нормы светского общежития — осмысленный разумный досуг, любезность и приличное обхождение, умение поддерживать беседу, привычка к чтению.

Новый этап в жизни Смольного института настал в 1782 г., с началом работы Комиссии по учреждению в России народных училищ. Одним из направлений работы Комиссии стало реформирование учебной части женского института. Была подготовлена новая учебная программа, составители которой пытались устранить один из важнейших пороков прежней — недостаточное внимание к родному языку. Однако в те годы эту задачу решить не удалось, поскольку большинство учителей были иностранцами и вести преподавание всех предметов на русском языке было невозможно. К тому же сложность представляли неразработанность русского языка («орфографическая анархия»). Не только научные понятия, но и многие речевые обороты и русскоязычные термины находились в стадии формирования, язык учебников был тяжеловесен и сложен для понимания и запоминания. Кроме того, первенствующий статус в системе воспитания дворянского недоросля занимал французский язык, и важнейшим показателем успешности учения являлось хорошее владение французским языком. По-

этому во всех привилегированных учебных заведениях того времени одной из важнейших задач было обучение именно французскому языку — языку культурного общения.

По предписанию Комиссии в Смольном институте, как и других учебных заведениях, вводились новые методы обучения, причем особый упор делался на наглядность («буквенный» и «табличный» методы, а также «катехизация»). Действительное их внедрение было делом будущего, однако первый шаг был сделан. Важное значение имело учреждение должности инспектора классов, который играл ключевую роль в постоянном наблюдении за ходом учебного дела — преподаванием учителей, выполнением программ, снабжением учебниками и учебными пособиями, подготовкой предложений по улучшению преподавания. Контроль «сверху» за ходом реформирования института осуществлял по решению Комиссии один из ее членов (впоследствии эту задачу исполнял член Совета института по учебной части). Комиссия провела частичную ротацию преподавательского состава Смольного института, когда значительно было сокращено число малоподходящих для этой роли иностранок. В эти же годы в институте появляются первые преподавательницы — выпускницы Мещанского отделения. Важнейшим направлением деятельности Комиссии являлись ускоренное обучение учителей и подготовка новых учебников (по большей части переводных), однако плодов этой работы приходилось ждать еще долго.

Дальнейший ход развития русского женского образования был предопределен прежде всего тем, что его фундамент был заложен именно во второй половине XVIII в., во время расцвета эпохи Просвещения, причем вся работа по его построению велась под эгидой самой императрицы Екатерины II, одной из самых образованных женщин того времени. Благодаря этим обстоятельствам женское образование, включавшее в целом тот же набор учебных дисциплин, что и в мужской общеобразовательной школе, изначально получило в России широкий общеобразовательный характер.

После смерти Екатерины II Смольный институт перешел в ведение супруги нового императора Павла I — Марии Федоровны.

Если до этого деятельность института контролировалась, как и остальная образовательная сфера государства, Комиссией по учреждению народных училищ, теперь же его будущее всецело зависело от воли императрицы. Личную роль Марии Федоровны в становлении женского образования в России трудно переоценить. Благодаря ее энергии и неустанному труду получили прочную основу женские учебные заведения — от материальной базы, включая финансовое обеспечение, до правильного бытового устройства и регулярной практики обновления учебной части.

Институты, за немногими исключениями, основывались «сверху». Однако и те, что были открыты благодаря общественной инициативе, скоро переходили под покровительство императорской фамилии, поскольку их содержание обходилось слишком дорого. Чтобы воплотить в жизнь задуманное некогда Екатериной II и ее сподвижниками, потребовалась долгая кропотливая работа, постоянное наблюдение за исполнением выработанных правил, новых, непривычных и оттого туго приживавшихся культурных норм, необходимых для успешного функционирования такого многопрофильного заведения, как учебно-воспитательный интернат.

Приняв Смольный институт под свое начало, императрица Мария Федоровна сразу же приступила к его преобразованию. Возраст поступающих в институты детей был повышен в соответствии с принципом И.-Г. Песталоцци «возвратить детей их матерям»: императрица была уверена, что отлучать детей от семьи вредно, поскольку это навсегда отторгает их от родных. Тем самым срок обучения был сокращен с 12 до девяти лет, что, в то же время, позволило принимать большее количество девочек. Если число уроков и их продолжительность для «благородных» учениц Воспитательного общества было увеличено, то в Мещанском отделении, напротив, учебная программа была сокращена: его питомицы, по мысли императрицы, должны были быть воспитаны хорошо, но никак не выше необходимого их положению уровня. Учебному курсу Мещанского отделения старались придать практический характер, однако очень скоро стало очевидным, что сокращенная про-

грамма противоречит цели создания училища — целенаправленной подготовки будущих наставниц. Поэтому вскоре учебную программу Мещанского училища пришлось пересматривать и расширять.

При императрице Марии Федоровне было открыто девять женских институтов, отличавшихся друг от друга и способом учреждения, и социальным составом воспитанниц. Первое ее детище, Мариинский институт в Петербурге, как и открытый позже московский Александровский, по замыслу императрицы предназначались девочкам различных социальных слоев (от мещанок до небогатых дворянок), Патриотический и Павловский (последний был открыт уже после ее смерти) принимали дочерей военных, петербургский и московский Екатерининские институты — только дворянок, а петербургский и московский Дома Трудолюбия (впоследствии — Елизаветинские институты) — девиц «свободного состояния» (т.е., принадлежащих к неподатным сословиям). Сословный характер привилегированных учебных заведений, какими являлись институты, соответствовал социальной структуре общества того времени.

Становление институтов в качестве полноценных среднеобразовательных учебных заведений проходило неравномерно: институты, находившиеся в столицах или университетских городах, имели значительное преимущество перед другими, и там совершенствование учебной части шло быстрее и успешнее. Особенно повезло в этом отношении московскому Екатерининскому институту, в котором с самого его основания инспекторами классов и учителями служило немало университетских преподавателей.

По распоряжению Марии Федоровны, заявившей, что хорошо учить — «это главная и первая наша обязанность», на протяжении 1815–1820-х гг. были предприняты еще два серьезных преобразования институтской учебной части. Для ее усовершенствования было учреждено Особое совещание, рассматривавшее меры по правильной организации обучения, составлены инструкции, адресованные начальницам, инспекторам классов, классным дамам.

Особое внимание уделялось подбору преподавательских кадров, ведь, как указывала императрица, основным условием успешного учения является хороший учитель. Примерно с 1820-х гг. русская школа начинает все более пополняться отечественными профессиональными педагогами — выпускниками российских университетов, Главного педагогического института, хотя их число по-прежнему было ограниченным и крайне недостаточным. Подходящую кандидатуру нанимали на испытательный срок, и лишь по его завершении принималось решение о зачислении учителя на постоянную службу, условия которой были улучшены: повышено жалованье, с 1815 г. установлено пенсионное обеспечение.

Поскольку поступавшие в институт девочки значительно различались по своей подготовке, способностям, а также мотивировке к учению, было принято решение о введении в одном классе разных отделений — для сильнейших, средних и слабых учениц. Усложнившаяся учебная программа требовала, чтобы малоспособные девочки не мешали углубленному учению отличниц. При этом исключение из института грозило воспитанницам лишь в самых крайних случаях, и учителям приходилось заниматься и с самыми неспособными и ленивыми из них.

Новые учебные программы, как и прежде, уделявшие особое внимание изучению языков, включали использование методических приемов, предложенных некогда еще Комиссией Завадовского. Помимо наглядных приемов изучения грамматики, использовался сравнительный метод — переводы с одного языка на другой, для чего привлекались сочинения лучших писателей, в том числе только что вышедшая «История» Н.М. Карамзина. Инструкции инспекторам классов и учителям предписывали не переходить к изучению нового материала прежде твердого усвоения пройденного. Труднее было выполнить это многократно повторявшееся требование добиваться осмысленного изучения предмета и избегать «зазубривания наизусть»: нехватка квалифицированных педагогов, хороших учебников, да и закрепившийся во всех учебных заве-

дениях того времени обычай препятствовали этому. Часть предметов преподавались на иностранных языках, поскольку свободное владение французским и немецким языками считалось приоритетным (к тому же сказывалась нехватка русскоязычных преподавателей). Однако подобная практика оборачивалась сложностями, особенно при изучении таких учебных дисциплин, как физика и естественная история. Большое внимание уделялось изучению русского языка и словесности. Поэтому, помимо знания иностранных языков, институтки отличались своими познаниями и в отечественном, особенно в сравнении с дамами петербургского и московского света.

Регулярная строгая проверка знаний учениц проводилась в ходе «частных» экзаменов при переводе из одного класса в другой и при выпуске из учебного заведения.

Проводившиеся наряду с частными, публичные экзамены имели важное значение для демонстрации успехов воспитанников всех привилегированных учебных заведений той эпохи. Они становились общественно значимым мероприятием и привлекали значительное число «ревнителей просвещения», как в столицах, так и в провинции. Публичные экзамены являлись своего рода спектаклем, в котором играли лучшие актеры, тщательно разучившие заранее распределенные роли. Подобные торжественные публичные экзамены в присутствии множества зрителей устраивались и в женских институтах.

Большому числу детей, которые оставались сиротами после войн и эпидемий, можно было помочь устроить жизнь одним способом — дать им достойное образование. Множество дворянских семей не располагало средствами, чтобы самим дать надлежащее воспитание своим дочерям, так как частная и общественная деятельность в образовательной сфере была слишком невелика. Вся тяжесть решения этой проблемы ложилась на государство, которое прежде всего стремилось поддерживать свою социальную опору — служилое дворянство. Именно для дочерей военных и гражданских чиновников

предназначались казенные вакансии в институтах, спрос на которые неуклонно возрастал. Недостаток материальных средств, ограниченность числа мест приводил к тому, что институты, первоначально предназначавшиеся для воспитанниц-«мещанок», постепенно начинали выдвигать более строгие требования к социальному статусу поступающих.

Показательна история Домов Трудолюбия в Москве и Петербурге, учрежденных благодаря частной инициативе в качестве благотворительных учебных заведений, готовивших своих подопечных к трудовому будущему. Первоначально центральное место в обучении занимали различные женские рукоделия, но постепенно учебная программа менялась, принимая все более научный характер. Дома Трудолюбия были преобразованы в Елизаветинские училища, изменилась и цель обучения их воспитанниц — отныне здесь готовили не мастериц-рукодельниц, но будущих наставниц. Тем из институток, которые не нуждались в заработке, предстояло в будущем заниматься воспитанием младших братьев и сестер, учить собственных детей.

Социализация воспитанниц являлась важнейшей задачей женских институтов, которые были не только учебно-воспитательными, но и благотворительными учебными заведениями. Первоначально поставленная перед женским образованием Екатериной II задача — воспитать *новую* мать, уже в начале XIX в. была усложнена. Институты стали готовить наставниц — гувернанток, учительниц, классных дам, для которых нужен был более высокий уровень образования. В знающих наставницах нуждалось множество семей, вынужденных нанимать в гувернантки иностранок, зачастую совершенно непригодных для этой роли. В 1802 г. императрица Мария Федоровна учредила в Смольном институте пепиньер — первые классы, дававшие педагогическую подготовку. Пепиньерок отбирали из числа сирот или девочек-бесприданниц, которые отличались своими способностями, прилежанием и примерным поведением.

Со временем пепиньерские классы стали открываться и в других институтах, поскольку все более отчетливо осознава-

лась необходимость правильно поставленной педагогической подготовки все большего числа гувернанток и учительниц. Прежде всего специальные педагогические классы открывались в институтах обеих столиц, где их легче было организовать и где в них существовала наибольшая потребность, ведь именно в столичных институтах благодаря значительному числу казенных вакансий и благотворительных стипендий училось наибольшее число бедных детей и сирот со всех концов Российской империи.

Итогом деятельности императрицы Марии Федоровны явилась сформировавшаяся в русской культуре традиция, недавно еще казавшаяся невообразимой — отдавать своих малолетних дочерей на воспитание на долгие годы в чужие люди. После смерти Марии Федоровны в 1828 г. патронируемые ею женские учебные заведения получили свою институализацию — для управления ими был учрежден особый административный орган, что произошло всего спустя четверть века после учреждения Министерства народного просвещения. Управление и контроль за деятельностью женских учебных заведений поднялись на новый уровень.

В 1830-е гг. происходит серьезная ротация преподавательских кадров: в женские институты приходит новое поколение учителей, имеющих специальное педагогическое образование, — выпускников университетов, Главного педагогического института, Духовных академий. Многие инспектора классов прошли через заграничные стажировки, изучали педагогическую практику и методики преподавания в немецких и швейцарских школах. Педагогический состав женских институтов не уступал лучшим средним мужским заведениям, что во многом явилось заслугой министра народного просвещения С.С. Уварова. Благодаря этому учебное дело в институтах было поставлено на поистине научную основу.

Круг полномочий инспекторов классов был расширен, однако их деятельность по-прежнему находилась в зависимости от члена Совета института по учебной части и начальницы. Последней, помимо распорядительной власти над нравственным и физическим воспитанием девиц, предписывалось

осуществлять «неослабный присмотр» за учебными занятиями. Важным новшеством стало введение регулярных учительских конференций — обсуждений всех сторон учебного процесса, в котором принимали участие все учителя института.

Благодаря повышению уровня квалификации преподавательских кадров эти годы стали временем активной разработки и апробации новых методик преподавания. В свою очередь, усложнение учебных программ потребовало от поступавших в институты девочек более серьезной предварительной подготовки. Поскольку многие семьи ее обеспечить не могли, то в институтах учреждались специальные подготовительные классы. Была усовершенствована аттестационная система: вводились экзаменационные билеты и балльная шкала, выдавались содержательные свидетельства о прохождении учебного курса. Фиксация успехов выпускниц была особенно необходима тем из институток, которым предстояло поступать на службу в качестве наставниц — классных дам, учительниц, гувернанток.

Наилучшим образом, по сравнению с другими учебными заведениями, в институтах традиционно было поставлено изучение новых языков — французского и немецкого. На них отводилось наибольшее число учебных часов, к тому же институтки постоянно упражнялись в устном французском и немецком языках в течение дня. Кроме того, они изучали историю литературы на трех языках («словесность»). Постановка остальных дисциплин, имевших меньшую важность в образовании девиц, особенно физики и естественной истории, всецело зависела от взглядов руководства каждого института и личности преподавателя. В целом в институтском преподавании находили отражение общие недостатки школы того времени — зубрежка, нехватка или отсутствие хороших учебников и учебных пособий, неразработанность педагогической теории и практики и рутина в преподавании.

Тем не менее, постепенное улучшение постановки учебного дела позволило Мариинскому ведомству в 1840-х гг. возбудить вопрос о его унификации. Успешное функционирование такого сложного организма, как женский учебно-воспита-

тельный интернат, требовало соблюдения дисциплины, регламентации повседневных практик, четкого разграничения полномочий ответственных лиц. Необходимо было преодолеть существовавший в институтах разнобой, выработать общие для всех учебные табели, программы и расписание. По примеру кадетских корпусов, для управления женскими учебными заведениями создавался Главный совет, непременным членом которого являлся министр народного просвещения, а для непосредственного руководства учебной частью — Учебный комитет. Тогда же началась подготовка Устава, общего для всех женских учебных заведений. Эта работа заняла десять лет.

Казенные места в каждом из институтов предназначались прежде всего сиротам, полусиротам и дочерям «недостаточных» родителей из тех сословий, для которых эти институты и были в свое время открыты. Процент бесплатных вакансий, а также благотворительных стипендий, позволявших беднейшим учиться в институтах, как в учебно-*благотворительных* заведениях, был довольно значительным. Воспитание детей военных и гражданских чиновников в необходимом государству духе укрепляло связь монархии с ее социальной базой, когда, как принято было говорить, «в детях награждалась долговременная и полезная служба отцов».

В николаевскую эпоху цель, некогда поставленная императрицей Марией, — давать подготовку дочерям небогатых дворян, которая позволяла бы им в дальнейшем заработать на жизнь, — стала еще более насущной. Если в начале XIX в. желающих учиться в пепиньерских классах было совсем немного, то спустя два-три десятилетия картина кардинально меняется. Все большему числу женщин требовалось хорошее образование, которое обеспечивало бы им заработок. Предполагалось, что учебная программа институтов I разряда, предназначенных для дочерей наиболее привилегированных слоев, должна быть более обширной. Прочие девицы, поступавшие в институты рангом пониже, могли, казалось бы, довольствоваться более скромным образованием. Однако парадокс

состоял в том, что девочек из необеспеченных семей ожидала трудовая жизнь, а при том, что дворянкам не пристало заниматься физическим трудом, им оставалась по большей части педагогическая сфера. Но, чтобы труд выпускницы института — гувернантки или учительницы — был востребован, в женских институтах, являвшихся по своей сути учебно-*благотворительными* учреждениями, воспитанницам следовало давать серьезную подготовку. Эта двойственность сословного подхода к образованию весьма выразительно зафиксирована формулировкой ведомственного документа: «образование свыше состояния, по мнению Комитета вредно, но иногда это бывает и полезно, ибо служит источником благосостояния воспитанниц… доставляя им во всех переменах судьбы верный способ к существованию». Поэтому учебная программа, разработанная для институтов I и II разряда различалась незначительно, а программа Сиротских институтов, отнесенных к разряду специальных учебных заведений, и вовсе не уступала самой обширной программе Воспитательного общества благородных девиц.

В 1852 г. было составлено «Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений», автором которого являлся внук императрицы Марии Федоровны и глава Мариинского ведомства принц Петр Георгиевич Ольденбургский. «Наставление» явилось первым документом, прямо адресованным всем женским учебным заведениям Ведомства учреждений императрицы Марии. Оно содержало общую концепцию идеологии женского воспитания и образования и комментарии к программам учебных предметов.

В 1855 г., уже после смерти императора Николая I, был подписан Устав женских учебных заведений, ставший первым подобным документом в мировой практике. Уставом закреплялись положения, которыми отныне должны были руководствоваться женские учебные заведения в учебной, воспитательной и бытовой частях, определялись способы их содержания, утверждались штаты учебно-воспитательного и служебного персонала, их оклады и пр. Принявшие силу закона

нормы и правила способствовали устойчивости женской образовательной системы, обеспечивали обязательный для всех институтов общий уровень учебной подготовки. В то же время ход развития институтского образования не был линейным, и в первой половине 1850-х гг. женские институты, как и вся школьная система России, переживали явную стагнацию (так называемое «мрачное семилетие» николаевского царствования). Особенно это отразилось на Смольном институте, для которого традиционная близость к императорскому Двору обернулась консервацией организационных форм, давно уже переживших свой век.

*****

Подводя итоги, можно утверждать, что на протяжении всего существования институтов постановка учебного дела выстраивалась в соответствии с поставленными перед ними задачами. Здесь постоянно велась работа над учебными программами: каждые 15–20 лет они обсуждались, пересматривались, вводились новые дисциплины, менялось их содержание. Это поступательное движение шло по крайней мере до начала 1850-х гг. При этом сохранялась устойчивость бытовых повседневных норм, установленных императрицей Марией Федоровной: суровая дисциплина, неукоснительность повседневного расписания, строгое соблюдение мер гигиены, и пр. Обязательное следование установленным правилам создавало ощущение неизменности институтской жизни: традиционные внешние формы и приемы заслоняли динамику перемен учебной части, которая была неочевидна как для постороннего глаза, так нередко и для самих институток, пребывание которых в стенах своей alma mater было ограничено несколькими годами учения.

Вплоть до середины XIX в. совершенствование учебной части женских институтов шло вровень с развитием педагогической науки в Росссии. Образование, которое получали институтки, было, как правило, намного шире того, которым обладали выпускницы пансионов или учившиеся дома девушки.

Отдельные примеры превосходной домашней подготовки или отлично поставленного пансиона оставались исключениями перед системой институтского образования: как говорят инженеры, «система бьет класс».

Перемены в постановке учебного дела в женских институтов проходили одновременно с аналогичными процессами в средней мужской школе. Однако содержание институтской учебной программы не могло не отличаться от учебных программ кадетских корпусов и мужских гимназий. Воспитанниц институтов ждало иное будущее — к нему их и готовили. Мальчикам предстояла государственная служба, девочкам — воспитание детей, своих или чужих. Институтская программа в соответствии с этим была ориентирована преимущественно на гуманитарную составляющую — важнейшими из «наук» в ней были языки и литература, история и география, а также «искусства» — музыка и рукоделие. Уровень преподавания важнейших институтских «наук» не уступал, а порой и превосходил постановку «наук» в мужской школе.

На протяжении почти сотни лет институты являлись высшим типом женского учебного заведения, служившим образцом для других школ, воспринимавших как сущностные, так и формальные институтские черты. Закрытые женские институты-интернаты оказались подходящей формой учебного заведения для разнокультурной, разноэтнической, разноконфессиональной империи. В институты поступали девочки разных социальных слоев, уровня доходов, степени подготовки, да и в будущем их ожидала разная судьба. Однако общие учебные программы, единые принципы воспитания и повседневного уклада вырабатывали особый культурный женский тип. Выпускницы институтов, разъезжаясь в разные стороны обширной малонаселенной страны, выступали в предназначенной им роли просвещенной матери и квалифицированной наставницы, воспитывающей новые поколения, и тем самым обеспечивали преемственность общего культурного кода, укрепляющего единство государства и общества.

Институты, год за годом выпуская в свет образованных девушек, — просвещенных матерей, подготовленных гувернан-

ток, классных дам и учительниц, — сделали привычной для русского общества государственную женскую школу. И таким образом подготовили расцвет средней женской школы в конце XIX — начале XX в., лучшим образцом которой явилась русская женская гимназия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авенариус Н.П. 289, 351, 429
Адищев В.И. 30, 34, 35
Адлерберг Ю.Ф. 191, 192, 219
Аксаков И.С. 434
Аксаков С.Т. 141
Аксенова О.В. 278
Александр I, имп. 154, 163, 166, 171, 173, 199, 222, 235, 276, 288
Александр II, имп. 213, 225, 397
Александра Николаевна, вел. кн. 238, 282, 299
Александра Федоровна, имп. 13, 52, 191, 234, 235, 238, 276, 282, 309, 313, 323, 330, 387, 395, 410
Алексеева О.В. 365
Алешинцев И.А. 59, 134, 189, 193, 205, 421
Алпатов Н.И. 351
Алымова Г.И. 83
Альбрехт А. 160
Алферова Д.А. 394
Аляева Н. 47
Анатолия, монахиня 75
Андреев А.Л. 67, 403
Аникиев А.С. 304, 416
Аникиева С.А. 56, 304
Анна Павловна, вел. кн. 270
Антонова О.А. 78
Аракчеев А.А. 173, 283, 327
Аранский В.С. 275
Армфельд А.О. 251, 252, 254, 284, 293, 306, 307, 344, 360
Армфельд Н.А. 306
Армфельт М. 356
Арсеньев К.И. 213, 218, 357
Артамонова Л.М. 30, 35, 94, 100, 101, 151, 152, 193,
Артемьева Т.В. 150
Архидьяконский М.Е. 361–363
Аурова Н.Н. 149, 291

Баграт Георгиевич, царевич 161
Бажанов, протопресвитер 409
Базедов И.Б. 217, 298, 299
Байков М.А. 317, 318
Байрон Дж. 366
Бакунин М.А. 352
Балобанова Е.В. 425
Балугьянский М.А. 187
Баранов М.Т. 104
Баранова Л.Т. 192
Баранова М.Т. 192
Бардовский А.Ф. 10, 175, 176, 231, 245, 309, 316, 322, 326, 334, 348, 405, 407, 410, 429
Басистов П.Е. 364
Баскова Л.Ю. 406
Баташова 282
Батюшков К.Н. 136, 285, 300, 363
Батюшкова С.Е. 132
Безобразова А.А. 80
Беккер К.-Ф. 305
Белинский В.Г. 11, 308, 366
Белкина Е.Е. 50
Белль Э. 298
Белова А.В. 22, 29, 49, 50, 90–92
Белокопытова 271–272
Белоусов А.Ф. 39, 46, 144, 270
Белынская М.Ф. 350
Белявский М.Т. 26
Беляев А.П. 147
Беляева Е.П. 147
Беляева С.П. 147
Бенедиктов В.Г. 300
Беньковская Т.Е. 50, 194
Бер И.С. 214, 322
Березовский И. 76
Бестужев-Рюмин К. 415
Бецкой И.И. 7, 27, 30, 61, 64, 66, 68, 70, 74, 77, 79, 90, 94–95, 97, 142, 144, 145, 185, 231
Бирон Е.К. 387
Бирон Л.К. 387
Бирюкова О.А. 30
Блек Дж. 28
Блудов Д.Н. 216
Блудова А.Д. 225
Бобринский А.Г. 56

Богданов А.П. 322
Богданов П.И. 170
Богданова Л.А. 14
Богданова М.А. 315
Боголюбов А.П. 241
Боголюбова А.Г. 242
Боголюбова Е.Г. 243
Боголюбов В.И. 223
Боголюбова Н.Г. 242
Бодренок А.Я. 162
Бокова В.М. 39, 54
Болдырев А.В. 170
Болотов А.Т. 78
Бопп Фр. 305
Борисов С.Б. 46
Боровиковский И.И. 315
Борщова Н.С. 83
Бочкарева О.А. 150
Бояренцев С.М. 315
Брандт Ф.Ф. 221, 310, 319–321
Брашман Н.Д. 259, 304, 326, 344
Брейткопф А.И. 164, 165
Брейткопф Ф.И. 165
Броневский Д.Б. 277
Брошар 78
Буало Н. 63, 236
Будюкина Н.Н. 350
Бурдье П. 153
Бурнашев В.П. 317
Бурнашева А.П. 317
Бурнашева С.П. 317
Буслаев Ф.И. 195
Буссе В.Ф. 302
Буссе Федор И. 297, 302, 368, 371
Буссе Франц И. 302, 413
Бутков И.Г. 315
Бутырский Н.И. 213
Быкова А.П. 301
Быкова В.П. 54, 56, 227, 264, 299, 300, 301, 357, 366, 389, 408
Быкова Е.П. 301
Быкова О.П. 301
Бюлер А.Е. 52
Бюлер Ф.А. 80, 132, 137
Вагнер В.А. 21, 104, 225, 226, 232
Вагнер Е.В. 359
Валькова О.А. 50, 306, 307
Вальштейн М.А., фон 83
Василевская А.П. 206
Василевская О.П. 206
Васильев А.И. 186
Васильева С.П. 33
Вахромеева О.Б. 33, 144, 270
Вдовин А. 311
Вегелин А.И. 316
Веймарн 172
Венгловский А. 155, 401
Вербицкая А.А. 178, 208, 363
Верещагин П. 350
Вержбилович В.В. 416
Веселовский И.С. 150
Вигель Ф.Ф. 238
Виельгорский М.Ю. 387
Вик К. 387
Вилламов Г.И. 212, 213, 227, 288, 319, 391
Висковатов В.И. 128, 141
Вистингаузен Л.Ф. 354
Витте С.Ю. 220, 357
Виттекер Ц.Х. 44, 346
Вишняков Н. 267
Владимирская Е.Г. 222, 246
Водовозов В.И. 312
Водовозова Е.Н. 42, 45, 70, 312
Вольмар Ф. 171, 172
Вольтер Ф.-М. 63, 64, 71
Вольфсон С.Я. 350
Вонлярлярский Е.П. 349
Воронов А. 101, 117, 119, 433
Воропанова М. 205, 360
Воскресенский Я.И. 207
Востоков А.Х. 324, 368
Вульф А.Г. 181
Выскочков Л.В. 286
Вышнеградский Н.А. 260, 261, 357
Вюртембергские Мария и София, принцессы 241
Вяземский П.А. 330
Вязмитинов С.К. 186
Гавриил, архиепископ 101

Гаврилова 176
Гаврюшин С.И. 31, 275, 277,
Галахов А.Д. 56, 136, 162, 249, 253, 258, 285, 305–307, 311, 312, 326, 342, 353, 355–357, 359, 362, 368, 380
Гартман С. 77
Гарулли В. 392
Гейм И.А. 166, 167, 169, 172, 198, 200
Георгиевский Г.П. 135, 162, 169, 180, 203, 233, 258, 342, 359, 393
Герасимова Л.В. 171
Герасимова Т.Н. 145
Герби А.П. 138
Герман К.Ф. 212, 217–219, 220, 294, 299
Гетманская Е.В. 351
Гика Е. 44
Гиргас Л.Ф. 56, 405
Гиргас О.Ф. 405
Гиргас С.Ф. 405
Глазырина О.В. 230
Глинка А.С. 92
Глинка М.И. 265, 266, 388
Глинка С.Н. 86, 91–92
Глинка С.С. 92
Гнедич Н.И. 285
Говард Дж. 77
Гоголь А.В. 309
Гоголь Е.В. 309
Гоголь Н.В. 56, 104, 307, 308, 309, 317, 357, 358, 363, 364, 411, 412
Голиков В.И. 302
Голицын А.Н. 218
Голицын Д.А. 61, 177
Голицын С.М. 136, 208, 251, 293
Голицына Т.В. 177, 393
Головин 282
Гольцев В.А. 23, 143
Гончаров И.А. 34, 239, 261
Гончаров М.А. 31
Гончарова Н.В. 194, 195
Горбунов И.Ф. 111
Грановский Т.Н. 380
Гребенкин А.Н. 336–338
Греков В.Ф. 339
Греч Н.И. 89, 196, 252, 312, 368
Григорьева Т.М. 105
Гримм А.Т. 239
Гримм Я. 305
Громова Д.А. 43
Грот К.Я. 213
Грот Н.П. 55, 91, 190, 221, 294, 304, 329, 365, 425, 426
Грот Я.К. 91, 190, 356, 426
Груздева Е.Н. 28, 250
Гугель Е.О. 367
Гулак-Артемовский П.П. 313, 361
Гуляева Т.В. 77
Гумбольдт В. 305
Гусева Ю.Е. 34
Гусевы 282

Дабижа В.Д. 248
Давыдов Д.В. 86
Давыдов И.И. 56, 304, 305, 344, 360
Давыдова А.И. 206, 207
Давыдова С.И. 207
Даль Е. 137
Данилевский Г.П. 182
Данилевский И.Н. 367
Данилевский М.Г. 310, 311
Данилова А.В. 47
Дараган А.М. 187, 371
Двигубский И.А. 226, 321, 322
Дежерандо Ж.-М. 245
Делош Н.П. 227
Делусто Т. 114
Демков М.И. 23, 95
Демченко Е.Н. 30
Ден А.П. 316
Денисьева А.Д. 192, 418.
Державин Г.Р. 91, 92, 147, 285, 352
Дессмет К.Я. 347
Дидло Р.Л. 389
Дидье П.И. 389
Диль А. 77
Длугач Р.В. 226,

Дмитриев И.И. 105, 186, 363
Дмитровская А.В. 306, 360
Днепров Э.Д. 33, 39–41, 150, 335, 390
Долгорукая А.С. 80
Долгоруков И.М. 56, 80, 132
Долгорукова В.С. 165
Донауров М.И. 186
Донаурова А. 149, 152
Донин А.Н. 278
Дорошевич В. 418
Дрейер Г. 77
Дризен Н.В. 63
Дубасов И.И. 271
Дунаева А.П. 49, 50
Дьякова А.А. 91, 92
Дьяченко Т.И. 30
Дютак И.И. 389–391
Дятлов В.А. 147

Евграфова Т.В. 153
Евреинов Н.Н. 134
Евреинова А.М. 307
Екатерина II, имп. 7, 13, 27, 28, 30, 37, 52, 60, 61, 64, 66, 68, 70, 71, 73, 78, 83, 90, 92, 94, 96, 108, 117, 120, 123, 142, 143, 145, 146, 151, 153, 185, 292, 414, 437, 439, 440, 444
Екатерина Михайловна, вел. кн. 245
Елена Павловна, вел. кн. 52, 157, 213, 229, 230, 233, 243, 245, 246, 319, 328, 399, 401
Елизавета Алексеевна, имп. 177, 282
Елизавета Михайловна, вел. кн. 213
Еропкина А.А. 83
Ефимова 306
Ешевская А.С. 415
Ешевская О.С. 415
Ешевский С.В. 415

Жилле Н.-Ф. 76
Жилле С.Н. 76
Жирар Ж.-Б. 298
Житомирская С.В. 29, 224
Жуковская Т.Н. 298
Жуковский В.А. 222, 260, 300, 309, 363, 372
Журавлев В.П. 104, 368

Завадовский П.В. 94, 114, 117, 121, 123, 131, 137, 163, 185, 225
Загоскин Н.П. 349
Зайончковский П.А. 42, 431
Закревская Е.Д. 245
Закревская Н.Д. 245
Закревский Д.А. 245
Залога М.В. 55, 190, 269, 286, 312, 357, 364, 382, 415
Засс С.И. 316
Захарченко М.М. 78, 255, 259, 260, 352, 373, 429, 435
Зеленецкий П. 195
Зеленская А. 78
Зеленский И. 76
Зима Т.Ю. 389
Зимин И.А. 361
Золотарев С.А. 23
Зонтаг А.П. 372
Зотова Л.М. 43
Зуева М.А. 50

Иваницкий П.И. 314
Иванишев Н.Д. 352
Иванов А.В. 368
Иванов В.А. 427
Игнатьева О. 172
Измайлов А.Е. 56, 235, 236, 239, 370
Измайлова А.А. 239
Измайлова Н.А. 239
Измайлова С.А. 239
Иконников В.С. 352
Ильенко М.И. 318
Истомина А.И. 390
Ишимова А.И. 57, 256, 371

Кайданов И.К. 198
Калайдович П.Ф. 214
Калачев А.В. 286, 340
Каленцова Т.В. 30, 31, 145,
Калинина Е.А. 154, 193, 278, 407

Каллаш В.В. 104, 368, 370
Каменская М.Ф. 266
Каминская Е.П. 334
Канатчикова В.И. 263
Канатчикова Е.И. 263
Канатчикова Т.И. 263
Капитуров В.Г. 373
Капнист В.В. 90, 91, 180
Капнист И.В. 180
Капнист С.В. 91, 315
Капнист-Скалон С.В. 93
Каптерев П.Ф. 40, 48, 143,
Карамзин Н.М. 105, 167, 196, 300, 329, 330, 442
Карамышев А.М. 48
Каратыгин П.А. 390
Карпова А.Я. 264
Карцов Н.С. 10, 11, 116, 157, 158, 160, 162, 165, 185, 203, 217, 221, 310, 328, 394
Карцова Е.Н. 11
Кацалова Н.Ф. 144
Кацауров Н.В. 253
Квитко-Основьяненко Г.Ф. 181, 332
Кеворкова Н.В. 27
Келли К. 145
Керн Е.Е. 388
Кибардина Т.А. 220
Кириак Т.П. 116, 118, 131, 188
Кирпичников А.И. 24
Кламмер А.Ф. 266
Кламмер В.Ф. 266
Кламмер Ю.Ф. 266
Климова А.А. 114, 115, 138
Клингер Ф.И. 186
Клингенберг К.Ф. 374
Клингер Ф.И. 186
Клобуцкий М.П. 361
Ключевский В.О. 85, 86, 88, 381
Княжнин Я.Б. 92
Княжнина А.Я. 92
Кобеко Д. 79
Ковалевская Н. 328, 392
Ковалевская С.В. 307
Козлов И.И. 300
Козьменко О.П. 33
Колосова Е.И. 250
Колпачева О.Ю. 144
Колчина Т.В. 303
Кольцов А.В. 363
Кольцова-Масальская Е.М. 44
Комарова А.А. 45
Комаровский Н.Е. 387
Коменский Я.А. 107, 225
Кондратьева Г.В. 414
Кононова Т.Б. 129
Константин Николаевич, вел. кн. 282
Константинов Н.А. 144, 153
Копьева О.П. 264
Корвин-Круковская А.В. 307
Корнель П. 223, 236
Короткова М.В. 50
Косетченкова Е.А. 41
Косинская А.И. 17
Косинская М.И. 17
Косинский М.И. 17
Костина Т.В. 298
Костомаров Н.И. 352
Котовская М.Г. 270
Кочубей В.П. 186
Кошелев А.И. 222
Кошелева О.Е. 50
Кошман Л.В. 59
Краснобаев Б.И. 67
Крафт Л.Ю. 171
Крейпен Д. 114, 115, 138
Креницкая М. 246, 247
Кропоткина Е.А. 415
Кругликова П. 270
Крылов И.А. 104, 224
Кудрявцев П.Н. 307, 357, 360, 381, 415
Кузнецова Н.И. 105, 106
Кузьмин К.В. 33
Куприянов И. 161
Курбанов В.С. 78
Курнан И.А. 303
Курсакова Е.Н. 207
Куторга С.С. 374

Кутузов М.И. 300
Кучина Е.М. 264
Кюхельбекер В.К. 165
Кюхельбекер Ю.К. 165

Лабзина Е.А. 48
Лавров П.Л. 16
Лазарева А.В. 291, 382, 410, 415, 435
Лалаев М.С. 169, 211, 280
Ламбрускини Р. 245
Ланкастер Дж. 298
Лансдорф 270
Ланские 230
Лаппо-Данилевский А.С. 95
Лапчинская В.П. 275
Лапшин В.И. 361
Латышина Д.И. 29
Лафон С. 80
Лебедев П.А. 305
Левашова Е.В. 398
Левенштейн Л.А. 415
Левицкая Ф. 395
Левшина А.П. 83
Лейбов Р. 311
Леонтьева М.П. 62, 242, 299, 405
Лермонтов М.Ю. 104, 136, 307, 412
Лескина С.В. 267
Линней К. 226, 319
Линниченко А.И. 352
Лисицына О.И. 49, 55, 250,
Лист Ф. 387
Листовский И.С. 121
Лихачева Е.И. 16–19, 40, 53, 62, 66, 68, 70, 75, 84, 89, 90, 96, 115, 117–121, 128, 129, 132, 133, 139, 140, 143, 154, 164, 171, 176, 181, 182, 196, 200, 203, 206, 210, 212, 213, 215, 217–219, 223, 227, 251, 264, 265, 276, 280, 289, 293, 307, 313–315, 335, 346, 349, 353, 358, 360, 363, 380, 427, 430
Лобачевские 148
Лодий П.Д. 164, 187, 188, 194, 197, 202–204, 219, 354
Локк Дж. 70
Ломан Е.Л. 11
Ломоносов М.В. 88, 104
Лонгинов Н.М. 117, 348
Лотман Ю.М. 35–38, 48
Луначарский А.В. 381
Лунин М.М. 269
Лунина Н.М. 269
Львов Н.А. 91
Лядов В.И. 13, 14, 19, 70, 115, 116, 126, 127, 130, 137, 139, 203, 259, 385

Магницкий Л.Ф. 105, 112, 218
Магницкий М.Л. 271
Мазанов П.И. 230
Майков П.М. 62, 63, 68, 75, 80, 124
Макеев Н. 175
Маккензи Р. 28
Максимович М.А. 367
Максимович П.П. 308
Малеева В.А. 305, 360
Малиновский Н.П. 35, 333
Малов М.Я. 214
Малоземов Я.И. 116, 127, 130, 164, 171, 337, 338
Малоземова В.Я. 337–338
Мальт-Брен К. 308
Мандилени Л.Я. 393
Манн К.А. 343
Мансурова А. 300
Мансурова В. 300
Мария Александровна, имп. 13, 299
Мария Михайловна, вел. кн. 213
Мария Николаевна, вел. кн. 213, 238, 299, 387
Мария Федоровна, имп. 7, 8, 11, 14, 37, 38, 52, 68, 73, 80, 120, 122–124, 129–133, 137, 141, 143, 145, 146, 150, 151, 154–158, 161, 163–167, 173, 180, 181, 185, 196, 198, 199, 201, 202, 206, 207, 211, 218, 219, 221, 227–229, 231, 232, 234, 240–242, 244, 245, 247, 248, 250, 251, 275–277, 282, 291, 338, 372, 376, 387, 392, 400, 401, 403, 414, 428, 431, 434, 439–441, 444, 445, 447–449

Мартынов И.И. 56, 134, 135, 357
Матинский М.А. 134, 140
Медведникова Е.М. 398
Мельникова Н.П. 31, 113
Менетрие Э.П. 221
Ментенон Ф., де 62–64
Мерзляков А.Ф. 166
Микулинский С.Р. 322
Милюков П.Н. 23, 24, 147, 205
Минте Г., фон дер 76
Мироненко С.В. 59
Михаил Николаевич, вел. кн. 427
Михаил Павлович, вел. кн. 212, 283
Михельсон В.М. 413
Мицюк Н.А. 50, 90, 243, 265
Мишле Ф. 76
Могилянская 270
Модзалевский Л.Н. 22, 23, 128, 132, 159, 160, 185, 202, 203, 229, 262, 270, 429, 434
Мокиевский Н.М. 410
Молчанова Е.И. 83
Мольер Ж.-Б. 236
Монтень М. 70
Мордвинова З.Е. 73, 74, 81, 405
Мухина Н.П. 359

Назина Н.Г. 153
Нашхоева С.Р. 27, 28, 270
Недешев И.Ф. 408
Нелединский-Мелецкий Ю.А. 133, 168, 219, 234, 248
Нелидова В.А. 357, 360
Нелидова Е.И. 83
Нечуя-Каховская А.А. 241
Никитенко А.В. 56, 205, 230, 260, 267, 294, 328, 329, 335, 336, 356, 420–422, 433, 434
Никитенко С.А. 260
Николаев П. 250, 254, 255, 343, 429
Николай I, имп. 8, 13, 44, 52, 192, 212, 218, 231, 234, 275–279, 282, 286, 288, 289, 291, 340, 360, 374, 376, 378, 395, 397, 403, 413, 423, 428, 431, 448
Николай Александрович, вел. кн. 285
Николайчук Д.Г. 146
Никонова В. 246
Никонова Н. 246, 247, 321
Нилова П.М. 352
Нимейер А.Г. 298
Ницкевич С.П. 316
Новиков М.Н. 180
Новиков Н.И. 88, 109
Новицкая А.С. 389
Норов А.С. 277, 338

Ободовский А.Г. 56, 298, 302, 303, 344, 388
Ободовский П.Г. 303, 311, 411
Оболенская С.К. 300
Овсянников А. 283
Огюст-Пуаре Е.В. и М.А. 389
Одоевский В.Ф. 56, 230, 245, 246, 256, 310, 319, 320, 329, 367, 384
Оленин А.Н. 285
Ольга Николаевна, вел. кн. 213, 238, 267, 299, 387
Ольденборгер И.Ф. 318
Ольденбургская Терезия 399
Ольденбургский Петр Георгиевич 320, 338, 373, 374, 376, 379, 381, 384, 386, 387, 396, 400, 412, 448
Оом А.А. 285
Оом А.Ф. 253, 285
Оом М.А. 285
Оом Ф.А. 56, 285
Орлов В.Д. 270
Орлов Г.В. 239
Орлова А.В. 308
Орлова В.Д. 350
Орлова М.В. 308
Оссовский А.А. 367
Островский А.Н. 364
Островский О.Б. 33, 144
Острогорский В. 195
Охочинская Л.Л. 152

Павел I, имп. 123, 439
Павлидис В.Д. 51, 370, 371

Павсаний 105
Пако А.И. 321
Пальменбах Е.А. 132,
Панкратьева Е.С. 155, 166, 204, 355
Паршина В.Н. 144
Пассек Т.П. 264
Пахомов М.С. 76, 101, 105, 110, 111, 113
Певцова С.К. 393
Пенская Е.Н. 33, 150
Перелогов Т.И. 359
Перова Н. 32
Перрет Е.В. 166
Песталоцци И.-Г. 243, 245, 298, 299, 335, 440
Петр I, имп. 62
Петригина В.А. 64, 101
Петров А. 97
Петров Е. 67
Петров Ф.А. 51, 59, 213, 232, 286, 297
Пиетров-Энкер Б. 44–46, 144, 427, 428
Пинкевич А.П. 107
Пирогов Н.И. 226, 286, 317, 432
Плаксин
Платон 105
Плетнев П.А. 37, 117, 187, 213, 214, 223, 224, 246, 308, 309, 356, 374
Плетнева И.Ф. 30
Плеханов Г.В. 350
Плещеев С.И. 123
Победоносцев П.В. 135, 170, 214, 359
Погодин М.П. 359
Погорельский П.Н. 191, 192, 306, 371
Поздняков А.Н. 31
Покровский М.Н. 199, 280,
Полетика Е.И. 106
Полетика П.И. 106
Половцева Е.Н. 415
Полонский Я.П. 103
Помелов В.Б. 32, 144
Пономарева В.В. 16, 115, 139, 182, 209, 295, 348, 359, 365, 369, 395
Попов К.П. 323
Попова Е.А. 426
Попова О.Д. 84
Порфирьева Е.В. 30
Поцци К. 77
Преображенский Г. 268
Приказчикова Е.Е. 90, 91
Прокопович-Антонский А.А. 383
Пугачев Е.И. 80
Пушкарева Н.Л. 33, 50
Пушкин А.С. 222, 223, 300, 301, 307, 366, 390, 412
Пчельников М.И. 384, 385

Радищев А.Н. 93, 104, 241
Радищева А.А. 241, 242
Радищева Ф.А. 241
Раздеришина А.И. 233, 311, 321
Разумовский А.К. 135, 178, 186,
Раич С.Е. 136
Рамазанова А.Н. 279, 356
Расин Ж.-Б. 63, 223, 236
Распопова Н.Н. 15, 62, 77–78, 80
Расчетина С.А. 250
Рашков Н.А. 304
Реньи Ю.А. 182–183
Репин Н.А. 242
Репнин Н.В. 123, 287
Репнина В.А. 178, 186
Ржевская Г.И. 80
Ришард Д.С. 389
Родзянко Е.В. 242, 303, 331
Родзянко С. 408, 412
Рождественский С.В. 24, 25, 59, 84, 86, 117, 292
Романова П.В. 359
Росси, певец 387
Ростовцев Я.И. 277, 307, 374
Ростопчина Е.П. 242, 363
Рубановская Е.В. 83
Руднев Я.И. 108, 200, 308, 309, 414
Рудякова А.Э. 30, 389
Рулье К.Ф. 322
Румянцев Н.П. 163, 186
Рунич В.Д. 218

Рунич Д.П. 218
Руссо Ж.Ж. 70

Сабанеева Е.А. 150
Савич А.В. 265
Савченко Т.А. 64
Саж М. 78
Салтыков И.П. 263
Салтыков Н.И. 153
Салтыков П.С. 68
Салтыков-Щедрин М.Е. 206, 290, 291, 365
Салтыкова Л.Е. 206
Салтыкова Н.Е. 206
Самофалова Е.А. 49
Сафонова А.С. 33
Сахарова Л.Г. 39, 54
Сватиков С.
Свенске К.Ф. 298
Свиньин П.П. 236, 237
Свиньина М.П. 237
Свиридова И.А. 250
Свистунов 282
Селезнев И. 45, 53, 279, 290, 339, 341, 344, 347, 373, 375, 394, 410, 414, 427, 429
Селиванов В.В. 102
Селин А.И. 352
Семенов Д.Д. 14, 15, 77, 81
Семенов-Тян-Шанский П.П. 190, 426
Сендом, де 76
Сердобинская Д. 252
Сеченов И.М. 266
Сидоровский И. 101
Симишина А. 78
Скабичевский А.М. 366
Скальковский К.А. 19
Скворцов И.М. 352
Сливицкий И.А. 316, 360, 361
Смагина Г.И. 96
Смирнов А. 14, 177, 178
Смирнов А.П. 368
Смирнов В.И. 256
Смирнова Е.С. 80–82
Смирнова Л.И. 232
Смирнова-Россет А.О. 29, 54, 55, 149, 192, 22–224, 408
Смольянинова Т.Е. 36
Снегирева Л.Л. 152
Соймонов П.А. 123
Соколов П.П. 285, 357, 358
Соколов П.Ф. 358
Соколова А.И. 190, 246, 356, 408, 418, 419, 424
Соловцова М.С. 426
Соловьев С.М. 359
Солодянкина О.Ю. 50, 147
Соханская Н.С. 318
Спасский Н.А. 148
Срезневский В.И. 178, 429
Стайтс Р. 41– 44, 144
Станчевская Т.С. 54
Стародубцев М.П. 51, 64–65, 153
Старчевский А.В. 239
Стасюлевич М.М. 357, 415
Стерлигова А.В. 55, 302, 303, 366, 387, 409, 410, 416, 417, 419, 420, 423, 424
Стоюнин В.Я. 23, 24, 130, 272, 302
Стоюнина М.Н. 24
Стрелкова А.И. 54
Строганов С.Г. 277
Струминский В.Я. 153, 246
Сухово-Кобылина Е.В. 136
Сухомлинов М.И. 105
Сухтелен П.К. 186
Сухтелен П.П. 186
Сушков Д.К. 242
Сысоева Е.К. 51, 59, 212

Тамбурини А. 387
Таппе А.В. 196
Тарабановская Е.А. 35, 235
Татищев В.Н. 105
Текучева И.В. 102
Теодорович Н.И. 20, 53, 367, 429
Теряев А.М. 107
Теряева В.А. 107
Теряева С.А. 107

Тимаев М.М. 216, 259, 260, 298–302, 304, 311, 337, 344, 357, 416, 420
Тимофеев В. 251, 255, 257, 388
Тимощук В.В. 52, 132, 137
Тимченко В.А. 34
Тимченко-Рубан И.Р. 173
Толстой Д.А. 62, 100, 103, 117
Толстой Ф.П. 266
Трамбицкая М. 192
Траутфеттер Р.Э. 352
Трояновский З.И. 350
Тур Евгения 107
Тургенев И.С. 11
Тушнева Е.М. 264
Тютчев Ф.И. 136, 192
Тютчева Д.Ф. 192
Тютчева Е.Ф. 192

Уваров С.С. 24, 194, 197, 253, 256, 277, 288, 289, 292, 295–298, 326, 333, 340, 374, 445
Угличанинова М.С. 190, 242, 294, 330, 362, 366, 387
Ульрихс Ю.П. 254
Урванов И.Ф. 76
Усачева Р.Ф. 39–41, 150, 335, 390
Успенский Г.И. 11
Устрялов Н.Г. 216, 368
Ушинский К.Д. 13, 14, 17, 22, 25, 43, 44, 191, 246, 368, 401

Фалалеева М.В. 232
Федорова Н.М. 250
Федосова Э.П. 33
Федченко А.П. 306
Федченко О.А. 306
Фелленберг Ф. 298
Фельбигер И.И. 74, 97
Фенелон Ф. 70, 88
Феофанов А.М. 89, 146
Феофилактов К.М. 352
Фёре В.И. 310
Ферри Т. 204
Фет А.А. 300
Фигнер В.Н. 45, 267
Филатова А. 233
Филиппов П.С. 76
Филонов А. 367
Фирсова Н.В. 297
Фишер фон Вальдгейм Г.И. 166
Флота П.И. 361
Фойгт К.К. 349
Фомин 217
Фонвизин Д.И. 86, 87
Фонвизин П.И. 86
Фребель Ф. 243, 371
Фридрих II 79, 80
Фруменкова Т.Г. 27, 30, 31, 94, 145, 252, 269

Хавская А.П. 206
Хавский П.В. 206, 207
Харитонова Г.Г. 241
Хасбулатова О.А. 32
Хвощинская С.Д. 202, 262, 321, 327, 362–364, 366, 369, 392, 409, 424
Херасков А.А. 224
Хижняков С. 93
Хмельницкая О.П. 247, 328
Хорошилова Л.Б. 28, 59, 139, 182, 341, 359, 369
Храповицкий А.В. 123

Цветаев Л.А. 168, 169, 172, 214, 219
Цеймерн Г.А. 285
Целорунго Д.Г. 211
Циолковский К.Э. 321
Цыб С.В. 207

Чаадаев П.Я. 93
Чарторыйский А. 288
Чебышев П.Л. 306
Черепанов Н.Е. 198, 199, 214, 359
Черепанова А.Н. 359
Черепанова Е.Н. 359
Черепанова М.Н. 359
Черепнин Н.П. 19, 21, 37, 62, 68, 72, 82, 96, 98, 117, 124, 126, 127, 129, 131, 138, 140, 142, 143, 192, 194, 201, 227, 231, 241, 260, 264, 265,

269, 270, 295, 296, 299, 326, 337, 346, 382, 383, 395, 396, 413
Чернова А. 63
Чернышев В.И. 25
Чернышевский Н.Г. 419
Чистяков М.Б. 357, 368
Чудинов А.Н. 70
Чумаков В.И. 32
Чумаков Ф.И. 197

Шаумбург И.Х. 357, 374
Шаховские, кн. 356
Шашков С.С. 23
Швиттау В.Я. 319, 320
Шевченко М.М. 218, 265, 288
Шевырев С.П. 368
Шеншина Н. 300
Шереметев Н.П. 260
Шереметев С.Д. 266
Шереметевы 282
Шереметевский В.П. 56, 370
Шилина Т.А. 269
Шипова Д.П. 242
Шипова Е.П. 268
Шипова М.П. 242
Ширинский-Шихматов П.А. 277, 338
Шишкина М. 323
Шмид Е. 59, 106, 205, 216, 240, 355
Шнайдер Н. 93
Шор Е.Ф. 167
Штанько Е.Ю. 426
Штер М.П. 161, 262
Шторх А.К. 212
Штренге А. 139
Штренге Н.А. 139, 241
Штренге Ю.А. 139
Штром В.К. 266
Шувалов И.И. 88
Шулепникова А.С. 242
Шульгин В.Я. 352, 353, 357, 374
Шульман О.П. 222
Шульц Н.П. 268
Шуман Р. 387
Шумигорский Е.С. 341

Щепкин М.С. 364
Щербатов М.М. 93
Щербатова А.М. 93
Щербатова П.М. 93

Эйлер Л. 349
Эйнгорн В. 108, 109
Энгельгардт А.Н. (Вязмитинова) 186
Энгельгардт А.Н. (Макарова) 55, 362, 363, 412, 413, 417–420, 422
Эндерлайн Э. 63, 84, 275
Эртель В.А. 224, 312

Юкина И.И. 34
Юсупов Н.Б. 186

Ягужинский С.П. 134
Языков Н.М. 300
Яковлев П.К. 354
Яковлев П.Л. 370
Яковлев Ф. 76
Янкович де Мириево Ф.И. 96, 99, 100, 102, 103, 109, 110, 118, 119, 124, 126, 188, 381, 411
Яновский А.Д. 59
Яринская А.М. 27

Black J.L. 28
Engel B.A. 37, 43
McKenzie R. 28
Nash C.S. 36
Ryan C.M. 238

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Законодательные акты, документы Ведомства, послания императриц

В Комиссию о учреждении народных училищ, от находящегося при Обществе благородных и Училище мещанских девиц надзирателя Матфея Пахомова, с 27-го ноября по 3-е декабря сего 1783 года известие (Смолянки в 1783 г.) // Русская старина. 1878. Т. XXIII.

Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. СПб., 1764.

Инструкции начальницам женских учебных заведений и членам местных Советов по частям учебной и хозяйственной. СПб., 1855.

Копия с переписки императрицы Марии Федоровны с Луниным, Барановым и Тутолминым, 1812 года // Бумаги Отечественной войны 1812 г. / Сост. П.И. Щукин. Кн. 8. Ч. 8. М., 1904.

Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. 1852 // Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. СПб., 1884.

Письма в Бозе почивающей императрицы Александры Федоровны к начальницам Воспитательного общества благородных девиц. СПб., 1898.

Письма в Бозе почивающей императрицы Александры Феодоровны к начальницам Воспитательного общества благородных девиц // Вестник благотворительности. 1898. № 7–8.

Письма государыни императрицы Марии Феодоровны к почетному опекуну князю Сергею Михайловичу Голицыну. 1811–1828. М., 1885.

Положение об управлении женскими учебными заведениями. СПб., 1845.

Рескрипты императрицы Марии Федоровны к почетному опекуну Юрию Александровичу Нелединскому-Мелецкому за время заведывания им учебною частию в московских училищах: ордена св. Екатерины и мещанских девиц с 1807 по

1812 г. // Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876.

Свод постановлений о общественном воспитании детей мужескаго и женскаго пола в учебных заведениях Российской империи / Сост. И. Пушкаревым. СПб., 1840.

Собственноручное письмо Екатерины II к Вольтеру о выборе пьесы для представления воспитанницами Смольного монастыря // Сборник имп. Русского Исторического общества. Т. XIII. СПб., 1874.

Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного ея величеством государынею императрицей Екатериной Второю, самодержицею Всероссийскою, материю Отечества, и протчая, и протчая, и протчая, маия 5 дня 1764 года в Сарском селе. СПб., 1764.

Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г. С последующими дополнениями, изменениями, циркулярными распоряжениями и предписаниями по 1-е января 1884 г. СПб., 1884.

Воспоминания, дневники, переписка

Аладьина Е.В. Воспоминания институтки. СПб., 1834.

Аникиева С.А. Воспоминания бывшей институтки. СПб., 1899.

[*Армфельд А.О.*] Князь Сергей Михайлович Голицын. Воспоминания о пятидесятилетней службе его в звании почетного опекуна и председательствующего в Московском опекунском совете. М., 1859.

Балобанова Е. Пятьдесят лет назад. Воспоминания институтки. СПб., 1913.

Блудова А.Д. Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. 1872. № 7/8.

Быкова В.П. Записки старой смолянки (императорского В.О.Б.Д.). 1833–1878 гг. Ч. 1–2. Прим. и изд. священника К. Зн-ского. СПб., 1898–1899.

Владимирская Е.Г. Воспоминания бывшей воспитанницы Елизаветы Григорьевны Владимирской, по мужу Шмидт, выпуск 1827 г. ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788.

Воропанова М. Институтские воспоминания // Русская школа. 1902. № 10/11.

[*Галахов А.Д.*] *Сто один.* Из записок человека // Русский вестник. 1878. Т. 135. № 6; Записки человека. М., 1999.

Гарулли В. Институтские воспоминания и стихотворения. Нежин, 1901.

Гиргас Л.Ф. Статс-дама Мария Павловна Леонтьева. Киев, 1895.

Глинка М.И. Записки // Русская старина. 1870. Т. 2.

Глинка С.Н. Записки. М., 2004.

Грот Н. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. СПб., 1899.

Два письма князя В.Ф. Одоевского к Ея императорскому высочеству великой княгине Елене Павловне. СПб., 1898.

Два собственноручные черновые письма Екатерины II к воспитаннице Смольного монастыря А. Левшиной, впоследствии княгине Черкасской. 1771–1773 // Сб. РИО. Т. XIII. СПб., 1874.

Дневник графа Бобринского, веденный в Кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границею // Русский архив. 1877. № 10.

Долгорукий И.М. Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни. М., 1890.

[*Донаурова А.*] Как я поступила в Смольный монастырь. Рассказ со слов бабушки Людмилы Лукиничны Снегиревой, урожденной Охочинской // Исторический вестник. 1903. Т. 91. № 1.

Залога М.В. Из воспоминаний об институтской жизни. Воронеж, 1906.

[Игнатьева О.] Нечто, или взгляд на Тобольск. Письмо институтки из Т. … М., 1847.

Из неизданной переписки В.Г. Белинского. Письма его к невесте с предисловием П.Н. Милюкова // Почин. Сб. Общества любителей российской словесности на 1896 год. М., 1896.
Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // Семейные вечера. 1873. № 2–5.
Ковалевская Н. Воспоминания старой институтки. СПб., 1898.
Лаврентьева С.И. Пережитое (из воспоминаний). СПб., 1914.
Лазарева А. Воспоминаний воспитанницы Патриотического института дореформенного времени // Русская старина. 1914. № 8.
Левицкая Ф. Из воспоминаний о московском Александровском институте // Исторический вестник. 1900. Т. 81. № 9.
Манн К.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1917. Т. CXLVII. № 1.
Мартынов И.И. Записки И.И. Мартынова // Памятники новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов, изд. В. Кашпиревым. Т. II. СПб., 1872.
Муханова М. Воспоминания // Тайны царского двора (из записок фрейлин). М., 1997.
Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник. 1804–1877. Т. 1. СПб., 1904; Дневник. Т. I–III. М., 1955.
Новоселова Е.М. Воспоминания 50-х годов. Памяти отца // Русская старина. 1911. Т. 148. № 10.
Полетика П.И. Мои воспоминания // Русский архив. 1885. Кн. 3. Вып. 11.
Половцева Е. Екатерининский институт полвека назад (из воспоминаний бабушки). М., 1900.
Оом Ф.А. Воспоминания Федора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896.
Письмо к иногороднему приятелю о сельском празднике, данном воспитанницам Екатерининского института Александром Петровичем и Александрой Александровной Скворцовыми. М., 1822.
Раздеришина А.И. Приятные воспоминания и очерки институтской жизни Настасьи Ивановны Соколовой, урожденной

Раздеришиной, бывшей воспитанницы в Мариинском институте в 1839 до 1845 г. ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788.

Рамазанова А.Н. Елизаветинский институт 1849–1854 годов // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. М., 2001.

Ржевская Г.И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской, первой воспитанницы Смольного монастыря // Русский архив. 1871. № 1; Памятная записка // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., комм. В.М. Бокова, Л.Г. Сахарова. М., 2001.

Смирнова-Россет А.О. Записки (неизданные исторические документы). Из записных книжек 1825–1845 гг. С прим. О.С. (дочери к воспоминаниям матери) // Северный вестник. 1893. № 6; Дневник. Воспоминания / Подг. изд. и комм. С.В. Житомирской. М., 1989.

Соколов П.П. Воспоминания академика П.П. Соколова // Исторический вестник. 1910. Т. CXXXI.

Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1914. Т. CXXXV. № 3.

[*Соколова А.*] Из воспоминаний смолянки // Вестник всемирной истории. 1901. № 5–6

Соколова А.И. Маленькая польская графиня и маленькая русская княжна // Исторический вестник. 1910. Март. Т. 119.

Соханская Н.С. (Кохановская) Автобиографическое письмо Н.С. Соханской к петербургской приятельнице // Русский архив. 1885. № 4.

Соханская Н.С. Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской). М., 1896. Отд. отт. из «Русского обозрения», 1896.

Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., комм. В.М. Бокова, Л.Г. Сахарова. М., 2001.

Стрелкова А.И. История моей жизни. 1790–1852 гг. // Прохорова Н.Ф. Россия конца XVIII — середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой. Т. 1. Самара, 2014.

Угличанинова М.С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов (посвящается воспитанницам Смольного монастыря) // Русский вестник. 1900. Т. 269. № 9–10.

Хвощинская С.Д. Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 9–10.

Хмельницкая О.П. Воспоминания бывшей воспитанницы Ольги Петровны фон Шульман, ур. Хмельницкой. ЦГИА. Ф. 414. Оп. 3. Д. 788.

Черевина С. Воспоминания воспитанницы XVIII выпуска Софии Черевиной, по замужеству Родзянко от декабря 1847 по конец февраля 1853 г. СПб., 1898.

Шаликов П.И. Екатерининский институт // Сочинения князя Шаликова. Ч. 1. М., 1819.

Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени (из воспоминаний старой институтки) // Заря. 1870. № 8–9; Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., комм. В.М. Бокова, Л.Г. Сахарова. М., 2001.

Яковлева П.К. Луиза Федоровна Вистингаузен. Начальница Патриотического института // Русская старина. 1871. Т. 3. № 3.

Публикации в периодической печати

XVII выпуск из Воспитательного общества благородных девиц (обыкновенно Смольным монастырем называемого) и некоторые сведения о сем знаменательном заведении // Отечественные записки. 1821. Ч. 5. № 11.

Александринский институт воспитания благородных девиц в Варшаве // ЖМВД. 1842. № 4–12.

Балатировка в училище Ордена св. Екатерины // Отечественные записки. 1820. № 2.

Беседа в день совершившегося пятидесятилетия от учреждения Екатерининского института благородных девиц, говоренная в Екатерининской церкви 10 февраля 1853 г. синодальным членом, Филаретом, митрополитом московским // Московские ведомости. 1853. № 24.

Выписка из отчетов заведений, входящих в состав управления учреждений императрицы Марии за 1829 г. // ЖМВД. 1830. Кн. 3.

Выпуск воспитанниц императорского Воспитательного общества благородных девиц // Звездочка. 1842. Ч. 2. № 4.

Екатерининский институт (в Москве). Впечатления автора при посещении института // Московский зритель. 1806. Август.

Из Казани [Открытие Казанского Родионовского института] // Московские ведомости. 1841. № 82.

Императрица Мария // Современник. 1836. Т. 1.

Институт благородных девиц в Киеве // ЖМВД. 1855. № 1.

Корсини М. Юбилей (50-летие петербургского Екатерининского института) // Русский инвалид. 1848. № 131.

Краткий отчет по учебным и благотворительным заведениям, состоящим под высочайшим покровительством и непосредственным управлением Ея величеством государыни императрицы за 1840 год // ЖМВД. 1841. № 10.

Ливрон К.Ф., де. Катанье девиц Смольного монастыря // Русская старина. 1872. № 5. Т. 5.

Любимов П. Письмо к издателю (публичный экзамен в петербургском Екатерининском институте) // Северная пчела. 1844. № 205.

Мариинский Донской институт благородных девиц // ЖМНП. 1852. Ч. 80. Отд. VII.

О выпуске девиц Екатерининского института // Дамский журнал. 1828. Ч. 22. № 9.

О новоучрежденном женском училище по методе взаимного обучения в Петербурге [Еленинский институт] // Журнал департамента народного просвещения. 1821. Ч. 3.

О пожертвовании движимого и недвижимого имения в пользу Одесского института благородных девиц отставным полковником Куртом // ЖМНП. 1837. № 4.

О публичном испытании кандидаток, происходившем в императорском Московском Воспитательном доме мая 21-го дня // Дамский журнал. 1827. Ч. 18. № 12.

Об учреждаемом в Тамбове Александринском институте благородных девиц // ЖМВД. 1841. № 1, 10.

[*П.И.*] Торжественный акт Закавказского института благородных девиц // Закавказский вестник. 1845. № 15. Неофиц. часть.

Первый выпуск из Тамбовского Александринского института благородных девиц // Тамбовские губернские ведомости. 1846. № 36.

Подробное описание учрежденного в Полтаве института для благородных девиц и торжественное его открытие в 12 день декабря 1818 года // Сын Отечества. 1819. № 30. Ч. 55.

Поучение воспитанницам Одесского института благородных девиц, окончившим курс учения, произнесенная протоиереем Н. Соколовым. 1 июля 1840-го г. // Одесский вестник. 1840. № 54.

Прощальная речь к воспитанницам Одесского института благородных девиц // Одесский вестник. 1838. № 54.

Пятидесятилетие Московского училища ордена св. Екатерины // ЖМНП. 1853. Март; Московские ведомости. 1853. № 27.

Состояние учебных и благотворительных заведений, находящихся под высочайшим покровительством и непосредственным управлением Ея величества государыни императрицы за 1842 // ЖМВД. 1844. Ч. 5.

Третий выпуск воспитанниц Одесского института благородных девиц // Одесский вестник. 1836. № 34.

Учебные и благотворительные заведения, состоящие под непосредственным управлением и высочайшим покровительством Ея императорского величества // ЖМНП. 1836. № 11.

Училище ордена св. Екатерины (Пятидесятилетний юбилей 1-го июня 1848 г.) // Иллюстрация. 1848. Т. 6.

Учреждаемый в Феодосии Кушникова институт благородных девиц // ЖМВД. 1841. № 1, 10.

Учреждение Киевского института благородных девиц // ЖМНП. 1834. № 12.

Юбилей в Екатерининском институте // Московские губернские ведомости. 1853. № 8. Отд. 2. Часть неофиц.

Исторические очерки, посвященные отдельным институтам

Авенариус Н.П. Исторический очерк Белостокского института благородных девиц. 1841–1891 гг. Белосток, 1891.

Бардовский А.Ф. Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 гг. СПб., 1913.

Венгловский А. Исторический очерк 50-летия Павловского института. СПб., 1879.

Верещагин П. Исторический очерк по Тамбовскому Александринскому институту благородных девиц 1843–1893 гг. // Тамбовская ученая архивная Комиссия, Тамбов, 1893. Вып. № 38.

Георгиевский Г.П. Московский Александровский институт. 1805–1806 гг. М., 1905.

Говоров Д. Историческая записка о Керченском Кушниковском девичьем институте с основания его в 1835 до 1885 г. Керчь, 1912.

Домовая церковь во имя св. мученицы царицы Александры, что при Казанском Родионовском институте благородных девиц. Казань, 1891.

Жебылев Н. Краткий ист. очерк деятельности Харьковского института благородных девиц за 100 лет его сущ. (с 1812 по 1912 г.). М., 1912.

Захарченко М.М. Исторический очерк педагогических классов Санкт-Петербургского Александровского института. 1848–1898 гг. СПб., 1898.

Захарченко М.М. История Киевского института благородных девиц. 1838–1888 г. Киев, 1889.

Историко-статистическое описание Белостокской Александро-Невской церкви института благородных девиц / Сост. настоятель Белостокской институтской церкви священник М.Л. Романовский. Вильна, 1896.

Историческая записка о московских училищах Ордена св. Екатерины и Александровском / Сост. по имеющимся в канце-

лярии Местного совета документам под наблюдением и руководством члена онаго по хозяйственной части. М., 1875.
Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I. Первое пятидесятилетие. 1845–1895. Иркутск, 1896.
Исторический очерк Павловского военного училища Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-Сиротского дома. 1798–1898 гг. СПб., 1898.
К истории Полтавского Елизаветинского института благородных девиц (1819–1820 гг.) // Полтавские епархиальные ведомости. 1890. № 16.
Карцов Н.С. Мариинский институт. 1797–1897. Исторический очерк. СПб., 1897.
Карцов Н.С. Несколько фактов из жизни Санкт-Петербургского училища Ордена св. Екатерины. Ко дню его столетнего юбилея. СПб., 1898.
Краткий Исторический очерк пятидесятилетия Одесского института благородных девиц. Одесса, 1879.
Лядов В.И. Исторический очерк столетней жизни императорского Воспитательного общества Благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища. СПб., 1864.
Мазанов П. Полтавский институт благородных девиц. 1818-1898. Архивные справки. Полтава, 1899.
Макеев Н. Краткий исторический очерк образования Патриотического института. СПб., 1877.
Материалы для истории императорского Воспитательного Дома. М., 1914.
Модзалевский Л.Н. Императрица Мария Федоровна и ее первый женский институт (из истории Санкт-Петербургского Мариинского института). СПб., 1894.
Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. Прил. к изд. Пятидесятилетие IV Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1828–1878. СПб., 1878.

Мордвинова З.Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764-1796) // Исторический вестник. 1914. Кн. 6. Т. CXXXVI.

Московское училище ордена св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк / Сост. по поручению Совета училища комиссией преподавателей под общей редакцией инспектора классов В.А. Вагнера. М., 1903.

Николаев П.А. Исторический очерк Московского Николаевского Сиротского института 1837–1887 гг. (за 50 лет его существования 1837–1887 гг.). М., 1887.

О Харьковском институте благородных девиц // Украинский журнал. 1824. Ч. 3. № 18–21; О Харьковском институте благородных девиц, состоящем под главным начальством Ея величества государыни императрицы Марии Федоровны. Харьков, 1826. Отд. отт.

Панкратьева Е. Санкт-Петербургское училище ордена св. Екатерины (Екатерининский институт). 1798–1898. СПб., 1899.

Первая страничка из истории Полтавского института благородных девиц / Сост. по документам архива Полтавского института // Киевская старина. 1900. № 11.

Р[аспопо]ва Н. Хроника Смольного монастыря в царствование императрицы Екатерины II. К 100-летнему юбилею императорского Воспитательного общества благородных девиц. СПб., 1864.

Семенов Д. Столетие Смоленского монастыря. По поводу книг г. Лядова «Исторический очерк столетней жизни Смольного» (СПб., 1864) и Нины Р-ой «Хроника Смольного монастыря в царствование императрицы Екатерины II» (СПб., 1864) // Отечественные записки. 1864. № 5.

Склабовский А.В. О Харьковском институте благородных девиц, состоящем под главным начальством Ее величества государыни императрицы Марии Федоровны. Харьков, 1826.

Смирнов А. Пятидесятилетие Санкт-Петербургского Елисаветинского училища, бывшего Дома Трудолюбия. СПб., 1858.

Снежневский В.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц. 1852–1902. Сост. по поручению нижегородского дворянства и Мариинского института. Нижний Новгород, 1902.

Спасский Н.А. Празднование юбилея Казанского Родионовского института благородных девиц. 1841–1891. Казань, 1891.

Срезневский В.И. Исторический очерк Санкт-Петербургского Елисаветинского института. 1808–1908 г. СПб., 1908.

Темномеров В. История церкви во имя св. великомученицы Екатерины при сантпетербургском училище ордена св. Екатерины. СПб., 1901.

Теодорович Н.И. История Саратовского Мариинского института благородных девиц. 1854–1916. Саратов, 1916.

Тимофеев В. 50-летие Санкт-Петербургского Николаевского Сиротского института. 1837–1887 гг. Исторический очерк. СПб., 1887.

Хорошунов Ф. Киевский институт благородных девиц и институтская Александринская церковь // Киевские епархиальные ведомости. 1884. № 10. Отд. неофиц.

Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. Т. 1–3. СПб., 1914–1915.

Штер П.М. Записки почетного опекуна д.с.с. Штера о московских училищах ордена св. Екатерины и Александровском, об Александринском Сиротском институте и московской Мариинской больнице для бедных. М., 1838.

Шульгин В.Я. Киевский институт благородных девиц с 1831–1871 гг. Киев, 1871.

Шумигорский Е.С. Павловский институт (1798–1898). СПб., 1898.

Дореволюционные труды

Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.

Бюлер Ф.А., Тимощук В.В. Императрица Мария Феодоровна в ее заботах о Смольном монастыре. 1797–1802 // Русская старина. 1890. Т. 65. № 4. С. 809–832.

Вилламов Г.И. Хронологическое начертание деяний блаженной памяти государыни императрицы Марии Феодоровны в пользу состоявших под высочайшим ее покровительством заведений. СПб., 1836.

Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. включительно. СПб., 1849.

Воронов А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г. СПб., 1854.

Дабижа В.Д., кн. По поводу пепиньерских классов при женских институтах Ведомства учреждений имп. Марии. СПб., 1886.

Демков М.И. Очерки по истории русской педагогики. М., 1917.

Каптерев П.Ф. История педагогики. Курс лекций. Ижевск, 1996; История русской педагогики. Пг., 1916.

Ключевский В.О. Два воспитания // Ключевский В.О. Сочинения. Т. IX. М., 1990.

Лаппо-Данилевский А.С. И.И. Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904.

Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России: В 4 т. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1901.

Майков П.М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904.

Малиновский Н.П. Очерки по истории женского среднего образования в России // Русская школа. 1914. № 9–10.

Обозрение учреждений императрицы Марии в двадцатипятилетие, с 1838 по 1853 гг. СПб., 1854.

Первая страничка из истории Полтавского института благородных девиц // Киевская старина. 1900. Т. LXXI. Ноябрь.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России XVIII–XIX вв. Т. 1. СПб., 1912.

Руднев Я.И. География в школе. Вопросы преподавания и методики географии в средней и народной школе. Сб. 1. СПб., 1913.

Селезнев И. Пятидесятилетие IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1828–1878. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии. СПб., 1878.

Стоюнин В.Я. Образование русской женщины (по поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. СПб., 1892.

Толстой Д.А. Городские училища в царствование императрицы Ека*т*ерины II // Сб. Отд. русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. 41. СПб*.,* 1887.

Чернова А. Сен-Сирский институт как прототип наших женских закрытых заведений // Женское образование. 1878. № 6/7.

Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878.

Шумигорский Е.С. Ведомство учреждений императрицы Марии. 1797–1897 гг. СПб., 1897.

Эйнгорн В. Преподавание истории в московском Главном народном училище (1786–1802) // Сб. статей, посвященных В.О. Ключевскому. Ч. II. М., 1909.

Энгельгардт Е.А. Императрица Мария Федоровна в богоугодных ее заведениях. СПб., 1832.

Список сокращений

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
Сб. РИО — Сборник Российского исторического общества
ПСЗ–1,2 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1, 2.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Петербург
ЦГА г. Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив, г. Петербург

Пономарева Варвара Витальевна

Закрытые женские институты
Российской империи. 1764–1855

Начало формирования
отечественной системы женского образования

Подписано в печать 29.08.2019. Формат 60×84/16
Гарнитура Arial Narrow. Бумага офсетная.
Объем 27,9 усл.печ.л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в тип. CLUB PRINT.
127018, г. Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1